

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СОКРАЩЕНІЕ
ИСТОРИИ
О
СТРАНСТВІЯХЪ
ВООБЩЕ.

Часть VI.

ИСТОРИЯ
О
СТРАНСТВИЯХЪ
ВООБЩЕ

ПО ВСѢМЪ КРАЯМЪ ЗЕМНАГО КРУГА,

сочиненія

ГОСПОДИНА ПРЕВО,

сокращенная

новѣйшимъ расположеніемъ

чрезъ Господина Ла-Гарпа,

ЧЛЕНА

ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ,

содержащая въ себѣ

Достойнѣйшее примѣчанія, самое полезнѣйшее
и наилучшимъ доказанное образомъ въ спра-
вахъ свѣща, до коихъ достигали Европейцы;
онравахъ оныхъ жишелей, о вѣрахъ, обычаяхъ,
наукахъ, художествахъ, шорговлѣ
и рукодѣліяхъ, съ приобщеніемъ

Землеописательныхъ чершежей и из-
ображеній вещей любопытныхъ.

Часть VI.

На Россійской языкъ переведена 1783 года
Дмишровскаго уѣзда гѣ сельцѣ Михалевѣ.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,
1783 года.

KE 39497 (6)

✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 4 1965

СОКРАЩЕНІЕ ИСТОРІИ
О
СТРАНСТВІЯХЪ ВООВЩЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АЗІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВОСТОЧНОЙ КРАЙ ИНДИИ.

ГЛАВА I.

Царства: Арраканское, Пегуанское, Ацемское и Кохинхинское.

Теперь переходимъ мы съ шобою, чиншасель, въ страны Индіи, находящіяся за рѣкою Гангесомъ. Остановимся въ царствахъ Арраканскомъ, Пегуанскомъ, Ацемскомъ и Кохинхинскомъ.

Арраканъ.

Часть VI,

А 3

хин-

хинскомъ. Соберемъ нѣсколько примѣчаній, и попомъ долѣе задержимся въ Тонквинѣ и Сіамѣ: спранствовашии проспраннѣ обѣ нихъ писали, да и болѣе найдемъ тамъ достойнаго любопытства.

Переправясь чрезъ Бенгальской заливъ и устья рѣки Гангеса, плавашии приспашутъ къ землѣ, мало посѣщаемой Европейскими судами, ради мѣлководія и неудобныхъ мѣстъ къ якорной спойкѣ; имя однако же сей земли поставлено во всѣхъ описаніяхъ спранствовашихъ.

Даніиль Шельдонъ, шорговой прикащикъ одной Аглинской таможи, со тщаніемъ описавъ все заслужившее его вниманіе, отдалъ Овингтону, сѣхавшись съ нимъ въ Сурашъ, а сей издалъ оное въ свѣтъ.

Земля называется царствомъ Арраканскимъ, или Орраканскимъ. Граничитъ къ Сѣверо-Западу съ Бенгальскимъ царствомъ, коего самой ближней

ній къ ней городъ есть Шаписамъ ;
къ Югу и Воспоку съ царствомъ Пегу-
анскимъ ; къ Сѣверу съ царствомъ
Ава. По морскому берегу прости-
рается до мыса Ниграесъ. Впрочемъ
шрудно съ почностію назначить ея
рубежи. Разширялась она и сбужа-
лась разными побѣдами и побѣждені-
ями своими.

Столица зовется Арраканъ , дав-
шая имя всей землѣ. Находится по
средины долины около пятнашцапи
миль во окруженіи. Горы высокія
ушесной крутизны, обходящія вокругъ,
служатъ естественнымъ городу укрѣ-
пленіемъ , защищается однако же зам-
комъ. Мимо его протекаетъ немалая
рѣка , раздѣляющаяся на множество
малыхъ рукавовъ , перерѣзываетъ она
улицы , къ особымъ выгодамъ жите-
лей. Рукава сіи соединяются на дру-
гомъ краю города , кошорой отсто-
итъ отъ моря въ сорокъ , или пяти-
десяти миляхъ. Помою двумя боль-
шими рукавами впадаетъ въ Бенгаль-
ской заливъ : одинъ при Ориешанъ , а
А 4 дру-

другой при Добазі: два урочища, могшія бы бытъ спокойными морскими приспанищами, но чрезмѣрно великіе имѣютъ морскіе приливы, а паче въ полнолунія; суда съ крайнею опасностію приспаютъ.

Дворецъ Царя занимаетъ обширное мѣсто. Утвержденъ на сваяхъ толстыхъ и высокихъ, или лучше на цѣлыхъ деревьяхъ, убранныхъ золотомъ. Слѣдныя комнаты покрыты досками сандаловыми, красными и бѣлыми, и деревомъ, называемымъ орлинымъ. На срединѣ Дворца великая храмина, которой имя золотая, да и въ самомъ дѣлѣ украшена вездѣ симъ металломъ. Доспайна смолренія: сѣнь изъ чистаго золота, кругомъ обвѣшана золотыми же слисками, похожими на сахарныя головы, каждой около сорока фунтовъ. Окружаютъ ее многіе золотыя же испуканы, въ ростъ человѣческой, правда, что пустые внутри, но въ два пальца толсты. Унизаны безчисленнымъ множествомъ яхонтовъ, изумрудовъ, сапфировъ и алмазовъ

не-

необычайной величины. Все то виситъ у испукановъ по лбамъ и на грудяхъ; руки и пояса унизаны. По срединѣ же сей храмины поставленъ чешвероугольной золотой сундукъ, въ два фута шириною, а на немъ золотой же сундукъ, осыпанной драгоценными камнями. Заперты въ немъ два славныя яхонтовыя пресида, или серьги, длиною въ человеческой мизинецъ, на одномъ концѣ въ куриное яйцо подсыхы. Сии два камня производили многія кровавыя войны и между многими Царями, не только для того, что имѣющій ихъ въ рукахъ имѣеть и право первенства надъ прочими Царями. Тогда пользовавщіеся симъ правомъ Арраканскіе Цари носили ихъ по одинажды въ жизнь, что есть въ день возшествія своего на престолъ.

Въ городѣ Арраканѣ шесть сотъ капищей. Дворецъ стоитъ на берегу великаго озера, на коемъ великое же число малыхъ острововъ, на коихъ живутъ Родены, или шамоніе

А ;

шніе духовные. Озеро покрывается всегда плодами, привозящими нужное для жизни гражданъ. Не подходятъ къ берегу по тому, что между имъ и озеромъ проведена плошина, не столько ради случающихся наводненій, какъ для того, чтобъ непріятели, когда онъ подступитъ подъ городъ, и съ жишеями запопиль было можно.

Рукавъ рѣки, текущей къ Оріепану, представляется пріятнымъ зрѣлищемъ: по обоимъ берегамъ всегда зеленѣющіяся деревья, коихъ вершины взаимно соединяются, всегда покрыты павлинами и обезьянами, скачущими съ вѣтви на вѣтвь. Городъ Оріепанъ, хотя шрудно приспавать къ нему судамъ, наполненъ торговыми людьми изъ Пегу, Кипая, Японіи, Малаки, Малабарскаго берега и изъ некоторыхъ Могольскихъ областей. Начальствуешь въ немъ Царской намѣстникъ, жалуемой въ сіе достоинство въ день возшествія на престолъ всякаго Царя, который своими руками возлагаетъ ему на голову діадиму,

диму, именуя его Царемъ, ради того, что городъ Ориетанъ есть столица двенадцати Арраканскихъ областей. Близъ города гора Наумъ, а по ней также слышеть и недалекое отъ ней озеро. Важныхъ преступниковъ, по обрѣзаніи пять, ссылають на нее въ ссылку. Гора сія, утесной крутизны. Дикихъ звѣрей безчисленное имѣеть множество.

Минуя мысъ Ниграесъ, достигаютъ въ Сиріамъ, почитаемой нѣкоторыми послѣднимъ Арраканскимъ городомъ, хотя другіе полагають его въ царствѣ Пегуанскомъ. Въ сей-то городъ вошелъ Арраканскій Царь съ побѣдоноснымъ своимъ войскомъ по расхищеніи города Тангута, принадлежавшаго Царю Брамаскому, и получивъ въ добычу, кромѣ несметныхъ богатствъ, благого слона и вышеупомянутые два яхонта. Сиріамъ нынѣ въ упадкѣ. Прежде былъ столицею царства и мѣстомъ пребыванія Царя. Видны еще ошпаки толстой каменной стѣны, кою обнесенъ былъ сей городъ.

Всѣ

Всѣ Индѣйскія малыя царства вообще подвержены частымъ переменамъ. Жители самое то почитаютъ шлепною красою, что мы почитаемъ безобразіемъ. Любятъ широкіе и вдавившіеся лбы; ребятамъ, какъ скоро родятся, привязываютъ ко лбамъ свинцовыя бляхи; чтобъ ноздри были широки и поднялись къверху; чтобъ глаза были самые малые съ острыми взорами; чтобъ уши доспадали до плечъ, какъ у Малабарцовъ. Любимой ихъ цвѣтъ на одеждахъ и въ домашнихъ приборахъ темнобагряной.

Капища строятъ какъ наши колодьяны. Зимю надѣваютъ на идоловъ теплое платье, чая за то въ свое время награды. По однажды ежегодно бываетъ у нихъ великой праздникъ Саксапаранъ въ честь идола Квіай-Пора. Возятъ его на превеликой шелегѣ, послѣдуемой отъ девятности человекъ жрецовъ въ желтыхъ апласныхъ одеждахъ. Набожные люди ложатся на дорогѣ, чтобъ переѣхала чрезъ нихъ шелега, или колютъ себя

осира-

оспроконечными желѣзцами, и кровью своею обрызгивающѣ идола. Тѣ, коихъ не шакъ велика вѣра, за счастье вмѣняющѣ, естли могутъ достать себѣ хотя одну каплю такой крови. Желѣзцы, коими колются набожные люди, съ особымъ почтеніемъ, шакъ какъ у насъ мощи, хранятся въ капищахъ.

Царь Арраканской есть изъ самыхъ мочныхъ владѣльцовъ въ Азіи. Государственное правленіе ввѣрено двенадцати Князямъ, называющимся Царями. Живущѣ въ главныхъ городахъ своихъ областей. Дворцы ихъ великолѣпны. Серали многочисленны, въ коихъ воспитываютъ молодыхъ красавицъ и для своего самодержца. Каждой такой правитель, или второй степени Царь, по всякой годъ избираетъ двенадцать малолѣтнихъ дѣвокъ, содержитъ ихъ и научаетъ до двенадцатилѣтняго возраста, потомъ надѣваетъ на нихъ бумажное бѣлое платье, спановишъ на солнце, чпобъ напипалась одежда ихъ потомъ. Одеж-

ды

ды сіи подносятъ самодержцу, который каждую одну за другой нюхаетъ, и послѣ назначаетъ, которую дѣвку взять къ себѣ, а прочихъ даритъ своимъ придворнымъ.

Государь сей такъ себя именуетъ:
 „ Пакода, или Императоръ Арракан-
 „ ской, владѣтель бѣлаго слона и двухъ
 „ серегъ, коихъ по праву владѣтель
 „ же и законной наслѣдникъ царствъ
 „ Пегуанскаго и Брамаскаго; само-
 „ держецъ двенадцати Бенгальскихъ
 „ обласей, двенадцати Царей, под-
 „ гигающихъ главы свои подъ подош-
 „ вы ногъ моихъ. „

Мѣсто пребыванія его столичной городъ Арраканъ. Два лѣтніе мѣсяца на каждой годъ проводитъ онъ въ путешествіи со всѣми своими вельможами къ Орешану, въ такихъ спокойныхъ и преукрашенныхъ ладьяхъ, что всѣ онъ вмѣстѣ кажутся плывущимъ городомъ.

Пегу. Шельдону же должны мы свѣдѣніемъ о знаменишомъ царствѣ Пегуанскомъ;

скомъ, коего внутренность мало намъ еще извѣстна.

Межуешь къ Сѣверу съ царствами Брамаскимъ, Сіаммонскимъ и Каламингамскимъ; къ Западу съ Прескими горами, раздѣляющими его съ царствомъ Арраканскимъ и Бенгальскимъ проливомъ, коего принадлежатъ ему берега отъ мыса Ниграесъ до города Тавай; къ Востоку съ Лаоскою областію; къ полудни съ царствомъ Сіамскимъ. Но сіи рубежи не суть непремѣнные, въ разсужденіи непрестанныхъ новыхъ завоеваній и непрестанныхъ также уроновъ. Въ концѣ послѣдняго предъ симъ столѣтія одинъ изъ Пегуанскихъ Царей далеко ихъ распроширилъ, наложивъ даже и на самыхъ Сіамцовъ дань. Но слава сія прешла скоро: преемники его заставлены были довольствоваться предѣлами своихъ предковъ.

Рѣкъ много, но главная выхсидишь изъ озера Шіама, течеть до моря не меньше чепырехъ и пяти сотъ миль;

милъ, зовется по имени царства Пегу. Равлишіемъ своимъ на припущанъ милъ по берегамъ, также какъ рѣка Нилъ, упучняетъ землю, оставляя по себѣ жирной илѣ, дающій обильныя пажити. Сарацинское пшено родится въ невѣроятномъ количествѣ.

Главное богатство царства сего состоитъ въ драгоценныхъ камняхъ, какъ - то яхонсахъ, топазахъ, сапфирахъ, аметистахъ; всѣ сіи камни именуются шамъ яхонсами съ различіемъ цвѣтовъ: сапфиры синими, аметисты фіолетовыми, топазы желтыми яхонсами. Но одними яхонсами безъ прилагательнаго имени называемые суть камни прозрачные, яркаго алаго цвѣта, по краямъ и близь поверхности имѣющіе въ себѣ цвѣтъ фіолетовой, какъ аметисты. Къ тому прибавляетъ Шельдонъ, что мѣста, на коихъ большіе другіхъ найдяиъ сіи камни, суть: гора, недалекая отъ города Каблана, между Сиріамомъ и Пегу, а горы прочія шянутся отъ царства Пегуанскаго до царства Камбайскаго.

Пегу-

Пегуанцы люди развращенныхъ нравовъ, паче нежели всѣ иные Индѣйцы. Женщины ихъ не знающъ ни въ чемъ стыда. Ходящъ почти наги, опоясываясь видными насквозь занавѣсками. Шелдону сказывали нѣкоторыя изъ нихъ, что такъ одѣваться завела въ обычай одна изъ древнихъ ихъ Царицъ для того, чтобы удерживать наглость мужчинъ непрестаннымъ подстреканіемъ плоти ихъ.

Всякой Пегуанецъ покупаетъ себѣ жену и даетъ за нее выводъ ея родственникамъ, къ которымъ и отсылаетъ ея наскучивъ. Жены пользуются шѣмъ же правомъ, возвративъ мужьямъ заплаченной за нихъ выводъ. Трудно иностранцамъ не развратиться примѣрами жителей. Отцы навязываютъ имъ дочерей своихъ изъ найма на день, мѣсяцъ, или болѣе. По отбѣздѣ ихъ перебираются жить по прежнему къ отцамъ, которые ищутъ для нихъ новыхъ мужей. Иностранецъ, бывший такимъ образомъ женатъ, если прѣдетъ и найдетъ

Часть VI. В жену

жену свою за другимъ, можетъ ее себѣ требовать, а сей ему и уступаетъ съ тѣмъ, чтобъ по отбытіи его изъ земли опять ее ему опидать.

Признаюшъ, два начала: доброе и злое. Покланяюшся и шому и другому въ болѣзняхъ и бѣдахъ. Прежде моляшся послѣднему. Возлагаюшъ на себя обѣщанія и съ точностію то исполняюшъ. Жрецы сказываютъ имъ чѣмъ угодить могутъ злomu духу и управляютъ ихъ суевѣріемъ. Всякое исполненіе обѣщанія начинается пирушкою съ пляскою и музыкаю, потомъ или бѣгаютъ ушромъ по улицамъ, держа въ одной рукѣ сарацинское пшено, а въ другой зажженной свѣщильникъ, зовушъ во все горло злаго духа, чтобъ шелъ ѣсть пшено и за то не вредилъ уже ихъ въ день шомъ; или бросаюшъ себѣ чрезъ голову для него же какую нибудь пищу. Живушъ въ непрестанной боязни, чтобъ не надвлялъ имъ пакосшей. Увидѣвъ человека въ харѣ, бѣгушъ отъ него опрометью, пріемля его за черта, кошорой

второй нарочно вышелъ изъ ада, чтобъ ушашить ихъ шуда съ собою. Тавайскіе граждане первые при мѣсяца новаго года выславливающъ предъ домами своими разныя снѣди для злаго духа, задабривая его, чтобъ далъ имъ чрезъ шощъ годъ покой.

Есть у нихъ родъ монаховъ, называющихся, также какъ и въ Сіамѣ, Таапуанами; въ великомъ почшеніи у народа; кормящяся подаяніемъ; пьютъ съ благоговѣніемъ воду, которою мыли они руки. По улицамъ ходящъ осанисто въ долгихъ одеждахъ, подпоясываясь кожанымъ ремнемъ въ чепыре пальца шириною. На поясу виситъ сумя, куда кладущъ милоспину. Обишашъ въ лѣсахъ, дѣлая для себя кѣшки на вершинахъ древесъ, боясь шигровъ, коихъ шамъ множество. Въ каждое новодуніе ходящъ по городамъ сказывашъ поученія. Народъ созывашъ звономъ въ колокольчикъ, или сплуча въ мѣдную лахань. Преподающъ нѣкошорыя правила естешвеннаго закона, кошораго одного по мнѣ-

нію ихъ довольно къ полученію награды по смерти. Ученіе, обязующее по меньшей мѣрѣ Пегуанцовъ благодѣтельствовашь иностранцамъ и сноситъ между собою обращенныхъ въ Христіанскую вѣру. Умирающихъ монаховъ хороняшть отъ общества. Кладушть костры изъ дорогихъ деревьевъ и на нихъ шѣла ихъ сожигаютъ. Смешаютъ прахъ и бросаютъ въ рѣку, а кости зарываютъ при корнѣ того дерева, на кошоромъ покойникъ жилъ.

Бу-
шанъ. Царство Бупанское занимаетъ великое пространство земель. Рубежи его мало извѣстны. Ежегодно отправляются шуда караваны изъ Патны въ концѣ мѣсяца Декабря. Осьмымъ днемъ приходятъ въ Гаррашепуръ, при подошвѣ высокихъ горъ. Еще девять дней находясь въ прешрудной дорогѣ лѣсами, въ коихъ великое множество дикихъ слоновъ. По ночамъ вмѣсто успокоенія должно всѣмъ спясть на стражѣ и стрѣльбою прогонять отъ себя страшныхъ сихъ звѣрей. Слоны приближаются, не дѣлая шуму, слѣдо-

сквдовашельно и незапно нападають на караваны. Правда, не вредяшь людянь, но уносять ихъ запасъ, а паче ившки съ мукою и сарацинскимъ пшеномъ, и горшки съ масломъ.

Изъ Патны можно путешествовать пѣшкомъ до горъ въ Палекисахъ, или Индѣйскихъ каретахъ. Больше вѣзять на быкахъ, верблюдахъ и тамошняго особливаго рода лошадахъ, шакъ малыхъ, что у сидящихъ на нихъ почти достають до земли ноги; однако же онѣ сильны. Всѣ иноходцы; въ одну упряжку перебѣгають миль дващцать, а припомъ и мало надобно для нихъ корму. Въ горахъ по ущельямъ не лѣзя ни на чемъ иномъ кромъ ихъ пробхать. Есть еще и иной родъ повозокъ: жители, увидя съ горъ караванъ, спускаются; по большей же часи дѣлають по бабы и дѣвки; нанимающся нести людей и всякую поклажу. Цѣлые девять и десять дней переходять преглубокіе и прекрутые буераки, косогоры и ущелья. За плеча кладуть обручь, а на немъ

большую подушку и сажаютъ каждая своего сѣдока, для котораго ихъ при поочередно смѣняются. Товары и всякой запасъ вьючатъ на козловъ, на всякаго вѣсомъ по сту по пятидесяти фунтовъ. Заупрямящіеся вѣхатъ на лошадяхъ часто бывають принуждены спускать ихъ по веревкамъ. Носильщики вѣхатъ только дважды въ день: по утрамъ и вечерамъ. Всякой женщинѣ за ношеніе на себѣ путешественниковъ не даютъ больше двухъ рупій на десять дней; та же плаща козлу и лошади.

Въ шести миляхъ отъ Гаррашепура всступаютъ въ земли Ньюпальскаго Раи, проспирающіяся до царства Бутанскаго. Сей Раія подданной и данникъ великаго Могола. Живетъ въ городѣ Ньюпалѣ. Вся его область наполнена лѣсами и горами. Отсюда опять путешествовать должно самую скучною страню на козлахъ, верблюдахъ и въ Палекисахъ до самаго Бутана: шамъ уже пойдутъ мѣста открытыя и пріятныя, обилую-

хующія хлѣбомъ, сарацинскимъ пше-
 номъ, овощьми и виномъ. Жишели
 обоого пола ходящъ въ одеждахъ:
 хлѣбомъ изъ толстыхъ бумажныхъ и
 посконныхъ полошенъ, а зимою изъ
 толстаго сукна. На головахъ шапки,
 украшенныя кабаньими клыками и
 черепашиными чусеями, круглыя и
 четвероугольныя. Богатые прибавля-
 ющъ еще къ тому корольки и яншаръ.
 Женщины изъ послѣдняго дѣлаютъ
 себѣ ожерелья. Тѣ и другія носятъ
 запястья на дѣвой рукѣ до самаго
 локтя, съ шюю только разностию,
 что женскія запястья не такъ широ-
 ки, какъ мужскія. На шеѣ у нихъ
 шелковой снурокъ съ навѣшенными на
 немъ также корольками, яншаремъ и
 кабаньими клыками. Вѣры идоло-
 поклоннической. Вѣдятъ всякое мя-
 со кромѣ коровьяго, почиая коровъ
 пицашельницами рода человѣческаго.
 Любятъ водку. Сидятъ ее изъ сара-
 цинскаго пшена и подслащиваютъ са-
 харомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Ин-
 діи. Ошобѣдавъ и опужинавъ, оеоб-
 диво когда есть званые гости, ку-

рять жилище свое янпаремь, для чего онъ шамъ и дорогъ.

При Царѣ Бушанскомъ всегда находится спража въ осьми тысячахъ человекѣхъ, вооруженныхъ калчанами, щипами и шоперами. Опъ давняго уже времени во употребленіи у нихъ огнестрѣльное оружіе. Зерна пороху ихъ продолговатыя и сильнѣе нашихъ. На пушкахъ надписи не моложе пяти сотъ лѣтъ. Никто изъ жителей не смѣетъ выѣзжать въ чужія земли безъ почнаго позволенія областного своего правителя, но и тогда не можетъ взять съ собою никакаго ружья, еслии не поручится по немъ родня, что привезетъ обратно. Таверніе торговалъ одно ружье, котораго надпись свидѣтельствовала, что было сдѣлано за сто за восемьдесятъ лѣтъ; стволъ шолстой, дуло подобное видомъ цвѣту тюльпану, внутри такъ чистое, какъ зеркало. Двѣ прети внѣшности у пушекъ украшены дорожками и цвѣтами посеребренными, или вызолоченными. Пули въсомъ въ шесть золотниковъ.

Вся-

Всякой разѣ стоятъ у Дворца пятьдесятъ слоновъ и дващцать пять верблюдовъ. Изъ послѣднихъ на каждомъ малая полуфунтовая пушка; пушкарь, сидя у верблюда на креслу, нацѣлываетъ ее куда надобно. Въмѣсто лафетовъ поворачивающъ во всѣ стороны на вилахъ. Можетъ быть нѣтъ много въ свѣтѣ Царя, котораго бы столько чтили подданные. Они его обожаютъ. Подступаютъ къ нему съ поджальными руками, прикладывая ихъ ко лбу; оспанавливаясь далеко отъ престола, повергаются на землю и не дерзая никогда подымать головы. Лежа такимъ образомъ ничкомъ, докладываетъ Царю каждой о своей нуждѣ. Не выходятъ, а выползаютъ задомъ изъ его чертога. Духовные люди непрестанно имъ твердятъ, что Царь есть Богъ земной. Пометъ Царской щедаательно собирается, сушится и превращается въ порошокъ, кладется въ особые сосуды и продается на рынкахъ: разкупаютъ его съ жадностію для приправъ въ пищу. Два Бурианскіе купца продали сочинителю сего описанія

Б 5

такого

шакого благовои́я. Лежало оно у нихъ въ нарочныхъ сосудахъ; опсыпали съ шакимъ благоговѣнiемъ, какъ бы какую нибудь святыню.

Бушанцы сильны и спашны, плосколицы и плосконосы. Женщины выше ростомъ и сильнѣе мужчинъ, но большею частiю съ зобами на шеяхъ. Войны весьма рѣдко случаются. Не боясь и великаго Могола. Природа положила заградою превысокиа горы отъ полудни по рубежамъ ихъ съ Могольцами. Къ Сѣверу непроходимые лѣса и вѣчные снѣги. Съ двухъ другихъ сторонъ дикiя степи и горькиа воды; находящяся изрѣдка населенныа мѣста, но принадлежащiа шакимъ Раiясамъ, у которыхъ нѣтъ ни войска, ни оружiа. Царь Бушанскiй дѣлаетъ деньги; каждая монета стоитъ одной рупii. Торговые люди, коихъ въ Пашнѣ видѣлъ Таверниѣ, не могли ему сказать гдѣ ямъ рудники. Монеты сiа осмiугольныа, надписи на нихъ ни Индiйскiа, ни Китайскiа. Золото привозится въ Бушанъ съ Восточной стороны.

Глава

Главной торгѣ мускусомъ. Тавер-
 ніе въ двухмѣсячную свою быт-
 ность въ Пашиѣ накупилъ онаго на
 сто дваццать тысячъ рупіевъ. Въ
 Персію неидеть ни откуда инаго му-
 скуса. Бушанцы мѣняють сей свой то-
 варъ охотнѣе на желшую амбру, или ян-
 тарь и корольки, нежели на золото и
 серебро. Въ жары убыточно имъ тор-
 говашь: сохнеть и становишся легче.
 Пошлины съ него въ шаможнѣ Гарра-
 шепура, послѣдняго Могольскаго го-
 рода, по дваццати пяти проценшовъ;
 избѣгая того караваны ходяць чрезъ
 горы, гдѣ много мускусу, и далекія
 степи до шестидесяти степеней ши-
 рины мѣста, пошомъ спускаются къ
 Кабалу, подъ сороковою степенью ле-
 жащему, и шупъ раздѣляются на двое:
 одна половина идетъ къ Балку, а
 другая въ великую Таршарію. Въ сихъ
 обѣихъ почти совсѣмъ безденежныхъ
 странахъ мѣняють Бушанскіе купцы
 товаръ свой на лошадей, лошаковъ и
 верблюдовъ. Съ мускусомъ вмѣстѣ при-
 возяшь ремень. Ташара возяшь сіи
 товары въ Персію; пошому - по Евро-
 пейцы

пейцы думали, что ремень растётъ въ Татаріи. Правда, что есть и ламъ, но не такъ добропной, какъ Бушанской. Изъ Персіи берутъ Татары на промѣнъ дешевыя шелковыя шкани, дѣлаемыя въ Таврисъ и Ардевилъ, Аглинскія и Голландскія сукна, кошорыя вывозятъ Армяне изъ Смирны. Сіи послѣднія приходятъ на Европейскихъ судахъ. Нѣкоторыя Бушанскіе купцы чрезъ Кабуль, Кандагаръ достигаютъ до Испагани, и вѣняя и шамъ свой мускусъ и ремень на корольки, яншаръ и камень лазурь. Другіе чрезъ Мюльшанъ и Лагоръ доставятъ въ Агръ полотна, краску индиго, камни корнелины и горной хрусталь. Возвращающіеся чрезъ Гаррашелуръ изъ Пашны и Даки берутъ также корольки, яншаръ, запястья черепаховыя и изъ иныхъ морскихъ раковинъ, со множеспвомъ всякихъ же раковинъ круглыхъ и четверугольныхъ. Сочинитель видѣлъ въ Пашнѣ чепырехъ Армянъ, бывавшихъ въ Бушанскомъ царствѣ. Только что возвратились они тогда изъ Данцига, откуда

откуда привезли съ собою много яншарныхъ изображеній разныхъ живошныхъ и чудовищъ. Все шо поднесли Бутанскому Царю, а онъ пріобщила къ числу своихъ идиоловъ. Сказывали еще они, что обогатилися бы конечно, еспьли бы сдѣлали въ Данцигѣ по повелѣнію сего Царя испукана съ шестью рогами, чепырьмя ушами, чепырьмя руками, по шести пальцевъ на рукѣ; но къ несчастію не могли въ Данцигѣ сыскаць споль большаго куска яншару.

Упреждая, чшобъ Тонквинской и Кохинхинской мускусъ не подорвалъ Бутанской шорговли, вышелъ Царской указъ, чшобъ пузыри, въ которыхъ его возятъ въ Бутанъ, были развязываемы, осмашриваемы и пошомъ печатаны Царскою печашью.

Спрана Ацемская еспъ наиплодоноснѣйшая въ Азіи. Производитъ все пошребное для жизни человѣческой. Жштели не имѣютъ нужды заимсповашъ что либо отъ своихъ сосѣдей.

Много

Много у нихъ рудниковъ серебряныхъ, спальныхъ, свинцовыхъ и желѣзныхъ; шелкъ во изобиліи, но не добротной. Частію распешъ на деревьяхъ: выпускающъ его изъ себя черви, такіе же почши, копорые у насъ называющся шелковичными, однако же съ пою разносію, что нашихъ кругае, и держатся на деревьяхъ во весь годъ. Ткани изъ сего шелка лоснящся, но скоро мшатся и дерутся. Въ полу-денной споронѣ царства Ацемскаго распутъ сіи деревья, равно какъ и находящся серебряные рудники. Много шамъ смолы съ лоскомъ, доспаемой съ древесъ двухъ родовъ; цвѣшомъ красная, красящъ ею разныя шкани; оспающая послѣ дѣленія краски идетъ въ составъ, ошмѣнно лоснящійся, коимъ намазываютъ ларцы и иныя домашнія ушвари, и кои опускающъ въ Кишай и Японію. Золото удерживается всегда въ землѣ. Не дѣлающъ изъ него денегъ; имѣющъ же въ слишкахъ большихъ и малыхъ. Купцы расплачивающся ими между собою во внутренней торговлѣ.

Описа-

Описаніе сего царства, учиненное
Португальскимъ Іезуитомъ, проповѣдникомъ въ Рымѣ, именованъ Родесомъ, <sup>Кои-
хнѣ</sup> крайнѣ недоспащочно. Приобщимъ къ
оному въскольکو примѣчаній, собран-
ныхъ другими странствователями.

Сей Іезуитъ посланъ былъ Папою
проповѣдывать Евангеліе изъ Рима,
прибылъ въ Лиссабонъ, отправился въ
пушь свой Апрѣля чешвертаго, тысяча
шестъ соиъ девятинадесять года,
съ шремя великими кораблями. Нахо-
дился онъ на Святой Терезіи еще съ
другими пящью человѣками Іезуитовъ
же. Въ при съ половиною мѣсяца
досишли до мыса Доброй Надежды.
Претерпѣли многія бури. Не мало
померло людей отъ цынготной бо-
лѣзни. Пяшаго числа Октября поло-
жили якорь предъ городомъ Гоєю.

Родесъ жилъ въ семь городѣ и
Сальселѣ два года. Получилъ между
тѣмъ повелѣніе вхашъ въ Японію на
кораблѣ, везшемъ одного знашнаго
Португальца въ Мадакку начальство-
валъ

вашъ тамошнюю крѣпостію. Корабль сей приспавалъ къ Кохину, гдѣ есть Іезуитское училище. Жестокіе вѣпры долго держали корабль у Коморинскаго мыса. Нашъ Іезуитъ воспользовался случаемъ, видѣвъ славной оной берегъ ловлею жемчужныхъ раковинъ. Положимъ здѣсь точныя его слова: „ Жители знаютъ время „ въ году искать прекрасныхъ сихъ „ небесныхъ слезъ „ скрывающихся въ „ раковинахъ. Садясь на лодки и „ гребущъ въ море, оспанавливаются „ на извѣстныхъ имъ мѣстахъ, ныряющъ подвязавшись подъ пазухи „ веревками, наполнивъ ротъ деревяннымъ масломъ и навѣсивъ на шею „ мѣшокъ. Ползая по дну, ищущъ раковинъ и кладущъ въ мѣшокъ, доко- „ лѣ могутъ не дышать; послѣ спря- „ снувъ за веревку и выплывающъ „ ихъ изъ воды. Ловцы сіи ревностные Христіане. Всякой разъ, возвращаясь съ ловли, заходящъ въ церковь молятся и цѣлыя горсти самого крупнаго и лучшаго жемчугу осматривающъ въ одшарѣ на престолѣ.

„ Каза-

„Казали Родесу священническую ризу,
 „унизанную жемчугомъ, цѣною въ
 „двѣсти тысячъ рублей Осмо-
 „шрѣвъ ее Іезуитъ, возопилъ:
 „Чего же бы она стоила у насъ въ
 „Европѣ? „

Тушукуринъ есть главное селеніе
 на семь берегу. Лучшій тамъ Восточ-
 ной жемчугъ. Португальцы имѣютъ
 въ Тушукуринѣ крѣпость и преизряд-
 ной Іезуитской домъ. Роде не знаелъ,
 за что лишились его собратія сего
 дома „Іезуиты, лишеть онъ,
 „удалились и не спали больше ловить-
 „ся на здѣшнемъ берегу жемчужныя
 „раковины. Король Португальскій воз-
 „врашилъ ревностныхъ сихъ пропо-
 „вѣдниковъ Евангелія и начали опять
 „ловить съ успѣхомъ. Небеса яви-
 „ли шакое чудо, какъ бы въ по-
 „казаніе людямъ, чшобъ не ожидали
 „удачи въ ловлѣ жемчуга, когда оп-
 „лучены отъ нихъ будутъ ловцы
 „душъ ихъ. „

Упомянемъ кажется къ мѣсту
 смѣшную спашью въ Французскихъ
 Часть VI В вѣдомо-

вѣдомоспяхѣ тысяча семь сотъ сорокъ
четвертаго году изъ Швеціи. Сочини-
тель оной, прославляя новонаспавшее
тогда правительство, такъ продол-
жаелѣ: „ Никогда не ловилось сполько
„ сельдей по берегамъ Балнійскаго мо-
„ ря, какъ по воцареніи сего Государя. „

Роде, осмопрѣвъ Коромандельской
берегъ, мореплавашельствоваль въ Ма-
лаку. Предъ мысомъ Рашадо спалъ ко-
рабль его на мѣль, и конечно бы по-
гибъ по его увѣренію, естѣли бы онъ
не догадался и бывшую при немъ мо-
щеносицу не погружалъ въ море на
веревкѣ. Повшоримъ его на сей слу-
чай слова: „ Въ минушу корабль нашъ,
„ за долго предъ шѣмъ споявшій пло-
„ шно и неподвижно, самъ собою безъ
„ всякой помощи опъ людей соскочилъ
„ съ песку и съ крайнимъ усиліемъ ки-
„ нулся на глубину. „

По его сказанію можно во всякое
время года входить въ гавань Малак-
скую, не такъ какъ въ гавани же Гой-
скую, Кохинхинскую, Сурашскую и всѣ
другія

другія Индѣйскія гавани; что хотя
 находится въ двухъ только степеняхъ
 отъ равноденственной черты, слѣдо-
 вательно климатъ самой жаркой, но
 не созрѣваютъ тамъ Европейскіе пло-
 ды, даже и виноградъ. Спранную
 однако же, но праведную, по мнѣнію
 его, приводитъ онъ причину: „Не
 „ созрѣваютъ тамъ плоды отъ недо-
 „ статка силы жаровъ. Лучи солнеч-
 „ ные, упавая прямою черпою надъ
 „ поверхносію земли, долженспвовали
 „ бы все сжечь и учинить ее неудобо-
 „ населяемою. Такъ и разсуждали
 „ старинные люди, но предъ ними
 „ скрывалось таинство Божескаго про-
 „ мысла; скрывалось отъ нихъ то,
 „ что Богу было угодно наполнить
 „ землю сію жишелями. Солнце при
 „ самой наилучшей силѣ своей влечетъ
 „ и подѣмлетъ къ себѣ споль много
 „ земныхъ воскурений и паровъ, что
 „ дѣлаетъ пѣвмъ въ Малакѣ зиму.
 „ Буйные вѣспры, безпрестанные дож-
 „ ди, закрываютъ сіе свѣтило и не
 „ допускаютъ созрѣвать плодамъ, не
 „ созданнымъ для тамошняго климата.„

Виды сего Іезуита были тѣ, что-бы ему добраться до Японіи, но данныя ему повелѣнія около полушора года удержали его въ Макао и Кантонѣ; а приняшья вновь мѣры его начальниками заставили выложитъ по совѣмѣ изъ головы и бѣхашъ въ иное мѣсто. Въ Японіи свирѣпствовало тогда ужасное гоненіе на Христіянѣ. Матшосъ отправленъ въ Кохинхинѣ съ пятью другими Іезуитами, между коими включено было и Родеево имя. Изъ Макао вышли они въ море въ Декабрѣ, тысяча шесть сотъ дваццать четвертаго года. Мореплаваніе ихъ длилось девятнадцать дней.

Кохинхинѣ, меньше пятидесяти предъ тѣмъ лѣшъ, спалъ отдѣленнымъ царствомъ отъ царства Тонкинскаго, коего былъ областію болѣе семи сотъ лѣшъ. Правитель оной, прадѣдъ Царя сего времени, взбунтовался противу своего Государя и оставилъ спокойными по себѣ наследниками дѣшей своихъ. Нѣтъ надежды, чтобъ подвергнулось новое сіе царство подъ прежнее иго. Де-

Лежишѣ въ знойномѣ поясѣ земнаго круга, отѣ Кишай къ Югу, находится между двенадцатой и осьмнадцатой степени ширины мѣста. Роде считаешѣ длину сего царства въ чешырехѣ стахѣ миляхѣ; ширину же много меньше. Рубежи его сущѣ: къ Вослоку Кишайское море, къ Западу царство Лаоское, къ Югу царство Шампаское, къ Сѣверу царство Тонкинское. Раздѣляется на шесть областей, имѣющихѣ каждая своего правителя и свои судилища. Пребываніе Царя въ городѣ Кегю. Деревянные тамѣ дома невеликолѣпные, но покойно расположенные на столбахѣ, изрядно выдѣланныхѣ. Придворныхѣ множество; ведьможи носятѣ богатые одежды.

Земли вездѣ населены довольно. Роде хвалишѣ крепость жилищей; но сіе не мѣшаетѣ имѣ быть храбрыми на войнѣ. Имѣютѣ безпредѣльное почтеніе къ своему Государю. Послѣдній содержишѣ всегда сто пятьдесятѣ галерѣ въ трехѣ гаваняхѣ. Голландцы

уже испытали, что могутъ оныя сражаться съ великими кораблями, помощію которыхъ спавили они себя властными на Индвскихъ моряхъ.

Плодоносіе земли учиняетъ жителей жилищными людьми. Чрезъ Кохинхинъ пропекаютъ двадцать чешыре судоходныя рѣки, кои приводятъ торговлю въ цвѣтущее состояніе. Въ Ноябрь и Декабрь бываемыя разлитія улучшаютъ поля. Въ сіе годовое время все понимаеся водою; не лзя никуда инако путешествовать, какъ на судахъ: причина, для которой строятъ дома на столбахъ.

Есть золотыя руды; главное же богатство перецъ, за коимъ прѣзжаютъ Китайцы. Шелку шамъ много; вяжутъ изъ него рыболовные неводы и сѣти, плетутъ изъ него канаты для галеръ. Сахаръ продается по двѣ копейки фунтъ. Опускаютъ его въ Японію. Кохинхинцы не умѣютъ его вычищать.

По-

Подумаеѣ ли кто нибудь, что страна, производящая хлѣба, масла и вина, худо пропитываетъ жителей. Но Роде удостовѣряетъ, что сполы Кохинхинскіе споятъ Европейскихъ споловѣ, хоня и молчитъ о томъ, въ чемъ состоятъ тамошнія снѣди.

Дерево каламбукъ нигдѣ кромѣ сей земли не родится. Само по себѣ есть лучшее благовонное куреніе и идетъ во многія лѣкарства. Раздѣляется на три рода: первой, превосходящій доброшою два другіе, называется каламба, запахомъ пріятно, въ порошкахъ, или разведенное въ жидкостяхъ укрѣпляетъ челоѣка и служитъ предохраненіемъ отъ всякаго яда; продается въсомѣ пропіву золота. Послѣдніе два рода, аквила и простой каламбукъ, нѣ же имѣютъ дѣйствія, но слабѣ.

Роде, пропіворѣча многимъ странствователямъ, увѣряетъ, что изъ одного шолько Кохинхина вывозятъся малыя шѣ пшичьи гнѣзды, коими при-

правляютъ снѣди. „Бѣлы, говоришь
 „онѣ, какъ снѣгъ. Находятъ ихъ на нѣ-
 „которыхъ опмѣнныхъ надводныхъ
 „камняхъ по тамошнему морю у бере-
 „говъ, гдѣ расщепъ каламбукъ, а
 „больше нигдѣ. Думаю, что пшич-
 „ки сосутъ дерева сего сокъ, мѣша-
 „ютъ съ морскою пѣною и дѣлаютъ
 „изъ того гнѣзды, вещество, сто-
 „бѣлое и вкусное; нельзя однако же
 „ѣсть его, какъ только вареное съ
 „мясомъ, или рыбою.„

Есть деревья, на коихъ висятъ
 такія великія спручья, что можно
 ихъ уподобить мѣшкамъ, наполнен-
 нымъ каштанами. Жаль, что Роде
 молчитъ о томъ, какъ они зовутся,
 и не лучше объясняетъ видъ сихъ пло-
 довъ..... „Одинъ такой мѣшокъ до-
 „вольная ноша человѣку; для того
 „и производятъ ихъ Божіе провидѣ-
 „ніе не изъ сучей, которые бы не
 „могли ихъ сдержать, а изъ самаго
 „стебля. Мѣшки изъ толстой шелу-
 „хи; въ одномъ до пяти сотъ боль-
 „ше нашихъ каштановъ. Лучшее же
 „ въ

„ въ нихъ бѣлая и сочная перепонка ,
 „ сдираемая прежде нежели спанушь
 „ жарить, или варить сіи кашпаны. „

Какъ незнаніе тамошняго языка было главнымъ препятствіемъ къ проповѣдыванію Евангелія, то Роде училъ-ся оному почелъ первымъ своимъ долгомъ. Говорятъ Кохинхинцы почти однимъ языкомъ съ Тонкинцами. Разумѣютъ его еще при сосѣдственныхъ имъ народы; но совсѣмъ разной съ Кишайскимъ. Произношеніемъ походитъ, особливо въ устахъ женщинъ, на шепетаніе птицъ. Нѣтъ слова, которое бы было не односложное. Разныя одному произношенія разныя даютъ знаменованія, на примѣръ: одинъ сей слогъ де можетъ означать дватцать при разныя вещи. Ревность Іезуита Роде не уменьшилась трудно-стію его предпріянія. Учился языку съ равнымъ же прилѣжаніемъ, какъ нѣкогда учился онъ Богословіи. Чрезъ чешыре мѣсяца могъ уже сказывать проповѣди, хотя учителемъ у него былъ молодѣшней ошрокъ; перенялъ

В њ

онъ

онѣ въ при недѣли различають голо-
сомѣ знаменованія словѣ.

Достойно замѣтити : учитель
ученика , а ученикъ учителя головою
не разумѣли.

Между тѣмъ , какъ продолжалось
шамѣ его Роде Апостольское званіе ,
взидѣ онѣ въ Филиппинскіе острова
сѣ тѣмъ только , чтобѣ побывають
въ Макао. Возспало лютое гоненіе
на Христіянѣ въ Кохинхинѣ и прину-
дило его къ бѣгству. Юля втораго ,
тысяча шесть сотѣ сорокъ перваго
года , свѣл онѣ на корабль и поплылѣ
къ Боликао. Гавани сей достигнулѣ
двадцать осьмаго числа , претерпѣвъ
спрашную бурю. Удивилсѣ узнавъ ,
что жителя счисляли шотѣ день два-
дцать седьмымѣ , а не двадцать ось-
мымѣ Юля. Поутру вѣл онѣ мясо ,
думая , что настало Воскресенье . . .
„ . . . Что мнѣ осталось иное дѣлать ,
„ какѣ не поужинають сухоядѣнія ? „
Роде къ тому прибавляетѣ : „ Плаваю-
„ щіе изѣ Испаніи къ Филиппинскимѣ
„ , оспро-

„ островамъ плывуть отъ Востока къ
 „ Западу. Естественнo, что каждой у
 „ нихъ день становился долѣе нѣ-
 „ сколькими минушами; потому что
 „ солнце, за коимъ они плывуть въ
 „ слѣдѣ, всякой разѣ позже восходити
 „ и заходитъ, слѣдовательно, совер-
 „ шивъ весь сей путь, теряють цѣ-
 „ лую половину одного дня. Напро-
 „ тивъ того Португальцы ъздящъ
 „ на встрѣчу солнцу, которое для
 „ нихъ всякой также разѣ ранѣе восхо-
 „ дитъ и садится; а посему ясно,
 „ что окончавъ путь, выигрываютъ
 „ цѣлой день; что тѣ и другіе одни
 „ въ убытокъ, а другіе въ барышѣ вре-
 „ мени своей жизни. Между ими всег-
 „ да цѣлыя сутки бывають разноси. „

Роде, прибывъ въ Восточныя стра-
 ны тѣмъ путемъ, коимъ ъздящъ Пор-
 тугальцы, по его счету, жилъ дол-
 ге однимъ днемъ всѣхъ Испанцовъ
 Филиппинскихъ острововъ. По сей же
 „ самой причинѣ, далѣе онъ пишетъ,
 „ естли бы въ одинъ день отправи-
 „ лись два монаха, одинъ изъ Порту-

„ галліи

„ галли въ Индію , другой изъ Испа-
 „ нїи на Западъ: положимъ , что еже-
 „ дневно бы совершали они литургію ;
 „ сошлись бы гдѣ либо на послѣдокъ ,
 „ по одинъ бы изъ нихъ одною боль-
 „ ше въ продолженіи пупи пѣлъ обѣд-
 „ ню . Два близнеца , родившіеся во
 „ одинъ день , ешьли бы также , оп-
 „ правясь въ разныя спороны , сѣвха-
 „ лись , по бы одинъ сдѣлался шарѣ
 „ другаго супками . „

Чипашели , коимъ не такъ чуде-
 сны кажутся сіи примѣчанія , какъ
 ихъ сочинителю , охотнѣе у него по-
 слушающъ , отъ чего возникло гоненіе
 на Христіянъ , затворившее путь на-
 шимъ проповѣдникамъ въ Японію .
 Однако же , храня о томъ глубокое
 молчаніе , такъ продолжаетъ :
 „ Островъ Маниль , главной изъ остро-
 „ вовъ Филиппинскихъ , находится въ
 „ припцапи степеняхъ отъ равно-
 „ денственной черпы , и есть послѣдняя
 „ почка нашего Запада , хотя острова
 „ сіи лежатъ отъ Кипая на Воспокъ и
 „ не далѣе ста пятидесяти миль .
 „ Прї-

„Пріемлются они концемъ Западной
 „Индіи, принадлежащей Испаніи. Сіе
 „самое подало поводъ двумъ Голланд-
 „цамъ ко искорененію Хрисціанства
 „въ Японіи. Предстали предъ Госу-
 „даря сей земли съ земноводнымъ
 „глобусомъ въ рукахъ, располковали
 „ему, что на одной сторонѣ лежатъ
 „острова Филиппинскіе, а на другой
 „Макао, Китайской городъ подъ вла-
 „дѣніемъ Короля Испанскаго, по тому
 „праву, что онъ же и Король Порту-
 „гальскій. „Взгляни, Государь, сказали
 „ему, даже до коихъ мѣстъ проспер-
 „лось владѣніе Короля Испанскаго: на
 „Востокъ до Макао, на Западъ до
 „Филиппинскихъ острововъ. Видишь
 „самъ, что онъ сближился съ тобою;
 „что оспалось ему только завоевать
 „и шѣ мѣста, надъ коими ты цар-
 „ствуешь. Правда, что еще не со-
 „брано у него потребнаго къ тому
 „множества войска, но онъ посы-
 „лаетъ въ земли твои монаховъ,
 „будто бы обращать подданныхъ
 „твоихъ въ Хрисціанскую вѣру, а
 „въ самомъ дѣлѣ подговаривать ихъ
 „и

„и увозишь для составленія ему вой-
 „ска. Когда наконецъ навезушь ему
 „сполько, сколько хочешь, то при-
 „дешь и до тебя очередь узнаешь,
 „что сей Король подъ мнимымъ рас-
 „проспраненіемъ вѣры скрываешь
 „то, чѣмъ учишишь тебя рабомъ
 „своимъ.

„Обладатель Японіи смупился.
 „Произнесъ клятву гнать вѣчно Хри-
 „стіанскихъ проповѣдниковъ. Надъ
 „церковію Христовою возстала буря,
 „какой больше никогда не бывало.
 „Полилась рѣками кровь по всѣмъ го-
 „родамъ и селеніямъ сильнаго сего
 „государства, въ кошоромъ начали
 „было уже прозябать Евангельскія
 „сѣмена.,,

Роде, переѣхавъ изъ Малакки въ
 Яву въ одиннадцать дней, видѣлъ
 на пуши чудо [говоря его словами]
 Святаго Андрея, первомученика Ко-
 хинхинскаго. Везъ онъ голову его съ
 собою въ Римъ:..... „Февраля дват-
 „цать пятаго вѣтръ былъ благо-
 „по-

„получной. Отъ неискusstва корм-
 „чаго ударился корабль о камень,
 „коего поверхность почти равна бы-
 „ла съ водою. Ударъ произвелъ звукъ,
 „подобной грому. Пошомъ сталъ
 „корабль на камнѣ. Многія доски и
 „другія онаго часпи кругомъ насъ
 „носились. Каждой увидѣлъ смерть
 „предъ глазами. О велие чудо! ко-
 „рабль невидимою силою, какъ бы
 „самъ собою, вдругъ сдвинулся съ
 „камня въ самое по время, какъ я
 „и два другіе проповѣдника благо-
 „честивыя вѣры чишали сему свя-
 „шому первомученику молишву.

„Путешествуя еще семь дней, до-
 „стигли мы Батавіи. Корабельщикъ
 „за нужное разсудилъ починить су-
 „дно. Повалили его; о неизречен-
 „ное чудо! на самомъ днѣ явилась
 „превеликая дыра; камень, на копо-
 „ромъ споялъ корабль, повелѣніемъ
 „святаго первомученика заколошилъ
 „оную своими обломками наплотно.
 „Весь городъ сбѣжался того смо-
 „трѣшь. „

Тоже

Тоже самое случилось въ наши дни въ новой Зеландіи съ однимъ Аглинскимъ судномъ корабельщика Коока, и конечно святой первомученикъ Андрей не вмѣшивался въ сіе дѣло.

Въ Батавіи тогда находились многіе Французы Каполицкой вѣры и многіе также Португальцы. Нашъ проповѣдникъ спокойно производилъ званіе свое пять мѣсяцовъ. Въ Воскресенье, двадцать девятого Іюля, пѣлъ онъ обѣдню въ собственномъ своемъ жилищѣ. Молебниковъ было множество. Вдругъ и незапно вошелъ въ церковь городской уголовной судья съ вооруженными воинами. Роде спѣшилъ употребить святыя дары, но схватили его за горло и въ священныхъ его одеждахъ пошацили въ шюрму. Восемь человекъ Португальскихъ дворянъ обнажили шпаги и стали было его отбивать. Неизбѣжное бы наспало кровопианіе; но Роде, взглянувъ на своихъ защитниковъ, убѣдилъ ихъ прозьбами предать его насилію невѣрныхъ.

ныхъ. Судья пронушъ былъ его великодушіемъ: позволилъ ему снять ризы, приказалъ однако же воинамъ своимъ захватить всѣ церковныя ушвари и украшенія. Отвели нашего Іезуита въ городскую, а чрезъ два дни въ самую мрачную шюръму, нарочно успроенную для содержанія осужденныхъ къ смерти. Допрашивали его; обвиняемъ былъ; что пѣлъ обѣдни въ Башави; что проискивалъ обратиться въ Римское исповѣданіе Малакского правителя; что сожегъ многія Протестантской вѣры книги. Послѣдовавъ приговоръ: наложили на него пѣню четьреста червонцовъ; выгнали навсегда изъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ Голландіи; на послѣдокъ [что всего ему было тяжелѣе] отобрали у него живошворящій крестъ, иконы, ризы, всякія священныя украшенія и сожгли подъ вислицею руками палача предъ его глазами. Не помогли его прозбы; слезы и рыданія. Но послѣднее было опмѣнено, изъ предосторожности можеть быть, чтобъ не возмутился городъ. Во время сожженія креста и

Часть VI Г иконѢ

иконъ повѣшены были два разбойника.

Убожество нашего Іезуита было причиною, что два мѣсяца не скидывали съ него желѣзъ. Всякой разъ, когда принуждали его плашпшь пѣню, онъ ошвѣчалъ: „ Я доволенъ „ моимъ соспоянiемъ. Муки, ошъ васъ „ шерпимыя, прѣмаю милосшiю ко мнѣ „ Божескою. „

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прибыло нѣсколько Голландскихъ кораблей, съ которыми присланъ указъ ошъ Голландскаго торговаго общесства о пожалованiи Корнелiя Вандеклина веръховнымъ начальникомъ всѣхъ Голландскихъ сельбищъ, по смерти Антонiя Вендика, опнявшаго у Португальцевъ Малаку. Въ день общенароднаго торжесства привѣздѣ новаго начальника освобождены были городскiе колодники, выпущенъ и нашъ Іезуитъ, сложена была съ него пѣня. Вандеклинъ изъ своихъ рукъ поколошилъ палкою судью за суровость противу бѣднаго Роде. Нѣкошорые Португальцы приняли его къ себѣ

себѣ съ радостію въ Макасарѣ. Прибыль онѣ съ ними въ городѣ Бантамѣ, въ двенадцати миляхъ отъ Батавіи. Отсюда отплыль въ Ормуцъ, даде вхалъ сухимъ путемъ чрезъ Персію и Анатолію до Смирны; изъ сего же послѣдняго города прибыль въ Гену на корабль сей республики.

ГЛАВА II.

Тонкинъ.

Агличанинъ, именемъ Баронъ, родился и большую часть жизни проводилъ въ Тонкинѣ. Человѣкъ извѣстнаго праводушія, и учености будетъ намъ вождемъ въ сію область, коей порубежныя мѣста описаны Европейскими спранствователями. Мало впрочемъ знаемъ мы ея внутренность.

Тонкинъ найденъ былъ послѣ Китая. Португальцы съ Китайскихъ уже береговъ плавали туда на своихъ судахъ. Правда, что Тонкинъ былъ прежде

прежде частію Кишайскаго гоеудар-
ства; правда, что плащивъ дань оно-
му и до нынѣ, не ша однако же бы-
ла причина незнанію нашему спра-
ны, которая до прибытія Поршугаль-
цевъ въ Индію за четыреста лѣтъ
правила была собственными своими
Царями. Паче вѣроятно, что про-
изошло сіе отъ природнаго свойства
Тонкинцовъ, не оставляющихъ опчи-
ны своей ни для какихъ видовъ тор-
говли. Въ суетности подобялся они
Кишайцамъ, хотя ихъ и не любящъ.
Подражающъ имъ во образъ правитель-
ства, наукахъ и пишушъ съ ними од-
ними буквами.

Лежитъ подъ тропическою чер-
шою, выдается больше къ Сѣверу, не-
жели къ Югу; но воздухъ тамъ, по
свидѣтельству Барона, умѣренной, ра-
ди множества рѣкъ, коими Тонкинъ
орошается, и одновременныхъ дож-
дей. Нѣтъ большихъ горъ неплод-
ныхъ и песчаныхъ, причиняющихъ
несноснымъ жарамъ во многихъ мѣ-
стахъ по берегамъ Персидскаго залива.

Дожди,

Дожди, непремѣнно льющіе въ мѣсяцахъ Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ, производящъ великую въ землѣ сырость; а жары Іюльскіе и Августскіе безмѣрны. Всякаго бы рода шамъ множество было плодовъ, но жишели не упражняются ни въ какомъ иномъ земледѣльствѣ, кромѣ какъ для сарадинскаго пшена.

Тонквинъ, или Тонкинъ, къ Сѣверо-Востоку граничитъ съ Кишайскою областію Каншономъ, къ Западу съ царствомъ Лавскимъ, къ Сѣверу съ двумя иными Кишайскими областями Юнаномъ и Канви, къ Югу и къ Юго-Востоку съ царствомъ Кохинкинскимъ.

Климатъ пріятной и здоровой отъ Сентября до Марта. Большія случающіяся снужи въ Январѣ и Февралѣ, хотя не видящъ никогда шамъ льдовъ и снѣговъ. Апрѣль, Май и Іюнь вредны здоровью, какъ ради всегдашнихъ дождей, или тумановъ, такъ и ради того, что солнце тогда

Г 3

бываетъ

бываетъ прямо надъ головами жише-
лей. Вѣтры Сѣверной и Южной че-
редуясь дуютъ по полугоду. Отъ
Мая до Августа деревья покрыты
лучшею своею зеленью, поля и луга
улаждають зрѣніе.

Сильные вѣтры, называемые Евро-
пейскими мореходцами Ураганами,
или бурями, а отъ Тонкинцовъ Ти-
фонами, свирѣпствуютъ со всею своею
люпостію по зѣшнему берегу и близ-
кимъ къ оному морямъ. Время, ког-
да наштають, неавѣстно. Иногда
однажды въ пять, шесть, семь, во-
семь и девять лѣтъ. Буря, возстаю-
щая иногда на Бенгальскомъ заливѣ
и по Коромандельскому берегу, кошо-
рую именуютъ въ томъ краѣ слонь,
не меньше бѣдоносна для кораблей.

Тонкинъ пространствомъ равняетъ
Баронъ съ Португалією, но вчеш-
вера больше имѣетъ жишедей. Кромѣ
города Кашо нѣтъ прехъ такихъ,
кои бы достойны были вниманія; де-
ревень же, или Альдеасовъ, или Альде-
евъ,

евѣ, такое множество, что перечислить трудно.

Кашо, Тонкинская столица, подѣ двашцать первую степенью Сѣверной ширины, вѣ сорокѣ миляхѣ отѣ моря, не хуже многихѣ славящихся вѣ Азіи городовѣ, но всѣхѣ оныхѣ многолюднѣе, а паче во всякое новолуніе и полнолуніе, ради бываемаго вѣ сии дни превеликаго шоржища. Скажемѣ словами Барона: „ Много, ежели кто вѣ „ полчаса можешѣ вѣ народномѣ стѣ- „ сненіи шагнущѣ сто разѣ. „ Однако же хранишѣся тогда вѣ городѣ удивительное благочиніе. Для каждаго рода товаровѣ особая улица; каждая улица назначена для одной, двухѣ, или многихѣ деревень. Жители только оныхѣ имѣютѣ право сидѣть на ней вѣ лавкахѣ.

Вѣ семѣ городѣ пребываетѣ Царѣ съ своими полководцами, князьями, вельможами и судьями. Дворецѣ и общенародныя зданія занимающѣ великое мѣсто. Лучшее же изѣ нихѣ

превеликое деревянное. Прочіе дома гражданъ изъ бамбуеваго лѣса съ глиною, выключая иностранныхъ шаможенъ: они только изъ кирпича. Тройная около города стѣна и старой дворецъ, развалинами своими подающъ высокое мнѣніе о старинномъ онаго состояніи. Одинъ сей дворецъ во окруженіи имѣлъ до осьми миль. Дворы его устланы мраморомъ, врата и обрушившіеся уже давно чертоги, свидѣшельствуютъ прежнее его великолѣпіе. Заснавлиющъ сожалѣньемъ о разореніи сего славнаго зданія въ Азіи. Баронъ называетъ сіе разореніе слѣдствіями войны, но молчитъ о причинахъ, препятствующихъ возобновленію.

Окрестъ города расположено всегда бываетъ многочисленное войско, гошовое на всякой случай. Оружейница и кладовыя съ военными запасами на берегу рѣки, не далеко отъ одного песчанаго ошрова, на кошоромъ хранился Текада. Рѣка зовещся Сонгкой, или великая. Истокъ ея въ Китайскомъ владѣніи, впадаетъ же въ Айнамской

ской морской заливъ осьмью судоходными успьями. Въ столицу привозятъ ея въ изобилии все нужное для жизни и всякіе повары.

Еслили могущество государства развѣрять по числу войскъ, то Тонкинское есть конечно изъ самыхъ сильныхъ. Всегда въ немъ на лицѣ сто сорокъ тысячъ ратниковъ, и могутъ еще быть по нуждамъ умножены. Но какъ многочисленность въ войскъ безъ храбрости немного значить, то согласимся съ Барономъ, что нѣтъ легче дѣла, какъ воевать съ Тонкинцами. Вожди ихъ рѣдко случающа не скопцы, у коихъ и въ душахъ столько же мужества, сколько еспавлено онаго въ ихъ пѣлахъ.

Конницы въ Тонкинѣ до десяти тысячъ, слоновъ при ста пяньдесятъ, сто двашцать большихъ и малыхъ судовъ, паче рѣчныхъ, нежели морскихъ: послѣднія служатъ не для войны, а для прогулокъ по праздникамъ и для забавы. У всякаго судна

Г 2

на

на носу чешыреxfуншовая пушка. Всѣ гребныя и безѣ мачтѣ. Гребцы сядятѣ безѣ зашитѣ олтѣ и ѣлко-оружейнаго огня и иныхъ воинскихъ снарядовѣ. Для разсылокѣ у сихъ судовѣ пять сотѣ ладей, называемыхъ Твингами: легки на парусахѣ, но слабы во время войны для подвозовѣ войску запасовѣ.

Кашоская оружейница наполнена всякаго рода и калибера пушками, лишыми вѣ землѣ и купленными у Португальцевѣ, Агличанѣ и Голландцевѣ. Нѣштѣ недоставка вѣ порохѣ и вѣ другихъ для нихѣ надобностяхѣ.

Кромѣ природной прусоссти Тонкинскихъ военныхъ людей, множитѣ еще оную необходимость помереть вѣ претрудномѣ для нихѣ званіи безѣ надежды повышенія чинами. Да и опличающихся храбростію не премвняется жребій, сколь ни рѣдко видятѣ шому примѣры. Деньги и милосни вельможей, вошѣ чѣмѣ выслуживаются шамѣ люди.

Быва-

Бывають междоусобія, кои укрощають паче уловками, нежели оружіемъ. Въ старину, враждуя они съ Кишайцами, дирались нарочишо, но по нуждѣ. Воинскимъ приѣмамъ и движеніямъ учашъ безпрестанно, да и въ помѣ сосшоитъ главное въ ихъ званіи. Ежедневно выдается имъ кормъ сараинскимъ пшеномъ и по три рубли на годъ жалованья. Подашей никакихъ не плащящъ. Тѣ, коимъ не доспается быль помѣщеннымъ въ споліуцѣ, разсвьяны по Альдеямъ, подѣ начальствомъ Мандариновъ, обязанныхъ пещись объ ихъ прокормленіи. Каждой Мандаринъ имѣетъ надъ ними власть, равную Царской.

Нѣтъ во всей землѣ ни крѣпостей, ни замковъ. Правительство славится шѣмъ, что не имѣетъ нужды ни въ какой иной зашитѣ, кромѣ войска... Правда, но естли бы число рапниковъ соощвѣствовало ихъ храбрости.

Храбрость, повторяю, рѣдкое дарованіе въ Тонкинцахъ. Крошость ихъ

ихъ и миролюбіе не столько врожденныя имъ свойства, какъ нравъ безпокойной и спропашной, пребующій непреспаннаго обузданія. Мятежи и заговоры бывають часно. Производятся паче суевѣрїемъ, коимъ ослѣпленъ до крайности сей народъ, нежели любочестїемъ. Мандарины и другіе знатные люди рѣдко прїемлютъ въ шомъ участіе.

Тонкинцы не вспыльчивы, а владѣемы двумя другими гораздо опаснѣйшими спрасшми: завистию и злобою. Первая принуждала ихъ прежде сего желать богатства и чужеземныхъ рѣдкостей, нынѣ же умѣрилось сіе желаніе и имѣють только предметами своими небольшія количества воловыхъ и серебряныхъ денегъ и Европейскія сукна. Во всякое время мѣщала природная ихъ кичливость любопытству ихъ видѣнь чужія земли. Опчизну свою далеко всѣмъ онымъ предпочитаютъ; сказываемое объ нихъ ещавятъ баснями.

Одаре-

Одарены великою памяшью и по-
 няшiemь ошрымь. Не любяшть наукъ
 за собшвенное ихъ преизящество, но
 почитаюшть нужными ради того, что
 ихъ помощю получаюшся чины и до-
 шюинства. Чипаюшть напъвомь; языкъ,
 подобно Кишайскому, полонъ одно-
 сложныхъ словъ. Есть слова, значущія
 одинашцашь и двенашцашь вещей,
 разнящіяся произношенiemь: напря-
 гая, или удерживая дыханіе, про-
 шягивая больше и меньше ударенія
 слоговъ. Да и нѣшть можетъ бышь
 ничего труднѣе для иностранцевъ,
 какъ совершенно выучиться сему язы-
 ку. Дворъ и народъ говорятъ безъ
 наималѣйшаго различія. Законы зем-
 ли съ ихъ писъмоводствомъ и оппра-
 вленіе общественныхъ чиноположеній
 на Кишайскомъ языкѣ, кошорой у
 нихъ служилъ также какъ и у насъ
 Европейцовъ языки Греческой и Ла-
 тинской.

Тонкинцы обоихъ половъ спашны,
 шаче малы, нежели велики; сложенія
 слабаго можетъ бышь ошь того, что
 енанн

сонливы и живутъ невожджно. По
 большей части смуглы, черны какъ
 Кишайцы и Японцы, а знашныя лю-
 ди какъ Испанцы и Португальцы.
 Плоскіе Кишайскіе носы и лица, черно-
 волосы, долгіе волосы спавятъ щеголь-
 ствомъ: рашники и подъ ружьемъ,
 а художники за ремеслами своими
 подбираютъ ихъ подъ шапку, завя-
 зывая на шемъ. У опроковъ и дѣ-
 вокъ до девятнадцатаго года зубы
 бѣлые, послѣ того чернятъ ихъ по
 Японскому обычаю. Знашныя люди,
 слѣдуя Кишайцамъ, опрациваютъ ног-
 ги, чѣмъ длиннѣе, тѣмъ пригоже
 кажутся имъ руки.

Одежды носятъ долгія, мало раз-
 нящіяся съ Кишайскими одеждами.
 Древнее нѣкоторое преданіе возбу-
 няетъ имъ носить шифли и башма-
 ки, кромѣ получившихъ ученостію
 своею степень Тунци, или Докшоровъ.
 Нынѣ не съ такою же, какъ было
 прежде, наблюдается то строгостію.

Черни состояніе бѣдное: давле-
 на подашми и работою.

Всякаго

Всякаго Тонкинца между осмнаццати и дванаццати лѣтъ сопрчисляютъ къ жителямъ какой нибудь области, и обкладываютъ подашю прѣмья, чешырмья, пямью и шеспью рублями въ годъ, смопря по плодonoсiю Альдеи, гдѣ онѣ живешъ. Такая подашъ собираешся въ два срока: въ Апрѣлѣ и Октябрѣ, сирѣчь во время жатвы сарацинскаго пшена. Отъ сей подаши освобождены только Князи Царской крови, придворные, государшвенные дѣловые люди и чиновники.

Ученые же люди не ниже степени Сингдо и не многіе иныхъ званій люди покупаютъ деньгами шоже право по смерпъ свою. Купецъ, преселившійся въ столицу, платитъ подашъ, какую обложены жители Альдеи, гдѣ онѣ родился; самъ, или наймомъ другихъ, обязанъ исправлять при городскихъ слѣвахъ, на дорогахъ, во Дворцѣ и иныя общенародныя работы.

Всякаго званія ремесленные люди должны стоять на сихъ работахъ по

но полугоду безъ всякаго плашежа ; развѣ начальники изъ милоспи дадутъ имъ кормъ. Другую половину года работають на себя., Время, говоришь „ сочинилъ, недовольное къ пропитаню имѣющихъ немалое семейство. „

Жители Алдеевъ, коихъ земли неплодоносны, во всегдашней скудо-сти. Не въ силахъ плашить подашь ни деньгами, ни сарацинскимъ пшеномъ. Должны они косить и спавить сѣно на казенныхъ слоновъ и лошадей. Баронъ познаетъ въ томъ полипику Тонкинскихъ Царей, чшобъ удержи-вать въ зависимости мяшежной свой народъ, копорой бы и самимъ имъ не далъ покоя, естли бы не держанъ былъ, какъ говоришь, въ уздѣ: Каждой однако же пользуется нажи-тымъ шрудами своими и оставляетъ наследникамъ.

Старшій сынъ по смерти отца получаетъ большую часть его имѣнiя: Дочерямъ достается мало, а шѣмъ, у коихъ есть брашья, почти ничего.

Тонкин-

Тонкинцы вообще любятъ быть многочадны. Отъ того вошло у нихъ въ обычай усыновлять чужихъ дѣшей обоихъ половъ. Принятыя вмѣсто дѣшей равное имѣють право въ домѣ съ истинными дѣшьями. Равно съ ними должны опцу повиноваться, служить, приносить къ нему первенцы земныхъ плодовъ и всячески, по силѣ своей, поспѣшествовать его благосостоянію. Опецъ съ своей стороны долженъ имъ помогать въ ихъ дѣлахъ, смощрять за ихъ поведеніемъ, стараться объ ихъ счастіи и оставлять по смерти своей почти равную имъ часть съ истинными своими дѣшьями. Тѣ и другія дѣши носятъ по немъ печальную одежду.

Усыновленіе бываетъ такъ: желающій оное принять проситъ избраннаго имъ домоначальника. Согласится ли онъ, то названнй сынъ приноситъ къ названному опцу своему двѣ склянки Арраку. Договоры, какъ имъ взаимно себя вести, оканчивають обрядъ. Иностранцы, заводимые пор-

Часть VI. Д говлею

говлею, или иными причинами жишѣ въ Тонкинѣ, часпо берупѣ прибѣжище къ сему обычаю, избавляясь отъ припѣсненія и неправосудія придворныхъ. Одинъ изъ памошнихъ Князей, наслѣдникъ веръховнаго Тонкинскаго полководца, принялъ къ себѣ Барона названнымъ сыномъ; но избышчивъ его довольно на дарахъ, сошелъ сей Князь съ ума.

Деревенскіе жители люди глупые, легкомысленные и суевѣрные, слѣдовательно добры и злы по внушаемымъ впереніямъ. Неправедны извѣстія Европейскихъ странствователей, будто бы Тонкинской народъ состоялъ изъ толпы бродягъ, жившихъ по рѣкамъ на площадяхъ и переѣзжавшихъ изъ одного въ другое мѣсто съ женами и дѣтьми своими искашь дневной пищи. Правда, что ѣдятъ они изъ своихъ жилищъ по разнымъ сторонамъ въ своей отчизнѣ, но ради торговли, и чтобъ достать, чѣмъ бы могли заплатить подать.

Большая

Большая ихъ рѣка, текущая изъ Китая, и сильные дожди, случающіеся въ Мартѣ, Апрѣлѣ и Маѣ, бѣдственныя иногда причиняютъ разлитія водъ. Цѣлая область ими покрывающа. Безчисленное множество гибнетъ людей, принужденныхъ оставлять свои сельбища и жить на матахъ.

Женихи и невѣсты у Тонкинцевъ брачашся, не спрашиваясь отцевъ и матерей. Дѣвки идутъ замужъ отъ шестнадцати лѣтъ. Обрядъ женитьбы состоитъ въ свашаньѣ, въ дарахъ невѣстину отцу и въ объясненіяхъ о достаткѣ той и другой стороны. Женихъ отсылаетъ къ невѣстѣ все для нее нужное; назначаютъ день свадьбы. Невѣста отходитъ повозомъ въ домъ, изготовленной для нея жилищя, со всеми дарами, полученными отъ жениха. Гости, повеселившись вечеръ, расходятся, оставляя новобрачныхъ спознаваться. Духовные люди и судьи совсѣмъ не мѣшаются въ сіе дѣло.

Многоженство во употребленіи. Жена, которой родители знаише родителей другихъ женъ у мужа, она только называется супругою. Мужья вольны развеспись съ которою хотять женою. Жена въ одномъ случаѣ покидаетъ мужа, когда ея родители сколько знаишы, что могутъ и насильственно взять ее отъ мужа.

Отпускающій отъ себя жену даетъ ей письменной видъ за своею рукою и печатью, коимъ отрицается отъ всякаго надъ нею права и учиняетъ свободною ишти за кого похочетъ. Безъ такого письменнаго свидѣтельства никто ее не возметъ. Беретъ съ собою изъ мужнина дома полученное отъ него во время свашанья, и что принесла къ нему съ собою. Разводы такимъ образомъ богатыя женъ. Дѣти должны оставаться у отцевъ; а сіе самое есть причиною тому, что рѣдко случаются разводы.

Знатной

Знашной человекъ, заславъ жену въ прелюбодѣянїи, можетъ ее и съ любовникомъ умертвить, только чѣмъ своими руками. Если принесетъ жалобу въ судебномъ мѣстѣ, то жена бываетъ раздавлена слономъ, а любовника казнятъ инаго рода смертію.

У мужей нижнихъ степеней пребуешь судьи ясныхъ доказательствъ.

Тонкинцы переняли вѣжливостъ у Кишайцовъ, однако же примѣшивая къ ней нѣкоторыя слѣды древнихъ своихъ обычаевъ. Не столь строго, какъ шѣ, порабощены почности во установленныхъ обрядахъ.

Посѣщаютъ родню и знакомыхъ по ушрамъ. Посѣщаютъ предъ обѣдомъ незваные почитаютъ неучивствомъ. Вельможи привѣзжаютъ ко Двору по ушрамъ рано. Остаются тамъ до осьми часовъ, возвращаются по домамъ и занимаютъ себя домашними дѣлами. Предъ обѣдомъ уединяются

и берутъ покой, предуготовляя онымъ желудокъ къ лучшему сваренію пищи.

Князи и знатнѣйшіе Мандарины ъздящъ или на слонахъ, или въ носилкахъ, со множествомъ чиновниковъ, воиновъ и домовыхъ служителей. Степень знатности, означается числомъ оныхъ. Люди средніе ъздящъ верьхами, не имѣя при себѣ больше десяти человекъ.

Хозяинъ гостя нижшей предъ собою степени не пощиваетъ ничѣмъ, ниже бешелью, когда онъ самъ не сдѣлаетъ чести хозяину, попросивъ у него, чтобъ приказалъ ему подать что нибудь. За вельможами всюду носятъ бешель и воду. Сосуды, въ коихъ кладутъ бешель, лакированные черные, или красные, а у Князей и Княгинь крови изъ чистаго золоша, усыпанные дорогими камнями и обдѣланы черепахою.

Въ разговорахъ удерживающся чтобъ не сказать чего не безпечальнаго,
Рѣдко

1. Великий Казначей в. б. 7. ученые Магистры и м. Офицеры
2. 3. 4. Магистры восточные, судопроизводители и Начальники
5. Казначей предводитель восточных судопроизводителей. Понтиеры

вельможи и Королевства Голландскаго

Рѣдко навѣщаютъ больныхъ. Предъ концемъ жизни не увѣдомляютъ о шомъ родню. Такое увѣдомленіе принято бы было за обиду; да и умирающъ по большей часши безъ всякаго завѣщанія и распоряженія домашнихъ своихъ дѣла. Причина непрестанныхъ шяжебъ объ имѣніи бездѣльныхъ.

Чершогі вельможей имѣютъ многія въ шѣнѣ падины, въ которыхъ они сидятъ на прекрасныхъ своихъ рогожахъ съ поджатыми ногами: кто знашнѣе, шомъ садится выше. Ковровъ и подушекъ нѣтъ и у Двора. Виѣсно первыхъ сказанныя рогожи, а виѣсно другихъ проспниковыя же изголовья.

Снѣди у знаннхъ людей отборныя, хотя образомъ приутошвленія и приправами не могутъ понравиться иностранцамъ. Чернь питаешся овощми, сарацинскимъ пшеномъ и соленою рыбою. Не имѣютъ ни скапершей, ни салфешокъ; да и ненужны въ такой землѣ, гдѣ не допрогивающся падыца-

ми до пищи. Мяса по Кипайскому обычаю рѣжутъ напередъ мѣлыми кусками. Берутъ ихъ двумя спицами вмѣсто вилокъ и кладутъ въ ротъ. Блюды не деревянные крашеные, какъ пишутъ Таверниѣ, но Японскаго, или Кипайскаго фарфора. Почтенные люди ѣдятъ спешенно; просолодины же, народъ, какъ увѣряетъ Баронъ, прожорливой, съ такою алчностію наполняютъ желудокъ, что не хотѣя слушать, естли кто ихъ тогда о чемъ вопрошаетъ, дабы не прервать удовольствія жевать и глотать, или не лишиться бы часни того, что съѣсть могутъ. Пьяные напитки столько же мало во употребленіи у простаго народа, сколько много исходитъ ихъ при Дворѣ и у военныхъ людей, у коихъ доброй пѣяка въ почтеніи. На пирушкахъ госпи вольны просить чего захотѣя, а хозяинъ спавитъ по оубъ нихъ одолженіемъ. Свидѣвшись не говорятъ, всель ты здоровъ, а гдѣ ты былъ? чѣмъ занимаешься? Примѣшивъ по лицу, что увидѣвшийся чѣмъ нибудь боленъ, не опомъ

заво-

заводящъ рѣчь а „ по скольку
 „ чашекъ сараѳинскаго пшена въшь
 „ ны присѣстомъ? Каковъ у
 „ себя позывъ на пищу? „ Знашныя
 и зажишочныя вѣдѣшъ по прижды на
 день, не счишая легкаго завѣтрака и
 полдниченья,

Лучшая забава Тонкинцовъ пѣніе
 и пляска. Занимающся ими по вече-
 рамъ и проводящъ иногда въ шомъ
 цѣлыя ночи. Таверніе называетъ сіи
 забавы комедіями, хотя совсѣмъ шамъ
 не знаютъ, что такое есть общенарод-
 ное эрѣлище и онаго украшенія. У Ман-
 дариновъ есть нарочныя для шого боль-
 шія храмины, а по деревнямъ особыя же
 мѣста, куда собираются по праздни-
 камъ жишели. Дѣйствующихъ лицъ
 бываетъ обычно чешыре, или пять,
 плашящъ каждому около одного руб-
 ля за ночь; однако же дарящъ ихъ
 сверьхъ шого эришели, ештли имъ
 угодящъ. Одежду надѣвають спра-
 ную. Мало у нихъ пѣсней: знаютъ не
 больше шести напѣвовъ, содержаніе
 коихъ всякой разъ въ честь Царей,

Д ъ

или

или полководцевъ, смѣшанное съ любовными дѣлами и спихопворческими украшеніями. Пляшутъ только женщины и припѣваютъ. Въ срединѣ дѣйствія прерываются явленіемъ шума, спарающагося разсмѣшишь собраніе оспрыми словами и кривляньями. Музыканшы ихъ играютъ на трубахъ, мѣдныхъ цимбалахъ, сиповкахъ, гитарахъ и разнообразныхъ скрипкахъ. Особой родъ пляски съ лаханью: одна женщина ставитъ себѣ на голову лахань съ малыми зажженными лампадами. Около получаса прыгаетъ, коверкается и не проливаетъ ни одной капли изъ лампадъ масла.

Женщины же искусно пляшутъ и по веревкамъ.

Драки пѣшуховъ во употребленіи, особо же у Двора. Мандарины обыкновенно проигрываютъ Царю великіе заклады. Родъ лести, обнищающей льстецовъ.

Охотники до рыбной ловли; многешво рѣкъ и прудовъ къ тому способ-

собствуетъ. Звѣриныя ловли рѣдки, ради того, что почши нѣшь въ Тонкинѣ лѣсовъ.

Но всему предпочитаютъ торжествованіе новаго года. Годъ у нихъ начинается двадцать пятаго Января и вразднуется по обычаю Кипайцовъ шриццать дней. Всѣ роды забавъ тогда бывають совокуплены, общенародно и по домамъ. По угламъ улицъ строятъ возвышенныя мѣста. Звукъ музыки раздаётся вездѣ. Вездѣ обжирство и попойки до безмѣрности. Самой неимущій Тонкинецъ угощаетъ своихъ друзей, хотя бы доводилъ чрезъ шо себя цѣлой попомъ годъ кормиться милостиною.

Въ первой день сего праздника всякой запирается дома, чтобъ инако не попалось ему на встрѣчу что нибудь предвѣщающее несчастіе на весь годъ. На другой день ходитъ въ гости и къ вышнимъ своимъ на поклонъ.

Нѣ.

Нѣкоторые изъ Тонкинцовъ начинающъ считать годъ отъ двадцать пятаго числа по послѣднемъ ихъ новолуніи, ради того, что въ сей день на цѣлой мѣсяцъ кладется государственная печать въ ковчегъ, престающъ дѣйствовать законы, запирающся судилища, должники не боясь шюрмы, не наказуются ссоры, драки и кражи. Оказавшихся въ большихъ пресупленіяхъ ловящъ и не дѣлающъ съ ними ничего до окончанія праздника.

Баронъ замѣчаетъ на послѣдокъ ошибки Таверниера, паче же шу, что описываетъ онъ Тонкинцовъ народомъ лрудолобнымъ, одареннымъ многими способностями, умѣющимъ употреблять время въ пользу свою. Такой похвалы, утверждающъ Баронъ, не лзя отказать женскому ихъ полу, но мужчины всѣ вообще лѣнны. Безъ принужденія не принимающся ни за какую работу, не заботятся ни о чемъ иномъ, какъ только объ одномъ наполненіи своихъ желудковъ.

Другая

Другая ошибка Таверниера, будто бы Тонкинцы вмѣняли въ спыдѣ открывашь голову. Всякой изъ нихъ предъ своими начальниками снимаешь шапку. Получающіе словесное и письменное повелѣніе отъ Царя предварительно скидаютъ не только шапки, но и верхнюю одежду, и попомъ уже слушающъ, или читающъ. Правда, что брѣютъ головы осужденныхъ на смерть, чѣмъ, ушедъ иногда, могли бытъ опознаны и переловлены, а не для того, какъ пишетъ сей странствовашель. Не меньше онъ обманывается повѣствуя, что преступниковъ въ Тонкинѣ четверятъ и распинаютъ на крестѣ. Сіи казни тамъ неизвѣсны.

Нѣкотораго особаго у нихъ рода къ наукамъ всего нужнѣе память. Надобно имъ выпвердитъ великое множество таинственныхъ знаковъ. Чрезъ пятнадцатъ и дватцатъ лѣтъ, а иные и чрезъ всю жизнь свою учась, едва достигають степени учительской. Находящій себя въ состояніи вы-

выдержатъ свидѣтельство можетъ всегда того претовалъ. Нѣтъ обще-народныхъ училищъ. Каждой избираетъ учителя своимъ дѣшамъ.

Изъ наукъ, преподаваемыхъ въ Китаѣ, приняты только нравственница, почерная въ одномъ такъ же источникъ: въ книгахъ Конфуціевыхъ. Крайне невѣжды въ естественной Философіи, Математикѣ и Астрономіи. Стихотворцы ихъ темны: Музыка мало пріятна ушамъ. А по всему оному праведно Баронъ удивляется, что Таверніе могъ почестъ Тонкинцовъ самымъ ученѣйшимъ между Восточными народами.

Ученые Тонкинцы, сходствуя съ Китайцами, должны восходить постепенно до послѣдней степени учености. Не знатной родъ, [чины и до-споинства умираютъ здѣсь вмѣстѣ съ имѣвшими ихъ] а успѣхи въ наукахъ доставляютъ государственнымъ должностямъ. Упражняющихся въ наукахъ первая степень есть Сингдо, подобна

Подобна нашимъ Баккалаврамъ; вторая Рюнг - Конгъ, подобна Лиценціатамъ; третья Тюнци, или нашихъ Профессоровъ. Самой искуснѣйшій изъ послѣднихъ избирается въ Трангивины, или предсѣдатели. Приспастіе, душа, можно назвать, всѣхъ дѣлъ и поступковъ Тонкинцовъ, уступаетъ при шакомъ выборѣ справедливости. Всякой разъ, по свидѣтельству Барона, упадаетъ оный на самаго достойнѣйшаго человѣка. . . . Ежели сіе шакъ, то и въ другіхъ на свѣтѣ Тонкинцовъ.

Мало успѣваютъ во врачебной наукѣ, хотя учатся правиламъ изъ Китайскихъ книгъ, вразумляющихъ знать и употреблять травы, зелья и корни. Замѣшательство въ ихъ понятіяхъ не позволяешь полагаться на ихъ разсужденія. Опыты сущи надежнѣйшія ихъ правила. Бывъ невѣжды въ Анапоміи и въ вѣдѣствяхъ, составляющихъ шѣло человеческое, всякой болѣзни причиною ставятъ кровь. Даютъ лѣкарства, не различая разность сложенія шѣлесъ. Таверніе, хваля Тонкинскихъ врачей,

врачей, судящихъ по пульсу о болѣзняхъ, опнесъ имъ то, что принадлежишь Кипайскимъ врачамъ.

Моровая язва, каменная болѣзнь и подагра мало извѣсны въ шамошнемъ краю. Болѣзни же обычныя суть лихорадки, поносы, желтуха, оспа и нѣкошорыя другія. Лечатъ шравами, а больше умѣренностію и воздержаніемъ въ пищу. Кровь пускають рѣдко и не такъ, какъ въ Европѣ: изъ лба рыбьею костью, похожею на лошадиной ланцетъ. Упопробительнѣйшее ихъ лѣкарство для болшей часи болѣзней огонь: возьмутъ листь дерева, истолкутъ въ иготи, вѣмачивають немного Кипайскими чернилами, дѣлятъ на куски, величиною въ полушку, по одному шакому куску прикладывають къ разнымъ мѣстамъ тѣла и зажигають бумажкою. Больному должно записаться великимъ терпѣніемъ къ вытерпленію сего лѣкарства. Сочинитель часшо видалъ, какъ жгли шакимъ образомъ людей; слыхалъ хвалу дѣйстви-
ямъ

имъ онаго, но не испыталъ надъ собою. Баночное, или рожечное кровопущеніе тамъ въ обычаѣ; вмѣсто нашихъ склянокъ служатъ у нихъ шыквы:

Плохо разумѣютъ лѣкарское дѣло. Вправляютъ и ломаютъ кости по мощію шравъ, хвалимыхъ Барономъ. Если у нихъ иное къ тому средство: сырую курячью кость жгутъ и толкутъ въ порошокъ, мѣсятъ швето и прикладываютъ къ больному мѣсту. Дѣши Тонкинцовъ подвержены жестокимъ запорамъ. Кладутъ имъ на выпокъ Коакрохъ, смѣшанной съ печенымъ лукомъ. Въ иныхъ болѣзняхъ толкутъ намѣлко морскія раковины, аче же морскихъ раковъ, и глошаютъ.

Знашныя люди пьютъ чай, не потишая чтобъ онъ много служилъ къ здоровью. Особливо пьютъ распуцій въ ихъ землѣ называемой Шіа - Ванъ, изъ однихъ листковъ. Изъ головокъ же и цвѣтковъ нѣкопорого особаго дерева Шіавай, высушивъ прежде и поджаривъ варятъ. Вкусомъ пріятенъ.

Часть VI.

Е

Пьютъ

Пьютъ горячій не такъ для здоровья, какъ для лакомства. Баронъ винишь Таверниера въ шомъ, что предпочитаетъ чай Японской Китайскому. „Пусть всякой судишь, говоритъ онъ, о разности ихъ: одинъ продается въ шпрое другаго дешевле.“

Тонкинцы съ Китайцами во всякое время были народы разные. Первые другихъ зовушь Мансосъ, или варварами; а землю ихъ Ганнамъ, или Южною, ради шого, что лежитъ ошъ нихъ къ Югу. Тонкинцы сходствуютъ съ прочими Индѣйцами пищею, обычаемъ красить зубы, ходяшь, также какъ и шъ, босы, большій и у нихъ также палецъ у ногъ опшопыренъ ошъ другихъ пальцевъ. Нѣшъ надежды, шшобъ узнали мы, какъ они правилися, не бывъ подъ власшю Китайскихъ Государей, пошому что не было шогда у нихъ писмянъ, швдвашельно не ошталось никакихъ лѣшописей; сочиненныя же послѣ баснословны.

Тонкинъ

Тонкинъ имѣлъ долгое время собственнѣхъ своихъ Царей. Часто воевалъ съ Кипаемъ и учинился наконецъ областью сего государства. Превъзшелъ образъ правленія. Учрежденъ наместникъ, подведшій его подъ большую часть Китайскихъ законовъ. Напоминаніе прежней вольности и наглости побѣдителей наполнило народъ желаніемъ освободить себя изъ подъ ига чужестраннаго Государя; избравъ полководцемъ своимъ храброго воина Ли; началъ дѣло; Китайцы были побиты, не пощаженъ былъ и наместникъ, именемъ Люпангъ. Счастіе не преславало и потомъ ему благодѣшествовать. Многіе одержалъ онъ побѣды. Въ Кипаѣ былъ тогда Богдыханомъ Гюмвеонъ. Толикіе уронъ и внутреннее междоусобіе принудили его заключить съ Тонкинцами миръ. Вывелъ отъ нихъ свои войска на условіяхъ, которыя чрезъ пять сотъ пятьдесятъ лѣтъ свято хранящаяся: по прошествіи каждыя тридцать лѣтъ присылають въ Пекинъ дары подъ названіемъ дани; царство

свое и свою вольность признаютьъ зависимыми отъ него и дарованными изъ милоспи и пощады.

Между драгоцѣнными и рѣдкими сими дарами обязались Тонкинцы присылать два испукана, золошой и серебряной, въ видѣ преслупниковъ, просящихъ помилованія, ознаменуя чрезъ то убіеніе ими Кипайскаго намѣстника.

Государственныя печати Тонкинскихъ Царей присылаются изъ Кипая, въ знакъ той же зависимости. Послы Тонкинскіе пріемяются у Пекинскаго Двора съ отличными великолѣпіемъ, не сполько, по свидѣтельству Барона, изъ уваженія, какъ для того, чтобы явить свое могущество оказаніемъ могущества же владѣльцовъ, ему подвластныхъ. Кипайскіе послы въ Тонкинѣ, умолчая о пышности чрезвычайно великаго числа чиновниковъ и служителей, даже до того поступають горделиво, что Царя Тонкинскаго не удосматриваютъ своимъ посвѣщеніемъ, и не

не выдаюся съ нимъ нигдѣ, кромѣ дома, отведеннаго ему въ Кашао.

Важная заслуга полководца Ли оплачена была: народъ возвелъ его на царство. Потомки сего великаго человека спокойно владѣли чрезъ два столѣтїя; послѣ того нѣкій мятежникъ лишилъ послѣдняго такого Царя престола. Славной разбойникъ Трингъ хотя возвелъ его паки, но оставилъ ему одну только тѣнь сана его, похишивъ всю Царскую власть въ достоинствѣ Шовы, или верховнаго начальника надъ войсками. Отъ того времени спали называвшяся Цари Бова, а Тринговы преемники Шова. Всѣ преимущества и вся власть самодержавїя удерживающя послѣдними. Шова объявляетъ войну и заключаетъ миръ, издаетъ и отменяетъ законы, прощаетъ и казнитъ преступниковъ, жалуетъ въ чины и лишаетъ оныхъ, налагаетъ подати на народъ. Бова напрошивъ того провождаетъ жизнь свою почти запертымъ во Дворцѣ; неотхо-

дно окружаютъ его подсмотрщики отъ Шовы. Нарочно введенной обычай не позволяешъ имъ выѣзжать изъ Дворца больше двухъ разъ въ году для богомолья въ нѣкоторыя большіе праздники; имѣютъ мнимое право подтверждать указы и учрежденія Шовы, подписывая ихъ своею рукою и прикладывая государственную печать. Европейцы Шову зовутъ Царемъ, а Бову Императоромъ.

И такъ достоинство верховнаго полководца также учинилось наследственно, какъ и преемничество престола: старшій сынъ заступаетъ мѣсто послѣ отца своего. Слavoлюбіе и высокоуміе меньшихъ братьевъ производило не единожды свары и долговременныя войны. Есть тамъ пословица: „смерть тысячи Бовъ не такъ „ опасна, какъ смерть одного Шовы.,,

Тонкинское царство раздѣляется на шесть областей. Пять имѣютъ каждая своего правителя, а шестая называемая Гангъ, смежная съ Кохин-
ки-

хиномъ , управляешся попомками Гоавинга , шакого же хищника Царской власни, каковъ былъ Трингъ, и шакке объявившаго себя Шовою во время низверженія сѣ преспола попомспва Ліева. Гіанскіе правителі, попомки же Гоавинга, удерживаютъ до нынѣ и наваніе и силу своего праопца.

Впорымъ чиновникомъ подъ правителемъ бываешъ всегда ученой Мандаринъ , которому онъ помогаетъ въ гражданскихъ дѣлахъ , и обще сѣ нимъ охраняешъ дѣйствіе законовъ. Во всякой области многія учреждены судилища. Самое вышнее неподчинено правителю, а зависишъ непосредственно отъ Кашаскаго самодержавнаго правительства. Въ вѣдомствѣ у правителя одни только дѣла уголовныя. Легкія пресупленія наказываетъ, а о заслуживающихъ смерть докладываетъ Шовѣ , которой предписываетъ произведеніе пресупнику казни.

Дѣла и ссоры знашныхъ людей разсматриваются въ столицѣ разными
Е 4 суди-

судилищами, именуемыми каждое по своему особому вѣдомству: одно судишь государственныхъ пресупниковъ, другое смертоубійцевъ, третіе тяжбы о недвижимыхъ имѣніяхъ; четвертое тяжбы о дворахъ, и шакъ далѣе.

Законы Китайскіе приняты Тонкинцами и суть ихъ права. Но есть сверхъ того у нихъ собранное во многія книги превеликое число указовъ и учрежденій, древнихъ и новыхъ, копорыя большую имѣють силу, нежели законы, да и паче соощвѣствующъ, по увѣренію Барона, благоразумію и справедливости, нежели Китайскіе ихъ законы, на примѣрѣ: запрещается ими подкидывать дѣшей, сколь бы ни раждались безобразны; законы же Китайскіе не позволяютъ, а точно велятъ шо дѣлать. Но время не пощадило чистоты древнихъ Тонкинскихъ узаконеній, развративъ даже до того, что нѣтъ нынѣ пресупленія, которое бы не могло ошпаться ненаказаннымъ за деньги.

Шова

Шова женился въ старости, познавъ самъ въ себѣ безсиліе производить дѣшей. Беретъ за себя невѣсту Царской крови, и налагается ей названіе матери Тонкинскаго народа. Мужъ даетъ ей верхъ надъ всѣми своими наложницами, держа оныхъ отъ юности своей по пяти сотъ и больше. Знашныя Тонкинцы выбираютъ въ наложницы не по красотѣ, а по дарованіямъ въ пляскѣ, пѣніи, музыкѣ и по инымъ способностямъ ихъ веселить. Родившая первенца Шовъ сноровится почтеніе всѣхъ, однако же далеко не равняется съ его женою. Прочія наложницы, давшія ему дѣшей, именуются Дюеба, сирѣчь женщина, достойная всякой чести. Дѣпи мужеска пода, кромѣ старцаго, зовущся Дюконгъ, или человекъ достойной, дочери же Башюа, значить позже, что у Европейцовъ Княжна.

Оба пода рожденных отъ Шовы суть особы знаменитыя, живутъ пышно и избыточно; но братья его и сестры содержащая тѣмъ, что онѣ

имъ изъ милоспи жалуелъ. Двоюроднымъ меньше, внучашнымъ шого меньше, и такъ далъе; вѣ пяшомъ же колвнѣ не даелъ ничего.

Тонкинцы посѣщаюшъ другъ друга на первомъ часу дни. Мандарины и вышніе чиновники, воинскіе и гражданскіе, должны вѣ сей часъ прѣвѣжашъ во Дворецъ на поклонъ къ Шовѣ; къ Бовѣ же собираюшся они только вѣ первой и пятнадцатой день всякаго новолунія сѣ поздравленіемъ: одѣваюшся шогда знатные сіи люди вѣ синее плашье, вѣ бумажныхъ на головѣ колпакахъ домашней ихъ рабшы.

Шова принимаетъ придворныхъ своихъ сѣ великими прѣугошвленіями. Многочисленная стража его шѣлохраншелей наполняелъ огражденное мѣсто предъ Дворцомъ. Множешво скопцешъ стояшъ по всѣмъ комнатамъ, выслушшваюшъ нужды Мандариновъ до Шовы и пршходяшъ къ нимъ сѣ его повелѣніями. Самые знатнѣйшіе
Мак-

Мандарины подають Шовѣ свои че-
 лобиснныя на колѣняхъ. Эрвлице, за-
 служивающее любопытство иностран-
 цевъ, есть превеликая щолпа вельмо-
 жей, слиящихся всячески привлечь на
 себя хопя бы одинъ шолько ударъ
 очей Шовы, превзойши прочихъ рабо-
 лѣпшвомъ и уничиженіемъ. Обычай
 спранной для Европейцовъ, по кото-
 рому должны знатные люди быть
 шогда босы. Но Шова обходится съ
 ними милоспиво. Тяжелѣ не дѣлаешъ
 имъ наказанія пени, или изгнанія.

Въ восемь часовъ по полуночи разѣ-
 вѣжаются изъ Дворца, оспакшся же
 шолько чиновники, спражи и ближніе
 придворные, болъшею частію скопцы
 и еще нѣкоторыя, коимъ позволено
 входить во внутренніе покои и се-
 раль. Число ихъ отъ чепырехъ до
 пяши сотъ, почши всѣ молодые, но
 всѣ шакже ненавидимы народомъ за
 гордостъ и властолюбіе. Шова удо-
 споеваетъ ихъ своей довѣренности не
 шолько въ дѣлахъ домашнихъ, но и
 государспвенныхъ. Послуживъ они ему
 шестъ,

шестъ, или семь лѣтъ у Двора, производятся посшепенно до самыхъ первыхъ чиновъ, обходя ученыхъ и способныхъ людей. Баронъ примѣчаетъ, что въ томъ больше участвуетъ корысть, нежели милость. По ихъ смерти богатства ихъ, собранныя подлостью и неправдами, отбираются на Шову. Родителямъ же, способствовавшимъ ихъ счастью, отнявшимъ у нихъ полъ, къ кошорому принадлежали, доспается только то, чѣмъ захочетъ пожаловать Шова. Скажемъ здѣсь извѣстную истинну. Скопцы при всѣхъ Азіатскихъ владѣльцахъ великую имѣютъ силу ради того, что всякой человекъ чѣмъ меньше мущина, тѣмъ способнѣе къ рабству. Видѣлъ однако же Баронъ скопцевъ съ отчужденными достоинствами въ воинскомъ и Министерскомъ званіи, какъ на примѣръ Онг - Я - Тю - Леа и Онг - Я - Та - Фа - Такъ, кошорые почишались честию и опрадою Тонкинскаго народа. Правда и то, продолжаетъ сей спранствовашель, что пода своего лишились до приключеніямъ и не рождены были къ рабству.

При

При началѣ всякаго новаго года Мандарины и воинскіе чиновачальники подшверждають присягу свою въ вѣрности Шовѣ; также присягають ему ихъ жены, дѣши, служители и подчиненные.

Повсягодной же бываетъ осмопрѣ воинству. Оказываетъ опличіе рослымъ людямъ. Самыхъ великихъ ростомъ помѣщаютъ въ число шѣлохранишелей Шовы. Могутъ не бывъ на осмопрѣ ученые и ремесленники.

Наказаніе за вины въ Тонкинѣ безъ суровости. Тонкинцы, по словамъ Барона, не кровожаждущи. Преступниковъ изъ Царской крови задушиваютъ, а прочимъ рубятъ головы.

Шова всегда пребываетъ въ Кашао. Пространной его Дворецъ на срединѣ города, обнесенъ стѣнами. Кругомъ слобода, обитаемая воинствомъ. Внутреннее зданіе въ два жилья съ опверстіями для пропуска воздуха. Врата огромныя и великодѣпныя. Чертоги Шовы

Шовы и его наложницъ украшены богашствами, собранными чрезъ цѣлой рядъ многихъ годовъ: золото, рѣзба и лакированныя вещи видны повсюду. На первомъ огороженномъ мѣстѣ предъ Дворцомъ конюшни, наполненныя лучшими лошадьми и самыми великими слонами. Позади Дворца садъ съ прямыми дорогами, рожицами, прудами и всемъ тѣмъ, что можетъ служить ко увеселенію Государя, рѣдко выѣзжающаго изъ своего жилища.

Бова, или Императоръ, какъ его называютъ Европейцы, не знаетъ самъ, которой изъ сыновей его будетъ по немъ Бовою. Да когда бы былъ у него и одинъ только сынъ, сподоль же бы мало было ему извѣстно, сдѣлается ли его наследникомъ. Оное зависитъ отъ благоволенія Шовы, воцаряющаго того изъ Князей Царской крови, котораго хочетъ.

У Тонкинцовъ случаются собранія и ходы по улицамъ, заняшыя отъ
Китай-

Кишайцовъ. Они - то дають случай Бовъ казать себя народу, какъ - то благословеніе полей. Бова прежде поспишся и молишся, потомъ выходишь на поле, принимаешься за соху и пашешь по примѣру Кишайскаго Богдыхана. Праздникъ сей называется Де - Кан - Я.

Нѣтъ въ свѣтѣ народа, кошораго бы шодико ушпашала смерть. Ошъ сего самаго взялись многія суевѣрія, коими ослабляюшся равно и знапные и просшые люди. Вѣряшъ, что младенцы во ушробѣ матерней оживошворяюшся душами другихъ умершихъ младенцевъ; что душа каждаго челошвка по выходѣ изъ шѣла становишся безплотнымъ существомъ, могушщимъ дѣлать зло и добро; что души челошвческія непрерывно носятся изъ мѣста въ мѣсто и имѣюшъ разнообразныя ко удовлетворенію нужды; ешшли оставленные ими на семъ свѣшѣ родшвенники въ шомъ не помогаюшъ, или сами они не доспавляюшъ себя ими, шо спараюшся имѣть чрезъ
на-

наношеніе людямъ зла, или добра. Такое сумозбрѣдство есть источникъ умствования, что нѣтъ горшаго несчастія, какъ умереть, вышедъ изъ младенчества.

Замѣчаютъ съ крайнею точностію день и часъ смерти челоука. Случится ли въ тотъ же день и часъ, въ которой родился отецъ его, или какой нибудь близкой по крови, то пріемлютъ за самое бѣдственное предзнаменованіе для его наслѣдниковъ и потомства. Не хоронятъ тѣла, не посоуѣтовавъ съ прорицателями и духовными людьми, и не избравъ обще съ ними способнаго къ тому дня. Проходятъ два и три года въ такомъ выборѣ дня. Гробъ между тѣмъ закрываютъ на крѣпко, ставятъ на четырехъ столбикахъ.

Баронъ пишетъ, что такіе обряды исполняютъ только зажиточные люди, а недосдаточные не держатъ мертвыхъ своихъ долѣ двенадцати, или пятнадцати дней. Разности сей

довольно сильная причина: чѣмъ да-
же задолжается время между смерщи
и погребенія челоѡка, шѣмъ болѣе
множатся убышки его домашнихъ.
Жена и дѣщи должны по три раза
на всякой день ешавишь предѣ по-
койника многія свѣди; наблюдашь,
чтобъ не погасали у гроба свѣтиль-
ники и лампы; непрестанно оку-
ривашь благовоніями; сожигашь вырѣ-
занныя изъ золоченой бумаги изо-
браженія лошадей, слоновъ и иныхъ
животныхъ. Родственники всѣ до
единого обязаны раздѣляшь сіи издер-
жки; но всего тягостнѣе для шѣхъ
и другихъ, что надобно каждому не
единожды въ день приходишь ко гро-
бу, повергашься, плакашь и при-
читашь.

Богатой Тонкинецъ въ старости
тщательно занимается приуготовлені-
емъ своего гроба, не жалѣя убышковъ.
Мертвое шѣло мужескаго полу обле-
кается въ семь, а женскаго въ девять
наилучшихъ одеждъ. Вельможамъ кла-
дутъ въ рошъ жемчугъ, мѣлкія золо-
та

Часть VI. Ж тыт

шья и серебряныя деньги, во избавленіе его отъ бѣдности на помѣ свѣтъ. Неимущимъ кладутъ же въ гробъ иныя недорогія вещи, чтобы не приходили безпокойствъ живыхъ. Нѣкоторыя спавяютъ также сосудъ, наполненной сарацинскимъ пшеномъ. Гробовъ не заколачиваютъ гвоздями, а замазываютъ особымъ составомъ, коего крѣпости удивляется Баронъ. Вколопютъ въ гробъ хотя малой гвоздь почитается пяжкою обидою мершвцу.

При выносахъ сыновья умершаго надѣваютъ одежды изъ самой грубой ткани, и самыя плохія шапки. Опираются палками, чтобы не упасъ отъ безмѣрной печали. Жены и дочери идутъ подъ фадами, чтобы не видны были лица, воютъ и рыдаютъ. Старшій сынъ часто забѣгаетъ впередъ, упадаетъ на землю и даетъ переноситъ чрезъ себя гробъ отца своего. Иногда вспаетъ и обѣими руками толкаетъ гробъ назадъ, означая желаніе, возвратитъ умершаго домой. Предъ гробомъ носятъ разныя изображенія,

женія, вырѣзанныя изъ золотой бумаги, которыя на похоронахъ сожигаютъ при играни на цимбалахъ, сиповкахъ и другихъ инструментахъ. Каждой домъ хоронитъ мертвеца по мѣрѣ своего достатка. Для умершаго вельможи дѣлаютъ многіе гробы и спавяютъ одинъ въ другой. Носятъ ихъ подъ богатыми сѣньми. Послѣдуетъ за ними длинной рядъ Мандариновъ и множество военныхъ людей.

Домашніе и ближніе по крови обрѣзаютъ волосы, посыпаютъ плаще пепломъ, на головы надѣваютъ соломённые колпаки. По опцѣ и по матери носятъ печальной нарядъ три года, а старшій сынъ три года и три мѣсяца. Овдовѣвшіе и осиротѣвшіе чрезъ все сіе время мало живутъ въ своихъ домахъ. Спятъ на голой землѣ, подстилая рогожи; ѣдятъ дурную пищу изъ дурной же посуды; не пьютъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ; не кажутся никому по праздникамъ; не женятся и не выходятъ замужъ. Тотъ, кто не окажется таковыхъ свидѣ-

Ж 2

тельствъ

пелѣствѣ печали своей, теряеть право наслѣдства. По скончаніи уреченнаго времени не вдругъ, а поспешенно начинаютъ жить по прежнему.

Хоронится всякой въ своей Альдеѣ, или деревнѣ; внѣ же оной почипають бѣдственнѣмъ предзнаменованіемъ для его единокровныхъ. Избраніе мѣспа подъ могилу естъ шаинство, имѣющее пресильное наважденіе на щасніе и нещасніе семьи умершаго. Проходятъ многіе годы въ шакомъ избираниі. Во время прехлѣшняго сѣшования и плача чешырежды на годъ дѣлають поминки: въ Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ и Сенсябрѣ мѣсяцахъ. Жертвоприношеніемъ, бываемымъ по истеченіи евог срока, нерѣдко многіе дома въ концѣ раззоряются.

Вѣра Тонкинцовъ, принятая отъ Кипайцовъ, замыкается въ книгахъ Конфуціуса, меньше однакоже имѣеть чиноположеній и обрядовъ.

Конфу.

Конфуціуса зовушъ они Онг-Конгъ; разумѣюшъ премудрѣйшимъ изъ чело- вѣковъ, и что нѣтъ добродѣтели и истинны, которыя бы не основывались на его правилахъ. Возводяся въ чины и достоинства только довольно начи- шавшіеся книгъ его, состоящихъ въ правилахъ иравоученія. Баронъ крап- ко описываетъ оныхъ содержаніе:

„Каждой долженъ знать самъ
„себя.

„Старайся дѣлать себя совер-
„шеннѣйшимъ.

„Добрыми своими примѣрами при-
„водишь другихъ къ совершенству,
„и съ ними вмѣстѣ достигашъ до
„вышшаго блага.

„Учишься познанію естества ве-
„щей, безъ чего не можно ошли-
„чать, чего должно держаться,
„чего убѣгать и какъ располагашъ
„желаніями.

Тонкинцы, живущіе по правиламъ Конфуціуса, познаютьъ единого Бога Вседержителя, правящаго всѣми земными вещьми и оныя сохраняющаго. Вѣрятъ, что видимой міръ есть вѣченъ. Опмещуть поклоненіе изображеніямъ. Члщуть духовъ и ихъ приываютъ на помощь. Ожидаютъ по смерти награжденія за добрыя и наказанія за злыя дѣла. Умствуютъ о безсмертіи душъ различно: одни, что онѣ совершенно безсмертны и молятся за усопшихъ; другіе полагаютъ безсмертными только души праведныхъ людей, а злыхъ и порочныхъ души, по ихъ мнѣнію, исчезаютъ съ тѣлами. Чаютъ, что воздухъ полонъ злыхъ духовъ, непрестанно сисящихъ вредить живымъ. Память умершихъ въ превеликомъ почтеніи. Въ каждой семьѣ опправляются вѣчески имъ положенные обряды, такъ какъ и у Китайцовъ. „Сія вѣра, извѣсняется Баронъ, безъ храмовъ, безъ священниковъ и безъ всякаго усна- новленнаго чиновленія. Состоитъ только въ благоговѣніи къ небесному

„ сному Царю и въ добродѣтельной
 „ жизни. Всякому лицу предоставле-
 „ но на волю чтишь Бога, какъ онъ
 „ самъ разумѣтъ; а для того и не
 „ подаетъ шамъ одинъ другому ни-
 „ какого соблазна. Сей вѣры держат-
 „ ся: Бова, Шова, вельможи и люди
 „ ученые. Въ старину Цари только
 „ Тонкинскіе могли приносить Всевыш-
 „ нему жертвы. Но Шова, похитивъ
 „ власъ Бовъ, присвоилъ себѣ и еіе
 „ право. Приносясь же жертвы во
 „ времена народныхъ бѣдствій, силь-
 „ ныхъ дождей, засухи, моровой язвы
 „ и шому подобныхъ. Мѣстомъ слу-
 „ жить всегда Дворецъ. Всякому же
 „ иному, кто бы ни былъ, запрещено
 „ подъ смершною казнію приносить
 „ жертвы. „

Вшораго полка вѣры Тонкиновъ
 держится проспой народъ, женской
 полъ и скопцы. Сей полкъ зовешся
 Бушъ. Между имъ и такъ называе-
 мымъ Фо почти нѣтъ разноспи. Со-
 споишь въ сущемъ идолопоклонствѣ.
 Покланяющся множеству идиоловъ, вѣ-

ряпѣ преселенію душѣ, приносятъ да-
ры и жертвы дѣволу, задабривая,
чтобѣ не дѣлалъ зла; не имѣютъ ду-
ховнаго чина. Писатель Таверніе, по
мнѣнію Барона, называетъ прорица-
телей ихъ священниками. Должность
сихъ людей есть служить идоламъ и
лечить больныхъ. Пишутся они на-
роднымъ подаеніемъ. Есть у Тонкин-
цовъ женщины, посвящающія жизнь
набоженству; проводятъ ее во ограж-
денныхъ зданіяхъ; выходятъ только
для игранія на музыкальныхъ инстру-
ментахъ при погребеніяхъ.

Есть и другіе шолки, но въ ма-
ломъ числѣ людей. Только Данцо со-
ставляють чародѣи: въ почтеніи у
вельможей и народа. Съ главными изъ
нихъ совѣщаются въ важныхъ случаяхъ.
Ошѣты ихъ пріемлютъ вдохновен-
ными свыше.

Раздѣляются на многія умствованія.
У шѣхъ, которые называются
Тай-Бу, вопрошаютъ о супружествахъ,
спрошеніи и успѣхахъ въ дѣлахъ. За
ошѣ-

опвѣны ихъ плащяшъ щедро. Удерживающъ они довѣренность къ себѣ народа двоясмысленными словами, кошорья и шакъ и сакъ разтолковашъ можно. Колдуны сего рода должны бышъ слѣпые ошъ рожденія, или ослѣпнувшіе предъ прорицаніемъ. Берущъ въ руки шри малыя мѣдныя бляхи, на коихъ изображены спиранные знаки, бросающъ многожды шакъ далеко на землю, чтобъ не сходя съ мѣша доспашъ было можно. Узнающъ будущее по шому, которая спорона бляхъ ляжешъ къ землѣ и которая къ верху. Произносящъ пошепшомъ нѣсколько словъ, и опвѣчающъ на вопросы. Извѣстные наши Французскіе шри еша слѣныхъ въ шомъ ихъ не удаде.

Колдуны Тай - Бу - Тони прорицающъ болынымъ, хуже ли съ ними будешъ, или лучше. Имвющъ книги, содержащія, какъ они ушверждаютъ, объясненія всѣхъ причинъ и дѣйсшій въ еспесивѣ. Всякой разъ говоряшъ, что будванъ шого, о комъ вопрошающъ,

Ж

пронае-

произошла или отъ дьявола, или отъ
 какого нибудь божества Обычайное
 ихъ лѣкарство состоитъ въ играніи
 на цимбалахъ и трубахъ, и въ сву-
 къ обѣ мешалловую лахань. Дѣлающіе
 заклинанія надѣвають чудную одеж-
 ду, поютъ громко, при звукѣ музы-
 ки своей выкрикиваютъ нѣкоторыя
 невнятные слушателямъ слова, по-
 тому что держа въ рукѣ маленькой
 колокольчикъ, звонятъ непрестанно;
 между пѣемъ коверкаются и прыга-
 ютъ. А какъ призывающа они поль-
 ко къ опчаяннымъ больнымъ, то и
 не прежде окончиваютъ свое фигляр-
 ство, какъ больной или умретъ, или
 будетъ ему примѣтно легче: тогда
 уже не трудно имъ располковать свое
 прорицаніе. Заклинаніе продолжается
 иногда многіе дни. Хозяева кормятъ
 ихъ лучшими снѣдками, которыя, по
 ихъ словамъ, будтобы служили жер-
 твою дьяволу для его укрощенія.

Имъ же присвояютъ силу выгонять
 злыхъ духовъ изъ домовъ. Призыва-
 ютъ они другаго рода духовъ нѣ-
 желье

Хошорымъ особымъ обрядомъ: налѣпливающъ на стѣну листы желтой бумаги съ спранными и гнусными изображеніями, кричащъ во все горло, прыгающъ, ломающся, лице, руки, ноги и все туловище тогда у нихъ дрожатъ и разнообразно корчашся. Такъ обыкновенно благословляющъ они у Тонкинцовъ новосельи.

Колдуны Тай - Де - Ли вопрошаемы бывающъ о мѣстахъ, удобнѣйшихъ для погребенія мертвыхъ.

Ба - Кошесы колдуютъ за низкую стѣну между простымъ народомъ.

О капищахъ, или храмахъ, пишетъ Баронъ, что знашныя люди не строилъ ихъ, слѣдуя своему закону, а бѣдные по несостоянію. У послѣднихъ служатъ вмѣсто того плохіе продолговато - четверугольные шалаши, открытые со всѣхъ сторонъ. По срединѣ стоятъ идолы на скамьяхъ безъ жертвенниковъ и всякаго украшенія. Полы намощены и подняты
сподь-

сподько; чшобь не понимала вода въ ненаспливое время. Со всьхь шакже шпоронь рундуки, или шупени для всходу.

Большая часть мьсть въ сей спрань низки и плоски, походяшь положеніемь своимь на тьв изь Европейскихь обласней, кошорья взаимно соединены прокопами и плошинами. Рубежи ея оть Сьвера, Запада и Юга суть горы. Протекаеть ею преизрядная рька многими рукавами; имьещь еще и другія судоходныя рьки, содержащія шамошнюю шорговлю въ цвьшущемь состояніи.

Не производить по нерадбнью и невьжеству жипелей ни вина, ни хлѣба. Лучшая ихь пища сарацинское пшено, родящееся во изобилии. Сидяшь изь него арракь, шакь какь и по другимь мьшамь.

Тонкинцы не шакь пашуть землю и не шакими сохами, какь Кинайцы.

Воякіе

Всякіе земныя плоды не хуже дру-
 тыхъ странъ Азіи, а померанцы не-
 сравненно лучше. Орѣхи кокосовые
 сверхъ обыкновеннаго употребленія да-
 ютъ хорошее лампадное масло. Мно-
 жество плодовъ, называемыхъ Гюава-
 ми, Папаіями и Банкуіями. Бешель
 и аретка сославляютъ шамъ лаком-
 ство, такъ какъ и по всей Индіи.
 Есть винныя ягоды, мало подобныя
 на Европейскія, вкусомъ походятъ на
 морковь, хошя и несравненно пріятнѣе.
 Много плодовъ, которые слывуть Ле-
 шеа, отъ жипелей зовущся Беяй, со-
 зрѣвають только между прищазью
 и двашцазью степеньми Сѣверной
 ширины. Дерево, на которомъ они ро-
 дятся, высоко; листья подобны лавро-
 вымъ. Плоды виснутъ на сучьяхъ
 гроздами. Зерна видомъ походятъ
 на сердце, величиною съ малое кури-
 ное яйцо; созрѣвъъ спановятся алаго
 цвѣта. Шелуха, или скорлупа хошя
 жесткая, но тонкая и лупящаяся
 легко. Плодъ сей услаждаетъ равно
 и зрѣніе и вкусъ. Продолжается не до-
 лѣе сорока дней, начиная отъ мѣсяца
 Апрѣля.

Апрѣля. Царскіе чиновники предъ симъ временемъ прѣвзжаютъ нарочно и кладутъ знаки на деревьяхъ, которыя обвѣщаютъ лучшіе плоды, безъ разбора, чьи бы ни были. Хозяева деревьевъ не дерзаютъ прикасаться и сверхъ того они же должны беречь ихъ для Двора.

Родятся также ананасы. Дюріоновъ и шпѣ. Симъ плодамъ потребенъ климатъ горяче Тонкинскаго. Сливъ всякаго рода множество. Плоды Мишты, превосходящіе, по мнѣнію Барона, величиною своею всякіе другіе на свѣтѣ плоды, выходятъ изъ корня, сучья же не могли бы ихъ удержать. Въ Тонкинѣ зовутъ ихъ Яка; ни въ какой землѣ не такъ велики, какъ здѣсь; не одинъ ихъ родъ: самые сухіе, или неприлипающіе къ пальцамъ и губамъ, лучше всѣхъ.

Тонкинцы и Кишайцы опмѣнно любятъ малыя шпѣ пшичьи гнѣзда, которыя не только годны съобить и приправлять събди, крѣпятъ желудокъ, но и множатъ подспреканіе
плоши.

плоши. Таверніе напрасно думаетъ, что нѣтъ ихъ нигдѣ кромѣ Кохингина. Тамъ-то, по увѣренію Барона, и нѣтъ ихъ вовсе. Сей послѣдній спранствовашель даетъ знать, что вшицы, дѣлающія ихъ, съ нашихъ ласночекъ.

Шелковичные черви были бы для Тонкинцовъ источникомъ богатствъ, если бы умѣли также съ ними обходиться, какъ Китайцы. Самые бѣдные и богатые люди ходятъ въ шелковыхъ одеждахъ, кои не дороже бумажныхъ становяща.

Цвѣшовъ не садятъ, а рождаются сами собою, какъ на примѣръ самыя лучшія розы, бѣлыя съ пурпуровымъ, красныя и желтыя; на кустахъ безъ иголь, но и безъ запаха.

Лилей, подобно какъ и по другимъ мѣстамъ Индіи, бѣлые, мало разнящіяся отъ Европейскихъ, но меньше цвѣтки, а стебли выше. Ясиновъ, которые слывуть Персидскими, безмѣрно много. Ве-

Вездѣ избыточно сахарныхъ про-
шай, но не умѣютъ замѣ дѣлать
чищаго сахару.

У всякаго много домашнихъ птиць:
куръ, гусей, утокъ и прочихъ. Нѣтъ
недостатка въ коровахъ, свиньяхъ и
всякомъ иномъ домашнемъ скотѣ. Ло-
шади малы, но сильны и проворны.
Великую бы приносили пользу жище-
лямъ, если бы было въ обычаѣ
вздишь водою.

Тигровъ и оленей мало. Обезьяны
попадаются вездѣ. Если и слоны,
но не употребляютъ ихъ для войны.

Множество кошекъ, однако же не-
ожотно ловящихъ мышей: должность
сю исправляютъ марочно выученныя
собаки, копорыя почти ничего уже
больше и не дѣлаютъ. Птиць, держа-
щихся на землѣ, посредственное коли-
чество, а водяныхъ много.

Кромѣ шелку сырцу и варенаго,
нѣтъ товаровъ, выпускаемыхъ въ чу-
жю

Китайцами. Общая политика Царей сего края есть не допускать подданныхъ чшобъ разбогатѣли, слѣдовательно не возгордились бы и не наскучили рабствомъ. Цари умышленно попускающъ чиновникамъ упошреблять во зло власть свою.

Но и торговля Тонкинская въ такомъ худомъ состояніи, что жители не иначе покупающъ что либо у иностранцевъ, какъ въ долгъ на три и на чешыре мѣсяца, а припомъ и съ худою надеждою заплаты. Нѣшъ во всемъ Тонкинѣ такого богача, по словамъ Барона, которой бы могъ купить вдругъ поваровъ на двѣ тысячи рублей. Не шакіе обманщики, какъ Китайцы, потому что ихъ глупѣе.

Вторая причина, мѣшающая благосостоянію торговли, есть та, что всѣ деньги идутъ въ Китай и шамъ промѣниваются на мѣдныя монеты, коихъ цѣна возвышается и упадаетъ по произволению Китайскаго Государя. Сверхъ того шамъ ихъ портятъ даже

даже до того, что напоследокъ ни-
 кшо уже брать не станешь: великое
 разореніе для Тонкинскихъ купцовъ,
 и пѣмъ паче бѣдственнѣе, что не дѣ-
 лающъ у нихъ такихъ мѣдныхъ де-
 негъ подѣ чеканомъ ихъ Царя, кошо-
 рья бы можно было передѣлать изъ
 порченныхъ денегъ. Жалко, продол-
 жаетъ Баронъ, что оставаящаяся въ
 небреженіи шолкіе избытки земли,
 могущіе оную обогатить и довести
 торговлю до самаго лучшаго состоя-
 нія. Съ двухъ сторонъ прилегающъ
 къ Тонкину двѣ самыя богатыя Ки-
 тайскія области. Легко бы было до-
 ставлять шуда знаменную часть про-
 израженій, и потомъ развозить по
 всему пространному сему государству;
 не трудно бы также было привлекать
 торговыхъ людей изъ Европы и Индіи;
 возволеніе свободнаго шорга иностран-
 нымъ перенесло бы и торговлю въ Тон-
 кию къ пользѣ Царя и народа; Одна-
 ко же неосновательной страхъ, что бы
 чрезъ самое то не подвергнушь когда
 либо землю набѣгамъ чужестран-
 цовъ, удаляетъ Царя Тонкинскаго

опъ пропуска иностранныхъ купцовъ
чрезъ свои границы.

Г Л А В А III.

Странствіе Католичкаго монаха Ташарда въ Сіамъ.

Слѣдъ. Между многими описаніями стран-
Та-ствовашелей въ Сіамъ дадимъ первен-
шардъ.ство Ташардову, по особому уваже-
нію опъ обществу ради разумныхъ
примѣчаній, коими оное наполнено,
такъ какъ описаніе Шуазіево ради
пріятности слога. Мало находимъ
мы странствій, описанныхъ съ поли-
кимъ удовольствіемъ любопытства
читателей, а можетъ быть и съ по-
ликою точностію, какъ Сіамскія въ
тысяча шесть сотъ восемьдесятъ пя-
томъ году. Каждое имѣло своего со-
чинителя, писавшихъ объ одномъ и
въ одно время, слѣдовательно одинъ
другаго были и цѣнители и вожди.

Парижская Академія наукъ опъ
самаго начала не примышляла ничего
при-

приличнѣйшаго своему званію, какъ
отправленіе членовъ своихъ, подѣ по-
кровительствомъ Двора, въ чужіе
краи для примѣчаній, чшобъ съ по-
мощію оныхъ поправитъ ей земле-
ноказательныя чершежи, учинитъ удоб-
нѣйшимъ мореплаваніе и большаго до-
стигнутъ совершенства въ Астроно-
міи. Посланные ея собирали все
нужное на сей конецъ въ Даніи, Ан-
глии, Африкѣ и по Американскимъ
островамъ, и сносились со упражняв-
шимися въ подобныхъ же прудахъ въ
Парижѣ. Сверхъ того искала Ака-
демія случаевъ имѣть также членовъ
своихъ въ Индіяхъ Восточныхъ. Воз-
вращеніе одного Іезуита, проповѣды-
вавшаго Евангеліе въ Китаѣ, подало
мысль объ отправленіи и въ великое
еіе государство: счастливая нечаян-
ность оное ускорила.

Тысяча шесть сотъ восемьдесятъ
втораго году прибыли во Францію
два Сіамскіе Мандарина съ Реформат-
скимъ проповѣдникомъ вѣры, име-
немъ Деващеромъ. Причина ихъ при-

Взда была та, чшобъ развѣдать о послѣ своего Царя отправленномъ къ Королю Французскому съ дорогими дарами на корабль Французскаго торговаго общества, кошорой почишадся потонувшимъ. Такое упрежденіе отъ спороны Индѣйскаго владѣшеля преклонило Лудовика XIV воспользоваться случаемъ въ пользу наукъ и распроспраненія Христіянства. Господинъ Лувуа (*) по повелѣнію Его Величѣства пошребовадъ отъ Іезуитовъ шести изъ нихъ чедовѣкъ, искусныхъ въ Математику. Приняты они были Академиками; снабдили ихъ записками, нужными для примѣчаній, кошорыя надлежало имъ дѣлать въ Индіяхъ, морскими чертежами изъ Королевскаго книгохранилища и всякаго рода Математическими инструментами. Определено имъ было жалованье и даны папешны на званіе Королевскихъ въ Индіяхъ Математиковъ; долженствовали отправиться изъ Бреста съ рыцаремъ де Шомономъ, избраннымъ въ Послы къ Сіамскому Двору.

Назы-

(*) Тогдашній первой Французской министръ.

Назывались они де Фонтеней, въ
достоинствѣ настоятеля, Гербилонъ,
Де-Контъ, Буве, Видлу и Ташардъ.
Въ причетѣ посольскомъ находился Аб-
башъ де Шуази, человекъ знашнаго
рода съ извѣстными достоинствами,
избранной пребывать Французскимъ по-
сланникомъ при Сіамскомъ Дворѣ, по
крайней мѣрѣ до крещенія Царя, есшъ
ли шо по обвѣщаніямъ его исполнился;
чего однако же не послѣдовало. Корабль,
на кошоромъ пустились всѣ сіи люди
въ пушъ, былъ военной о сорокъ пуш-
кахъ. Имя ему было Пшица; за нимъ
же слѣдовадъ фрегатъ Лукавой о шри-
ццати пушкахъ.

По мѣрѣ, какъ приближались къ
чертѣ равноденственной, Іезуиты на-
ши примѣчали день отъ дня сниже-
ніе Сѣвероподярныхъ, а возвыше-
ніе Югоподярныхъ звѣздъ. Изъ
усмотренныхъ ими новыхъ для нихъ
между послѣдними примѣшнѣ бы-
ли называемыя звѣздами крестоваго
похода, ради крестообразнаго ихъ
взаимнаго положенія. Самая большая въ

двадцати семи степеняхъ отъ Южнаго полюса. Служишь она вождемъ для коричихъ, снимая ея высоту.

Проходя равноденственную черпу, не шerpбли ничего таково, чѣмъ обычно угрожаемы бывающъ мореходцы. Голландское напрошивъ того судно, отправившееся изъ Европы чрезъ два послѣ нихъ мѣсяца, подвергалось ужаснымъ крайностямъ. Перемерло на немъ три часши людей, на кораблѣ же Пшицѣ и на фрегатѣ отъ Бреста до мыса Доброй Надежды умеръ только одинъ человекъ. Жары знойнаго сего пояса не показались Ташарду несноснѣе меженнихъ во Франціи.

Марша вшорагонадесять видѣли среди дня одно изъ шѣхъ и грѣсшесшва, кошорья зовущя бычьимъ и козловымъ глазомъ. Мореходцы пріемлющъ ихъ предзнаменованіемъ бури. Облако шо большее и круглое насупротивъ солнца, цвѣтное какъ радуга, но ярче краски. Можешъ бышь происходишь оно отъ густошы и мрака

жа сего облака. Ташардъ неосновательнымъ находить предзнаменованіе. Дважды онъ видѣлъ такое облако и стояло пошомъ чрезъ многіе дни ведро.

Тщательно описалъ онъ другой родъ явленія естества, прозванной онъ мореходцевъ шрубами, насосами и водяными драконами. Насмотрѣлся ихъ между чертами равноденственной и шропической. Такое видѣніе есть свившіеся въ предлинную шрубу, или валъ, густые пары, достигающіе однимъ своимъ концемъ до облакокъ, а другимъ поверхносни моря, какъ бы кипящаго на шомъ мѣстѣ. Сначала показывается черное облако, послѣ ошдѣляется часть и составляетъ сіе видѣніе. Ошдѣленіе сіе не иначе бываетъ, какъ ошъ сильнаго вѣшра, которой оное непримѣтно свиваетъ въ подобіе превысокаго надъ моремъ шолба, оспающагося шакъ въ воздухѣ; или будучи не допускаемъ разрушиться крѣпостію вѣшра, или нижнія поддерживаютъ собою верхнія

3 5

нія его частіцы. Случалось, что корабли перерѣзывали мачшами и райнами своими такіе столбы и опрокидывали ихъ также пушечною пальбою. Упалъ послѣ того ливной дождь и скрывалось ошъ глазъ видѣніе. Опасныя по сушъ встрѣчи для мореплавателей; наливающъ въ суда множество воды; иногда же безмѣрнымъ порывомъ бываемаго тогда вихря не только ломающъ мачшы, но и совсѣмъ ихъ опрокидывающъ. Издали не кажутся сіи столбы толще шести фушовъ; но Таверніе, находясь ошъ одного изъ нихъ на пистолетной выстрѣль, примѣшилъ, что имѣлъ онъ больше ста фушовъ во окруженіи.

Видѣлъ Ташардъ другія явленія, называемыя ливерами, или бочечными насосами, на копорые нарочито походятъ. Показываются или при восхожденіи, или закатѣ солнца, всякой разъ подъ, или надъ симъ свѣтиломъ; сушъ же длинныя и густыя облака, окруженныя облаками же чистыми и прозрачными. Никогда не
упа-

упадають, а смѣшавшись и тѣ и другія вмѣстѣ мало помалу исчезають. Сполбы, или драконы, напрошивъ шого бѣгутъ скоро въ одну сторону, споятъ долго, всегда посабдуютъ за ними дожди съ вихремъ, поднимающіе на морѣ пѣниспыя волны

Лунныя радуги ярче цвѣтомъ видимыхъ во Франціи. Лучи солнечныя, освѣщая поднявшіяся на воздухъ капли морской воды, дають имъ прекрасной цвѣтъ; а вѣтръ разбрасываетъ ихъ врознь, какъ мѣлкой дождь, или тонкую пыль, во время, когда двѣ волны гребнями своими взаимно ударяются. Глядя на такія радуги съ высокаго мѣста, кажутся онѣ нагнувшимися назадъ. Случается, что находилъ сверху другое облако, и превращаясь въ дождь, производитъ другую радугу, такъ что обѣ онѣ, сходясь концами, изображаютъ почти цвѣтой радужной кругъ.

Море, также какъ и воздухъ, имѣетъ свои явленія. Не рѣдко пред-
сша-

спавляется оно зрѣнію огненнымъ ; особливо между шропиковъ ; часто видимы пакъ называемые малые огненные языки , прилипающіе къ ма-чшамъ и райнамъ предъ концемъ бу-ри. Португальцы зовутъ ихъ огнями свяшаго Эльмы. Машемапики , о ко-ихъ мы здѣсь пишемъ , многожды ви-дѣли море по ночамъ , когда оно вол-новалось , покрытое огненными искра-ми. Нѣкогда примѣчающъ на кормѣ судовъ , когда идушъ скоро , свѣшъ за кормю. Слѣды судовъ , или прорѣзы ихъ ходомъ воды , мечтаются огнен-ною рѣкою. Бросивъ что нибудь въ море , заблещаетъ тотчасъ то мѣ-сто , на которое брошенное упадетъ. Ташардъ находить тому причину въ качествѣ морской воды , которая , имѣя множество селитры , а того еще паче вещества , служащаго для Хими-ковъ главнымъ составомъ въ дѣланіи фосфора , всякой разъ гонима къ воспа-мененію отъ колыханія. Малое по-требно ей движеніе , чтобъ засвер-кашъ какъ огонь. Намоченную водою вервь махая , увидишь на ней бле-ска

ски, подобные свѣпящимся ночью чер-
вякамъ, яркіе и синевапые.

Около равноденственной черты по
захожденіи солнца не только во время
волненія, но и когда совсѣмъ тихо,
равнымъ же образомъ освѣщается море.
Увидяшъ глаза множество малыхъ и
слабыхъ молній, сверкающихъ изъ
подъ воды. Наши шесть Машемаши-
ковъ относятъ сіе явленіе жаркимъ
шамошнимъ солнечнымъ лучамъ, оста-
вляющимъ по себѣ на ночь въ море
безчисленное множество огненныхъ и
свѣпящихся частицъ.

Сверхъ сихъ скоропреходныхъ
огненныхъ явленій видѣли они во
время пишины моря инаго рода, пруд-
наго ко объясненію. Можно по на-
ывавшъ поспоянными огнями, попо-
му что не исчезаютъ такъ какъ
первые. Разныхъ величинъ: круглые,
продолговато круглые, въ поперечни-
кѣ болѣе одного съ половиною фуша,
длиною съ военной корабль, движущ-
ся не меньше, какъ на двѣсти шаговъ.
Море-

Мореходцы поставляютъ ихъ особливою нѣкопорою клейкою и густою жидкостію, соспавляемою въ морѣ образомъ, до нынѣ неизвѣстнымъ; другіе же пріемлютъ блестящимися отъ природы рыбами, которыя спятъ на поверхности моря. Были люди, увѣрявшіе, что дважды казались они имъ шочно щуками.

Различныя травы и птицы начинаютъ являться отъ припцать шрельей степени Южной широты и отъ девятнашцаши длины. По мнѣнію кормчихъ предвѣщаютъ близость мыса Доброй Надежды, къ которому и прибыли наши спранспвователи шрельяго Мая. Положили якорь во сшѣ пшадешаши шагахъ отъ крѣпости.

Ученые наши Іезуиты получили отъ Вандершеля, правителя на семь мысѣ, позволеніе вынести на берегъ Математическіе свои инструменшы и дѣлашь свои примѣчанія. Голландскіе кормчіе знали шолько по преданію шщепень длины мыса: знаніе сомнишель-

тельное и обманывавшее ихъ невѣ-
 да. Ташардъ взялся услужить пра-
 вителью и кормчимъ его народа, по-
 средствомъ привезенныхъ имъ съ со-
 бою Машемашическихъ инструментовъ
 въ новыхъ Коссиніевыхъ таблицъ, не
 имѣя нужды дожидаться зашмвній
 солнечныхъ и лунныхъ, но съ помо-
 щью наблюденія Юпитеровыхъ спутни-
 ковъ успановишь, подъ которою спе-
 шенію длины мѣста находится мысъ.
 Вандерспель не только принялъ оное
 съ благодарностію, но и опвелъ Іезу-
 итамъ для жилища ихъ особое зданіе
 въ славномъ саду Голландскаго торго-
 ваго общества. Удивились наши спран-
 шивавшие красотѣ сего сада. Не
 видывали ему подобнаго. Помѣщенъ
 оной между селенія и такъ назы-
 ваемой споловой горы, въ двухъ сшахъ
 шагахъ отъ крѣпости. Долгота его
 тысяча чешыреса одиннаццашь, ши-
 рина двѣспи прищцашь пять шаговъ,
 Изрядство не состоитъ, такъ какъ
 во Французскихъ садахъ, въ опдѣ-
 леніяхъ, цвѣшникахъ и водометахъ,
 шпорое бы все легко можно было
 имѣть;

имѣшь, потому что съ горы протекаетъ источникъ самой чистой воды; но имѣешь шероховатую зрѣніемъ дороги, обсаженные деревьями ципронными, гранашными и поморанцовыми. Обнесенъ вмѣсто забора превысокими и прегустыми лаврами, всегда зеленѣющими. Раздѣленъ на многіе малые четверугольники. Въ однихъ плодовые деревья, а въ другихъ годные ко употребленію коренья, овощи, травы и цвѣты. Садъ сей можно назвать кладовою всякаго рода прохладеній для кораблей Голландскаго торговаго общества, плавающихъ въ Индію и обычно приваливающихъ къ сему мысу. При входѣ въ садъ построены превеликой домъ для пяти сотъ невольниковъ, принадлежащихъ сему обществу: одна ихъ часть для саду, а другая употребляется на иныя работы.

Противу половины забора на той сторонѣ, гдѣ крепость, малое никѣмъ необитаемое зданіе, въ исподі сквозныя сѣни съ двумя по сторонамъ по
жоя

коями, а на верьху опкрытая со всѣхъ сторонъ бесѣдка между двумя уступами, уступанными кирпичемъ и обнесенными перилами: одни къ Сѣверу, а другія къ полудни. Сія - по самая бесѣдка имѣла удобность для Аспиромическихъ наблюдений нашихъ Іезуитовъ. Вандерспель отдалъ ее имъ подъ обсерваторію, которымъ именемъ и до нынѣ называется.

Длина мѣста города Парижа, полагаютъ за первой меридіанъ Канарійской островъ Феро, есть дваццати двухъ степеней съ половиною, по счисленію Коссиніеву. По шѣмъ же самымъ таблицамъ длина мыса Доброй Надежды оказалась сорока двухъ съ половиною.

Іюня седьмого числа опвалили опѣ мыса. Плаваніе было прудное и опасное до пятого Августа. Сего числа увидѣли островъ Яву.

Французской посолъ надѣялся достать нужное для своего шпола на

Часть VI. И Ван-

Баншамскомъ взморьѣ; но Голландцы, владѣя городомъ со времени какъ посылали они иному шамошнему Царю помощное свое войско, смутились, увидѣвъ Французской флагъ. Правитель не согласился выпустить на берегъ; смягчая же суровость своего отказа, ввалъ посла къ себѣ въ гости, общаваясь прислать на оба Французскія судна, чего бы ни пошребовали. Однако же подняли якори и осьмагонадесять числа, пришедъ къ Батавіи, стали между осьмнащатью большими кораблями Голландскаго торговаго общества.

Августа дватцать шестого паки предались пути при способномъ вѣтрѣ. Того же самаго дня произошло незапное приключеніе. Между осьми и девяти часовъ послѣ полудни въ самую темную ночь усмотрѣли на два оружейные высрѣла идущее на нихъ прямо великое судно съ попушнымъ вѣтромъ. Тщетно кричали съ Французскихъ судовъ, что то были за люди: не было отвѣта. Скоро приближи-

ближилось сіе судно. Французы не могли инако думать, что намѣрено было ударить на нихъ съ боку, попому что паруса были подобраны: обыкновенной знакъ вступленія въ сраженіе. Всѣ люди выбрались на верхнюю палубу. Выпалено было нѣсколько зарядовъ, однако же на суднѣ не примѣщали ни малѣйшаго движенія. Носовая мачта ударила концемъ въ корпусъ большаго Французскаго корабля, и швѣль само себя ошпелкнувъ, проплыло мимо. Послѣ узнали въ Сіамѣ, что сіе судно было Амстердамское, шло изъ Палимбана; люди же, бывъ до единого пьяны, спали тогда крѣпкимъ сномъ.

Октября пятаго показалась Азія противу Малаккаго мыса. Іезуиты имѣли уже себѣ седьмаго товарища, именованнаго Фюцидія изъ Бапавіи. Внутренно обрадовались, наслаждая зрѣніе мѣспами, орошенными потомъ святаго Франциска Ксавіерскаго, и нашедъ себя наконецъ на моряхъ, пошико прославленныхъ плавателями и чудесами.

Спали держась подлѣ береговъ Югорскихъ, Папанскихъ и Паганскихъ, коихъ владѣльцы суть данники Царя Сіамскаго, позволявшіе тогда Голландцамъ, предпочтительно предъ другими народами, имѣшь въ земляхъ своихъ торговлю.

Сентября двашцать вшораго дошли до устья рѣки Сіама, а на другой день спали на якорь въ шрехъ миляхъ отъ Барра.

Посолъ отправилъ тотчасъ рыцаря Форбена и извѣснаго уже онаго проповѣдника вѣры господина Левашера увѣдомишь Царя и его Министровъ о своемъ пріѣздѣ. Первому надлежало остановиться въ Банкокѣ, ближнемъ къ морскому берегу городѣ, въ двухъ миляхъ отъ устья рѣки, а послѣднему на легкомъ суднѣ вѣхашъ въ столицу. Банкокскій правитель, родомъ Турокъ, узнавъ, что посолъ Французскаго Короля находится на взморьѣ, послалъ нарочнаго съ донесеніемъ ко Двору; навѣдались уже тамъ чрезъ

чрезъ письмо съ Коромандельскаго берега къ Констансу, тогдашнему государственному дѣловому человѣку. Ташардъ описываетъ происхождение и счастье славнаго сего побродяги.

Прямое его имя было Констаншинъ Фаульконъ, пакъ онъ и подписывался. Отъ Греческихъ родителей изъ Цефалоніи. Отецъ его былъ Венеціанской дворянинъ, сынъ правителя сего острова, а мать изъ самаго стариннаго семейства. Родители его поповствомъ прожились. Ставъ онъ двенадцати лѣтъ, понялъ, что чего было ему послѣ ихъ ожидать, сѣлъ на корабль, возвращавшійся въ Англію, и оставилъ опчиэну. Разумъ, коимъ былъ одаренъ, и учтивые поступки нашли ему въ Лондонѣ благожелателей. Но не видя дороги къ такому поправленію состоянія, какъ онъ желалъ, вступилъ въ службу Аглинскаго Индѣйскаго торговаго общества и былъ посланъ отправлять дѣла въ Сіамъ. Проводилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, нажилъ довольныя деньги, пред-

И 2

прі-

пріялъ торговашь самъ собою. Вооружилъ корабль, которой дважды дурною погодою недопускаемъ былъ выплти изъ рѣки Сіама, и которой наконецъ разбился у Малабарскаго берега. Констансъ возмогъ только спасти изъ погибшаго своего имѣнія двѣ тысячи рублей денегъ. Отъ несносной печали и отъ безпокойства упалъ на берегу и крѣпко заснулъ. Во снѣ ли то ему пригрѣзилось, или то было на яву, но онъ клялся не однажды Ташарду, что видѣлъ предъ собою человека величественнаго вида, которой, кинувъ на него кропкій взоръ, съ ласкою сказалъ: „Повѣжай, повѣжай „ обратно. „ Слова сіи возбудили въ сердцѣ его бодрость. На другой день, ходя онъ по морскому берегу и примышляя способы, какъ бы возвратиться въ Сіамъ, увидѣлъ человека въ мокрой одеждѣ, приближавшагося къ нему унылымъ лицомъ. Узналъ, что то былъ посолъ Царя Сіамскаго. На возвратномъ своемъ пути изъ Персіи разбило и его корабль тою же бурей, которою разорился и Констансъ, съ

разно-

разношюю, что всего онъ, кромѣ живни, лишился. Констансъ зналъ Сіамской языкъ. Онъ и посолъ взаимно другъ другу рассказали свои приключенія. Первой послѣдняго взялся отвезти въ Сіамъ. На двѣ свои тысячи рублей купилъ судно и потребной запасъ. Такая нечаянная помощь обязала посла къ благодарности.

Достигнувъ столичнаго города, доносилъ Баркалону, или первому государственному чиновнику, о случившемся съ нимъ несчастіи, уважая цѣну показаннаго Констансомъ благодѣянія. Баркалонъ возжелалъ его увидѣть. Полюбилъ его разумъ. Со временемъ удостоилъ повѣренности, а далѣе наполнился къ нему почтеніемъ. Баркалонъ былъ умной и знающій дѣла человекъ, но лѣнивой, врагъ всякихъ трудовъ. Радъ онъ былъ, нашедъ человека вѣрнаго и искуснаго, на котораго могъ положиться. Говорилъ объ немъ Царю, и сдѣлалъ на послѣдокъ то, что и сей Государь подобныя же Баркалону получилъ объ

И 4

немъ

немъ мысли. Нѣкоторыя счастливыя
 потомъ произшествія умножили къ
 нему Царскую милость. Баркалонъ
 умеръ, а достоинство перваго го-
 сударственнаго человѣка ему было
 предложено, но онъ ошрекся, изви-
 няясь боязнію, чтобъ не навлечь зави-
 сти вельможей; а просилъ, чтобъ
 позволено ему было въ прежнемъ зв-
 нѣи продолжать ревностную свою
 службу. Такая кротость еще больше
 его превознесла въ Сіамъ. Ташардъ, въ
 краткихъ словахъ изображая качества
 ума его и сердца, пишетъ: „Способенъ
 „ онъ былъ къ государственнымъ дѣ-
 „ ламъ. Разшоропенъ и скоръ во оп-
 „ правленіи оныхъ. Вѣренъ въ соблю-
 „ деніи Царской казны и доходовъ.
 „ Не корыстолюбивъ даже до того,
 „ что не бралъ и жалованья по своему
 „ чину. Все переходило чрезъ его ру-
 „ ки. Счастіе его не портило. Вся-
 „ каго принималъ благосклонно, для
 „ всякаго былъ учивъ и услуженъ.
 „ Охотно выслушивалъ бѣдныхъ людей
 „ и имъ помогалъ; но былъ суровъ
 „ прошиву вельможей и чиновниковъ,
 „ худо

„худо исполняющихъ свою должность“,
 Бывъ въ Англіи принялъ Пропештанш-
 скую вѣру; но два Іезуита въ Сіамѣ
 обратили его паки въ Римскую, въ
 которой онъ родился.

Французы ему же должны были
 опмѣнными знаками милостей. Вы-
 шло повелѣніе принять посла съ по-
 честьями чрезвычайными. Знапнѣйшіе
 вельможи присылали его поздравить
 съ пріѣдомъ. Констансъ самъ осмап-
 ривалъ домъ, для него опведенной, и
 приказалъ нарочно опдѣлать покой
 для его дворянъ. Дорогою на всякихъ
 пяти миляхъ построены были дома
 и прибраны богатою рукою до урочи-
 ща Табанки, опстоящаго опъ города
 Сіама на одинъ часъ пупи. Казенныя
 легкія суда были ему высланы на
 встрѣчу; упошреблены были не малыя
 деньги на украшеніе оныхъ.

Мандарины первой знатности дол-
 женствовали прежде всѣхъ его при-
 вѣтствовать. Старшій изъ нихъ, во-
 щедъ къ нему на корабль и поздра-

И њ

вивъ

вивѣ съ прибытіемъ, говорилъ: „Знаю,
 „ что на швое Превосходительство
 „ возлагаемы уже были великія дѣла
 „ швоего Государя; вѣдаю [сіи слова
 „ означаютъ суемудріе Сіамцовъ о
 „ преселеніи душъ], что минуло уже
 „ тому болѣе тысячи лѣтъ, какъ вы
 „ пріѣзжали изъ Франціи въ Сіамъ
 „ возобновить и утвердить дружбу
 „ тогдашнихъ нашихъ съ тобою Ца-
 „ рей. Однако же я ешого не по-
 „ мню, и думаю, что въ первой разѣ
 „ буду имѣть счастье предстать предъ
 „ Царя Сіамскаго. „

Мандаринъ возвратился въ свою
 галеру и описалъ ко Двору о всемъ
 томъ, что видѣлъ и слышалъ на
 Французскомъ кораблѣ.

Ташарду съ двумя другими Фран-
 цузами велѣно было отправиться на-
 передъ, которой къ вечеру и дости-
 гнулъ устья рѣки. Ширина ея на семь
 мѣстѣ съ малую милю. Далѣе на пол-
 мили спановишся уже двумя прешь-
 ми, а еще далѣе нигдѣ не шире
 спа

ста шестидесяти шаговъ. Положе-
 ніемъ красива и довольно глубока.
 Барръ ея составляетъ песчанья мѣли.
 Въ успѣвѣ при самомъ сильномъ мор-
 скомъ приливѣ не бываетъ воды боль-
 ше тринадцати фушовъ. Ташардъ не
 могъ довольно налюбоваться положе-
 ніемъ сей рѣки. Берега покрыты
 всегда зеленѣющими древесами, а за
 ними теряется зрѣніе на поляхъ, об-
 сѣненныхъ сарацинскимъ пшеномъ.
 Большая ихъ часть низки, слѣдова-
 тельно и стояшъ около половины го-
 да подъ водою. Разлитіе рѣки про-
 изводятъ дожди, идущіе чрезъ многіе
 сряду мѣсяцы и всегда въ одно вре-
 мя. Они по причину великому уро-
 жаю сего пшена: не только избыточ-
 но доспаетъ на продовольствіе жи-
 телей, но и выпускается по всѣмъ
 сосѣдственнымъ народамъ. Благодѣ-
 тельствомъ сихъ же дождей разб-
 ѣзжаютъ жители по своимъ полямъ на
 лодкахъ, коихъ тамъ несмѣнное мно-
 жество. Есть большія лодки, покры-
 тая какъ дома: въ нихъ умѣщаюш-
 ся цѣлыя семьи. Многія такія боль-
 шія

шія ладьи, останавливаясь на одномъ мѣстѣ, изображающія плывущія деревни.

Тремъ посланнымъ нашимъ Іезуитамъ не мѣшала ночь продолжашъ путь. Представилось имъ зрѣлище странное: всѣ прибрежныя деревья, можно сказать, унижены были свѣпящимися мухами. Казалось, что были нарочно освѣщены полѣшными огнями. Поверхность рѣки при безвѣтріи, какъ стекло, тоже самое изображала и подъ водою. Вдругъ попомъ оповсюда налепѣло на нихъ облако мошекъ, облѣпили Іезуитовъ и кусали даже сквозь плащя. На разсвѣтѣ увидѣли множество обезьянъ разныхъ родовъ. Скакали онѣ цѣлыми толпами по деревьямъ; на вершинахъ же сидѣли сплошь особаго рода ппицы, перьемъ бѣлыя какъ снѣгъ. Французы прозвали ихъ Эгрешами, или прясилами. Сіамскіе Эгрешы походять на Африканскихъ, только меньше. На спинахъ и подъ брюхомъ изображаются подобія сказанныхъ головныхъ женскихъ уборовъ. Всякія полевая въ

Сіамѣ.

Сіамъ птицы собою прекрасны: желтыя, красныя, синія и зеленыя; повсюду лепають стадами. Жители, въря преселенію душъ, не бьютъ ихъ, чпобъ не лишитъ неумышленно души родственниковъ и друзей своихъ сподь прекрасныхъ жилищъ.

На всякой милъ попадаетъ капище. При каждомъ построень Талапуанъ, или небольшой монастырь. Общежительствуютъ въ нихъ Сіамскіе духовные люди, шамъ же учатъ юношество. Дѣти, ходя въ школы, носятъ одежды бумажныя желтыя изъ двухъ кусковъ шкани: однимъ прикрываются отъ головы до колѣней, а другой накидываютъ на плеча какъ епанчу. Брѣютъ, также какъ и ихъ учителя, головы и брови. Запускать волосы на сихъ чашяхъ шѣла почитается оскорбленіемъ божества и нарушеніемъ благонравія.

Въ десять часовъ послѣ полуночи прибыли въ Банкокъ, первое важное мѣсто въ землѣ, защищающее входъ въ

въ рѣку крѣпостью, лежащею на другомъ берегу рѣки; на обоихъ же довольно насавлено пушекъ. Де ла Маръ, Французской инженеръ, по волю Царя Сіамскаго укрѣпилъ оба сіи берега по правиламъ военной Архитектуры.

Отъ Банкока до Сіама по берегамъ множесиво деревень. Въспо домовъ шалаши на высокихъ столбахъ, ради бываемаго шамъ наводненія. Спросясь изъ бамбуеваго лѣса, какъ и по другимъ мѣстамъ Индіи. Бревна и толстыми сучья идуць на столбы и переклады, а мѣлкіе сучья на кровли и стѣны. Близъ всякой деревни рынокъ на лодкахъ. Плавающіе по рѣкѣ находящъ въ нихъ всегда гошовой обѣды и ужинъ въ плодахъ, вареномъ сарацинскомъ пшенѣ, арракъ и различно изготовленныхъ Сіамскихъ снѣдяхъ, копорыхъ однако же не могуць бсть Европейцы.

На другой день, то есть третьяго Октября, въѣхалъ Ташардъ въ
Сіамъ

Сіамъ по семи мѣсяцахъ послѣ отъ-
ѣзда своего изъ Бреста. Пошелъ пре-
жде къ Суарецу, кошорой одинъ поль-
ко Іезуитъ былъ тогда въ семь го-
родъ; попомъ во Французскую та-
можню, а напоследокъ пришелъ въ
домъ, назначенной для посла, и нашелъ
тамъ господина Констанса, перваго
Сіамскаго Министра.

Домъ сей былъ изъ лучшихъ въ
городѣ: Констансъ убралъ его велико-
лѣпно. Водилъ Ташарда по всѣмъ
покоямъ. Въ главномъ жильѣ двѣ залы
обиты были дорогимъ ситцемъ. Въ
одной спуля бархашные голубые, а
въ другой бархашные же красные съ
золотыми бахрамами. Спальня по-
сольская обставлена была Китайскимъ
щишкомъ опмѣнной красоты. Но все
то не могло равняться съ большею
комнатною подъ названіемъ дивана.
Золоченія имѣла стѣны и потолокъ.
Отдѣлялась отъ прочихъ покоевъ про-
спраннымъ дворомъ для прогулки въ
пріятную погоду. При дверяхъ водо-
метъ. Входили въ нее по ступенямъ,
спояли

стояли въ ней пребогатыя кресла подъ ебню , соединена съ двумя малыми покоями на рѣку , копорыя служили вмѣстѣ бань. Не было почти мѣста, гдѣббъ не стояло фарфора.

Подробности сіи вносятся здѣсь въ показаніе того, что знаютъ роскошь и въ самыхъ далекихъ отъ насъ странахъ.

Суарецъ, Португальской. Іезуитъ; имѣлъ тогда отъ роду семдесятой годъ. Тридцать лѣтъ прожилъ въ Индіи. Новоприбывшихъ своихъ собратій не могъ онъ помѣстити въ домъ своемъ. Была у него только одна горница съ чуланомъ. Сверхъ того въ бѣдной сей хижинѣ вездѣ были щели. За сундуками его жили ядовитыя ящерицы. Но Конспансъ заблаговременно уже приказалъ отдѣлать для каждаго изъ нихъ по одной покойной комнатѣ, съ одною длинною по срединѣ для Математическихъ ихъ инструментовъ. Поручено было двумъ Мандаринамъ, чередуясь денно и ночью,

но, надзирашь надъ работниками, коихъ было сто человекъ.

Между тѣмъ какъ продолжалась сія работа со всевозможнымъ приближеніемъ, Царь опрядилъ двухъ знатныхъ вельможей за ладью, на копорой должно было вхашъ послу. Украшена она была и вызолочена наилучшимъ образомъ. Въ длинѣ имѣла двенадцать фушовъ. Семдесятъ человекъ спальныхъ и пригожихъ людей выбраны гребцами и тянульщиками вверху по рѣкѣ; оружіе ихъ обито серебряными бляхами. По срединѣ ладьи каюта съ покрываломъ и занавѣсами изъ краснаго сукна, закраины вышиты золотомъ, перилы изъ слоновой кости, бархатныя подушки, обои изъ Персидскихъ ковровъ. За сею ладью слѣдовало еще шестнадцать другихъ ладей: на четырехъ полахъ въ каютахъ ушланы были жоврами; покрывалы суконныя красныя. Въ нихъ надлежало везти дворянъ посольства, а доспальныя двенадцать для посольскихъ чиновниковъ и служителей. За

Часть VI.

I

ними

ними же плыли ладьи Банкокского правителя. Всѣхъ ладей при входѣ въ рѣку было около шестидесяти. Суда спранные: безмѣрно долги, но безмѣрно и узки. Нѣкоторыя не короче нашихъ галерѣ, или во сто двадцать фушовъ, а ни одна не шире шести фушовъ. Гребцовъ же на каждой отъ тридцати до ста двадцати.

По прибытіи посла въ городъ Сіамъ, Констансъ изъ дома своего, находившагося въ Японской онаго части, перешелъ жить къ нему въ сосѣдство. Держалъ открытой столъ не только для посольской свиты, но и для всѣхъ иностранцевъ вообще. По стѣнамъ его дома вмѣсто обоевъ, коихъ не любятъ Сіамцы, разставлены были Японскіе щипки превысокіе и самой дорогой цѣны. Ежедневно давалъ два стола, каждой съ двенадцатью приборами. Избыточество снѣдей не уступало изобилію. Не забыты были вина: Шпанскія, Ренскія, Французскія, Цефалонскія и Персидскія. Кушанья подавали въ превеликихъ серебряныхъ
лаха-

даханяхъ; мѣсто съ напиткими успа-
влено было золотыми и серебряными
Японскими сосудами высокой работы.

Въ Сіамѣ не допускающъ чуже-
странныхъ пословъ болѣе двухъ разъ
предъ Царя: по прибытіи и предъ
отъѣздомъ, а иногда и единожды.
Говорить съ ними и кончить дѣла
предоставлено Баркалону, долж-
нствующему доносить обо всемъ Ца-
рю. Но сей Государь изъ особаго ува-
женія къ господину Шомону велѣлъ
ему сказать, что можетъ онъ всякой
разъ, когда захочетъ, его видѣть. И
въ самомъ дѣлѣ чрезъ недѣлю послѣ
перваго допуска позвалъ его Царь.
Нарочно для него учредилъ пиръ подъ
тѣнью густыхъ деревьевъ предъ Двор-
цемъ своимъ, на берегу водянаго рва.
Поставленъ былъ столъ на восемде-
сять человекъ, по обѣимъ коимъ сто-
ронамъ сдѣланы были мѣста подъ на-
питки, наполненныя Японскою по-
судомъ золотою, серебряною и изъ де-
рева дорогой цѣны, называемаго Акви-
ла. Царь, поговоривъ съ посломъ, по-
шелъ

шелъ ва шлолъ. Сидѣли за нимъ часа съ чешыре. Блюды числомъ было больше ста пятидесяти въ золотыхъ и серебряныхъ лаханяхъ, не считая подаваемыхъ въ мѣлкихъ сосудахъ и двухъ перемѣвъ съ плодами и закусками. Пили вино шести родовъ. Все безъ исключенія было опмѣнно вкусно. На что ни обращались глаза, все было великолѣпно. Угодно было Царю, чтобъ Французамъ служили за стульями знатные государственныя чиновники.

Не отказано было удовольствоваться любопытствомъ ихъ во осмотреніи Дворцоваго капища. Прошедъ девять дворовъ, достигли до перваго. Три были на немъ одна на другой кровли изъ Кишайскаго олова [мешалла средняго между нашего олова и свинца]. На вратахъ съ одной стороны изображена корова, а на другой нѣкое прегадкое чудовище. Зданіе само по себѣ долгое, но узкое. Внутри, кромѣ золаша, почти ничего было не видно. Разположеніемъ походишь на наши цер-

церкви. Построено на престолспыхъ столбахъ. У внутренней стѣны нѣчто похожее на жертвенникъ, а на немъ чепыре испукана изъ чистаго волоша въ человѣческой ростъ. Одни стойкомъ, а другіе сидячіе съ поджашыми ногами по обычаю Сіамцовъ. За жертвенникомъ родъ хоръ, на которыхъ стоилъ драгоцѣннѣйшій изъ всего царства Нагодъ, или идолъ [въ Сіамѣ Нагодами зовущся и капища и идолы], коего голова досязаетъ до кровли; вышиною въ сорокъ пядь, а въ поперечникъ въ восемь фушовъ. Ташардъ увѣряетъ, что весь онъ вылитъ изъ чистаго золота [однако же то не правда]. Тамошніе жители сказывали ему, что прежде былъ вылитъ идолъ, а послѣ на томъ же мѣстѣ построено капище. Мудрено, пишетъ сей Іезуитъ, какъ могли набрать сколько золота въ такой бѣдной землѣ, какова Сіамская (*).

I 3

„ про-

(*) Послѣ увидимъ въ примѣчаніяхъ господина Форбена, что извинительно удивляешься сей Іезуитъ шлоликому богатству; одна-

ко

„продолжаетъ онъ, безъ горести смо-
 „прѣль на сего идола, стоящаго
 „больше цѣною, нежели всѣ вмѣстѣ
 „Христіянскія наши церкви въ Евро-
 „пѣ. „ По сторонамъ идола множе-
 ство другихъ мѣлкихъ, украшенныхъ
 также золопомъ и дорогими камнями.

Зданіе однако же не изъ лучшихъ
 въ Сіамѣ, хотя никакое иное (не ра-
 вняется ему въ богатствѣ.

Ташардъ такъ описываетъ другое
 Сіамское канище:

Во стѣ шагахъ отъ Дворца на пол-
 день проспранное мѣсто съ стѣною
 вокругъ. По срединѣ онаго великое
 крестообразное кирпичное зданіе, по-
 добное нашимъ церквямъ, съ пятью
 позлащенными башнями: средняя ба-
 шня выше и больше прочихъ четырехъ.
 Зданіе сіе сидитъ на многихъ помо-
 стяхъ

ко же много онъ ошибся, принявъ шо за зо-
 лошо, что было только обито имъ сверху.

ещаяхъ одинъ другаго къ верьху меньше въ длинѣ и поперегъ, такъ что по закраинамъ ихъ всходящъ со всѣхъ чешырехъ сторонъ по узкимъ въ приладоши спупенямъ, обитымъ однимъ металкомъ съ кровлями: числомъ ихъ около сорока. Подошва большаго изъ чешырехъ сихъ крыльцевъ, или лѣшвидъ, украшена съ обѣихъ сторонъ двашцатью идолами вышееспественнаго роспа: одни мѣдные, а другіе оловянные, позолочены всѣ, но худо, изображающіе челоуковъ и животнохъ. Окружающъ зданіе сорокъ чешыре немалыя каланчи, изрядно выдѣланныя, порядочно разположенныя. Чешыре предъ восходной предъ прочими величинами по угламъ на широкыхъ возвышеніяхъ, чѣмъ выше, тѣмъ тонѣе къ верьху. Сіи остроконечные ихъ верьхи позолочены, съ желѣзными на маковкѣ спирѣлками, въ которыхъ вставлены хрустальныя не одинакой величины шарики. Образъ постройки оныхъ и всего зданія такой же почти, какъ и у насъ, но слишкомъ много имѣетъ рѣзаной работы, но не столько простой

и соразмѣрной, слѣдовательно и не столь красивой глазамъ, не обаявшимъ по видѣшью. На другомъ возвышеніи, немного повыше перваго, еще припичать шесть каланчей поменьше пѣхъ, сидятъ въ чепыре ряда вокругъ зданія, по девяти на сторонѣ. Двухъ онѣ различныхъ видовъ: однѣ остроконечны, какъ первыя, а другія имѣютъ круглые шапкомъ верьхи. Подъ сими каланчами еще особое возвышеніе, а на немъ по угламъ же по одной каланчѣ меньше первыхъ, а больше вторыхъ. Четвероугольная около всего зданія ограда, которой два длинные бока во сто двацать, а прочіе два во сто, вышиною же въ пятнадцать шаговъ. Переходы на верьху по оградѣ открытые изнутри, пополоки раскрашены съ позолопою на Маврипанской вкусъ. Извнѣ сихъ переходовъ по закрытой своей стѣнѣ выдается обдѣлка поясомъ, на ней стоить болѣе чепырехъ сошъ золоченыхъ глиняныхъ истукановъ, столь живо изображенныхъ, что казались дѣланными изъ одной ушвари, есмьли бы быди

дя въ одну мѣру. Ташардъ по угламъ
 начелъ двенадцать имѣющихъ ростъ
 исполиновъ. Изображены они были
 сидящими съ поджатыми наперекрестъ
 ногами. Смѣривъ онъ у одного та-
 кого испукана ногу, нашелъ, что
 отъ колѣна до пяты была въ сажень,
 большей палецъ въ человѣческую руку,
 прочія части шѣла по соразмѣрности.
 Около спа другихъ испукановъ назы-
 ваетъ Ташардъ полуисполинами. Но-
 ги у нихъ въ чешыре фуша. Словомъ,
 изъ всѣхъ перечтенныхъ имъ шрехъ
 соръ испукановъ не видѣлъ ни од-
 ного меньше обыкновеннаго человѣческаго
 роста, кромѣ великаго множества ма-
 лыхъ куколъ, размѣщенныхъ между
 большими испуканами.

По мнѣнію Ташарда нѣтъ во Фран-
 ціи шолико по правиламъ построен-
 наго зданія, во всѣхъ частяхъ. Ограда
 извѣ имѣетъ шестнадцатъ высокихъ
 каланчей къ верху круглыми шапра-
 ми. Высота ихъ больше сорока, а бока
 по три фуша. Составляющъ ихъ ряды
 шолбовъ, между коими большія па-

дины, наполненныя золочеными испу-
канами. Красота и великолѣпіе сего
капища не дали время Ташарду и дру-
гимъ Французамъ осмопрѣшь многія
нныя капища внутри той же самой
ограды.

Въ Сіамѣ дома чѣмъ знаніе,
тѣмъ больше имѣютъ кровель. На
капищѣ, о которомъ теперь слово,
ихъ пять; а надъ Царскимъ жи-
щемъ семь.

Сверхъ описанныхъ уже пир-
шествъ у Царя и его Министра были
другія, по случаю особыхъ произше-
ствій. Приглашаемы на нихъ были
всѣ находившіеся въ городѣ Европей-
цы: Франгузы, Англичане, Португаль-
цы и Голландцы. Іезуиты наши
долженствовали бытъ тамъ же. По-
слѣ одного изъ сихъ пиршествъ слѣ-
довали разныя забавы: первою была
Китайская комедія, раздѣленная на
дѣйствія. Смѣлыя и странныя тѣло-
движенія и прыжки составляли про-
межушки оныхъ. Въ то же время на
дру-

другой стороной Лаосы [такъ называется сосѣдній народъ царства Сіамскаго] представляли Индѣйскую кукольную комедію, почти такую же, какія бывають у насъ. Между обоими сими зрѣлищами выходилъ хоръ водъ Сіамцовъ и Сіамокъ, плясали руками и ногами, по пѣнію нѣсколькихъ мужескихъ и женскихъ гнусивныхъ голосовъ и ударенію въ ладони.

За шѣмъ казали себя прыгуны. Лазили по бамбуевымъ бревнамъ, во сто фушовъ вышиною. На верхнемъ концѣ спановилися прежде одною ногою, а другую держали на воздухѣ; попомъ на голову, шѣло съ ногами къ верху; зацѣплялись бороною за верхъ бревна и шакъ висѣли; спускались по веревкѣ съ невѣроятнымъ проворствомъ; садились и ложились нагіе на острые ножи, прикрѣпленные чернами къ шеспамъ и шакъ были качаемы; на брюхо имъ спановились стойкомъ по одному великорослому жирному человѣку..... И тамошніе не уступаютъ нашимъ фигурамъ.

Окшя

Октября дватцать осьмага числа обнародовано что Царь Вдетъ молиться въ славное капище на приими отъ города, и посѣлится Санкру, или Сіамскаго первосвященника. Прежде бывалъ тамъ обычай, что Цари, выѣжая въ сіе капище, разрѣзывали воды, шо есть ударяли рѣку своими кинжалами во время безмѣрныхъ ея разлишій, повелѣвая водамъ умалишья; но опытами увѣрять, что не слушаются ихъ воды, отменили смѣшной сей обычай, оставивъ только торжественной обрядъ Вздить въ капище. На берегу рѣки устроена была длинная храмина для Французовъ. Конспансъ свѣлъ тамъ же съ ними и подковалъ имъ порядокъ Царскаго шествія; пожелалъ, чтобы видѣли тоже и Іезуиты.

Вопервыхъ дватцать при Мандарина послѣдней степени ѣхали каждой въ своей ладѣ, выкрашенной красною краскою, одинъ за другимъ возлѣ берега. Вовпорыхъ пятьдесятъ четьре ладьи съ Царскими чиновниками,

ми, кои сидѣли на возвышенныхъ мѣ-
 шахъ, часпю вызолоченныхъ, а дру-
 гою съ позолопою по закраинамъ. На
 всякой ладѣ было отъ припущаши до
 шестидесяти гребцовъ. Впретыхъ
 двашцашъ ладей больше прежнихъ,
 въ нихъ скамьи вызолоченныя, съ
 остроконечною къ верху надѣлкою.
 На сихъ ладьяхъ плыла Царская спра-
 жа; шестнащцашъ имѣли по осьми-
 десяти гребцовъ и золоченныя весла,
 а достальныя четьре съ позолоче-
 ными вдоль шолько дорожками по
 весламъ. Вчетвертыхъ Царская ладья.
 Сидѣль онъ на высокомъ ярко вызо-
 лоченномъ пресполѣ, низъ шире, и
 чѣмъ выше, шѣмъ уже. Плашье на
 немъ было изъ золошой парчи, укра-
 шенное драгоцѣнными камнями. На
 головѣ бѣлая остроконечная шапка съ
 золошымъ обручемъ, усыпаннымъ до-
 рогими каменьями. Ладья извнѣ вы-
 золочена была по самую воду. Гре-
 бли сло двашцашъ человѣкъ въ круг-
 лыхъ шапкахъ, обшитыхъ золошыми
 бляхами, на грудяхъ шакія же бляхи.
 Солнечные лучи, ударяя и преломляясь
 въ

въ золото, производили великое сіяніе. Особой чиновникъ съ Царскимъ въ рукахъ знаменемъ, золотымъ парчевымъ по красному, но и самъ онъ весь былъ въ золотѣ, держалъ его сѣю на кормѣ. Четыре человекъ главнѣйшихъ Мандариновъ лежали ничкомъ по угламъ престола. Впятыхъ еще при ладьи, не уступающія Царской въ великолѣпіи, съ шюю шолько разносцію, что не такъ богаты были головные и грудные уборы гребцовъ.

Оба берега рѣки наполнены были народомъ. Каждой, увидѣвъ издали Царскую ладью, упалъ на колѣни, сжималъ руки, клалъ ихъ на голову и пригибалъ голову къ землѣ; непрестанно всставая и паки повергаясь, доколѣ не уплыла изъ глазъ ладья. Двадцать ладей съ сидѣлками и съ позолоченными дорожками на веслахъ за шѣмъ слѣдовали, а еще шестнацать крашенныхъ съ позолотою замыкали шествіе.

Ташардъ счелъ всѣхъ ладей сто пятьдесятъ девять. Были между ими

вѣ

во сто двадцать футовъ длиною, но ни одна не шире шести футовъ. Людей на нихъ находилось больше чешырнашцаши тысячъ человекъ. На возвращномъ пуши того же дня послѣ полудни дано было знать гребцамъ ошъ Царскаго имени, что шѣ, копоры прежде другихъ послѣюшъ ко Дворцу, получаютъ награжденіе. Пришло было смолрѣшь на ихъ усиліе, скоростъ ладей на ходу, и слышатъ восклицанія огребавшихъ и сѣлованія огребаемыхъ. Можно сказать, что весь городъ Сіамъ и всѣ жители онаго окрестности были зрителями. Большая часть, сидя у берега на лодкахъ, образовали водяную между двухъ рядовъ лодокъ дорогу ошъ города до капища, на три мили распознѣмъ. Ташардъ увѣряетъ, что было всѣхъ лодокъ до двадцати тысячъ, а людей больше двухъ сотъ тысячъ человекъ. Въ то время, какъ проѣжалъ Царь мимо копораго либо дома, или морскаго судна, зашворяли окна и двери. Всякая душа долженствовала сходить на землю, чтобы не быть Царю ниже чьихъ либо ногъ. Да-

Лады и люди на рѣкѣ раздѣлены были на двѣ часпи и повелѣно имъ было представить сраженіе. Одною стороною начальствовалъ самъ Царь. Было у него гребцовъ числомъ больше, а припомъ и отборные люди, но и одержала сторона его побѣду. Черезъ недѣлю послѣ того еще онъ выѣзжалъ изъ Дворца съ Царицею и прочими своими женами въ городъ Луво, къ Сѣверу въ двашцати миляхъ отъ Сіама. Тамъ обычно проводитъ онъ двѣ шрепи года. Пользуется большею вольностію, нежели въ своей столицѣ, въ копорой по правиламъ Азіатской полишики запирается онъ въ своемъ Дворцѣ для удобнѣйшаго удержанія народа въ повиновеніи.

Конспансъ, видѣвъ указы Лудовика XIV, данные шести нашимъ лезуишамъ, разсудилъ особо допустить ихъ къ Царю въ городъ Луво. Приказалъ имъ бышь готовымъ и не забышь взять съ собою Математическихъ инструментовъ. Посланы были за ними двѣ большія лады, а для инструментовъ шрепя,

шрешья, имѣвшая дватцашь чешыре
человѣка гребцовъ, на которыхъ вы-
ѣхали они изъ Сіама пятагонадесять
Ноября.

Въ двухъ миляхъ отъ города на-
ѣхали среди поля, покрышаго разлив-
шеюся вонъ изъ глазъ рѣкою, на по-
жороны одного изъ начальныхъ свя-
щенниковъ Пегуанской вѣры. Тѣло
лежало во гробѣ благовоиного дерева
на кострѣ, вокругъ коего стояли
чешыре высокіе золоченые столба, а
на нихъ каланча во многія жилья.
Около было нѣсколько немалыхъ
четвероугольныхъ деревянныхъ же ба-
шенъ, обавленныхъ карпузною бума-
гою, выкрашенною и налѣпленною бѣ-
лыми бумажными изображеніями. Мѣ-
сто обнесено было четверугольнымъ
же деревяннымъ заборомъ съ башен-
ками по мѣстамъ. По угламъ сего за-
бора шакія же каланчи, побольше въ
серединѣ, а поменьше поодаль отъ
первыхъ. Въ приближеніе Іезуитовъ
зажжены были потѣшныя огни. Ме-
жду чешырехъ большихъ каланчей,
Часть VI. К. что

что по угламъ, видны были подобія домиковъ, съ выкрашенными на нихъ змѣями, обезьянами, рогастыми чершьями и тому подобнымъ. Оставлены были мѣста для проходу лодокъ. Множество Пегуанскихъ Талапоиновъ, сидя на лодкахъ, наполняли разстояніе между коста и забора. Видъ ихъ былъ крошечный и спешенный, что пѣли, что вдругъ замолкали. Безчисленной обоюта пола народъ въ лодкахъ же находился позади ихъ.

Странное сіе видѣніе заставило Іезуитовъ оспановиться. Увидѣли чудныя пляски и неслѣпыя игрища: Пегуанцы и Сіамцы дѣйствовали подъ шалашами изъ бамбуевыхъ листьевъ и тростнику, открытыми со всѣхъ сторонъ; но то было начало погребельнаго обряда. Іезуиты, долженствуя того дня плыть еще пять миль, не могли дожидаться конца. Обрядамъ похоронъ надлежало длиться до позднаго вечера. Ташардъ Талапоиновъ находилъ великими корыслолюбцами: непрестанно они швердяшъ простому наро-

народу, что чѣмъ больше бываетъ издержекъ на похоронахъ, тѣмъ выгодиѣ получаетъ мѣсто душа умершаго, и попадаетъ или въ шѣло какого нибудь владѣльца, или сильнаго звѣря. По сей причинѣ не рѣдко разоряюща похоронами Сіамцы.

Засвѣшло прибыли наши и спрассивовашели, гдѣ имъ препроводить должно было ночь. Дорогою видѣли вездѣ красивыя мѣстоположенія. Плыли по водяному рву, прорытому для сокращенія пуши между городовъ Сіама и Дуво. Терялися ихъ глаза по полямъ, насѣяннымъ сарацинскимъ пшеномъ; вошедъ же въ рѣку, оба ея берега разноцвѣтною зелени древесъ и множествомъ деревень представляли имъ прекрасную картину.

Прежде, нежели начали они продолжать путь, восхопѣли побывашъ въ Царскомъ Дворцѣ, недалеко отъ посюляга ихъ двора. Но видѣли оной только снаружи, потому что никто въ него не впускается.

К 2

Зданіе

Зданіе небольшое, обнесено низкими проходными сѣнями, служащими въѣзду забору двору. Безъ всякихъ было правилъ спроеваго искусства; подножія не уже сполбовъ, на нихъ поставленныхъ. Изъ сѣней выдался низкой рундукъ съ каменными перилами въ полчеловѣка вышиною.

Во сѣмъ шагахъ другое зданіе пространнѣе и построено порядочнѣе. Въшніе сполбы имѣли довольноую красоту: было оно четверугольное, въ длинѣ сѣмъ шестидесяти шаговъ. На всякомъ боку довольно возвышенные покои со сводами и двойною крышкою. Внутри украшены преизрядными сполбами съ подножіями и надглавіями, много похожими на Европейскія. Строишель сего зданія, по мнѣнію Ташарда, зналъ архитектуру. Каждая на сѣмънахъ надѣлка покоевъ не имѣла инаго опверсшя, кромѣ дверей на срединѣ. Надъ сими надѣлками еще въ два жилья покои, коихъ по срединѣ главное спроеніе. Все же вообще не безъ красоты и порядка,

но

но было и одно только зданіе, которое нашли Іезуишты въ правилахъ строевой науки.

Прибыли въ городъ Луво, положеніемъ прекрасной. Воздухъ тамъ здоровой. Много распространёнъ онъ ещё шого времени, какъ спалъ жить въ немъ Царь. Де ла Мару, Французскому инженеру, дано уже было повелѣніе укрѣпить его по Европейски.

Въ семъ городѣ нашли Іезуишты посла своего. Царь, допусшивъ его къ себѣ, сказалъ ему: „Знаю уже, что Король Французской прислалъ съ собою „ученыхъ людей для нѣкоторыхъ у „насъ въ Индіи примѣчаній въ поль- „зу и поспѣшествованіе наукъ.“

Іезуишты между шѣмъ осматривали сады и внѣшность Дворца. Преизрядное и высокое положеніе мѣста на берегу рѣки. Достойнѣе примѣчанія были два ошдѣленные дома, кои хъ кровли сіяли какъ вызолоченныя, пощому что черепица на нихъ была

выкрашена желтою краскою; лоснилась, какъ золото, отъ солнечныхъ лучей.

Вечеру возили посла и людей его прогуливаясь на слонахъ. Казали ему блага того слона, которой въ толикомъ у Индѣйцовъ почтеніи и которой не единожды бывалъ причиною войны. Ростъ имѣлъ малой. Имѣлъ по всему шѣлу морщины отъ старости. Увѣряли посла, что отъ роду ему было больше прехъ сошъ лѣшъ. Служили ему многіе Мандарины, пишь и вѣшь подавали въ золотыхъ сосудахъ. [Подлинно стояли тогда предъ нимъ двѣ золотыя лахани, необычайно большія и толстыя.] Стѣны стойла его великолѣпно были украшены, а пощолокъ вызолоченъ.

У самаго послѣдняго Царскаго слона, по увѣдомленію Ташарда, пѣнашца чедовкѣ слугъ, смѣняющихся поочередно; у другихъ же по двашцаши, по двашцаши пяти, по шришцаши и по сороку. У блага слона сто слугъ. Не легко однако же при-

принять то за правду. Ташардъ такъ пересказываетъ намъ слова Констанса: „ У Царя нашего около двацца- „ ши тысячъ слоновъ, по разнымъ мѣ- „ стамъ его государства, не считая ди- „ кихъ въ лѣсахъ и по горамъ. За „ одинъ иногда разъ ловятъ ихъ до „ осмидесяти. „

Ташардъ, исполняя приказанное членами Французской Академіи наукъ, чшобъ замѣнить, всѣ ли слоны имѣли на ногахъ копыта, не нашелъ ни одного, у котораго бы не было когтей на пяти претолстыхъ пальцахъ, такъ короткихъ, что почти неопдѣляющихся отъ ногъ. Видѣвъ онъ многихъ слоновъ съ клыками совершенной бѣлизны и самые предлинныя. У нѣкоторыхъ порчали они изъ подъ хобота на чешыре фуша; нанизаны на нихъ были кольца золотыя, серебряныя и мѣдныя. Въ Царскомъ загородномъ Дворцѣ, въ одной милѣ отъ города Сіама, казали ему бѣлаго слоненка, гошовимаго заступитъ мѣсто сшараго бѣлаго слона. Кормили и ходили за нимъ, не жалѣя

жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ. Мандарины ему служили. Оказывались знаки высокаго почтенія мащери его и шепкѣ, возлѣ него споявшимъ. Величиною былъ сѣ быка. Подарилъ его Царю Сіамскому за три предъ шѣмъ года Царь Камбайской, приславъ просиль помощнаго войска противъ внутреннихъ своихъ мяшежниковъ, подкрѣпляемыхъ Царемъ Кохинхинскимъ.

Ноября дващцашъ вщораго въ пящомъ часу по полудни поведены были Констансомъ шещъ нашихъ Іезуищовъ предъ Царя. Проходя при двора видѣли по обѣимъ споронамъ лежащихъ ничкомъ Мандариновъ. На послѣднемъ дворѣ разоспданъ былъ коверъ, на которой ихъ и посадили. Не надѣли на нихъ пріемныхъ одеждъ, какъ обычно бываетъ, и не принуждали разущься [особая ошличность]. Увидѣли Царя, выходящаго казать послу драку слоновъ. Сѣлъ онъ на одного изъ сихъ живощныхъ у вращъ, подѣвхадъ къ Іезуищамъ, взглянулъ на нихъ веселымъ лицемъ. Отъ роду ему было

около

около пятидесяти пяти лѣтъ, ростъ имѣлъ выше средняго, прямъ и сташенъ. Конспансъ привѣщствовалъ его ихъ именемъ, а онъ отвѣчалъ:
 „Узнавъ, что Французской Король от-
 „правилъ васъ въ Китай для исполне-
 „нія великихъ своихъ намѣреній, воз-
 „желалъ я васъ увидѣть и сказать,
 „что далъ уже я повелѣнiе снабдѣ-
 „вать васъ всемъ, что бы вы ни по-
 „требовали. „

Сказавъ сiе, не далъ имъ времени отвѣчать иначе, какъ только пренизкими поклонами. На другомъ дворѣ великое множество Мандариновъ; повергшись лицомъ къ землѣ лежали въ глубокомъ молчанiи. У первыхъ вратъ ожидали Царя шарцины Европейскихъ торговыхъ обществъ, были разумны, въ приближенiе его спали на колѣни, облокотились локтями объ землю и въ краткихъ словахъ изъясняли ему нужды свои.

По Царскому повелѣнiю приведены были шесть слоновъ для Іезуитовъ,
 Къ чшобъ

чшобѣ и имѣ быль зришелями помянутой забавы. И пакѣ сѣли они на золоченыхъ шульяхъ сѣ подушками. Вожашые посшавили слоновѣ прежде на колѣни, попомѣ повалили на бокѣ. Іезуишпы взошли по переднимѣ ногамѣ на спину. Слоны спшали по немногу встшавать, давая время покойно усѣшсья. Всходяшѣ также на слоновѣ и по лѣшпшицамѣ. Природные Сіамцы, кшо бы ни былѣ, кромѣ Царя, лязяшѣ на шеи и сами ими правяшѣ. На войнѣ и на ловляхъ имѣютѣ слоны по два на себѣ вожашыхъ: одинѣ на шеѣ, а другой на крещѣ, а между ими на спинѣ садшсья Мандаринѣ сѣ копьемѣ въ рукахъ. Царѣ сѣ мѣшпа своего встшавалѣ на ноги, когда дикіе слоны силились уйши, и раздавалѣ повелѣнія, какѣ ихѣ удерживашѣ.

Прибыли на просшпанное поле во стѣ опѣ города шагахъ. Французской посолѣ сталѣ подлѣ Царя на правой, а Констансѣ на лѣвой сторонѣ. Мандарины попадали около ногѣ Царскаго слона. Заиграли на трубахъ голо-
сомѣ

сомъ рѣзкимъ безъ всякихъ изгибовъ. Два слона, приготовленные драшья, пошчасъ заревъли. Множество нарочныхъ Индѣйцовъ держали ихъ сзади за шолстые каналы, привязанные къ ногамъ, чшобъ оптащиль, когда будещъ надобно. Бойцевъ сводящъ близко, чшобъ могли доставать только одинъ другаго клыками. Ударяющся иногда такъ крѣпко, что ломающъ зубы и ошломки ихъ лешящъ во всѣ стороны; но того дня сраженіе было легкое. Царь намѣренъ былъ наряднымъ дѣломъ одарить господина Водрикура, котораго представили ему два Сіамскіе Мандарина, и которой былъ назначенъ проводить пословъ его во Францію. По окончаніи забавы Царь, къ нему подѣхавъ, вложилъ ему изъ своихъ рукъ саблю съ золотою рукояткою въ черепаховыхъ ножнахъ съ пястью золотыми полосками, цѣпь изъ золотой проволоки, на которой ее носишь, и полукафшанье парчевое съ золотыми пуговицами. Такія сабли даются только въ Сіамъ полководцамъ, посылаемымъ на войну. Не
мень-

меньше одаренъ тогда былъ и Жоюе ,
начальникъ Французскаго фрегата.

Большая часть времени пребыва-
нiя Царскаго въ Дувр прошла въ заба-
вахъ. Ташардъ и его поварищи принуж-
дены были смотрѣть битву слоновъ
съ шиграми, всякой разъ ѣдя на сло-
нахъ, чшобъ инако не подать собла-
зна Талапоинамъ, вмѣняющимъ въ
грѣхъ ѣдись на лошадяхъ.

Внѣ города сдѣланъ былъ высокой
четвероугольной заборъ изъ бамбуева-
го лѣса во сто фушовъ длиною. На
средиѣ сего двора спояли при слона,
кошорымъ должно было драться съ
однимъ шигромъ. Головы и часъ хо-
бошовъ были у нихъ покрышы. Какъ
помѣспились зрители, шо и выгусли-
ли изъ ларя шигра, какого шерспью
и видомъ не видывали никогда Фран-
цузы. Больше онъ былъ ростомъ из-
вѣспныхъ намъ шигровъ, толще и
не шакъ поджаръ; шерспь не чубарая,
широкiя полосы не вдоль, а поперегъ
какъ обручи, кошорыя сходились у не-
го

го подъ брюхомъ, на хвостѣ какъ
кольцы бѣлыя и черныя. Голова боль-
шая и мясистая, хопя былъ шо еще
молодой шигрѣ. Конспансѣ сказывалъ
лезуишамъ, что находяшся у нихъ
втрое больше; что бывъ нѣкогда на
ловѣ съ Царемъ, видѣлъ онѣ шигра
ростомъ съ лошака. Естѣ шамъ и дру-
гихъ родовъ гораздо меньше, шакіе
точно, какіе вывозятся въ Европу
изъ Африки, и какого видѣлъ Ташардѣ
шого же дня.

Приготовленнаго къ дракѣ шигра
держали распепленного на двухъ ве-
ревкахъ; не давали броситься на слона,
кошорой къ нему ближился, и коло-
рой, ударивъ его раза съ три хобо-
томъ по спинѣ, сшибъ съ ногъ. Тигрѣ
упалъ замертво, опустили верев-
ли, всшалъ, заревѣлъ и бросился на
другаго шедшаго къ нему слона. Сей
приподнялъ его своими клыками и
шигрѣ полетѣлъ на воздухъ. Упавъ
на землю, не смѣлъ больше напускать
на слона, разхаживалъ близъ забора и
лидадся на эришелей, но они сидѣли
опѣ

онъ него высоко. Выпустили претъ-
яго слона, кошорой ударилъ его такъ
сильно, что онъ растянулся и былъ
бы добитъ до смерти, но Француз-
ской посолъ выпросилъ ему жизнь.

Слѣдовавшаго за шѣмъ дня вве-
черу освѣщенъ былъ извнѣ Дворецъ
огнями, что всякой годъ бываетъ
по одиножды. Числомъ огней было
до двухъ тысячъ. Одни поставлены
были въ нарочныхъ малыхъ окнахъ
по стѣнамъ, а другіе въ фонаряхъ.
Особливо полюбились Ташарду круглые
розовые фонари на столбахъ, не мень-
ше стекляннихъ прозрачные. Доколѣ
горѣли огни, слышанъ былъ звукъ
барабановъ, дудокъ и трубъ. Меж-
ду смотришелями находился и самъ
Царь, а Царица его такой же давала
праздникъ знатнымъ женщинамъ на
другой сторонѣ Дворца.

Констансъ показывалъ Іезуишамъ
слона, кошорой тамъ называется Ца-
ремъ слоновъ. Величины и шерсти
обыкновенной. Такъ прозвали его по
шю

шой причинѣ, что родился въ одинъ день съ Царемъ. Видѣли также караульныхъ слоновъ, посмѣнно стоящихъ денно и ночно подъ навѣсомъ у Царскихъ чертоговъ. Сей Государь далъ знать Французскому послу, что хочетъ смотрѣть, какъ спанутъ Іезуиты дѣлашь свои примѣчанія луннаго затмѣнія. Мѣспомъ къ шому назначилъ одинъ изъ своихъ Дворцевъ, называемой Глее - Пусонъ, въ милѣ отъ Луво. Въ шомъ самой день назначена также была ловля слоновъ. Десятаго числа мѣсяца позваны были посолъ и Іезуиты смотрѣть потѣшныхъ огней, нарочно сожигаемыхъ на такой случай. Ташардъ такъ ихъ описываетъ.

Войско въ сорокъ шести тысячахъ человекъ построилось продолговатымъ чешвероугольникомъ по лѣсамъ и по горамъ, на дваццать шесть миль вокругъ. Длинные онаго бока были по десяти, а короткіе по шри мили. Предъ рядами воиновъ разведены были двумя чертами огни, въ
 пяти

пяти шагахъ одинъ отъ другаго, копорые непрестанно были подклады- ваемы дровами, и шакъ, чшобъ пламя подымалось всегда не ниже осьми фушовъ. Коспры сіи лежали на чешвероугольныхъ возвышеніяхъ, ушвержденныхъ на чешырехъ шполбахъ. Большіе фонари въ нѣкопоромъ одинъ отъ другаго разшояніи означали ча- сши войска подъ особымъ своимъ на- чальникомъ, имѣвшимъ при себѣ извѣ- стное число на войну упошребляемыхъ слоновъ и нѣсколько шрѣльцовъ, по- похожихъ на нашихъ солдатъ. Произ- водилась съ перемежками пальба изъ малыхъ полевыхъ пушекъ, чшобъ разсердитъ слоновъ пальбою и свѣшомъ огней, и чшобъ порывались они ишши съ мѣсша. Предоспорожности сіи бывъ забышы за нѣсколько предъ шѣмъ времени, причинили неудачи ловли. Войско шогда шстояло около ушѣсной горы. Не развели на ней огней, не по- ставили спражи и пушекъ, думая, что слоны не могутъ взбѣжать на ша- кую гору; однако же взбѣжало ихъ двенашцашъ съ невѣрояшною скоро- стію,

спію, хватаясь они хоботами за деревья и пни, и такимъ образомъ взобравшись на самую вершину, ушли въ дѣсѣ.

На сей разъ избрано было лучшее положеніемъ мѣсто, подали закуски и всякіе плоды. Кругомъ поставили военныхъ слоновъ. Обклали мѣсто огнями для защищенія Французовъ отъ шигровъ и другихъ дикихъ звѣрей, кошорые могли шамъ случиться. Констансъ повелъ Іезуитовъ въ замокъ Тлее - Пусонъ, гдѣ уже пригошоялся Царь смотрѣшь зашмѣнія. Въ девять часовъ послѣ полудни пришли они къ водяному рву, и плыли имъ до замка. Царь ожидалъ уже ихъ на вѣдшихъ переходахъ. Водяной сей ровъ былъ широкъ, длиною на цѣлую милю. По обоемъ берегамъ освѣщали его разложенные огни. Въ лучешверши мили отъ замка гребцы спали гресъ шакъ шихо, что не дѣлали ни малѣйшаго шума веслами. Сказано было Іезуитамъ члюбъ они молчали, или по крайней мѣрѣ шепшали. По выходѣ на берегъ казалось имъ, что

Часть VI.

Д

прі-

пріѣхали въ глубокую пущыню, не имѣющую въ себѣ никакого живаго созданія, хотя глаза ихъ видѣли вездѣ множество воинства и Мандариновъ. Вышедъ изъ лодки, начали Іезуиты уславливать зрительныя свои трубы и спеклы. Окончавъ сію работу чрезъ часъ времени, опшезены они были въ домъ Конспанса, опшстоявшій отъ того мѣста на сто шаговъ.

Дали имъ часа на три покой, и опять привезли въ четвертомъ часу по полуночи шуда, гдѣ надлежало наблюдать зашмѣніе. Установили они лучшую свою зрительную трубу, длиною въ пять фушовъ, въ окнѣ. Посадили ихъ на Персидской коверъ, однихъ у зрительныхъ трубъ и боевыхъ часовъ, а другіе долженствовали записывать, что будущъ замѣчатъ ихъ товарищи. Пришелъ Царь. Іезуиты, низко ему поклонясь, принялись за дѣло.

Съ великимъ удовольствіемъ глядѣлъ онъ въ зрительную трубу на лунныя пятна, особливо когда указывали

валя ему, что походятъ на печашныя буквы. . . . „Какъ же видна и ша „часъ луны, которая зашмилась? „ . . . Которой теперь часъ въ Пари- „ жѣ? Къ чему служатъ во Франціи „ наблюденія, дѣлаемые такъ далеко? „ Между тѣмъ, какъ довольствовались „ любопытство его Іезуиты, одинъ изъ „ главныхъ придворныхъ чиновниковъ „ принесъ къ Царю большую серебряную „ лаханъ съ шестью полными атласны- „ ми одеждами, которыя и подарены „ пошчасъ были Іезуитамъ. Приказалъ „ имъ встать и стоять на ногахъ. Смот- „ рѣлъ въ трубы то послѣ одного, то „ послѣ другаго. Толикое снисхожде- „ ніе удивило Сіамцовъ. Подошедъ къ „ Ташарду, подалъ ему два креста, золо- „ той и томпаковой, съ тѣмъ, чтобъ „ первой подарилъ славному тогдашнему „ во Франціи проповѣднику Ла-Ше- „ ву, а другой оставилъ у себя.

Находившійся въ сіе время въ горо- „ дѣ Луво звѣздосказатель Браминъ „ прорицалъ также лунное сіе затмѣніе, „ ошибшись только одною четвертью

Л 2

часа,

часа, утверждая припомъ, что затмѣнїе начнется послѣ восхожденїя солнца. Жалѣлъ Ташардъ, что не разумѣлъ онъ по Сїамски, слѣдовательно и не могъ поговорить съ Браминомъ о томъ, какимъ образомъ вычислялъ онъ времена затмѣнїя. Понялъ однако же, что разнаго былъ мнѣнїя съ Сїамскими Талапоинами, которые затмѣнїя луны приписываютъ большому змѣю, схватывающему ее въ ротъ и послѣ изрыгающему. На слова, что Европейскїе Астрономы точно предсказываютъ мгновенїе, когда затмится луна, какъ велико будетъ затмѣнїе, сколько продлится, когда затмится вся, половина, или только часть ея, Талапоины равнодушно отвѣчали: „ У змѣи „ есть положенныя времена, когда ей „ встѣ. Европейцы вѣдаютъ, когда на „ спупятъ сіи минушы; вѣдаютъ и „ то, когда какой позывъ ея на пи- „ щу, великой, посредственной, или „ малой. „ Такъ обычно отвѣчаютъ они и на всякіе иные подобныя сему вопросы.

Но

Но возвратимся къ слоновой лов-
лѣ. Оставалось изловить слоновъ ; об-
хватенныхъ войскомъ. Царю угодно
было , чтобъ видѣли то и Іезуи-
ты. Въ шесть часовъ поупру за-
везены они были около мили въ
лѣсъ , нашли четверугольное огра-
ждение въ чепыреста Геометриче-
скихъ шаговъ. Заборъ состоялъ изъ
прешолстыхъ столбовъ , поставленныхъ
тѣмъ , съ широкими опверстіями во
многихъ мѣстахъ. Четырнацать къ
дракъ приученныхъ слоновъ стерегли
заборъ , чтобъ не разломали его ди-
кіе слоны. Іезуиты помѣщены были
позади онаго близъ Царя. Впустили
въ ограду двенацать ручныхъ сло-
новъ самаго большаго роста. На каж-
домъ сидѣли по два человѣка съ тол-
стыми веревками , у коихъ на концахъ
сдѣланы были пѣшлы бросающъ на ди-
кихъ слоновъ. Сии звѣри , увидя себя
опвсюду гонимыми , хотѣли было
ломать заборъ и уйти , но военные
слоны всякой разъ , прогоняли ихъ на-
задъ ; сидѣвшіе на слонахъ люди бро-
сили на нихъ свои пѣшлы , и не одинъ

не ошибся. Чрезъ часъ времени всѣ были переловлены. • Каждой, по тамошнему обычаю, опущанъ былъ между двухъ ручныхъ слоновъ и опведенъ въ назначенное мѣсто. Чрезъ двѣ недѣли спановяшся дикіе слоны ручны. Между пойманными были три слоненка. Царь, подозвавъ къ себѣ Французскаго посла, сказалъ ему:
 „Одного пощлю я съ тобою къ Герцогу Бургонскому.“ Помолчавъ нѣскольکو продолжалъ „И для Герцога
 „д' Анжу можешъ бышь не будешъ „то лишнее; пощлю и ему того, которой всѣхъ меньше, чщобъ одинъ „другому не завидовали.“

Французской посолъ съ людьми своими выѣхалъ изъ Сіама чешвершаго-надесяшь Декабря. Коншансъ провожалъ его до устья рѣки, чиновно несъ онъ на корабль грамоту своего Государя къ Французскому Королю. Ташарда заставилъ писашъ письмо къ Его Величеству ошъ своего имени, послалъ ему ошъ себя пакже въ даръ чешки изъ драгоцѣннаго дерева каламбе; крупныя

тныя на нихъ зерна и крестѣ на исподи были томпаковыя.

Рыцарь Форбенъ и де ла Марѣ добровольно ошались въ службѣ у Царя Сіамскаго. Судно, на которомъ былъ посоль съ Іезуитами, подняло якорь и пошло въ путь. По счастью не умерло ни одного Француза въ Сіамѣ. На томъ же суднѣ ѡхали два Мандарина, ошправленные послами во Францію.

Такъ окончавъ повѣспованіе перваго Ташардова спранспованія, упомянемъ и объ другомъ, когда онъ присыланъ былъ къ Лудовику XIV отъ Царя Сіамскаго просить двенадцати человѣкъ Іезуитовъ, искусныхъ въ Математикѣ; въ чемъ и не было ошказано.

Флотъ, на которомъ надлежало ошвозишь двухъ Сіамскихъ пословъ и требованныхъ Іезуитовъ, состоялъ въ шести корабляхъ.

Славной Астрономъ Касини дасть
 знашь опъвѣжавшимъ , что будетъ
 замѣнѣе солнечное первагонадесять
 Мая , полное на островахъ зеленаго
 мыса и въ Гвинее. На пути, въ угод-
 ность Сіамскихъ пословъ , любопыт-
 ныхъ даже до суеврїя къ симъ не-
 беснымъ явленїямъ , одинъ изъ Іезуи-
 товъ, именемъ Комиль , хотя будучи
 боленъ , занялся наблюденїемъ сего
 замѣнїя. Находились тогда по счи-
 сленїю въ дваццати прехъ степеняхъ
 Южной , ширины , въ прехъ стахъ
 нятидесяти степеняхъ длины мѣста ;
 надлежало тамъ бышь сему замѣнїю
 примѣтну. Сіамскіе послы , увидѣвъ
 исполненїе предсказанїя , великое полу-
 чили почтенїе къ Европейскимъ Астро-
 номамъ. Не меньше удивились вѣрности
 счисленїя , прибывъ къ мысу Доброй
 Надежды.

Іезуиты долженствовали объяснить
 достойную любопытства особенность
 въ разсужденїи такъ называемой сто-
 ловой горы. Извѣстной ученой чело-
 вѣкъ Тевенотъ , утверждаясь на по-
 казанїи другихъ , думалъ , что была
 она

она нѣкогда покрыва моремъ, и что
 есть на ней много морскихъ раковинъ.
 Сверхъ изслѣдованія о семъ надѣя-
 лись Іезуиты найти на горѣ разныя
 рѣдкія растѣнія и положишь на бу-
 магу ея окрестности.

„ Пошли мы, пишетъ Іезуитъ Безъ,
 „ я и еще два изъ моихъ товарищей.
 „ Другіе прежде насъ ходили, но безъ
 „ успѣха. Отъ подошвы горы увидѣли
 „ по многимъ мѣстамъ спекающую
 „ сверху воду по каменистымъ хол-
 „ мамъ на подобіе каскадовъ. Воды
 „ сіи, соединясь въ одно мѣсто, со-
 „ славляютъ немалую рѣку; однако
 „ же большая ихъ часть скрывается въ
 „ землѣ при подошвѣ горы. Доспальныя
 „ составляютъ два большіе ручья, на
 „ которыхъ построены мѣльницы Гол-
 „ ландскихъ селеній, происходятъ же
 „ отъ облаковъ, носящихся надъ вер-
 „ шиною горы, разгоряченною солнеч-
 „ ными лучами, о которую они уда-
 „ рятся, превращаются въ дождь и
 „ низпадаютъ. Ученымъ людямъ бы-
 „ ло бы надъ чемъ попрудиться все

Д 2

„ 119

„ по разыскашь. Приближась къ верь-
 „ ху горы, слышали мы превеликой
 „ шумъ множества обезьянъ; скашыва-
 „ ли онъ сверху немалой величины
 „ камни, коихъ удареніе о каменной
 „ же маперикъ производило сей шумъ.

„ Проводникъ нашъ не всхажи-
 „ валъ никогда такъ далеко. Уди-
 „ видся онъ шуму. Сказывалъ намъ,
 „ что водяся на горѣ звѣри больше
 „ роспомъ львовъ, пожирающіе людей;
 „ но можно намъ было примѣшпшь,
 „ что говорилъ онъ сіе отъ страха и
 „ усмалоспши. Я его ободрилъ. Шли
 „ мы, хотя съ крайнею прудностію,
 „ далѣе. Видѣли кучи обезьянъ на
 „ вершинѣ горы. Въ приближеніе на-
 „ ше онъ разбѣгались.

„ Вершина горы имѣетъ равнину,
 „ около мили во окруженіи. Маперикъ
 „ гладкой, но камениспшой. На среди-
 „ нѣ разсѣлина, изъ кощорой пещетъ
 „ самая чиспная и свѣжая вода. Меж-
 „ ду каменными холмами много ра-
 „ спешъ благовонныхъ травъ. Поло-
 „ жецъ

„женное мною на бумагу изображеніе
 „сей горы несказанно пріятно гла-
 „замъ: съ одной стороны морской
 „заливъ, досягающій до мыса, и все
 „взморье; съ другой шеряется зрѣніе
 „по Южному Океану; съ прешней
 „выдавшаяся въ море земля, ложно
 „кажущаяся издали мысомъ, въ са-
 „мой же вещи естъ немалой оспровъ;
 „а съ четвертой материкъ Африки,
 „на которомъ Голландцы многіе имѣ-
 „юшъ селенія. Въ угодность господи-
 „на Тевенота врывался я въ землю,
 „которая черна какъ уголь, съ пе-
 „скомъ и мѣлкими бѣдыми камыщками.

„Мая дватцать седьмого чи-
 „сла прибыли мы къ Менанскому
 „устью и стали на якорь. Сіамскіе
 „послы съ позволенія Французскаго
 „посла ошправили на лодкѣ Іезуи-
 „та, именовъ Д' Эспаньяка, кошорой
 „довольно разумѣлъ Португальской
 „языкъ, и одного нашего дворянина
 „посольства съ письмомъ къ Констан-
 „су. Съ ними же поѣхалъ ошъ помя-
 „нутыхъ пословъ Мандаринъ не пер-
 „вой

„вой знатности, но избъ удостоевае-
 „мыхъ допускомъ предъ Царя.»

„ Не миную въ молчаніи, пишеть
 „ Ташардъ, особливости, довольно озна-
 „ чающей свойство и воспитаніе Сі-
 „ амцовъ. Между тѣмъ, какъ сему
 „ Мандарину оказывались знаки по-
 „ чтенія отъ жителей подношені-
 „ емъ первому ему шрубки съ шаба-
 „ комъ, я спросилъ нѣкоторыхъ Сіам-
 „ цовъ на ихъ языкъ о здоровьѣ Царя.
 „ Въспомо отвѣща спали, приспально
 „ глядѣшь одинъ на другаго. Удив-
 „ леніе видно было на ихъ лицахъ.
 „ Никто не отверзалъ устъ. Поду-
 „ малъ я, что нечисто и невразуми-
 „ тельно изъясняюсь по Сіамски. Во-
 „ просилъ о томъ же чрезъ толмача по
 „ Португальски, но ни правитель обла-
 „ сти, ни ея чиновники, не прерывали
 „ молчанія. Послѣ я узналъ, что ника-
 „ кой Сіамецъ не смѣеть произнести име-
 „ ни Царскаго, развѣ одинъ другому на
 „ ухо. Прибывъ въ городъ Луво, сказывалъ я о томъ Констансу; сказывалъ,
 „ что то наполнило меня безпокой-
 „ ствомъ »

„ ствомъ , не произошло ли въ мое
 „ ошущствіе какой нибудь перемѣны
 „ у Двора. Онъ мнѣ отвѣчалъ:.....
 „ Такіе твои вопросы прошивны на-
 „ шимъ обычаямъ. Никому у насъ не
 „ позволяется спрашивать о здоровьѣ
 „ нашего Государя. Многіе не знаютъ
 „ и того, какъ его зовутъ по имени,
 „ а знающіе не дерзаютъ никогда
 „ оного произносить. Первой только
 „ знанности Мандаринамъ предоста-
 „ влена сія честь; выговариваютъ они
 „ имя его съ благоговѣніемъ, какъ свя-
 „ щенную шайну. Все, случающееся во
 „ Дворѣ, есть также непроницаемое
 „ таинство для всѣхъ безъ исклю-
 „ ченія вадворныхъ. Вопросъ твой о
 „ здоровьѣ Царскомъ значитъ на на-
 „ шемъ языкѣ тоже самое, какъ бы
 „ ты спросилъ: тоже ли у васъ
 „ правительство, что же ли Дворъ,
 „ не произошло ли чего нибудь чрезвы-
 „ чайнаго съ Государемъ, или съ госу-
 „ дарствомъ. Послѣ смерти только
 „ нашихъ Царей всякому вольно объ
 „ нихъ говорить. „

Сіам-

Сіамскіе послы по положеніи яко-
ря съ нетерпѣніемъ спѣшили явиться
къ Констансу, чѣмъ узнать, когда
имъ предстать предъ Царя съ до-
несеніями объ успѣхахъ положеннаго
на нихъ дѣла; безъ того не могли
они увидѣть женъ своихъ и дѣшей,
да и позволеніе съ ними увидѣться
не легко шамъ исходашайспвованъ.
Не только по возвращеніи всякаго
Сіамскаго посла, но и съ того самаго
дня, какъ дается ему повелѣніе ъхать
къ чужестранному какому нибудь Дво-
ру, не можеть уже онъ ни по какой
нуждѣ входить въ домъ свой. Будучи
же въ чужей землѣ, запрещено ему,
я: видавъ тамошняго Государя, вы-
ѣзжать изъ дому. Тоже самое наблю-
дали и сіи послы во Франціи. Когда
допустилъ ихъ напослѣдокъ предъ
себя Констансъ, и когда выслушалъ
ихъ донесенія, шо, упавъ они ему въ
ноги, говорили: „ Угодили ли мы
„Его Величеству и шебѣ? Ко-
„нечно. Скажите мнѣ вкратцѣ о
„всемъ, что вы видѣли во Франціи,
„особливо же о Государѣ, которому
„имѣ-

„имѣли вы честь представиться?
 „Мы видѣли не челоуѣковѣ, но Анге-
 „ловѣ; Франція сама по себѣ не цар-
 „ство, а цѣлой мѣръ. Неизреченное
 „величїе, богатство и вѣжливостъ. „
 О Королѣ Французскомѣ говорили съ
 толикимѣ изліяніемѣ сердца, [по сло-
 вамѣ Ташарда] что не могли сдержатъ
 слезъ своихѣ. [Обычайныя рѣчи Іезу-
 ишовѣ о Лудовикѣ XIV.]

Изъ письма Іезуита Фонтенея, отпу-
 щеннаго изъ города Луво Мая втораго-
 надесятъ, тысяча шесть сошѣ восемде-
 сятъ перваго году, воземѣ достойныя
 любопытства подробности о магнит-
 ныхѣ рудникахѣ, на которыхѣ онѣ былѣ.

„Пробѣхавѣ около семи тысячѣ
 „саженѣ на Востокѣ, прибыли мы вѣ
 „деревню Бан - Соанѣ, вѣ двенадца-
 „ти дворахѣ состоящую. Окрестности
 „сей деревни имѣютъ множество же-
 „лѣзныхѣ рудниковѣ, но одна поль-
 „ко, а при томѣ и самая худая пла-
 „вильная печь. Каждой изъ жителей
 „обязанѣ ежегодно дѣлатъ вѣ ней на
 „Царя

„Царя по спу по дваццати пятаи
 „фуншовъ желѣза. Три вѣ ней горна.
 „Наполняютъ ихъ рудою и покрыва-
 „ютъ угольемъ, которое когда пре-
 „вращается вѣ пепель, шо желѣзо
 „оспаешся на днѣ. Спранные видомъ
 „мѣха, которыми раздуваютъ уголья:
 „два деревянные вала, выдолбленные
 „внутри на восемь дюймовъ, на
 „деревянныхъ же подставкахъ; кру-
 „гомъ валовъ свернущая холстина,
 „привязанная къ подставкамъ шон-
 „кими веревками. Одинъ работникъ,
 „сидя на малой нѣскольکو возвышем-
 „ной скамѣ, придѣланными рукоящ-
 „ками къ подставкамъ поднимаетъ
 „ихъ и опускаетъ. Поднявшаяся под-
 „ставка къ верху впускаетъ воздухъ,
 „потому что верхъ вала шире, не-
 „жели низъ; опустившись же под-
 „ставка внизъ, сильно ударяетъ по
 „бамбуевому насквозъ продолбленному
 „дереву, достигающему концемъ до
 „горна.

„Вставъ рано поутру, отпра-
 „вились мы къ руднику. Находится
 „оной

„оной къ Востоку отъ горы Кау-
 „Петквевенъ, къ кошорой и приле-
 „гаешъ. Два каменные холма на по-
 „верхности земли, кошорые, какъ
 „думашъ надобно, соединяются подъ
 „землею: шопъ, кошорой больше, отъ
 „Востока къ Западу дваццати че-
 „тырехъ, а отъ полудни къ Сѣверу
 „пяти Геометрическихъ шаговъ. Ни-
 „гдѣ не выше десяти фушовъ. Мень-
 „шій же холмъ къ Сѣверу, отъ боль-
 „шаго въ осьми шолько фушахъ,
 „длиною въ три сажени, малую
 „имѣешъ ширину и высоту. Магнитъ
 „въ немъ лучше, нежели въ первомъ ;
 „такъ жестокъ, что едва берутъ
 „его желѣзные пещни. По сей при-
 „чинѣ бросили на немъ работашъ и
 „приснази къ большому холму, отъ
 „кошораго отломки падають отъ
 „молоша. Доспаюнѣ изъ него наро-
 „чишые куски магнита. Кажешся,
 „что можно доспавашъ и лучше да-
 „дѣе врывшисъ внутрь. По кускамъ
 „желѣза познали мы, что полюсы
 „сихъ магнитовъ обращены къ Сѣве-
 „ру и Югу. Помощію компаса не мо-
 „жетъ

Частъ VI. М. „ жно

„ жно пого узнашь , ради великаго
 „ склоненія магнитной иглы.

„ Примѣчанія мы свои дѣлали по-
 „ ропись. Недостатокъ сѣснаго за-
 „ паса и опасность отъ дикихъ звѣ-
 „ рей принудили насъ съ послѣшно-
 „ стію уѣхать въ Ломпеенъ. „

Остатокъ странствія Іезуитовъ
 не содержишь въ себѣ ничего особли-
 ваго. Мѣста, коими они прѣзжали ,
 были бы по ихъ мнѣнію самыя луч-
 шія на свѣтѣ, есѣли бы жили умѣ-
 ли обращать ихъ въ пользу. Рѣка
 Менамъ отъ Тшенадбурія до устья
 разстояніемъ около ста морскихъ миль,
 протекаетъ самую плодоноснѣйшую
 страну. Берега красиваго положенія
 и населены часто. Съ милою отъ нихъ
 начинающія дикія степи , по кото-
 рымъ путешествовать опасно и без-
 покойно: во всемъ недостатокъ ;
 а хотя и есть изрѣдка деревни , но-
 чевать однако же негдѣ , а должно
 спать на голой землѣ. Близъ руд-
 никовъ Іезуиты наши принуждены
 были

были оспанавливаться въ лѣсахъ и разкладывали огни по тамошнему обычаю изъ сухой травы. Свѣшъ отъ такихъ огней гонилъ отъ себя ночью дикихъ звѣрей. Мандаринъ, бывшій съ ними, приказывалъ всегда дѣлать для себя шалашъ изъ древесныхъ сучьевъ. Со всѣмъ шѣмъ однажды у самага спановища слышали ревъ чешырехъ шигровъ. Не ошоши сіи звѣри прочь, пока не шали спрѣляшъ изъ ружей.

Ташардъ проспранно описываетъ кровишельство Царя Сіамскаго, которое онъ началъ оказывать Христіянству. Сверхъ пожалованнаго дома проповѣдникамъ вѣры, названнаго имъ Констанскимъ, въ честь господина Констанса, которой его выпросилъ училищемъ для юношества, построены еще были домъ съ церковью для Іезуитовъ и церковь также для монаховъ Доминиканскаго чина Португальцовъ. Изданы Царскіе указы строитъ въ Сіамѣ домъ для Французскихъ Іезуитовъ, въ которомъ бы Сіамскому

М 2

юноше-

юношеству учиться. Такое же спрое-
 ние въ городѣ Луво приходило ко окон-
 чанію. Самъ Царь прѣѣжалъ иногда
 поощрялъ работниковъ къ скорой
 отдѣлкѣ. За Сіамскими Іезуитами
 жалованною своею грамотою, съ согла-
 сія своего совѣща, утвердилъ вѣчно
 сей домъ, и приказалъ дать имъ сто
 человекъ служителей. Грамота запе-
 чатана была государственною печашью.
 Цари Сіамскіе не подписываютъ ни
 людъ какими государственными дѣла-
 ми именъ своихъ. Сію грамоту такъ
 описываетъ Ташардъ :

„ По прибытіи нашемъ въ Суанъ-
 „ Суанъ - Ка Оія - Видшегенъ (*) все-
 „ подданныѣше насъ просилъ пожало-
 „ вать мѣстомъ отцевъ Французскихъ
 „ Іезуитовъ и повелѣлъ построить
 „ имъ церковь, домъ и обсерваторію; по-
 „ жаловашъ также имъ сто человекъ
 „ слугъ. Мы чрезъ сіе повелѣваемъ
 „ Окра - Симу и Озору исполнить все то
 „ въ самой точности. Хотимъ, чтобы
 „ сто человекъ были выбраны и отданы
 „ имъ

(*) Сіамское имя Коншанса.

„ имѣ съ женами и дѣтьми въ вѣчное
 „ и потомственное владѣніе , запре-
 „ щая всѣмъ и каждому , кто бы ни
 „ былъ , отнимать у нихъ какъ сихъ
 „ людей , такъ и изъ ихъ потомства.
 „ Если же кто дерзнетъ нарушить
 „ сіе наше повелѣніе , [на семъ мѣ-
 „ стѣ грамоты государственная пе-
 „ чать] то объявляемъ его прокля-
 „ шимъ отъ Бога и отъ насъ , осуж-
 „ деннымъ на самыя лютейшія и вѣч-
 „ ныя адскія муки , безъ всякой на-
 „ дежды избавленія Свыше и отъ
 „ насъ. „ Грамота сія содержитъ дваш-
 „ цать и пять строкъ , съ двумя пе-
 „ чатками въ началѣ и по срединѣ. Пи-
 сана на Японской бумагѣ.

Для приложенія печатей къ жало-
 ванной грамотѣ и грамотѣ также Цар-
 ской къ Французскому Королю , Кон-
 стансъ , взявъ съ собою Ташарда , во-
 ходилъ во внутренность Дворца въ особый
 покой , гдѣ оныя хранятся . Минувъ Цар-
 скія окна , послѣдній слышалъ раз-
 ные голоса поющихъ людей . На во-
 просъ его , что бы то значило , отвѣт-

М 3

ство-

спововано ему было, что Талапоины приносятъ повсядневную молитву о Царскомъ здоровьѣ. Шедъ назадъ, слышалъ уже одинъ только голосъ читающаго челоуѣка, и узналъ, что Царю на всякой день, предъ шѣмъ, какъ онъ ложится спать, читаютъ изъ испоріи его государства и смѣжныхъ оному земель, которыя онъ съ великимъ стараніемъ собралъ, не жалѣя убышковъ.

Вступивъ въ покой, гдѣ хранились печати, Мандаринъ, у коего были въ вѣдомствѣ, съ почтеніемъ поднялъ съ ними ящикъ. Въ самой топъ мигъ ударили въ бубны и заиграла музыка, давая чрезъ то знать, что въ всякой былъ въ приспойномъ важности подъемаго шѣлоположеніи.

Попомъ особымъ обрядомъ понесли печати въ пріемную залу. Бубенщики и музыканты остановились у дверей, не преспавая играть. Коншансъ, Ташардъ и печатеносецъ нашли множесство Мандариновъ, которые уже
ихъ

ихъ шамъ ожидали. Низко поклонились они печашамъ. Положены были близь Царскаго престола. Констансъ ихъ вынялъ, приложилъ къ грамошамъ и такимъ же шочно образомъ были опнесены въ свое мѣсто.

Толикія Царскія милоспи продолжались только до смерти Констанса, убишаго въ одно изъ таковыхъ производствій, какія часно случаются на Воспокѣ.

ГЛАВА IV.

Примѣчаніе на царство Сіамское, пятое изъ записокъ рыцаря Форбена.

Описаніе о царствѣ Сіамскомъ ^{Сіамъ.} оспалось бы несовершенно, естли ^{Форбенъ.} не приобщилъ къ нему разумныхъ примѣчаній рыцаря Форбена, одного изъ чиновниковъ Французскаго посольства, которой укоряетъ Ташарда, что повѣствовалъ только по поверхности; былъ осавленъ великолѣпнѣмъ, умышенно казаннымъ глазамъ Французовъ; что смѣшадъ

шахъ Дворъ и народъ; что всѣ его сочиненія подобны похвальной рѣчи Царю и его Министру : первой казался ему Неофитомъ , прославившимъ послѣдователей Игнація де Лоюды, основателя Иезуитскаго братства , а второй услужнымъ даже до того союзникомъ Французовъ , что не пропускалъ случая всячески льстить Лудовику XIV. Разговоръ Форбена съ симъ Государемъ подаешь намъ точное понятіе о мнѣніи его обращеніи въ Христіанскую вѣру. Никто также паче его не проникалъ политическую дальновидность и высокоуміе Констанса и въ самыхъ его корыслолюбныхъ обязываніяхъ Французовъ, прислугахъ и дарахъ ихъ Королю. Форбенъ , еще повшоряю , имѣлъ время узнать Царя и Министра Сіамскаго. Былъ онъ во все время послѣ его опшѣва. Констансъ , находя уже и тогда его человекомъ , коего обмануть ему не лзя , не допустилъ посла взять его съ собою во Францію ; оставилъ его какъ бы задогомъ въ Сіамъ. Царь пожаловалъ его правителемъ города Банкока и вели-

великимъ Адмираломъ своего флота. Конспансъ, увидѣвъ, что Форбенъ день ото дня болѣе приходишь въ милость къ Царю, спалъ употреблялъ возможное усиліе къ его погубленію. Мщеніе можешь бышь имѣеть участіе въ семь его сочиненіи; однако же не можно не ошдашь справедливости, что наполнено оно правды и здраваго разсужденія. Доказали то свидствія.

Конспансъ ничего не забывалъ ко вперенію въ мысли Французовъ почшенія къ царству Сіамскому. Не прекращались великолѣннѣйшіе праздники; сокровища Царскія казаны были послу и его людямъ, хопя и щашельно скрывалось ошъ нихъ, что шоликое собраніе золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней есль накопленіе многихъ сряду Царей, коимъ никогда не бываетъ позволено оно умалять, какую бы ни имѣли нужду.

Водили ихъ по всѣмъ лучшимъ капишамъ, наполненнымъ гипсовыми и сшуканами, такъ шолсно позво-

М §

ченны-

ченными, что кажутся изъ самаго сего мешалла, въ чемъ и увбрыль ихъ Конспансъ: принято то за правду, по тому наипаче, что не позволяешся шамъ близко подходить къ идоламъ, между коими были въ шестнаццать фушовъ вышиною. Скоро по отбвдѣ Ташарда и Шуази открылся обманъ: капище обрушилось, разломался испуканъ и всѣ увидѣли, что былъ онъ изъ гипса.

Дары Королю Французскому хотя ишощевали, можно сказать, государственныя сокровища, но были достойны того, кому посылались: часть оныхъ великими деньгами вывезена была нарочно изъ Кипая и Японіи. Словомъ, не осмалось ни одного машроса на Французскихъ судахъ, копорой бы не испыталъ щедрости Сіамскаго Двора. И симъ-то точно образомъ обманушы были Конспансомъ посолъ и его люди.

Форбенъ, прошиворбча Ташарду, пишешъ, что сей Миниспръ подлаго
пр-

произхожденія, сынъ одного Цефалонскаго корчмаря. Возшедъ онъ на степень перваго государственнаго дволоваго челоѡка, учинилъ себѣ завислниками всѣхъ Мандариновъ и весь безъ исключенія народъ. Службу свою началъ при Баркалонѣ, или первомъ Сіамскомъ Министрѣ. Ласковые его и обязательные поступки, разумъ, способность и разшоропность въ дѣлахъ снискали ему довѣренность помянушаго Министра, коюрой его обогащивъ представилъ Царю, какъ челоѡка, ошибно годнаго ему служить. Сей Государь скоро позналъ цѣну Конспанса, положился на него во всемъ и ввѣрился безпредѣльно благодѣшело своему, за что воздалъ онъ самую гнусною неблагодарностію. Несносно ему было имѣшь челоѡка, раздѣлявшаго съ нимъ Царскія милости. Оклевешалъ, привелъ подъ гнѣвъ Царя. Поступка, учинившая его нещерпимымъ всему царству Сіамскому.

Мандарины и знатные государственныя чиновники праведно раздражались

жились шоликою неблагодарностію, шого же самага и себѣ ошѣ него ожида-
дая: составили заговорѣ, положили
очернить предѣ Царемѣ новаго его
Министра, но было уже поздно: овла-
дѣлъ уже онѣ его разумомѣ. Три спа
человѣкѣ изѣ шѣхѣ, которые прошиву
его умышляли, лишены были жизни.
Послѣ шого началѣ онѣ пользоваться
слабостями Царя. Собралѣ несмѣш-
ныя богатства чрезѣ насилія, при-
шѣсненія и шорговлю, которую захва-
шилѣ вѣ однѣ свои руки. Толикія
злоупопребленія, хошя прикрываемыя
наружностію общаго блага, подняли
на него Сіамцовѣ; никто однакоже
не смѣлъ явно ему враждовашѣ. Каж-
дой ожидалъ [перемѣшны правленія; ху-
дое здоровье Царя близкимѣ шо ка-
зало.

Не могѣ онѣ не знашѣ расположенія
прошиву себя духовѣ. Больше имѣлъ
ума, нежели было кѣ, шому надобно.
Совершенно вѣдалѣ мѣру своихѣ зло-
дѣяній, и что не скоро забудушѣ
ихѣ Сіамцы. Паче зналъ, сколь мало-
надежна была впередѣ жизнь Царя.
Пред-

Предвидѣль, чего ему спрашивъся должно по его смерти; понималъ свою гибель, есѣли заблаговременно не укрѣпился покровительствомъ какой нибудь сильной чужестранной державы. Такіе виды заставили его преклонить Царя не только къ свободному впуску иностранцевъ въ земли свои, но и поручить ихъ начальству часть своихъ городовъ. Приученъ уже былъ онъ безоприцательнo исполнять воли своего Министра: согласился на все. Не легко только было Констансу основаться въ избраніи чужестраннаго Государя; но какъ онъ ничего не предпринималъ и не дѣлалъ кромѣ того, что могло служить къ собственнымъ только его пользамъ, то и не хотѣлъ искалъ себѣ покровителя въ сосѣдственныхъ областяхъ, въ коихъ за ничто всегда спавился нарушение всякихъ обязательствъ. Такой бы покровитель, расхитивъ его сокровища, предалъ его мщенію Сіамскихъ Мандариновъ, или бы вошелъ съ ними въ торгъ объ головѣ его.

Аган-

Агличанъ и Голландцовъ не дѣзя было привлечь въ Сіамъ надеждою прибышковъ, ради плохаго соспоянія Сіамской порговли. Тоже самое удерживало Конспанса прибѣгнуть къ Испанцамъ и Поршугальцамъ. Одни Французы представились ему шакими, копорыхъ удобнѣе было можно ему обмануть. Преклонилъ Царя искашь съ Французскимъ Королемъ союза опправленіемъ къ нему пословъ. Послѣднимъ велѣлъ внушать, что Государь ихъ намѣренъ окреститься, хоша въ самомъ дѣлѣ не всходило то никогда ему на мысли. Лудовикъ XIV принялъ дѣломъ, досшойнымъ своей набожноспи, поспѣшествовать благому сему намѣренію : опправилъ и опъ себя пословъ въ Сіамъ; а Конспансъ, увидѣвъ исполненіе части своего замысла, твердо въ себѣ положилъ его довершать. Началъ опкрыпіемъ господину Шомону, что Голландцы, спараясь разпроспранить порговлю свою, давно уже желаютъ заводить селенія въ Сіамъ; что Царь не хочеть того и слышатъ, опасаясь, чтообъ со временемъ

немъ не овладѣли его государствомъ; что естли бы Король Французской, на котораго лучше положишься ему можно, вступилъ съ нимъ въ тѣсной союзъ, то онъ Конспансъ берещъ на себя доставить Его Каполическое Величество Банкокскою крѣпостію, мѣстомъ важнѣйшимъ предъ всѣми прочими, ключемъ къ государству, на такомъ однако же условіи, чтобъ прислать изъ Франціи достаточное число войска, инженеровъ и денегъ.

Шомонъ и Шуази, неспасочнымъ принявъ предложеніе, отказались участвовать. Но Ташардъ не былъ сполько же упоренъ. Выгоды Французскаго Короля отъ сего союза ослѣпили его разумъ; выгоды, повторяю, сполько перевозносимыя Конспансомъ, сколько были они вздорны. Пришворная ревность сего Министра къ Христіанскому закону обманула Іезуита. Казалося уже ему, что близится время крещенія Царя Сіамскаго; мечталось уже, что врата Банкокской крѣпости шворяются предъ Французскимъ войскомъ,

скомъ, слѣдовательно и проходящъ пре-
 пятствія и опасности въ проповѣданіи
 Евангелія; что построитъ Царь для Іе-
 зуитовъ домъ и обсерваторію въ го-
 родѣ Луво; что пожалуетъ ихъ всемъ
 потребнымъ къ ихъ окорененію; словомъ,
 замыслъ Сіамскаго Министра нашедъ
 Ташардъ полезнѣйшимъ для своего Го-
 сударя, закона Христіанскаго и браш-
 ства его во особенноти, съ охотою
 принялъ предложеніе, льстился произ-
 вести въ дѣйствіе, и далъ въ томъ
 слово Констансу, естли возможесть
 уговоритъ ошца ла Шеца помогать
 ему силою своею при Королѣ. Тотъ
 и другой условились начинать дѣло
 возвращеніемъ Ташарда во Францію съ
 Сіамскими послами.

„ По отбѣздѣ пословъ, пишетъ
 „ Форбенъ, пригласилъ меня съ собою
 „ Констансъ въ Луво. Въ первой разъ
 „ увидѣлъ я Дворъ Царя Сіамскаго.
 „ Положеніе, въ какомъ я нашелъ тамъ
 „ Мандариновъ, меня удивило. Нехотѣ-
 „ ніе мое жить въ Сіамѣ еще умно-
 „ жилось: сидѣли они всѣ на малыхъ
 „ шре-

„ шроспниковыхъ рогожахъ; одна поль-
 „ ко плохая лампада ихъ освѣщала.
 „ Надобно ли было кому изъ нихъ чи-
 „ шашъ, или писать, то вѣднмали
 „ изъ кармана огарки желшыхъ воско-
 „ выхъ свѣчь, зажигаали ихъ сами и
 „ приапляали къ деревянному подсвѣ-
 „ шнику, ворочавшемуся на всѣ споро-
 „ ны. Разница сія во внуспреннихъ
 „ украшеніихъ между Дворцемъ Фран-
 „ цузскаго и Сіамскаго сдѣлала меня
 „ неперпѣливымъ. Вопросилъ я Кон-
 „ станса: такъ-но принимаюліся у
 „ васъ Мандарины ваши? Онъ мнѣ оп-
 „ вѣчалъ Не инако. Примѣшивъ
 „ же мое смущеніе, опошелъ со мною
 „ въ спорону и сказалъ Не ди-
 „ вись тому, что ты видишь. Царство
 „ наше бѣдно, это правда, но сіе не
 „ мѣшаетъ сдѣлать тебѣ въ немъ
 „ счастье; я на себя то беру. Послѣ
 „ такихъ словъ началъ онъ открыв-
 „ ваться предо мною во всѣхъ своихъ
 „ намѣреніяхъ, копорыя не меньше
 „ меня удивили, какъ и нищета Ман-
 „ дариновъ. Но походило ли на правду,
 „ чтобъ столь хипрой Министръ такъ
 „

Часть VI

Н

, легне

„ легко обнажилъ мысли свои челоу-
 „ ку, кошорому для того полько по-
 „ мѣшалъ возвратишься во ошече-
 „ сшво, что не смѣлъ положишься
 „ на его легковѣріе? имѣя же меня
 „ въ своихъ рукахъ, нечего уже было
 „ ему съ сей стороны бояться. Два мѣ-
 „ сяца сряду ходилъ я во Дворецъ,
 „ но не видалъ ниже единожды Царя.
 „ Послѣ стали меня къ нему допу-
 „ скашь. Сей Государь вопросилъ ме-
 „ ня нѣкогда:..... Радъ ли ты, что
 „ остался при Дворѣ моемъ?..... По-
 „ чишаю счасіемъ служишь Вашему
 „ Величеству. Но сердце мое пропиво-
 „ рѣчило моимъ словамъ. Раскаяніе,
 „ что не побѣхалъ во Францію, еже-
 „ дневно возраспало, особливо же само-
 „ видшвуя жестокоспямъ, съ кошоры-
 „ ми наказывались шамъ самые малые
 „ просшупки.

„ Всякія наказанія опредѣляетъ
 „ самъ Царь. При Дворцѣ его спражу
 „ составляющъ чешыре сша палачей.
 „ Отъ нихъ не безопасны собствен-
 „ ныя его дѣвши и братья. Обычай-
 „ ная

„ ная тамъ казнь раздирать ротъ до
 „ ушей шѣмъ, которые говорятъ ма-
 „ ло; а шѣмъ, которые говорятъ мно-
 „ го, зашивашъ ниткою. За вины, ни-
 „ чего не значущія, рубяшъ ноги, жгушъ
 „ раскаленнымъ желѣзомъ руки, даюшъ
 „ раны саблею по голѣвѣ и рвушъ зу-
 „ бы. За что же бьютъ палками, на-
 „ дѣвають на шею рогульки, или
 „ спавяшъ нагаго на солнце, то у насъ
 „ въ Европѣ не только не спавишся
 „ виною, но ниже оплошностію. Нѣшъ
 „ Сіамца, которому бы по крайней
 „ мѣрѣ однажды въ жизнь не закола-
 „ чивали подъ ноги спицъ, не зака-
 „ вывали въ ножныя кандалы, и пому
 „ подобное. Самые знашнѣйше Ман-
 „ дарины предъ глазами моими были
 „ мучены такимъ образомъ. Не могъ я не
 „ сказать нѣкогда Констансу. По-
 „ этому и со мною тоже можешъ слу-
 „ читься? Никогда и ни съ какимъ
 „ чужезшранцемъ. Однако же лгалъ онъ,
 „ шакъ говоря со мною. Его самаго би-
 „ ли палками въ прежнія времена, какъ
 „ онъ еще прислуживалъ при предше-
 „ ственникѣ своемъ первомъ Министрѣ.

„ Царь далъ мнѣ небольшой до-
 „ микъ , припущашъ шесть человекъ
 „ служителей и двухъ слоновъ ; на
 „ кормъ челяди и скопамъ моимъ исхо-
 „ дило въ день только по пяти ко-
 „ пѣекъ. Сколько-то Сіамцы воздер-
 „ жны въ пищу и дешево / у нихъ
 „ сѣбспныя вещи. Бѣсть ходилъ я за
 „ споль Конспансовъ. Въ домъ мо-
 „ емъ не было никакихъ чего нибудь
 „ стоящихъ приборовъ и украшеній ; но
 „ со временемъ прислали ко мнѣ изъ
 „ Дворца серебряныхъ самыхъ тоякихъ
 „ двенадцать шорелокъ и два боль-
 „ шіе кубка , четыре дюжины бумаж-
 „ ныхъ салфетокъ , и стали опускать
 „ по двѣ желшья восковыя свѣчи на
 „ супки : вопшъ въ чемъ соспояло
 „ Царское снабдѣніе великаго Адмира-
 „ ла морскихъ его силъ. Выѣзжая онъ
 „ къ войску , или на ловлю слоновъ ,
 „ кормитъ всѣхъ шѣхъ , кого беретъ
 „ съ собою , сарацинскимъ пшеномъ и нѣ-
 „ кошорыми особыми Сіамскими снѣдь-
 „ ми , кошорыя всякой разъ уцѣлѣють
 „ ошъ Француза. Правда , что лучше
 „ можно наѣдаться , когда ѣдишь съ
 „ Ца-

„ Царемъ и Констансѣ ; а съ Царской
 „ поварни всегда я бывалъ голоденъ.

„ На ловляхъ удостоивалъ меня
 „ Царь своими разговорами. Опивчалъ
 „ я ему чрезъ полмача, даннаго мнѣ его
 „ Министромъ. Пользуясь знаками его
 „ милости, часто осмѣливался высказы-
 „ вать то, за что бы онъ не про-
 „ спилъ никому другому. Нѣкогда
 „ велѣлъ онъ наказашь одного изъ сво-
 „ ихъ служителей, забывшаго взять
 „ его платокъ. Спалъ я просить ему
 „ прощенія. Царь удивился моей дер-
 „ зости и запылалъ гнѣвомъ. Кон-
 „ стансѣ поблѣднѣлъ. Я однако же не
 „ обробѣвъ сказалъ громко. . . . Фран-
 „ цузской Король, мой всемилостивѣй-
 „ шій Государь, со удовольствіемъ
 „ пріемлетъ ходатайство подданныхъ
 „ своихъ ва пресупниковъ, получая
 „ случаи оказывать челоуѣколюбіе и
 „ милосердіе; а подданные чрезъ то
 „ служатъ ему съ большею ревностію
 „ и усердіемъ; съ радостію кладутъ
 „ жизнь за толико крошкаго и люб-
 „ ви ихъ доспойнаго Государя.

Н 3

„ Дер-

„ Дерзость моя имѣла успѣхъ: Царь
 „ свирѣное свое лице премѣнилъ на
 „ веселое и произнесъ: „ Хочу и
 „ я ему подражать. Но ему и долж-
 „ но такъ поступать: Французы
 „ великодушны; а мои Сіамцы народъ
 „ неблагодарной. Для нихъ надобна
 „ строгость. „

„ Разнесся о томъ слухъ. Удив-
 „ ленные смѣлостію моею Мандарины
 „ собиралися уже смотрѣть какъ ста-
 „ нутъ зашивають мнѣ ротъ. Кон-
 „ стансъ, призвавъ меня къ себѣ, со-
 „ вѣщивалъ бышь поостороживе, ху-
 „ лилъ мою скоросишь, а я ему отвѣ-
 „ чалъ, что опшюдь не шужу, сдѣ-
 „ лавъ добро.

„ Въ самомъ дѣлѣ послужило то
 „ не ко вреду, а къ пользѣ моей. Опѣ
 „ сего самага дня Царь спалъ нахо-
 „ дилъ удовольствіе со мною разго-
 „ варивать. Я ему рассказывалъ ты-
 „ сячу шутокъ и онѣ ему всегда нра-
 „ вились. Правда, что стоило мнѣ
 „ шруда прилаживають ихъ на вкусъ
 „ груба-

„ грубаго сего и омраченнаго невѣже-
 „ спвомъ Государя. Ъздили однажды
 „ мы съ нимъ ловишь слоненка. Онъ
 „ спросилъ меня, что я думаю о ша-
 „ кихъ ловляхъ? Государь! взи-
 „ рая на себя, окруженнаго полдикимъ
 „ множествомъ людей, кажется миѣ,
 „ что вижу Короля Французскаго пе-
 „ редъ войскомъ, раздающаго свои
 „ повелѣнія и расплагающаго все къ
 „ начинанію сраженія съ непріятелемъ.
 „ Зналъ уже я, что любилъ онъ упо-
 „ добляемъ бытъ Лудовику XIV Хопя
 „ земля Сіамская убога, но велико-
 „ лѣпіе выѣздовъ Царя достойно ве-
 „ личія знаменитыхъ Государей.

„ По возвращеніи моемъ во Фран-
 „ цію на вопросъ Его Величества, ка-
 „ ково царство Сіамское, я отвѣчалъ:
 „ Государь! земля царства сего
 „ ничего не даетъ и ничего въ ней
 „ не издерживается „ Малыми сло-
 „ вами сказано много Какой шамъ
 „ образъ правительства? какъ живешь
 „ народъ? гдѣ взялъ Царь дары, при-
 „ сланные имъ ко мнѣ? „ Народъ

„ нищѣ , нѣтъ между Царя и черни
 „ никакихъ степеней ; всякой Сіа-
 „ мецѣ безъ исключенія работаетъ на
 „ него большую часть жизни кромѣ
 „ пѣхъ , коихъ онѣ же пожалуетъ
 „ Мандаринами , и однимъ также сво-
 „ имъ словомъ приводитъ въ прежнее
 „ подлое ихъ состояніе , наказавъ
 „ прежде съ крайнею жестокостію.
 „ Самъ Баркалонъ равному же подвер-
 „ женъ жребію ; держится онѣ въ
 „ званіи своемъ , ползая , такъ сказать ,
 „ предъ нимъ какъ послѣднѣйшій изъ
 „ его подданныхъ ; прогнѣвая его , са-
 „ мое лучшее , чего ожидать можеть ,
 „ есть то , что по прешерпѣннн пѣ-
 „ леснаго наказанія велитъ ему па-
 „ хать землю . - Всѣ Сіамцы вообще
 „ питаются плодами и сарацинскимъ
 „ пшеномъ , родящимися у нихъ обиль-
 „ но . Не вѣдаятъ они никакого жи-
 „ вошного , боясь сѣбѣ родню , или
 „ друзей . На дары Его Величеству
 „ исщощена Царская казна , такъ что
 „ не скоро поправится . Царство сіе
 „ помѣщается на полуостровѣ , слѣ-
 „ довашельно есть удобное мѣсто

„ ДАЖ

„ для складки товаровъ , полезной
 „ Индѣйской торговлѣ . Море , съ
 „ двухъ сторонъ къ нему при-
 „ легая , даетъ отверстой пушью на За-
 „ падъ и на Воспокъ . Внутренніе
 „ тамошніе повары свозятъ ежегодно
 „ въ городъ Сіамъ и шамъ продаются .
 „ Главной Царской доходъ есть отъ
 „ торговли , которая почти вся у не-
 „ го одного въ рукахъ . Товары ша-
 „ мошніе суть сарацинское пшено ,
 „ арка , малое количество олова , нѣ-
 „ сколько продажныхъ слоновъ и звѣ-
 „ риныхъ кожъ . Сіамцы ходятъ по-
 „ чти нагіе , закрывая только дѣшо-
 „ родные уды бумажными замавѣска-
 „ ми . Не шкутъ у нихъ ничего кро-
 „ мѣ кисей , но и шѣхъ употребленіе
 „ позволено только Мандаринамъ : мо-
 „ гутъ они въ торжественные дни
 „ надѣвать кисейныя рубашки . Ман-
 „ даринъ , нажившій нѣсколько денегъ ,
 „ прячетъ , чтобъ о томъ не провѣдали ,
 „ иначе же отнимутъ у него на Госу-
 „ даря . Нѣтъ ни у одного Сіамца и ни
 „ малѣйшаго недвижимаго имѣнія ;
 „ большая часть земель лежитъ вну-

Н ъ .

„ спѣ .

„стѣ. Народѣ презвѣ и воздерженѣ;
„всякой часной человекѣ, имѣющій
„опѣ прехѣ до чѣтырехѣ рублей вѣ
„годѣ доходу, имѣетѣ больше, нежели
„прожитѣ можетѣ Много ли
„шамѣ Христіянѣ? правда ли, что
„Царѣ хочетѣ креститѣся? Го-
„сударѣ! Онѣ никогда и не ду-
„малѣ. Нѣтъ между смертными, кто
„бы посмѣлѣ ему сдѣлать такое пред-
„ложеніе. Правда, что господинѣ Шо-
„монѣ вѣ первой своей посольской
„рѣчи много ему говорилѣ о вѣрѣ
„Христіанской; но Констансѣ, пере-
„водя ему оную, выпустилѣ сію
„часлѣ рѣчи. Папской намѣстникѣ
„путь же былѣ, совершенно раз-
„умѣлѣ онѣ по Сіамски, но не посмѣлѣ
„вывести обманѣ на ружу. Констансѣ
„никогда бы ему то не простилѣ.
„Правда и то, что посолѣ Вашего
„Величества всякой разѣ и послѣ раз-
„говаривая съ Царемѣ приводилѣ къ
„слову законѣ Христіанской; но Кон-
„стансѣ, всегдашній вѣ сихѣ случа-
„яхѣ полмачѣ, пересказывалѣ Царю
„только то, что могло ему быть
„уго-

„угодно, слѣдовательно всѣ покуше-
 „нія на сей конецъ оспались лщеш-
 „ны. Папскаго намѣстника всегда би-
 „ралъ съ собою господинъ Шомонъ;
 „онъ - то открывался въ томъ за пре-
 „великую тайность. Лудовикъ XIV
 „васмѣявшись произнесъ: „Го-
 „судари часто принуждены бывають
 „полагаться на слова подобныхъ се-
 „му переводчиковъ. Скажи мнѣ, съ
 „удачею ли трудятся въ Сіамѣ наши
 „проповѣдники? „. . . . Ни одинъ. Боль-
 „шая часть жителей сего царства есть
 „сволочь изъ разныхъ народовъ. На-
 „ходишся между ими не мало Пор-
 „тугальцовъ, Кохинхинцовъ и Япон-
 „цовъ, обращенныхъ въ Христіанство.
 „Проповѣдники ихъ исповѣдываютъ и
 „причащаютъ. Таскаются впрочемъ
 „изъ деревни въ деревню, пускають
 „ихъ въ дома какъ врачей, пошому
 „что носятъ съ собою мѣлочныя лѣ-
 „карства; старанія ихъ въ распро-
 „страненіи вѣры безплодны, а кре-
 „стятъ только младенцевъ, коихъ
 „родители, ради крайняго своего убо-
 „жества, подкидываютъ на поляхъ. „

„Де

„ Де ла Шезъ , духовникъ Коро-
 „ левской , пожелалъ со мною говорить .
 „ Пришелъ я къ Его Высокопреподо-
 „ бію . Заранѣе уже меня оспередили ,
 „ что буду имѣть дѣло съ самымъ
 „ хитрымъ человѣкомъ ; но я рѣшился
 „ сказывать ему всю правду . Духов-
 „ ная сія особа почти не упоминалъ
 „ о Христіанской вѣрѣ и о досто-
 „ хвальномъ намѣреніи Царя Сіамска-
 „ го , державшаго въ земляхъ своихъ
 „ Іезуитовъ и позволившаго строить
 „ для нихъ училищной домъ и обсер-
 „ ваторію . Слова мои состояли : что
 „ Конспансъ , имѣя нужду въ помощи
 „ Его Величества , обвѣщавалъ то , что
 „ исполнитъ несиленъ ; что училищной
 „ домъ и обсерваторія будутъ строитъ-
 „ ся только при жизни сего Царя ;
 „ что Іезуитовъ дошолъ стануть
 „ кормить и содержать , а по смерти
 „ владѣльца придетъ Франціи посы-
 „ лать деньги для ихъ пропитанія ;
 „ совсѣмъ безнадежно , чтобъ новой
 „ Царь захотѣлъ для нихъ убытчить-
 „ ся „ И такъ вы не одного
 „ мнѣнія съ оицемъ Ташардомъ ? „
 „ Да-

„ Доношу вамъ чистую истинну. Не
 „ знаю, по какой причинѣ онъ такъ,
 „ или иначе судитъ и говоритъ; но
 „ любовь его къ господину Коншан-
 „ су, имѣющему свои причины его об-
 „ манывать, можешь быть его ослѣ-
 „ пила. Въ краткое время бытности
 „ своей въ Сіамъ съ господиномъ Шо-
 „ мономъ безъ сомнѣнія снискалъ онъ
 „ довѣренность сего Министра. Самъ
 „ я видѣлъ указы, писанные не поль-
 „ ко рукою Ташарда, но и внизу подъ
 „ скрѣпою Министровою подписанные
 „ имъ.

„ Последнія мои слова разсмѣшили
 „ Королевскаго духовника. Но опра-
 „ вясь принялъ опять обычной свой
 „ видъ. Вопросилъ меня объ успѣхахъ
 „ Христіанскихъ нашихъ проповѣдни-
 „ ковъ. Легко мнѣ можно было на то
 „ отвѣчать.

„ Господинъ Сенъеле, опобѣдавъ съ
 „ Его Величествомъ, приказалъ меня ве-
 „ сти во внутреннюю къ себѣ покой.
 „ Долженъ я былъ доносить ему
 „ пре-

„пространно о политическихъ видахъ
 „Царя Сіамскаго и о торговлѣ его
 „областей. Показаніе мое состоя-
 „ло въ слѣдующемъ: царство Сіам-
 „ское не производитъ ничего годна-
 „го на продажу, а посему и не
 „можетъ быть избрано мѣстомъ
 „для складки товаровъ, посылаемыхъ
 „въ Китай, Японію и въ про-
 „чія части Индіи; тамошнее наше
 „заведеніе и отправленіе нашихъ пу-
 „да войскъ совсѣмъ не нужны; что
 „число содержимыхъ торговымъ на-
 „шимъ обществомъ людей слишкомъ
 „довольно; что крѣпость Банкокская
 „не останется въ нашихъ рукахъ по
 „смерти Царя и Констанса.,,

Теперь предложимъ читателю под-
 робности похода рыцаря Форбена про-
 тиву Макасарцовъ, во время началь-
 ствія его въ Банкокъ. Покажущъ онъ
 еще яснѣе, каковы суть сіи страные,
 а притомъ и опасные народы, о ко-
 ихъ упоминали уже мы, пиша объ
 островѣ Целебесѣ.

Нѣкто

Нѣкто изъ Макасарскихъ владѣльцовъ, убѣгая слѣдствію гнѣва Царя, брата своего, въ прѣхъ спяхъ чело-вѣкахъ предсталъ предъ Царя Сіамскаго и просилъ у него себѣ и лю-демъ своимъ убѣжища. Сей Царь мило-стиво его принялъ и ошвелъ ему мѣсто жишъ внѣ ограды своей спо-лицы, близъ жилища Малейцовъ, па-кихъ же Магомешанъ, какъ и Макасарцы. Пришлецъ, бывъ ошъ природы чело-вѣкъ безпокойной и высокоумной, за шолікое благодареніе дважды за-плашилъ гнусною неблагодарностію, и даже до того, что составилъ зло-умышленіе противу своего благодар-шаго. Первая вина была ему велико-душно прощена; а за вшорую дол-жно спало его наказаніе. Макасарцы склонили къ мяшежу и Малейцовъ. Заговоръ обнаружился и упрежденъ. Малейцы признались, принесли повин-ную и пощажены.

Макасарцы не думали имъ подра-жать, и предпріяли лучше помереть, нежели покориться. Начальника ихъ
многа-

многажды призывали именемъ Царскимъ ко Двору для опичешу въ его поведеніи, но онъ былъ всегда ослушенъ. Опъзывался, что не имѣлъ никакого участія въ злоумышленіи, которое на него ввоздилось и къ которому мятежники всячески силились его уговорить; что вся его вина состояла только въ томъ, что онъ зналъ и не донесъ. Происхожденіе его отъ Царской крови довольно его извиняло, что не сдѣлался презрѣніа достойнымъ донощикомъ, ниже предашелемъ друзьямъ, которые опкрылись предъ нимъ въ толико важной тайности. Сіамской Царь заславенъ былъ управляясь съ нимъ военною рукою. Начались приугошвленія, но его не устрашили. Случившееся скоро послѣ того паче еще его ожесточило.

Дадимъ говоряшь рыцарю Форбену.

„Банкокская крѣпость, надъ ко-
 „ порою учиненъ я былъ правителемъ,
 „ была важное мѣсто въ опасныхъ
 „ сихъ обстоятельствеахъ. Получилъ
 „ я

„ я указъ немедленно въ нее въхашь ,
 „ докончивъ начашое крѣпосное спро-
 „ еніе , набравъ вновь двѣ пысячи
 „ человѣкъ войска и выучивъ ихъ
 „ владѣшь оружіемъ по Французски.
 „ На разходы выдано было сто каше-
 „ совъ , или около полторы пы-
 „ сячи рублей; однакоже принесена ко
 „ мнѣ не вся сія сумма , за шѣмъ
 „ что не нашлось столько наличныхъ
 „ денегъ въ Царской казнѣ. На до-
 „ стальное число данъ мнѣ былъ пи-
 „ сменной видъ къ полученію впередъ.
 „ А чтобы почитали меня въ крѣпо-
 „ сти и мнѣ повиновались , опу-
 „ стилъ со мною Царь чешырехъ изъ
 „ своихъ палачей. Власть моя неда-
 „ лбе проспиралась , какъ только бишь
 „ палками. Казнишь же смершю пред-
 „ оставилъ себѣ , а въ нѣкоторыхъ
 „ случаяхъ и первому своему Мини-
 „ стру.

„ Спаршина одной галеры съ
 „ острова Макасара , по прибытіи
 „ своемъ въ Сіамъ , присталъ было къ
 „ мяшежникамъ , но какъ заговоръ оп-
 „

Часть VI. О „ крыд-

„крылся, шо сѣлъ на свою галеру и
 „положилъ или уѣхашь въ отчизну,
 „или дорогою цѣною продашь жизнь
 „въ случаѣ нападенія. Констансъ,
 „чтобъ уменьшишь силу мяшежни-
 „ковъ, далъ ему и пятидесяти чело-
 „вѣкамъ его подчиненныхъ писмен-
 „ной пропускъ, но въ самое поже
 „время прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ
 „Царскимъ повелѣніемъ пропянушь
 „чрезъ рѣку цѣпь, остановишь суд-
 „но, взойши на него съ военными
 „людьми, учинишь опись грузу, пере-
 „ловишь. Макасарцевъ, держашь уз-
 „никами до новѣшаго повелѣнія, и
 „возлагаемое на меня дѣло произвешь
 „не открывая. объ ономъ никому.
 „Такимъ-шо образомъ заставляли ме-
 „ня итти на убой, точно предпи-
 „сывая, какъ мнѣ впасть въ неизбѣж-
 „ную гибель.

„ Во ожиданіи прибытія галеры
 „ занялся я ученіемъ набраннаго мною
 „ воинства: раздѣлилъ его на роты
 „ по пятидесяти человекъ, каждой
 „ такой ротѣ далъ по три Офицера
 „ и

„и по десяти урядниковъ. Съ по-
 „мощію одного изъ послѣднихъ, ро-
 „домъ Француза, и нѣсколькихъ Пор-
 „тугальскихъ солдаѣтъ, знавшихъ Сіам-
 „ской языкъ, черезъ шесть дней
 „привелъ я людей моихъ въ состояніе
 „исполнять ихъ должностъ. Въ крѣпо-
 „сти не было шюръмы, сдѣлалъ я ее на
 „пятьдесятъ человекъ колодниковъ: не-
 „большая спража могла ихъ сперечь.

„Августа дванцать седьмого по-
 „казалась сія галера чрезъ дванцать
 „дней по полученіи мною повелѣнія
 „ее задержать. Во все сіе время не
 „опускалъ я цѣпи въ рѣкѣ, изъ пред-
 „осторожности отъ нечаяннаго случая.
 „Расположился производишь дѣло съ
 „нѣкошорою перемѣною прошиву дан-
 „наго мнѣ насщавленія Констансомъ:
 „вмѣсто того, чшобъ вхашъ мнѣ на
 „Макасарскую галеру, рѣшился вы-
 „звать съ нее на берегъ людей, и по-
 „томъ, ея овладѣвъ, описать грузъ.
 „На такой конецъ распавилъ я вои-
 „новъ моихъ по разнымъ мѣстамъ,
 „чшобъ вдругъ ее окружили, когда

„будешъ надобно. Начальникъ галеры,
 „нашедъ загражденной цѣпью путь,
 „пришелъ самъ-восемь въ крѣпость.
 „Впустили его въ большей шалашъ
 „изъ бамбуеваго лѣса, мною построен-
 „ной. Принялъ я его учливо и про-
 „силъ сѣсть за столъ, за кошорымъ
 „обѣдывалъ я съ моими чиновниками.

„На вопросы мои отвѣчалъ, что
 „отправляется изъ Сіама къ острову
 „Макасарскому. Показывалъ писмен-
 „ной свой пропускъ. Прилѣжно и
 „долго оной разсмашривая, сказалъ я
 „ему:.... Пропускъ швой дѣйстви-
 „теленъ, но мнѣ, какъ чужестранцу,
 „недавно вступившему въ службу Ца-
 „ря, необходимо надобно со всякою
 „оспорожностію исполнять предпи-
 „санныя повелѣнія: они весьма стро-
 „ги ради происходящаго нынѣ въ
 „государствѣ мятежа, о кошоромъ
 „я чаю и ты слышалъ. Долженъ я
 „на крѣпко того смотрѣть, чшобъ
 „ни одинъ Сіамецъ не выѣхалъ за гра-
 „ницу..... Со мною нѣтъ ни одного
 „человѣка, кошорой бы не былъ Мака-
 „сар-

„ сарецъ Не сомнѣваюсь, но будучи
 „ непрестанно окруженъ Сіамцами, при-
 „ мѣчающими всѣ мои поступки, прошу
 „ тебя приказашь сойши людямъ шво-
 „ имъ на берегъ и я ихъ осмошрю,
 „ чшобъ не могли меня послѣ ничѣмъ
 „ укоряшть. Нащедъ ихъ Макасарцами,
 „ шопъ же часъ дамъ тебѣ волю про-
 „ должашть пушъ швой. Согла-
 „ щаюсь, шолько съ шѣмъ, чшобъ со-
 „ шли они вооруженны. Но Сіам-
 „ цы и Макасарцы друзья между со-
 „ бою. Конечно, однако же без-
 „ честно, по нашему обычаю, казашь-
 „ ся предъ людьми, не имѣя при себѣ
 „ копья.

„ Между шѣмъ, какъ ходили отъ
 „ него съ повелѣніемъ на галеру, под-
 „ чивалъ я его чаемъ и занималъ раз-
 „ говорами, доколѣ не увѣдомили меня,
 „ чшо Макасарцы уже на берегу. Отъ
 „ неперпѣнія, чшо не шакъ скоро,
 „ какъ бы я хотѣлъ, меня увѣдомляли,
 „ оставилъ я гостя, приказавъ одно-
 „ му изъ моихъ Мандарицовъ вмѣсто
 „ меня его угощашть. Сіамцы мои, шща-

„цельно за мною присматривая, не по-
 „нимали къ чему гоповилъ я воин-
 „скихъ людей, распавливая по разнымъ
 „мѣстамъ. Вышедъ изъ шалаша и
 „повстрѣчавшись съ однимъ старымъ
 „Португальцемъ, котораго я произ-
 „велъ у себя въ Маіоры, велѣлъ ему
 „собрать всѣхъ моихъ чиновниковъ,
 „и какъ скоро Макасарцы спанутъ
 „проходить мѣсто, которое я ему
 „указалъ, то бы тотчасъ ихъ окру-
 „жили, обезоружили и взяли подъ
 „спражу до новѣйшаго приказа. Пор-
 „тугалецъ ужаснулся. Находилъ то
 „дѣломъ невозможнымъ По эшо-
 „му не знаете вы Макасарцовъ. Они
 „такіе люди, что конечно не опдадутъ
 „ся живые въ руки. Надобно преж-
 „де всѣхъ ихъ перебить до смерти.
 „Скажу вамъ еще больше: начальникъ
 „ихъ галеры съ семью хотя только
 „у васъ чловѣками, ежели примѣ-
 „нитъ, что вы хотите его задер-
 „жать, то переколели всѣхъ насъ
 „до одинаго.

„ Слова сіи не премѣнили моего на-
 „мѣренія. Подтвердилъ моему Маіору
 „ не-

„ непременно сдѣлашь, что я повелѣлъ.
 „ Подумайте лучше, что вы на-
 „ чинаете!

„ Зналъ я усердіе и храбрость се-
 „ го спараго чиновника. Прилѣжно
 „ одумывалъ имѣ говоренное; а дабы
 „ не началъ ничего на отвагу, то
 „ подвелъ я къ шалашу дващцать
 „ Сіамцовъ: у однихъ были копья,
 „ а у другихъ ружья. Двери за-
 „ крыты были только занавѣскою.
 „ Призвалъ я одного Мандарина и
 „ приказалъ ему отдернуть занавѣску
 „ и дашь знашь Макасарскому началь-
 „ нику, что къ крайней моей при-
 „ скорбности принужденъ я былъ его
 „ задержашъ. Бѣдной сей Мандаринъ
 „ едва успѣлъ сказать, что ему было ве-
 „ лѣно, какъ Макасарцы, ударивъ шап-
 „ ками объ землю, бросились съ копья-
 „ ями своими и вмигъ перекололи семь
 „ Мандариновъ и полмача, случивших-
 „ ся въ шалашѣ. Такое кровавое зрѣ-
 „ лище заспавило меня отступилъ къ
 „ моему воинству и началъ стрѣльбу
 „ по Макасарцамъ. Одинъ изъ опчаян-

„ ныхъ сихъ людей побѣждалъ на ме-
 „ ня прямо. Я вонзилъ въ чрево его
 „ копье; но онъ, какъ бы не чувствуя
 „ никакой болѣзни, приближался ко
 „ мнѣ, давая входить копью далѣе се-
 „ бѣ въ шѣло, и конечно бы до меня
 „ добрался, есшли бы не удержало
 „ поперечное древко. Подоспѣвшіе ме-
 „ жду шѣмъ ко мнѣ на помощь помо-
 „ гли мнѣ его умершвишь.

„ Изъ шести Макасарцевъ четверо
 „ лежали уже мертвы въ шалашѣ,
 „ или умершими пришворились. На-
 „ чальникъ и еще одинъ, оставшійся въ
 „ живыхъ, хотя бывъ изранены, выбро-
 „ силсь въ окно и соскочили съ стѣны
 „ крѣпости. Неуспрашимость, или поч-
 „ нѣ назвать, бѣшенство шести сихъ
 „ Макасарцевъ открыли глаза мои,
 „ что старшій Португалецъ говорилъ
 „ мнѣ правду. Началь я бояться соро-
 „ ка семи человекъ, сошедшихъ съ га-
 „ леры и ко мнѣ приближавшихся. Пере-
 „ мѣнилъ мѣры и положилъ испытать,
 „ не удастся ли мнѣ всѣхъ ихъ пере-
 „ стрѣлять. Послалъ приказъ, чтобъ
 „ все войско мое соединилось въ одно
 „ мѣ-

„ мѣсто. Агличанина , сдѣланнаго отъ
 „ Констанса Капитаномъ, и Португаль-
 „ цевъ отрядилъ ипши Макасарцамъ
 „ на встрѣчу и не пускаеть ихъ далѣе;
 „ въ случаѣ же послушанія по нихъ
 „ спрѣдлеть. Первому далъ слово за
 „ нимъ же въ слѣдъ ипши со всемъ
 „ моимъ войскомъ , сколько могу въ
 „ скорости онаго собрать.

„ Макасарцы, услышавъ запрещеніе,
 „ остановились. Пришелъ я съ ново-
 „ набранными моими воинами. Были у
 „ нихъ ружья и копья; но были со-
 „ всѣмъ новы въ воинскомъ дѣлѣ ,
 „ слѣдовательно мало могъ я на нихъ
 „ полагаться. Въ пятидесяти шагахъ
 „ находились мы одни отъ другихъ.
 „ Приказалъ я сказать Макасарцамъ ,
 „ что могутъ ипши обратно на свою
 „ галеру. . . . „ Изрядно, да только
 „ дайте намъ нашего начальника ,
 „ безъ котораго конечно не шронемся
 „ съ мѣста. „

„ Агличанинъ , Капитанъ Порту-
 „ гальской роты , просилъ у меня
 О 5 „ поз-

„ позволенія всѣхъ ихъ перевязать ,
 „ и не дождавшись, что я на то ска-
 „ жу, пошелъ на нихъ прямо. Мака-
 „ сарцы сидѣли по обычаю своему на
 „ карачкахъ. Увидѣвъ сіе нашихъ дви-
 „ женіе вспали, обвернули кушаками
 „ лѣвыя руки, а въ правую взявъ
 „ копья, ударили съ пошлымъ спрем-
 „ леніемъ на Поршугальцевъ, что въ
 „ минушу всѣхъ ихъ положили на
 „ мѣстѣ. Послѣ того, ничего не ме-
 „ дая, бросились на войско, кошорымъ
 „ я начальствовалъ. Правда, что со-
 „ стояло оное больше нежели въ ты-
 „ сячи человекъ, но только робкихъ,
 „ что вдругъ всѣ побѣжали. Мака-
 „ сарцы кололи ихъ въ догонку, какъ
 „ скотину. Остатокъ людей моихъ
 „ прогнанъ былъ подъ стѣны новой
 „ моей крѣпости. Шестъ человекъ изъ
 „ самыхъ отважнѣйшихъ Макасарцовъ
 „ ворвались въ нее вмѣстѣ съ бѣгущи-
 „ ми Сіамцами и произвели ужасное
 „ кровоплитіе, не щадя ни возраста, ни
 „ пола.

„ Въ такомъ замѣшательствѣ, не
 „ могли основать бѣгущихъ моихъ,

„ Де-

„ добрался я до крѣпостнаго рва,
 „ предпріявѣ бросишься въ него, ежели
 „ будущѣ за мной гнашься. Ровѣ былѣ
 „ полонѣ вязкой грязи. Макасарцы не
 „ шакѣ легко, какѣ я, могли чрезѣ него
 „ перейши. Видѣлѣ я ихѣ въ шести
 „ шолько шагахѣ, но меня не при-
 „ мѣшили, побивая бѣдныхѣ Сіамцовѣ
 „ безѣ всякаго сопрошивленія. Валѣзѣ
 „ я на стѣну крѣпости и началѣ
 „ стрѣльбу; но стрѣлять уже было
 „ нѣкого. Макасарцы, не находя бо-
 „ лѣе кого умерщвлять, удалились на
 „ берегѣ рѣки. Посовѣтовавѣ между
 „ собою, предпріяли опчаянное дѣло:
 „ чшобѣ довести имѣ самимѣ себя до
 „ необходимости драгѣся, сожгли свою
 „ галеру, вооружились копьями и щи-
 „ пами, пошли искать жертвѣ сво-
 „ его мщенія. Начали прежде сожже-
 „ ніемѣ домовѣ, въ которыхѣ жили
 „ мои люди, попомѣ, пустившись
 „ вверхѣ по берегу рѣки, нападали
 „ и умерщвляли безѣ разбора, кшо бы
 „ имѣ ни попался. Разсѣялось устпра-
 „ шеніе. Вездѣ видны были спѣшив-
 „ шіе вплавѣ за рѣку мужчины и
 „ жен-

„ женщины съ малолѣтными дѣтьми
 „ за плечами.

„ Жалость и негодованіе мое бы-
 „ ли безмѣрны. Куда бы ни обратился
 „ глаза, не было мѣста, не покрывав-
 „ шагося мертвыми тѣлами моихъ
 „ людей. Набралъ двадцать человекъ,
 „ имѣвшихъ ружья, сѣлъ на лодку,
 „ погнался за Макасарцами, настигъ
 „ въ милѣ отъ крѣпости. Отъ спрѣль-
 „ бы моей принуждены они были уда-
 „ литься отъ берега въ дѣсь. Малолюд-
 „ ство мое принудило меня ѣхать об-
 „ ратно въ крѣпость.

„ Въ прибытіе мое услышалъ, что
 „ шесть Макасарцевъ, переплывъ за
 „ рѣку, овладѣли однимъ Талапоин-
 „ скимъ скипомъ, и умертвили тамъ
 „ всѣхъ даже до единого, между ко-
 „ ими былъ знашой Мандаринъ; что
 „ въ тѣлѣ послѣдняго оставили копье,
 „ которое было ко мнѣ принесено.
 „ Тотчасъ отправился я съ осьмью-
 „десятью Сіамцами, давъ каждому
 „ по копьё, ружьемъ же владѣть они
 „ еще

„ еще не умѣли. Доспигнувъ скипа,
 „ нашелъ я нѣсколько человекъ Сіам-
 „ цовъ, которые, не бывъ въ состояніи
 „ далѣе себя защищать, принуждены
 „ были зажечь скипъ. Узналъ я, что
 „ Макасарцы засѣли на лугу съ пре-
 „ выскою и гущею травою, и по-
 „ шелъ на нихъ, построивъ воинство
 „ мое въ два шѣсныя ряда, угрожая
 „ застрѣлишь всякаго, кого примѣчу,
 „ что бѣжать думаетъ.

„ Первой Макасарецъ, котораго
 „ мы увидѣли въ шравѣ, вспалъ на
 „ ноги, и какъ бѣшеной, поднявъ
 „ копье, на насъ бросился, но выстрѣ-
 „ ливъ я по немъ, повергъ его мер-
 „ тва; потомъ убито ихъ было мои-
 „ ми Сіамцами четверо. Хотѣлъ я иш-
 „ ти назадъ, какъ сказали мнѣ, что
 „ остался еще одинъ живой Макаса-
 „ рецъ, самый шибъ молодой человекъ,
 „ которой копье свое оставилъ въ шѣ-
 „ лѣ убитаго имъ Мандарина. Раздра-
 „ женные мои Сіамцы не дали мнѣ по-
 „ имать его живаго.

„ Воз-

„ Возвращаясь въ крѣпость, созвалъ
 „ я Мандариновъ на совѣтъ. Положили
 „ мы собрать воинства, сколько могли
 „ больше, и искать Макасарцевъ, гдѣ
 „ они задержались. Убитыхъ у меня
 „ сочтено было триста шестьдесятъ
 „ шесть, а у непріятелей только
 „ семнащать человѣкъ: шесть въ крѣ-
 „ посты, столько же около Талапоин-
 „ скаго скиша, и пять на мѣстѣ сра-
 „ женія.

„ На другой день по прибытіи
 „ моемъ въ крѣпость уведомился я,
 „ что одинъ изъ шести Макасарцевъ,
 „ положенныхъ на мѣстѣ въ шалашъ,
 „ былъ живъ; что люди моего пойма-
 „ ли и обвернули шило веревками, бо-
 „ ясь, чтобъ не ушелъ. Заврь сей, а не
 „ человѣкъ [сила и терпѣніе человѣче-
 „ скія такъ далеко не простираются],
 „ пролежавъ цѣлую ночь связанной
 „ въ грязи и имѣя семнащать на
 „ себѣ ранъ, на мои вопросы спо-
 „ ялъ въ шомъ, что не скажетъ ни-
 „ чего, доколѣ не велю его развязать.
 „ Исполнили то: прежде началъ онъ
 „ , растя-

„ расстягивать ноги и махать руками,
 „ приводя въ порядочное движеніе
 „ кровь. Спалъ ошвѣчашъ, о чемъ его
 „ спрашивалъ, но оглядываясь назадъ
 „ и мало по малу подвигаясь ко взоп-
 „ кнутому въ землю бердышу одного
 „ изъ моихъ урядниковъ. Понялъ я
 „ умыслъ его и велѣлъ спать тому,
 „ чье было оружіе, ближе, сказавъ: . .
 „ . . . Посмотримъ, чѣмъ окончатся
 „ дерзость бѣшенаго сего человѣка.

„ Допятившись оиѣ до оружія, ки-
 „ нулся его ухватишь; но опважно-
 „ сти не соощвѣпствовали силы: упалъ
 „ за мертво ничкомъ. Не чая больше
 „ доспрѣситься ошъ него, что знашь
 „ мнѣ было нужно, велѣлъ его при-
 „ колошь.

„ Все то, что я ни видѣлъ въ Ма-
 „ касарцахъ, показывало ихъ совсѣмъ
 „ опмѣнными ошъ другихъ людьми.
 „ Отъ чего же происходитъ поликая
 „ ихъ храбрость, или, точнѣе назвашъ,
 „ поликое звѣрство? Португальцы, про-
 „ водившіе вѣкъ свой въ Индіи, такъ
 „ мнѣ

„ мнѣ ихъ описывали: обихаютъ они
 „ на островѣ Целебесѣ, или Макасарѣ;
 „ вѣрою Магомешане, но самые сует-
 „ вѣрнѣйшіе раскольники; ошъ поповѣ
 „ своихъ берутъ доскушки бумаги,
 „ исписанной волшебными знаками,
 „ навязываютъ на руки, несомнѣнно
 „ думая, что не возмещъ ихъ никакое
 „ оружіе; что главной членъ ихъ вѣ-
 „ ры соспоитъ вѣ чаяніи имѣть на
 „ другомъ свѣтѣ своими рабами тѣхъ,
 „ коихъ умертвятъ на семъ свѣтѣ,
 „ выключая Магомешанъ; что нако-
 „ нецъ съ ребячества бываетъ имъ
 „ вперяема такъ называемая чувстви-
 „ тельность къ чести, состоящая у
 „ нихъ вѣ томъ, чтобъ не отдавать-
 „ ся живому вѣ руки: не было при-
 „ мѣра, кто бы то нарушилъ; не про-
 „ сятъ они и не даютъ пощады; что
 „ десять Макасарцевъ съ копьями вѣ
 „ рукахъ не раздумають напасть на
 „ сто тысячъ человекъ. Да и неуди-
 „ вительно: люди, упоенные подобны-
 „ ми правилами, ничего не боятся, и
 „ есть опаснѣе наипустѣйшихъ еврей.

„ Сред-

„Средняго роста, смуглы, распро-
 „ропны и сильны; носящъ узкія шпа-
 „ны, бумажныя бѣлыя и сѣрыя ру-
 „башки, шапки, обверченныя полош-
 „номъ, въ три пальца шириною, на
 „голыхъ ногахъ шифли; подпоясыва-
 „ющія кушаками, за которые запы-
 „кающъ адское свое оружіе. Таковы-
 „шо точно были побившіе у меня
 „множество людей.

„Констанса хотя имѣлъ я при-
 „чину подозрѣвать въ недоброжела-
 „тельство ко мнѣ, но долженъ былъ
 „послать къ нему съ донесеніемъ о слу-
 „чившемся. Совѣтовалъ имѣть осто-
 „рожность оубъ Макасарцевъ, засѣв-
 „шихъ и окопавшихся въ своемъ спа-
 „нѣ и воспользоваться моимъ примѣ-
 „ромъ. Не знаю, что онъ представилъ
 „о томъ Царю; но отвѣтное его ко
 „мнѣ письмо наполнено было укорені-
 „ями: винилъ мою оплошность, на-
 „зывалъ ее причиною послѣдовавша-
 „го кроволитія, приказывалъ не ло-
 „вить Макасарцевъ, какъ прежде я
 „дѣлалъ, а предавать смерти, сколь-
Часть VI. II „ко

„ ко бы ихъ ни попадалось въ мои
 „ руки.

„ Прежде полученія сего письма,
 „ на другой день несчастливаго моего
 „ сраженія съ Макасарцами, созвалъ я
 „ Мандариновъ, каждому далъ особую
 „ часть воинства, распавилъ ихъ
 „ по опушкѣ лѣсу сперечь, чтобъ
 „ укрывавшіеся въ немъ злодѣи не сдѣ-
 „ лади новыхъ набѣговъ по берегу рѣ-
 „ ки, вездѣ почти населенному.

„ Черезъ двѣ недѣли услышалъ я,
 „ что появились они въ двухъ ми-
 „ ляхъ отъ Банкока. Сѣлъ на мою
 „ ладью съ осьмьюдесятью человѣ-
 „ ками воинства. Окрестности рѣки по-
 „ крывались еще тогда ея разлишіемъ.
 „ Прибывъ на мѣсто, нашелъ тысячу
 „ пять сотъ Сіамцовъ, бѣгущихъ отъ
 „ двашцати пяти человѣкъ Макасар-
 „ цевъ. Злодѣи, увидѣвъ меня, покида-
 „ лись съ захваченныхъ ими Сіамскихъ
 „ лодокъ въ воду и поплыли. Скоро не
 „ спали доставать до нихъ ружья.
 „ Добравшись они до лѣсу скрылись.
 „ Со-

„ Собралъ я всѣхъ тамъ находивших-
 „ ся Сіамцовъ, укорялъ ихъ прусосстію,
 „ сшылъ ихъ, что не могли успію-
 „ яшь прѣшиву шюликаго малолюдства.
 „ Построилъ ихъ и погнался за Ма-
 „ касарцами; но не видя возможности
 „ успѣха, прибылъ обратно въ Бан-
 „ кокъ.

„ Два Макасарца, шяжело раненые,
 „ привезены мною были въ сію крѣ-
 „ постъ. Отецъ Мануилъ, проповѣд-
 „ никъ вѣры, сильными своими убѣж-
 „ деніями склонилъ ихъ предъ смер-
 „ шю окреститься. Привели попомъ
 „ еще одного. Послѣ подобныхъ же
 „ увѣщаній проповѣдника спросилъ
 „ онъ: Ежели я окрещусь, дади-
 „ шели мнѣ жизнь? Нѣшь. А ко-
 „ гда не миновать смерти, то все равно,
 „ съ Богомъ ли бышь, или съ черпомъ.

„ Опрубленная у него голова взоп-
 „ кнуша была на шесть во устраще-
 „ ніе другихъ.

„ По прошествіи осьми дней при-
 „ бѣжали ко мнѣ нѣсколько поселянѣ,
 „ шрепеща ошѣ страха и сказывая,
 „ что непріятели опяшѣ показались
 „ на берегу рѣки; что ограбили садѣ
 „ и унесли съ собою множество пло-
 „ довѣ и травы. Принужденѣ я былѣ
 „ вхашѣ и шуда, взявѣ съ собою сто
 „ человекѣ копейщиковѣ и оруже-
 „ носцевѣ. Двѣ тысячи человекѣ Сіам-
 „ цовѣ собравшисѣ стояли на томѣ
 „ мѣстѣ, гдѣ ночевали Макасарцы. На-
 „ скучивѣ я споль долго шерпѣшь
 „ ошѣ одной, можно назвашѣ, горшни
 „ злодѣевѣ, рѣшилсѣ съ ними упра-
 „ вилсѣ. Двѣ тысячи человекѣ раз-
 „ дѣлилсѣ я на двѣ части: одну по-
 „ ставилсѣ на правой, а другую на
 „ лѣвой сторонѣ, со штомѣ же взя-
 „ тыхѣ со мною воиновѣ пустилсѣ
 „ по слѣдамѣ люшыхѣ сихѣ звѣрей.
 „ Видно мнѣ было по раздвинувшейсѣ
 „ въ водѣ шравѣ, гдѣ они пробиралисѣ.
 „ Зналсѣ я, что почти умирали они
 „ съ голоду, пишаясь около уже мѣ-
 „ сяца шравою, а при мнѣ были люди
 „ свѣжіе. Чрезѣ полмили я ихѣ уви-
 „ дѣль.

„ дѣлѣ. Убѣгая отъ меня, поворопили
 „ они на дѣво въ дѣсѣ. Засада моя
 „ встрѣшила ихъ оружейною стрѣль-
 „ бою ; но какъ пули не доставали
 „ ихъ , то поворопясь побѣжали ,
 „ сколько могли скоро , въ другую
 „ сторону и попались мнѣ въ гла-
 „ за. Люди мои шли водою почти
 „ по колѣни. Макасарцы взобрались
 „ на одинъ пригорокъ , у подошвы
 „ котораго было воды по горло. Об-
 „ ступилъ я ихъ , и приближась на
 „ двенадцать шаговъ , приказалъ пол-
 „ мачу имъ кричать , что естли
 „ добровольно сдадутся , то выпрошу
 „ имъ прощеніе у Царя. Они вмѣсто
 „ отвѣта бросили въ насъ копье , и
 „ топчасъ взявъ крики свои , или ко-
 „ роукія копья въ зубы , поплыли къ
 „ намъ прямо.

„ Сіамцы, ободряемые моими слова-
 „ ми и примѣрами , такъ удачно вы-
 „ стрѣлили по опчаяннымъ симъ лю-
 „ дямъ , что не остался живъ ни одинъ.
 „ Было ихъ уже только семнадцать
 „ человекъ , прочіе же померли съ го-

„ лоду и отъ ранъ. Были на нихъ
 „ шолько кожа и кости. Каждой на
 „ лѣвой рукѣ имѣлъ помянушья вол-
 „ шебныя буквы. Таковъ - то былъ
 „ конецъ спраннаго сего обстоятель-
 „ ства, цѣлой мѣсяцѣ мучившаго ме-
 „ ня невѣроятными трудами и безпо-
 „ койствами, и едва не лишившаго
 „ жизни.,,

Французъ, именемъ яа Маръ, оче-
 видной свидѣтель, въ коропкихъ сло-
 вахъ повѣствуетъ, что между нѣмъ
 происходило въ Сіамѣ, послѣ какъ онъ
 открылось злоумышленіе.

„ Пяць тысячъ человекъ Царскихъ
 „ шѣдохранителей наряжены были
 „ подъ предвожденіемъ Констанса,
 „ перваго Министра, коего разумѣлъ
 „ Царь самымъ достойнѣйшимъ чело-
 „ вѣкомъ изъ всѣхъ его подданныхъ,
 „ и самымъ также способнымъ угож-
 „ данъ его волѣ.

„ Полководецъ сей отправился Сен-
 „ тября дванацать преньяго числа,
 „ взявъ

„ взявъ съ собою Аглинскаго корабель-
 „ щика Юдаля, кошораго судно сто-
 „ яло на Сіамскомъ баррѣ, многихъ
 „ Агличанъ въ службѣ Царя Сіамскаго,
 „ одного проповѣдника Христіанской
 „ вѣры, и одного также частнаго Евро-
 „ пейца. Мимоѣдомъ осматривалъ
 „ войско, размѣщенное по разнымъ су-
 „ дамъ у оспраго пропяженія земли
 „ въ море, насупротивъ Макасарскаго
 „ мыса. Каждому судну предписано бы-
 „ ло что дѣлать. Агличане, кромѣ ко-
 „ рабельщика, посажены на два воин-
 „ скія судна, стоявшія въ полумилѣ
 „ нижесказаннаго мыса. Въ четыре
 „ часа находился уже каждой на сво-
 „ емъ мѣстѣ, ожидая знака къ сра-
 „ женію съ другаго берега рѣки. Рас-
 „ положеніе Конспанса, какъ начать
 „ и производить дѣло, такъ гласило:
 „ . . . Оклуангъ - Магамонтри, верхов-
 „ ной начальникъ Царскихъ пѣлохрани-
 „ щей, въ полшорыхъ тысячахъ чело-
 „ вѣкахъ долженствовалъ обхватить
 „ непріятеля, развернувшись между бе-
 „ рега и ручья, при кошоромъ оконча-
 „ ваяся его спань, и кошорой не дося-

„ залѣ до рѣки только болопиною на
 „ двѣ сажени , заваленною заранѣе.

„ Окпру - Шулѣ, Сіамскому Манда-
 „ рину, съ двумя тысячами подчинен-
 „ ныхъ , перейти на другую сторону
 „ ручья и построиться по берегу. Въ
 „ обоихъ сихъ проходахъ спашь два-
 „ цати двумъ малымъ галерамъ и
 „ шестидесяти ладьямъ съ воинскими
 „ людьми , кои имѣли производить съ
 „ непріятелемъ спычки.

„ Тысячи чедовкамъ помѣститься
 „ на мысѣ прошиву спана Макасарскаго.

„ Данѣ былѣ знакѣ къ сраженію.
 „ Оклуангѣ-Магамонпри двинулся съ
 „ тысячью чепырьмя спами своихъ
 „ невольниковъ , и не бывѣ послѣдуемъ
 „ воинствомъ своимъ , пошелъ прямо къ
 „ домамъ Макасарцевъ. Но остановясь
 „ тихо, кликалъ къ себѣ Окпра - Шулу.
 „ Нѣкто изъ Макасарцевъ , коего за
 „ темноюю ночи разпознать было не
 „ можно, отвѣчалъ ему по Сіамски:..
 „ . . . Чѣщо тебѣ надобно ?

„ Оклу-

„Оклуангъ-Магамонпри, думая, что
 „слышитъ голосъ Окпра-Шулы, при-
 „ближался къ нему безъ опасенія; но
 „выбѣжала вдругъ толпа Макасарцевъ
 „и умертвили сего Мандарина съ
 „осьмью челоуками его людей. По-
 „томъ другая ихъ толпа перебралась
 „за ручей, прежде нежели захватилъ
 „се мѣсто Окпра-Шуда.

„Въ половинѣ шестаго часа Агли-
 „чанинъ, именемъ Кошсъ, начальникъ
 „военнаго Сіамскаго судна, учинилъ
 „нападеніе на непріятелей у большей
 „рѣки, на самомъ краю ихъ спана,
 „и принудилъ ихъ отступить назадъ.
 „Кошсъ съ двенадцатью другими
 „Агличанами и однимъ Французомъ
 „сѣхали на берегъ; но Макасарцы
 „поворошясь заставили ихъ искать
 „спасенія своего вплавъ рѣкою. Кошсъ
 „получилъ тяжелую рану въ голову,
 „а Французской чиновникъ доплылъ
 „до своего судна.

„Макасарцы тогда же; оставивъ
 „свой спанъ, до половины уже сож-

„ женной нападавшими на нихъ , рѣ-
 „ шились занять вершины малой рѣки
 „ и опшуда доказывать безчеловѣчїе
 „ свое надъ Христїянами. Нѣкто Ве-
 „ решъ , старшина торговаго Француз-
 „ скаго общества въ Сїамѣ , прислалъ
 „ въ сіе самое время на одной шлюп-
 „ кѣ и одной ладѣ .кѣ тому мѣсту ,
 „ гдѣ жили тогда около дватцати
 „ человѣкѣ его земляковѣ. Констансъ ,
 „ имѣя лодку скоряе другихъ на ходу ,
 „ взялъ съ собою Веретовы суда и
 „ еще пятнадцать Сїамскихъ , при-
 „ плылъ за полмили отъ Макасарскаго
 „ спана, въ намѣренїи не допускать ихъ
 „ до переѣзда черезъ рѣку. Выбрался съ
 „ людьми своими на берегъ и пошелъ на
 „ нихъ прямо. Окружали его восемь чело-
 „ вѣкѣ Французовъ , два Англичанина , два
 „ Сїамскїе Мандарина и одинъ Япо-
 „ нецъ. Веретова шлюпка еще не по-
 „ доспѣла , дожидаться же ее было не
 „ можно , упрежденїе Макасарцевъ не
 „ терпѣло времени.

„ Надлежало пройти длинную из-
 „ городу изъ бамбуеваго лѣсу , чтобы
 „ до-

„ достигнушь на открытое мѣсто, гдѣ
 „ они находились. Первая съ ними
 „ ошибка стоила жизни одному Сіам-
 „ цу и двумъ Макасарцамъ. Макасар-
 „ цы ошешупили за изгороду, и раз-
 „ дѣлясь на правую и на лѣвую сторо-
 „ ну, вышли изъ за - изгороды. Съ ве-
 „ ликимъ стремленіемъ побѣжали съ
 „ шѣмъ, чтобъ окружить Сіамцовъ,
 „ кои и принуждены были отступить
 „ къ рѣкѣ, и кинувшись въ нее, плышь
 „ на свои суда. Изъ двенадцати чело-
 „ вѣкъ, бывшихъ съ Констансомъ, по-
 „ бито пятеро: Юдаль и четверо Фран-
 „ цузовъ. Бѣшенство Макасарцевъ, пере-
 „ пившихся завременно опиумомъ, бы-
 „ ло такъ велико, что одинъ изъ
 „ нихъ убилъ жену свою, мѣшавшую
 „ ему на ходу.

„ Неудача сія не привела Констан-
 „ са въ робость. Свѣхаль онъ на бе-
 „ регѣ, взялъ съ собою Французовъ
 „ больше прежняго числомъ и многихъ
 „ Англичанъ, свѣхавшихся между шѣмъ
 „ съ разныхъ сторонъ. На сей разъ
 „ не мало побито было Макасарцевъ,
 „ не

„ не смотря на мужественное ихъ со-
 „ прошивленіе. Но не можно было
 „ инако ихъ искоренить, какъ прево-
 „ сходною силою. Констансъ послалъ
 „ Сіамскаго Мандарина съ четырьмя
 „ спами человекъ остановить ихъ на
 „ походѣ; самъ же съ тремя тысяча-
 „ ми, всѣми Французами и Англичана-
 „ ми построился на открытомъ мѣ-
 „ стѣ у рѣки, и пошелъ водою по
 „ поясъ прямо въ глаза Макасарцамъ.
 „ Стало намъ видно, какъ посланные
 „ наши четыре спа человекъ не поль-
 „ ко мужественно выдерживали напа-
 „ деніе, но и прогнали злодѣевъ къ
 „ ихъ домамъ и изгородамъ на берегу
 „ малой рѣки. Опряжено пошчасъ бы-
 „ ло восемь сотъ человекъ съ ружья-
 „ ми ихъ безпокоить и гнать вверхъ
 „ рѣкою. Оружейники наши дѣлали
 „ чудеса и преодолевали всякое сопро-
 „ шивленіе.

„ Констансъ приказалъ достать-
 „ нымъ своимъ двумъ тысячамъ и
 „ двумъ спамъ человекамъ ишти полу-
 „ мѣсяцомъ и примкнуть къ прежде
 „ ош-

„ опряженнымъ четыремъ спамъ чело-
 „ вѣкамъ. Послѣдніе несли въ рукахъ
 „ бамбуевы фашины съ деревянными
 „ насквозь гвоздями, высунувшимися
 „ вверъхъ на полсажени. Бросали ихъ
 „ предъ собою въ воду и клали по кон-
 „ цамъ брусъ, сблизились съ непріятел-
 „ ями, копорые, не имѣя подобнаго же
 „ пособія на ходу, почти всѣ были
 „ перестрѣлены изъ ружей.

„ Убѣжавшіе же попрятались по
 „ деревяннымъ своимъ домамъ, но они
 „ были зажжены. Бросились въ среди-
 „ ну Сіамскаго войска и дошолъ дра-
 „ лись, доколѣ не легли на мѣстѣ.
 „ Владѣлецъ ихъ, бывъ пяжко раненъ
 „ въ плечо, побѣжалъ съ копьемъ на
 „ Констанса, но одинъ изъ Францу-
 „ зовъ убилъ его изъ ружья. Словомъ,
 „ всѣ Макасарцы или были умерщвле-
 „ ны, или взяты въ полонъ. Двадцать
 „ два, запершіеся въ мечеть, сдались
 „ добровольно. Еще шрипцашъ при
 „ человекѣ поиманы и переколошы. Де
 „ ла Маръ не упоминаетъ о числѣ
 „ ялѣнниковъ; а Форбенъ пишетъ, что
 „ дана

„ дана была жизнь только двумъ сы-
„ новьямъ владѣльца, коихъ опвели
„ въ городъ Луво. Мершвыхъ ихъ
„ шѣль считалось сорокъ два, прочіе
„ же пошонули въ рѣкѣ. Съ Сіамской
„ стороны убито семь Европейцовъ и
„ шесть Сіамцовъ. Сраженіе длилось
„ ошъ пятого часа по полуночи до
„ чепырехъ часовъ послѣ полудни. Сіам-
„ скіе Мандарины доспохвально испол-
„ няли свою должность, переходили
„ изъ одного мѣста въ другое, гдѣ
„ было опасноѣ, и съ крайнею точно-
„ стію исполняли приказы своего пред-
„ водителя. По окончаніи дѣла ве-
„ дѣль Констансъ опрѣзаль головы у
„ Макасарскихъ шѣль и взопкнушь на
„ шести шамъ, гдѣ происходило сра-
„ женіе. Опсправился доноситъ Царю
„ обѣ успѣхахъ славнаго сего дня. По-
„ лучилъ похвалу, но не безъ выгово-
„ ра за то, что такъ много опважи-
„ валъ жизнь свою. Его же именемъ
„ долженъ онъ былъ поблагодарить
„ Французовъ и Агличанъ за участіе
„ въ опасностяхъ и побѣдѣ. „

Та-

Ташардъ приобщаетъ слышанное имъ отъ Іезуита Фоншеней и доказывающее, какъ далеко простираютъ Макасарцы упорство свое и храбрость. Четверо, оставивъ службу Царя Сіамскаго въ самой шопъ день, какъ открылся заговоръ, приспали къ своимъ землякамъ, были переловлены и осуждены на смерть. Фоншеней употребилъ стараніе объ отсрочкѣ ихъ казни на нѣсколько дней, чая, что шакъ уже много прешерпѣвшихъ людей непрудно будетъ обратить въ Христіянство. Ужасными уже мучимы они были пытками, били палками, заколачивали имъ подъ ногти спицы, пальцы давили тисками, жгли руки огнемъ, и сжимали виски между двухъ досокъ. Деклеркъ, зная ихъ языкъ, шщепно уговаривалъ ихъ окреститься. Принуждено было опшупитьсь отъ сихъ изверговъ и предать на произволъ Сіамскаго правосудія. Раздѣли ихъ до нога, распянули по землѣ, привязали по рукамъ и по ногамъ, выпустили на нихъ шигра, но звѣрь понюхавъ пошелъ прочь и силится пере-

перескочивъ черезъ заборъ, въ четыре
фуша высокою. Отъ семи часовъ
по полуночи до самаго полудня шигрѣ,
кромѣ перваго раза, къ нимъ не под-
ходилъ. Но заставили звѣря кинуться
на преступниковъ такимъ образомъ:
палачи, неволею припадши къ
нимъ цѣпями, подергивали, пока
звѣрь разсердившись не расперзалъ
прежде трехъ, а потомъ и послѣд-
няго. Всего удивительнѣе было то,
что сіи четыре Макасарца не только
не оказали ни малѣйшаго знака чув-
ствованнаго ими мученія, но ниже
простонали. Одинъ далъ звѣрю съѣсть
ногу свою, ее не покорча; другой мол-
чалъ чрезъ все то время, доколѣ из-
грызъ у него звѣрь кости въ рукахъ;
третій съ швердостію терпѣлъ со-
саніе крови своей, текшей по лицу,
не сдѣлавъ никакого движенія. Одинъ
только барахтался, однако же умеръ
и шомъ съ швердостію духа.

ГЛА-

ГЛАВА V.

*Странствіе Окюмъ-Шамнама, Ман-
дарина Сіамскаго.*

Пріобщимъ здѣсь описаніе бѣд-^{Сіамъ} ^{о-}
спвеннаго сего странствія, коимъ долж-^{кюмъ-}
ны мы Іезуиту Ташарду. Наслышав-^{Шам-}
шись о страннихъ приключеніяхъ се-^{намаъ,}
го Мандарина, упросилъ его ихъ пере-
сказать: онъ говорилъ, а Ташардъ
записывалъ. Многіе попомъ достои-
ные вброянія Поршугальцы, бывшіе
съ симъ же Мандариномъ, подтверди-
ли истинну его словъ.

Король Поршугальской отпустилъ
въ Сіамъ знаменитое посольство воз-
обновишь старинные союзы съ Ца-
ремъ Сіамскимъ, которой, поставляя
себя обязаннымъ заплашишь тѣмъ же,
послалъ въ Поршугаллію прехъ перво-
статейныхъ своихъ Мандариновъ въ
достоинствѣ пословъ, придавъ имъ
еще шесть нижшей степени Мандари-
новъ. Снабдѣны они были всемъ
тѣмъ, чѣмъ бы учинишь вѣздъ ихъ
въ Лиссабонъ великодѣшнымъ. Въ концѣ

Часть VI

Р

Мвен-

мѣсяца Мая, тысяча шесть сотъ во-
семдесять четвертаго году, опвали-
ли отъ берега и поплыли въ Гою на
Сіамскомъ фрегатѣ, начальствован-
номъ Португальскимъ корабельщикомъ.
Пусть ихъ до сего мѣста, не смотря
на близость, продолжаясь пять мѣся-
цовъ. Не довольное ли знаніе морскаго
дѣла чиновниковъ и кормчихъ, или
прошивные вѣтры были причиною, но
прибыли шуда послѣ уже опѣзда
Португальскаго флота. Должно бы-
ло жить шамъ до другаго года.

Проводивъ одинадцать мѣсяцовъ
въ Гоѣ, дождались на послѣдокъ при-
бытія новаго Португальскаго флота.
Сѣли на одинъ изъ кораблей онаго,
имѣвшій на себѣ пять сотъ человекъ
служилей и прищцать пушекъ.
Сверхъ посла и его подчиненныхъ
поѣхало съ ними немало монаховъ
разнаго чина и множество Креоль-
цевъ, Индѣйцевъ и Португальцевъ.
Оставили Гойское взморье седьмагона-
десять Января, тысяча шесть сотъ во-
семдесять шестаго года. Плаваніе было
сча-

счастлииво до дваццать седьмага Ап-
рѣля. Чшо же попомъ послѣдовало,
послушаемъ самага Окюма.

„Апрѣля дваццать седьмага числа,
„шысяча шесть сотъ восемьдесяцѣ
„шестаго году, при захожденіи солн-
„ца посланы были мапрсы на
„мачшы и райны опознавать землю,
„копорую предъ собою видѣли. По
„словамъ ихъ заключилъ корабельщикъ
„и кормчіе, что шо былъ мысъ Доб-
„рой Надежды. Такъ думая, шли мы
„при часа ночи, и чая уже бышь по
„другую спорону видѣнной нами зем-
„ли, спали держашъ ближе къ Сѣ-
„веру. На небѣ было чисто, свѣжій
„вѣдѣ вѣпрѣ. Корабельщикъ, не со-
„миѣваясь, что минули мы мысъ, ве-
„лѣлъ сойти съ мачшъ часовымъ: на
„палубѣ оспадись шолько вахшнные.
„(*) Никшо не думалъ бышь въ опа-
„сности. Я прежде всѣхъ увидѣлъ
Р 2 „зем-

(*) Вахшою называютъ морскіе часть чин-
новниковъ и подчиненныхъ, очередующихся
посмѣнно для управленія парусами и для
работъ на суднѣ.

„землю. Не знаю, какое предчувствіе
 „случившагося съ нами попомъ не
 „давало мнѣ заснуть. Вышелъ я на
 „верьхъ и занимался смопреніемъ су-
 „дна на ходу, которое мнѣ казалось
 „лешящимъ по водамъ. Взглянувъ не-
 „нарочно въ правую спорону, усмо-
 „трѣлъ близкую и прегустую на морѣ
 „тѣнь. Зрѣлище сіе меня испужало.
 „Далъ я о томъ знать споявшему у
 „кормила. Въ самое то время закры-
 „чали на носу корабля: земля, земля
 „передъ нами, пропали мы, скорѣе
 „руль на другую спорону. Были мы
 „такъ уже близко къ берегу, что
 „корабль поворачиваясь ударился кор-
 „мою три раза объ надводной камень
 „и сдѣлался недвижимъ. Три сіи
 „удара были жестокіе. Думали, что
 „проломился корабль; но увидѣвъ, что
 „не входитъ нигдѣ внутрь вода,
 „нѣсколько успокоились.

„Срубили мачты, начали обле-
 „гать корабль, но не имѣли времени
 „того докончить. Волны принесли
 „насъ къ берегу. Подобны онѣ были

„высо-

„высокимъ горамъ, разсыпались съ ве-
 „ликимъ шумомъ объ камни; по по-
 „дымали насъ до облакъ, по опускали
 „съ великимъ спремленіемъ на камни.
 „Корабль нашъ не мѣгъ устоять дол-
 „го опъ сихъ ударовъ. Услышали
 „мы прескъ во всѣхъ его часпяхъ.
 „Спали опрывашься одна за другою,
 „корабль началъ весь гнущься и ло-
 „машься съ преужаснымъ звукомъ.

„Прежде всего ударившаяся корма
 „прежде и опвалилась. Тщешно ру-
 „били мачшы, бросали въ море пуш-
 „ки и все, что въ руки ни попада-
 „лось. Непрестанно спуча корабль
 „дномъ о камни, напослѣдокъ продо-
 „мился въ пороховой камерѣ. Полилась
 „вода и скоро наполнилась ею сія
 „камера. Чрезъ минушу была уже на
 „нижней палубѣ по поясъ человѣку.

„Поднялся вопль; каждой бѣжалъ
 „на верхъ въ смяшеніи и безпорядкѣ.
 „Вода между шѣмъ прибавлялась; осѣ-
 „далъ корабль. Кидь легъ на дно.

„Нѣтъ возможности изобразить
 „ужаса и отчаянія, овладѣвшаго серд-
 „цами. Вопль, рыданіе, или, почтѣ
 „сказать, вой наполнилъ воздухъ.
 „Шумъ и замѣшательство такъ были
 „чрезмѣрны, что заглушали трескъ
 „ломающагося на мѣлкія части ко-
 „рабля нашего. Нѣкоторые покидались
 „въ море, чтобъ спасти жизнь свою
 „вплавъ, а другіе дѣлали плоты изъ
 „мачтъ, райнъ и досокъ. Послед-
 „ніе только остались живы, а про-
 „чихъ или поглотило море, или раз-
 „било волнами о камни.

„Двѣ у меня были полныя преиз-
 „рядныя одежды, надѣлъ я ихъ на
 „себя, и сошедъ на нѣсколько досокъ,
 „вмѣстѣ связанныхъ, силлся догрести
 „до берега. Впорога изъ нашихъ по-
 „словъ, человека самаго крѣпкаго сло-
 „женія, лучше насъ умѣвшаго плавать,
 „видѣлъ уже я въ водѣ. Грамоша
 „Царская привязана у него была на
 „рукояшкѣ сабли, кошорую подарилъ
 „ему Его Величество. Оба мы почти
 „въ одно время достигли къ берегу.
 „Были

„Были уже тамъ многіе Португальцы.
 „Однако же шѣмъ премѣнили только
 „мы родъ бѣдствія. Оставшіеся на
 „кораблѣ могли ушопуть, для насъ
 „же не предсояло надежды избавить-
 „ся отъ голодной смерти. Не имѣли
 „мы ни воды, ни сухарей, ни вина.
 „Настояла несносная спужа, къ ко-
 „шорой я особливо былъ не привыченъ.
 „Понялъ, что не на долго меня спа-
 „нешъ. Рѣшился ѣхать обратно на
 „корабль, привезши шеплѣ, нежели
 „какія мои были одежды, и сколько
 „нибудъ запасовъ. Португальцы по-
 „знашибе другихъ жили на верхней
 „палубѣ, то думалъ найши тамъ,
 „что было необходимо нужно.

„Приспалъ я безъ большаго шру-
 „да къ кораблю. Видѣнъ еще онъ
 „былъ надъ водою. Лыспился набрать
 „золоша, дорогихъ камней и шому
 „подобныхъ легкихъ къ уносу вещей,
 „но взошедъ на закрайну корабля уви-
 „дѣлъ, что полонъ онъ воды. Все,
 „что я могъ взять, состояло въ нѣ-
 „сколькихъ кускахъ парчи, погребецѣ

„ съ шестью штофами, въ которыхъ
 „ было вино и немного сухарей. Съ
 „ сею добычею, превозмогши невброяш-
 „ нья шрудности и смершныя спрахи,
 „ возвратился на берегъ. Нашелъ нѣ-
 „ сколько Сіамцовъ совсѣмъ нагихъ,
 „ спасшихся вплавь. Дрожали они отъ
 „ стужи. Обвертѣлъ я ихъ моими
 „ парчами, не сказывая однако же нико-
 „ му о погребцѣ: далъ его беречь одно-
 „ му Португальцу, которой со мною
 „ былъ друженъ, съ такимъ условіемъ,
 „ чшобъ пользоваться намъ съ нимъ об-
 „ ще; но сей случай доказалъ мнѣ, сколь-
 „ слабо дружество прошиву нужды.
 „ Португалецъ давалъ мнѣ въ первые
 „ три дни по полурюмкѣ, чая, что
 „ опыщелся между тѣмъ гдѣ нибудь
 „ прѣсная вода; но какъ спараніе наше
 „ о томъ было безъ успѣха, то Пор-
 „ тугалецъ всякой разъ, когда я у не-
 „ го ни просилъ вина утолишь несно-
 „ сную мою жажду, отвѣчалъ мнѣ:
 „ . . . Хотя бы ты былъ родной мой
 „ отецъ, и тогда бы я не далъ тебѣ
 „ ни капли. . . . Сухари также мало намъ
 „ были полезны: надлежало ихъ мо-
 „ „ чить.

„чишь въ морской водѣ, отъ чего спа-
 „новились шакъ горьки, что вѣсть
 „было не можно.

„Было насъ около двухъ сотъ че-
 „ловѣкъ. Нѣкоторые Португальцы
 „успѣли захватить ружья и порохъ,
 „чтобъ защищаться отъ Кафровъ и
 „спрѣвлять по лѣсамъ дичину. Разво-
 „дили мы огни чрезъ все время наше-
 „го спранспованія до Голландскихъ
 „сельбищъ, особливо же въ первыя двѣ
 „ночи послѣ кораблекрушенія, обсу-
 „шившая одежды. Стояла тогда же-
 „стокая спужа. Безъ того всѣ бы мы
 „померли.

„Простоявъ на мѣстѣ двои сут-
 „ки, пошли мы отъ моря. Корабель-
 „щикъ и кормчіе увѣряли, что на-
 „ходились мы не далѣе дваццати
 „миль отъ мыса Доброй Надежды, гдѣ
 „Голландцы имѣютъ селенія, и что
 „въ два дни можемъ шуда дойти.
 „Суѣшная сія надежда заставила мно-
 „гихъ побросать свѣсной запасъ, све-
 „зенной съ корабля, чтобъ облегчить

„себя на ходу. Шли мы кустарни-
 „комъ, не было нигдѣ большихъ
 „древесъ. Остановившись отдохнувъ,
 „не замедлили примѣтивъ, что угро-
 „жаемся умереть безъ пищи и пия.
 „Случился тогда прежаркой день.
 „Шли мы скоро, льстяся къ вечеру
 „увидѣвъ какое нибудь Голландское
 „селеніе. Въ чешыре часа послѣ полу-
 „дни предстало зрѣнію нашему обшир-
 „ное водяное болото. Утолили мы
 „жажду. Португальцы совѣщовали
 „проводить тамъ остатокъ дня и
 „слѣдовавшую ночь. Расклали огни,
 „наловили раковъ, сварили и насы-
 „щились.

„Поупру на другой день напи-
 „лись въ запасъ и пошла далѣе. Пор-
 „тугальцы взяли у насъ передъ: по
 „слабости здоровья и по малосилію
 „одного изъ нашихъ пословъ прину-
 „ждены мы были отъ нихъ отстать.
 „А чтобъ не пошерять ихъ изъ ви-
 „ду, то раздѣлились на три ча-
 „сти: первая не выпускала Порту-
 „гальцевъ изъ глазъ, а прочія двѣ
 „въ

„ въ такомъ же одна отъ другой по-
 „ шли разстояніи. Условились въ пода-
 „ ваніи знаковъ передовыми одна по
 „ другой спаницами, когда Порпуга-
 „ гальцы остановятся, или въ копо-
 „ рую сторону поворотятъ. Съ нуждою
 „ перебирались мы чрезъ попадавшіяся
 „ намъ горы. Во весь шотъ день одинъ
 „ только нашли колодезь, но желтую
 „ его и вонючую воду не могли пить.
 „ Данъ былъ знакъ передовыми наши-
 „ ми, что Порпугальцы остановились.
 „ Думали, что попалась имъ прѣсная
 „ вода, пошли скорѣе; но за сказан-
 „ ною слабостію нашего посла прибы-
 „ ли уже ночью къ нашимъ передо-
 „ вымъ. Услышали отъ нихъ, что
 „ Порпугальцы подъ предлогомъ, чтобъ
 „ не умереть съ нами вмѣстѣ отъ
 „ голода и жажды, вздумали, насъ
 „ оставя, какъ возможно скорѣе дой-
 „ ши до Голландцовъ и выслать къ
 „ намъ всякаго запаса.

„ Старшій изъ нашихъ пословъ
 „ созвалъ всѣхъ насъ предъ себя и го-
 „ ворилъ: . . . „ Силы мои испощи-
 „ лись,

„ лись , не могу поспѣвать за Порту-
 „ гальцами ; васъ же прошу , есшьяи
 „ кто сможетъ , не опсшавайте отъ
 „ нихъ. Жилища Голландскія надобно
 „ чшобъ были недалеко ; прибывъ шу-
 „ да , вышлите ко мнѣ верховую ло-
 „ шадь и телегу съ пищею и пишь-
 „ емъ. „

„ Бѣдшвенно , но необходимо бы-
 „ ло сіе разлученіе ; остался при послѣ
 „ только пятнадцатилѣтній он-
 „ рокъ , сынъ одного Мандарина , изъ
 „ любви къ нему , и еще прешарѣлой
 „ его служитель , восхошѣвшій жить и
 „ умереть вмѣстѣ съ господиномъ
 „ своимъ.

„ Второй посолъ , я и еще одинъ
 „ Мандаринъ , проспаясь съ нимъ и объ-
 „ щавшись прислать къ нему , какъ
 „ скоро можно намъ будетъ , все , что
 „ для него было нужно , пушлись
 „ мы вѣ слѣдъ за Португальцами. Дан-
 „ ной знакъ передовыми нашими ум-
 „ ножилъ нашу бодрость. Соединилися
 „ мы съ ними , не прежде однако же,
 „ какъ

„ какъ уже подъ вечеръ. Узнали,
 „ что Португальцы были отъ насъ
 „ далеко. Видны намъ были мѣста,
 „ гдѣ они зажигали огни. Надежда
 „ найши прѣсную воду поддерживала
 „ наше изнеможеніе. Шедъ мы боль-
 „ ше двухъ часовъ лѣсомъ и между
 „ каменныхъ холмовъ съ невѣрояшною
 „ трудностію, зазрили Португальцевъ
 „ на верьху превысокой горы, спящихъ
 „ около раскладеннаго огня. Одинъ
 „ изъ Сіамцовъ, съ ними бывшихъ, ука-
 „ залъ намъ гдѣ вода, но какъ была
 „ не близко, то, не имѣвъ силы до ней
 „ дошацишься, повалился я у огня и
 „ заснулъ, пока не разбудила меня
 „ утренняя спужа.

„ Столько чувствовалъ я себя сла-
 „ ба, столько мучимъ былъ голодомъ,
 „ что рѣшился не вставая умереть на
 „ мѣстѣ. Къ чему, говорилъ я самъ въ
 „ себѣ, ожидать новыхъ мученій? Но
 „ опчаяніе мое уменьшилось, взирая
 „ на Сіамцовъ и Португальцевъ, ко-
 „ торые не меньше меня были изнуре-
 „ ны, но готовились итти далѣе.
 „ Не

„Не могъ не слѣдовать ихъ при-
 „мѣру. Идучи нѣсколько я согрѣл-
 „ся. Выпередилъ моихъ товарищей,
 „и достигнувъ прежде ихъ вершины
 „горы, нашелъ тамъ превысокую и
 „прегустую траву, легъ я въ ней и
 „заснулъ. Поспѣшность хода моего
 „неизреченно меня упомила. Про-
 „снувшись почувствовалъ, что не могу
 „пронуться ни руками, ни ногами. Сіе
 „заставило меня принять упреннее
 „мое намѣреніе умереть на мѣ-
 „стѣ, да и ждалъ я съ неперпѣніемъ
 „смерти, какъ единого конца моему
 „бѣдствію. Паки овладѣлъ мною
 „сонъ среди горестныхъ моихъ
 „размышлений. Одинъ Мандаринъ,
 „надежной мнѣ пріятель, со слуга-
 „ми моими сыскавъ меня, разбудили
 „и уговорили оставить сіе мѣсто.
 „Дошли мы до Португальцевъ у од-
 „ного водянаго рва. Мучимы они
 „бывъ, также какъ и мы, голодомъ, рас-
 „клали огонь изъ сухой травы и жа-
 „рили нѣсколько ящерицъ и змѣй.
 „Нѣкто изъ нихъ нарвалъ изъ подъ
 „воды росшей травы, навѣлся и по-
 „чув-

„чувствовалъ, что меньше спалъ го-
 „лодень. Бросились мы всѣ на нее
 „и наблизи съ жадностію. Туть мы
 „ночевали.

„Рано поупру на пятой день
 „нашего странствія пустились мы
 „даже въ несомнѣнной надеждѣ дой-
 „ши до Голландскихъ сельбищъ.
 „Мысль сія придала намъ силы. Око-
 „ло половины дня примѣтили мы
 „вдали на высокомъ мѣстѣ нѣсколь-
 „ко человекъ. Каждой изъ насъ при-
 „нялъ по досповѣрнымъ знакомъ,
 „что приближаемся ко окончанію на-
 „шего странданія. Радости нашей
 „пересказать не можно, но мало про-
 „должалась. Были то четверо Голл-
 „ландцевъ, которые прежде насъ,
 „нежели мы ихъ примѣшивъ, шли
 „къ намъ съ копьями въ рукахъ
 „узнавъ, что мы были за люди. Почув-
 „ствовали страхъ предъ немалою на-
 „шею вооруженною армеею. Мы съ
 „своей стороны чаяли, что за ними
 „скоро увидимъ еще многихъ, которые
 „неминуемо на насъ нападутъ и умер-
 „щивать.

„пвятѣ. Посовѣтовавъ между собою,
 „единогласно положили, что лучше
 „дашь себя перебить до смерти, не-
 „жели долѣе влачить жизнь только
 „для того, чтобъ лишиться ее муче-
 „нiями, шягоснѣйшими самой смер-
 „ти. Сближаясь они простерли ру-
 „ки въ одну сторону, указывая на
 „четыре бѣдныя хижины на одномъ
 „пригоркѣ. Поспѣшали мы шуда, сколь-
 „ко допускали наши силы. Они, по-
 „воротясь по другой шропинкѣ, дава-
 „ли намъ разумѣть, чтобъ шли за
 „ними. Мы послушались и достигли
 „наконецъ до деревни, имѣвшей око-
 „ло сорока шалашей, покрытыхъ дре-
 „весными сучьями. Жителей было чи-
 „словъ до пяти сотъ, кои обшупили
 „насъ, оглядывали съ ногъ до голо-
 „вы, особливо же дивились одеждамъ
 „Сiамцовъ. Надоѣло напоследокъ намъ
 „ихъ любопытство. Каждой изъ насъ
 „знаками полковалъ, что умираемъ
 „съ голоду; но они только громко
 „тому хохотали. Нѣкоторые непре-
 „сшанно швердили намъ два сiа сло-
 „ва: шабакъ; пашакъ. Я спалъ ош-
 „; давшѣ

„ давашь имъ два большіе алмаза; по-
 „ даренные мнѣ первымъ нашимъ по-
 „ сломъ, когда я съ нимъ разспавался,
 „ но они глядѣли на нихъ съ презрѣ-
 „ ніемъ. Старшій нашъ кормчій имѣлъ
 „ по счастию при себѣ нѣсколько ша-
 „ баку, кромѣ котораго не знали ди-
 „ кіе сіи люди никакихъ иныхъ хо-
 „ дячихъ денегъ: далъ имъ чешыре
 „ свершка, а они пошчасъ привели
 „ намъ быка. [Быковъ мѣняющъ Гол-
 „ ландцамъ Голшеншошъ на пряди
 „ табаку, длиною прошиву скопины.]
 „ Но какъ могли насышиться однимъ
 „ быкомъ шолкое множество человекъ,
 „ полумертвыхъ отъ голоду и пилав-
 „ шихся шесть дней правою и дре-
 „ весными листьями? Кормчій раздѣ-
 „ лилъ его между своими земляками,
 „ не давъ ничего Сіамцамъ.

„ Не брали Голшеншошы золотыхъ
 „ у насъ денегъ. Одинъ изъ Манда-
 „ риновъ попалъ на вымыслъ, кото-
 „ рой ему и удался: надѣлъ онъ на
 „ голову нѣкоторое золотое украшеніе.
 „ Нарядъ полюбился дикимъ. Провѣ-
 „

Часть VI. С „ някъ

„няли ему за него чешверть барана,
 „хотя онъ спойлъ пшеницы сошь рублей.
 „Разхващали мы мясо почти сырое, но
 „швѣмъ умножили только позывъ на пи-
 „щу. Примѣтилъ я, гдѣ Португальцы,
 „освѣжевавъ быка, бросили кожу. Без-
 „цѣнное по было для меня сокровище.
 „Сказалъ на ухо тому Мандарину,
 „копорою, какъ упомянуто выше,
 „не допустилъ отъ опчаянія уме-
 „реть. Пошли мы съ нимъ. Сыскали
 „кожу, изжарили и составили себѣ
 „одинъ только обѣдъ и ужинъ, по-
 „тому что прочіе земляки наши про-
 „вѣдали про сію нашу находку. Дол-
 „жно было съ ними подѣлиться. Нѣ-
 „кто изъ Гомшеншотовъ приспально
 „глядѣлъ на золотыя пуговицы мо-
 „его плащя. Я далъ ему разумѣть,
 „что уступлю съ охотою, ежели при-
 „несетъ чтонибудь мнѣ на пищу.
 „Принесъ онъ немного молока и дол-
 „женствовавъ я бысть доволенъ.

„Ночевали мы въ сей деревнѣ око-
 „ло большаго огня. Дикіе до самаго
 „разсвѣта не пересцавали плясать и

„КРИ-

„кричашь во все горло. Сь насшу-
 „пившимь днемь пошли мы дорогою
 „къ морю и прибыли къ берегу онаго
 „въ поддень. Морскія раковины, ко-
 „ихь нашли шамь много, составили
 „наибь превкусную, какь намь каза-
 „лось, пищу. Насыпившись набрали
 „въ запась. Воды не могли сыскашь
 „прежде вечера, но и та была соло-
 „новаша. Надлежало дашь ей усшо-
 „яшья, однако же никто не имѣль
 „спелько шерпвнїя. Разположились мы
 „проводить ночь на берегу сего ручья
 „со всякою предоспорожностїю опѣ
 „дикихь Кафровь, коихь должно намь
 „было бояшья.

„Назавшрѣе надлежало сь вели-
 „кимь шрудомь перебирашья чрезь
 „крушую и высокую гору. Голодѣ
 „возобновилѣ надь нами свое мученїе.
 „Не видѣли ничего, чѣмь бы его ушо-
 „лишь. Сь вершины горы показался
 „пригорокъ, покрышой правою и цѣвѣ-
 „шамь. Побѣжали шуда, начали рвалѣ
 „и вѣшь пѣ правы и цѣвѣшы, ко-
 „шорые меньше другихь были горьяи.

С 2

„ Ушопили-

„ Уполился голодъ , но умножилась
 „ даже до несносности жажда. Ночью
 „ уже нашли воду при подошвѣ горы.
 „ Спали мы въ кругъ и' единоголсно
 „ положили не опдалаяться опъ моря.
 „ Корабельщикъ и кормчіе опкрылись,
 „ что не знаютъ гдѣ мы находимся
 „ и куда намъ ишти надобно. Дер-
 „ жася же моря , могли мы пипашься
 „ раковинами , могли находить ручьи
 „ и рѣки , обычно шекущіе иаъ вну-
 „ шренности земли въ море.

„ На разсвѣтѣ , поворошья къ морю ,
 „ пришли къ нему за два часа до по-
 „ лудни. Терялось зрѣніе на поверх-
 „ носсти онаго. Вдали видна' была
 „ широкая гора , выдавшаяся мысомъ.
 „ Кормчіе къ несказанной нашей радо-
 „ сти увѣряли насъ , что то былъ
 „ мысъ Добрай Надежды. Не оста-
 „ навливаясь продолжали мы ишти до
 „ самой ночи и узнали , что кормчіе
 „ ошиблись. Сѣшование заступило мѣ-
 „ сто надежды. Ко утѣшенію увидѣ-
 „ ли не далекой опъ насъ островкъ ,
 „ и пославъ его осмошрѣшь , получили
 „ пріятн-

„пріятную вѣдомость, что почти весь
 „онъ покрытъ былъ раковинами и
 „имѣлъ хорошую прѣсную воду. Вы-
 „годы сіи задержали насъ на немъ
 „цѣлыя сутки. Обиліе пищи подкрѣ-
 „пило силы наши. Подъ вечеръ, по
 „обычаю собравшись мы Сіамцы, отъ
 „Поршугальцевъ поодаль, удивились,
 „что не доспавало у насъ одного Ман-
 „дарина. Тщешно искали мы его вез-
 „дѣ и громко кликали. Послѣ узна-
 „ли, что опсталъ онъ отъ насъ отъ
 „совершеннаго изнеможенія. Чрезъ
 „все наше спранствованіе не могъ онъ
 „себя принудить питаться, такъ какъ
 „мы, травю и цвѣтами. Нашли мы
 „его уже мертва. По чешырехъ дняхъ
 „поже самое случилось и съ другимъ
 „еще Мандариномъ, моимъ крайнимъ
 „другомъ. Надобно, чтобъ бѣдствіе
 „ожесточало сердца: упраша сія,
 „пьяжкая во всякое другое время, по-
 „чти была мнѣ равнодушна.

„На островѣ нашемъ примѣтили
 „мы особой нѣкошорой родъ дре-
 „весъ сухихъ и толстыхъ съ дупла-

„ми на обоихъ концахъ. Жажда, ко-
 „порою мы помились, была произво-
 „дительницею вымысла, какъ сохра-
 „нять намъ воду. Взяли мы съ со-
 „бою такой родъ бочекъ: зашытая
 „нижнее дупло, наливали водою въ
 „верхнее. Пошедъ далѣе, нѣкто изъ
 „Португальцевъ съ великою нуждою
 „вскарпался на прекрушую гору, и
 „вмѣсто желаемого нами мыса, уви-
 „дѣвъ стадо слоновъ посредственной
 „величины. Проводивъ ночь у подош-
 „вы сей горы, цѣлое утро напрасно
 „искали мы чего нибудь на пищу.
 „Изъ всѣхъ Сіамцовъ мнѣ только
 „одному послужило счастье сыскашь
 „на ужинъ: опивъдывалъ я одни за
 „другими травы и цвѣты, но были
 „всѣ нестерпимо горьки. Возвращаясь
 „въ крайней печали къ моимъ пова-
 „рищамъ, примѣшилъ змѣю, хотя
 „тонкую, но длинную. Убилъ ее, из-
 „жарилъ съ кожею, головою и костью
 „ми. Вкусъ показался мнѣ пріятенъ.
 „Спавъ такимъ образомъ мы сыты,
 „увидѣли, что не достаесть одного
 „шомача. На другой день пустились
 „мы

„мы въ путь позднѣе обыкновеннаго,
 „ради густаго шума, омрачившаго
 „воздухъ. Миновавъ съ четверть
 „мили, началъ беспокоить насъ шакъ
 „холодной и шакъ сильной вѣтрѣ,
 „какого не бывало во всю жизнь мою.
 „Не могли мы переступать ногами.
 „Бросало насъ изъ споронѣ въ споро-
 „ну подобно судамъ въ жестокіе про-
 „шивные вѣтры. Въ два часа по по-
 „лудни пролилъ ливной дождь и продол-
 „жался до вечера. Принуждены были
 „искать убѣжища или подъ сухими
 „колодами, или въ ямахъ, или прижав-
 „шись одинъ къ другому, согрѣваясь и
 „выдерживать бурю. Нѣтъ словъ, коими
 „бы удобно было выразить прешер-
 „пѣнное тогда нами мученіе. Во весь
 „цѣль день ничего мы не вдали, и
 „пили только одну дождевую воду;
 „но голодъ былъ изъ самыхъ мень-
 „шихъ нашихъ золъ. Настала ночь,
 „дрожали мы отъ спужи. Не могли
 „почти пошевелишься; сонъ бѣжалъ
 „отъ глазъ; лечь, чтобъ хотя мало
 „успокоиться, были не въ силахъ.

С 4

„ Днев-

„Дневнаго разсвѣта ждали какъ
 „облегченія жалоспнаго нашего со-
 „споянїя. Одеревененіе нашихъ со-
 „спавовѣ превозмогая прежде всего,
 „спарались дойти до Поршугальцевъ,
 „но къ изумленію нашему не было уже
 „ихъ шамъ, гдѣ мы ихъ чаяли. Тщеш-
 „но разсвѣдали мы взоры. Къ довер-
 „шенію горести не знали, куда намъ
 „ипни имъ въ слѣдъ. Въ ужасныя
 „сіи минушы голодъ, жажда, устат-
 „лостъ и боль соединясь лишили насъ
 „и послѣднихъ оспашковъ шерпвнїя,
 „Бѣшенство и опчаянїе овладѣло серд-
 „цами. Смупно взирали одинъ на
 „другаго, полумертвыя, во испугле-
 „нїи ума, молчали, почши лишася вся-
 „каго чувства.

„Одинъ изъ всѣхъ насъ второй
 „посолъ не предавался опчаянїю. Го-
 „ворилъ намъ : „Поршугальцы
 „не безъ особенной какой нибудь при-
 „чины насъ оставили, также какъ и
 „отъ насъ оставленъ старшїй нашъ
 „посолъ. Но и какую помощь имѣла
 „мы отъ сихъ людей, щедъ съ ними
 „вѣдъ

„ вѣстѣ? Не можемъ ли и безъ нихъ
 „ продолжашь нашъ путь по морско-
 „ му берегу въ сходственность обще
 „ съ ними принятаго нашего намѣре-
 „ нія? Не должно ли намъ предпо-
 „ чесшь всему должность нашу? Вы
 „ свидѣтели благоговѣнія моего къ
 „ посланной съ нами грамотѣ велика-
 „ го нашего Государя; видѣли вы, что
 „ послѣ разбиія нашего корабля
 „ первое мое было стараніе ее сохра-
 „ нить. Да и вѣрю, что спасеніемъ
 „ живота моего я ей долженъ: сча-
 „ стіе всегда сопутствуетъ всему, что
 „ непосредственно принадлежитъ на-
 „ шему Монарху. Знаете вы и то,
 „ съ какиимъ тщаніемъ я ее бере-
 „ гаю. Кладезь или на вершинѣ горы,
 „ или по крайней мѣрѣ, чтобъ она
 „ лежала выше головъ нашихъ, по-
 „ мѣщаясь всякой разъ въ пристой-
 „ номъ ошъ нее опдаленіи. Въ лѣ-
 „ сахъ привязывалъ ее высоко на
 „ деревьяхъ, а дорогою несъ на мо-
 „ ихъ плечахъ, ввѣряя только тогда
 „ несли другому, когда не было больше
 „ силъ моихъ держашься на ногахъ.

С 5

„ Сомнѣ-

„ Сомнѣваясь же, чшобѣ долго могѣ я
 „ еще съ вами путешествовать, даю
 „ теперь именемъ Царя нашего пове-
 „ лѣніе прешнему послу, чшобѣ так-
 „ же шочно онѣ хранилѣ его грамошу,
 „ а вѣ случаѣ смерти шожѣ наказалѣ
 „ первому по немѣ Мандарину, и
 „ такѣ далѣ. Ешшли же всѣ мы
 „ одинѣ за другимѣ помремѣ, не до-
 „ шедѣ до мыса Доброй Надежды,
 „ шю послѣдній изѣ насѣ живой Сі-
 „ амецѣ умирая да зароешѣ грамошу
 „ на горѣ, или на мѣстѣ возвышен-
 „ номѣ, и повергшися предѣ нею да
 „ испушишѣ послѣднее дыханіе. Вошѣ
 „ все шю, чшю я вамѣ завѣщаваю. Обо-
 „ дримся же теперь, не покинемѣ другѣ
 „ друга, пойдемѣ по немногу вѣ день.
 „ Счастіе великаго нашего Государя бу-
 „ дешѣ намѣ вождемѣ и помощникомѣ.,

„ Рѣчь сія насѣ ободрила, но вмѣсто
 „ шого, чшобѣ ишши по морскому бе-
 „ регу, согласились мы слѣдовать по
 „ шюпамѣ Поршугальцевѣ. Предѣ на-
 „ ми была великая гора, а на правой
 „ шшоронѣ небольшие холмы. Разсуди-

„ ли „

„ ли, что бывъ они, также какъ мы,
 „ изнурены трудностями пути, дол-
 „ женствовали ишли чрезъ послѣд-
 „ ние. Въ день сей спрдалъ я несно-
 „ сною болѣзнью: не только онѣмъли
 „ у меня ноги, но появилась опухоль
 „ на всемъ шѣлѣ. Чрезъ нѣсколько
 „ дней распрескалась кожа и потекла
 „ бѣловашая съ пѣною жидкость. Ка-
 „ залось намъ, что шли мы скоро, хо-
 „ дя въ самомъ дѣлѣ едва переступа-
 „ ли съ мѣста. Около полудни на-
 „ шли мы себя на берегу рѣки, шири-
 „ ною въ шестьдесятъ, глубиною же въ
 „ восемь сажень. Усомнились, чтобъ
 „ Португальцы могли чрезъ нее пере-
 „ правиться ради великой быстрины.
 „ Нѣкошорые изъ насъ покушались пере-
 „ плавать, но боясь, чтобъ не уне-
 „ сло теченіемъ, верочались назадъ.
 „ Связали мы кушаки. Одинъ изъ на-
 „ шихъ Мандариновъ, человекъ крѣ-
 „ пкой и сильной, взялъ за одинъ ко-
 „ нецъ и поплылъ за рѣку, въ намѣ-
 „ реніи прикрѣпить его къ шалшому
 „ пню, кошорой мы видѣли на дру-
 „ гомъ берегу. На срединѣ рѣки пом-
 „ , чале

„ чало его печеніемъ внизъ , при-
 „ нужденъ былъ бросить конецъ ку-
 „ шаковъ , чшобъ облегчить себя и
 „ добраться до берегу. Искусство его
 „ на водѣ не помогло ему: ударило его
 „ обѣ оспрой мысѣ и изранило во мно-
 „ гихъ мѣстахъ. Кричалъ намъ :
 „ Не можно, чшобъ Португальцы здѣсь
 „ прошли. „ Къ намъ возвратился онъ
 „ ошошедъ далеко вверхъ рѣкою.

„ Остановились мы на томъ , что
 „ Португальцы шли берегомъ , не пере-
 „ пывая рѣки , и избрали сей путь.
 „ Увидѣвъ потомъ брошенной разодран-
 „ ной чулокъ ушвердились въ нашемъ
 „ мнѣніи. Достигли до подошвы од-
 „ ной горы. На низу ея была яма ,
 „ какъ бы нарочно для вшалища про-
 „ хожихъ. Довольное имѣла простран-
 „ ство ко вмѣщенію всѣхъ насъ. Про-
 „ водили мы въ ней прешуденую
 „ ночь , слѣдовательно и самую для
 „ насъ мучительную. Не могъ уже я
 „ надѣвать ни чулокъ , ни башмаковъ.
 „ Опухоль на пѣлѣ моемъ умножилась.
 „ Проснувшись увидѣлъ я себя лежа-
 „ щего

„ шаго въ пѣнистой водѣ, вытекшей
 „ изъ ногъ моихъ, однако же почув-
 „ ствовалъ, что могъ не ошпавашь
 „ ошъ моихъ товарищей.

„ День шотъ держались мы рѣч-
 „ наго берега. Время отъ времени
 „ примѣчали знаки, что шуть же шли
 „ и Португальцы. Далѣе попало намъ
 „ въ сторону брошенное ружье съ ля-
 „ дункой. Пресчастливая находка!
 „ Давно уже не находили мы нигдѣ
 „ и никакой пищи; были едва живы
 „ ошъ голоду. Развели огонь. Ба-
 „ шмаки мои спали мнѣ не надобны,
 „ далъ я ихъ изжарить. Сѣвли мы
 „ ихъ съ алчностію. Жарили шакже
 „ шляпу одного изъ моихъ слугъ, но
 „ никшо не могъ разжевыватьъ. Раз-
 „ рѣзали на куски, сварили, высуши-
 „ ли и исполкли въ порошокъ, но и
 „ сія пища не пошла никому въ горло,

„ У одного пригорка набрѣли мы
 „ на мертвое тѣло нашего шолмача,
 „ приставшаго было къ Португаль-
 „ цамъ. Стояло на колѣняхъ, присло-
 „ нясь

„нясь къ бугру. Можно было до-
 „знать, что умеръ онъ отъ спужи.
 „Вершина бугра покрыва была зе-
 „ленью. Запаслись мы листьями и
 „правою на ужинъ. Размышляя, что
 „Португальцы были отъ насъ да-
 „леко, что напрасно лѣспились мы
 „ихъ догнашь, пришли мы въ рас-
 „каяніе, для чего оставили малой
 „островъ съ хорошею прѣсною водою
 „и множествомъ морскихъ раковинъ.
 „Сѣшваніе наше и ропотъ умножи-
 „лись еще на мѣстѣ, гдѣ надлежало
 „проводить ночь. Два подлежали
 „намъ пуши, оба прешрудные; не
 „могли узнать, по которому шли
 „Португальцы: съ одной стороны
 „была неприсступная гора, а съ дру-
 „гой непроходимое болото, по ко-
 „шорому текшіе многіе ручьи разли-
 „лись покрывали окрестности. Не могли
 „рѣшиться, куда намъ итти, или воро-
 „титься назадъ. Не возможно казалось
 „переходить болото, не подвергаясь
 „тысячи смертямъ; шедъ же чрезъ
 „гору, осудили бы мы себя погиб-
 „нуть отъ жажды: не было никакой
 „на-

„надежды находить воду. На послѣ-
 „докъ согласились возвратиться на ма-
 „лой нашъ островъ, ждешь нѣсколь-
 „ко дней вѣсти отъ Португальцевъ,
 „и не сходишь съ острова, пока не
 „перевѣдимъ всѣхъ раковинъ, потомъ
 „добровольно отдашь въ рабство
 „Гошпеншотамъ и часть у нихъ спада.

„Въ третій день съ неизречен-
 „ною радостію увидѣли мы нашъ
 „островъ. Суешное обрадованіе! ближ-
 „нее болото послѣ насъ покрылось
 „водою, разлилось и загородило на-
 „шу дорогу. Островъ сей есть ни-
 „что иное, какъ высокой и круглой
 „каменной холмъ, имѣющій во окру-
 „женіи около ста шаговъ, во времена
 „морскаго прилива уменьшающійся, а
 „увеличивающійся при отливахъ. Въ
 „послѣднемъ случаѣ видны на немъ
 „спановятся множество малыхъ ка-
 „менныхъ же холмовъ по пескамъ. Съ
 „нешерпвнѣемъ ждали отлива, и какъ
 „открылъ оной намъ путь, то
 „бросились брать раковины. Насыпи-
 „лись, сушили ихъ на солнцѣ и жа-
 „рили

„ рили къ ужину. Окружали насъ сухія
 „ и безплодныя мѣсна, изрѣдка споя-
 „ ли подсохшія деревья, копорыя ру-
 „ били мы себѣ на дрова. Безъ огня
 „ не можно намъ было пробыть. Засы-
 „ пая ночью, всякой разъ будила насъ
 „ сырость воздуха и спужа. Скоро пере-
 „ велися дрова, принуждены были
 „ ходить за ними далеко; къ несча-
 „ стію вездѣ были мѣсна песчаныя
 „ и каменистыя, нигдѣ ни одного
 „ дерева, ни шравы. Посыланные наши
 „ принесли къ намъ только дни на
 „ три слоновьяго помеша, копорой и
 „ служилъ намъ вмѣсто дровъ. Жесто-
 „ кая спужа заставила насъ отдаться
 „ Голшентошамъ, и шакъ разсѣались
 „ мы съ нашимъ оспровомъ, горестно
 „ жалѣя о раковинахъ и прѣсной во-
 „ дѣ. Почти увѣрены были, что помер-
 „ ли Португальцы, не дошедъ до Гол-
 „ ландскихъ сельбищъ, или по край-
 „ ней мѣрѣ почитая насъ мертвыми,
 „ не пойдутъ насъ искашь въ ужас-
 „ ныхъ сихъ пустыняхъ. Каждой за-
 „ пасся, сколько кто смогъ, раковинами
 „ и прѣсною водою. Первая ночь про-
 „ шла

„ ша на берегу нѣкоего соленого
 „ озера близъ той горы, у кошорой
 „ уже мы спояли: насталь день,
 „ спали мы искашь правы и древе-
 „ снаго дилшья на пищу, сберегая
 „ нашъ запасъ на случай большей
 „ крайности. Тщешныя дѣлали по-
 „ пышки ловить рыбу: озеро было со-
 „ леное, мушное и превязкое имѣло
 „ дно.

„ Усмошрѣли шедшихъ на насъ
 „ шрехъ человекъ Голштеншоновъ. По
 „ данному знаку всѣ мы собрались вмѣ-
 „ стѣ. Издали по табачнымъ шруб-
 „ камъ, кошорыя они курили, познали,
 „ что сіи Голштеншоны имѣли сообще-
 „ ніе съ Европейцами. Трудность со-
 „ спояла въ томъ, что не могли съ
 „ ними изъясняться; но подняли они
 „ шесть пальцевъ вверхъ и крича-
 „ ли Голанда, Голанда. Нѣкоторые
 „ изъ насъ приняли ихъ за подсылъ-
 „ ныхъ ошъ шѣхъ, кошорыхъ мы пре-
 „ жде уже видѣли, чшобъ насъ пере-
 „ ловить и умершвить. Другіе знаки
 „ приняли шѣмъ, что находились мы
 „ ошъ мыса Доброй Надежды разстоя-
 „ ніемъ

„ ніемъ шестидневнаго пупи. Посовѣ-
 „ шавъ иѣсколько между собою, рѣ-
 „ шидись ишши за Гошшеншопами,
 „ куда бы насъ ни повели; да и не
 „ могло ничего бѣдспвеннѣе съ нами
 „ случисься. Самая смерть была бы
 „ избавленіемъ отъ неснаго нашего
 „ положенія. Немного: нужно намъ
 „ было часовъ увѣришься, что вожди
 „ наши не столь были грубы, какъ
 „ первовидѣнные нами. Ясно то было,
 „ что имѣли они съ Европейцами нѣ-
 „ которое сообщеніе. Съ ними взято
 „ было четверть барана. Голодъ при-
 „ нудилъ насъ у нихъ оное просить.
 „ Отвѣчали знаками, чтообъ прежде
 „ заплашили мы деньги. Понявъ же
 „ изъ нашихъ знаковъ, что не имѣли
 „ мы оныхъ, указывали пальцами на
 „ золошья наши и серебряныя пугови-
 „ цы. Опрѣзавъ я шесть пуговиць по-
 „ далъ имъ, а они усшумили мнѣ мя-
 „ со, которое изжаривъ раздѣлилъ я
 „ съ моими шоварищами.

„ Вожашые наши принуждали насъ
 „ ишши скорѣе. Медленностію своею

„ каза-

„казалось что мы ихъ беспокоили.
 „Надлежало намъ спускаться по самому
 „жесткому матеруку. Изъ пятнаш-
 „цаши насъ человекъ семь выби-
 „лись изъ силы. На другой день не
 „могли приступить ногами. Должно
 „было ихъ шупъ оставить. Дали мы
 „имъ нѣсколько сушеннаго мяса изъ
 „раковинъ, убѣривъ, что первую на-
 „шею заботою, по прибытіи въ Гол-
 „ландскія селенія, будетъ отправле-
 „ніе къ нимъ покойныхъ повозокъ.
 „Правда, что и у всѣхъ насъ опу-
 „хло шло, особливо же руки и ноги,
 „оставленные же нами почти не имѣ-
 „ли образа человѣческаго: страшно
 „было на нихъ глядѣть. И такъ
 „пошли мы за нашими вождями. На
 „пути случилось мнѣ видѣть отвра-
 „щеннаго зрѣлища. Замѣчаю я оное
 „только для показанія, какъ далеко
 „проспирается неопрятность Голлен-
 „дцевъ. Разклали они огонь грѣбъ-
 „ся ошъ безмѣрной ночью спужи. Выни-
 „мали погасшіе угли, клали ихъ въ на-
 „рочно вырытую ими ямку, пускали на
 „нихъ свою мочу. Толкли угли и потомъ

„мазали ими у себя лице и шво.
 „Такъ запачкавшись, свидѣтельство-
 „вали намъ свое сожалѣніе, что не
 „могли и мы подобно же себя при-
 „холоить. Двое изъ нихъ пошли съ
 „поспѣшеніемъ напередъ, прешій же
 „не покидалъ насъ и ошанавливался
 „когда мы ни хошѣли.

„Шесть дней спранствовали мы,
 „преперпѣвая несравненно большія
 „предѣ прежними шрудности. Дол-
 „женствовали то восходишь, то спу-
 „скашься по мѣстамъ, на которыя
 „одно возрѣніе приводило насъ въ
 „препешъ. Нашайся между нами та-
 „кіе, кои, увидѣвъ нашего вожащаго
 „взлазившаго на неприслупную гору,
 „уговорились его умершвить, несо-
 „мѣнно чая, что онъ ищетъ нашей
 „погибели. Но второй нашъ посолъ
 „устыдилъ ихъ укореиіями гнуснаго
 „сего умысла: Сей бѣдной Гош-
 „шеншолъ служишь намъ, не бывъ ни-
 „чѣмъ намъ обязанъ. Въ соспо-
 „ниіи нашемъ неблагодарность была
 „бы мерзоспѣйшимъ изъ всякихъ
 „пороковъ.

„ Не

„ Но самое то, что насъ прежде
 „ усстрашило издали, спановилось часъ
 „ отъ часу сносиве. Покашости горы
 „ являлись меньше утесны; словомъ,
 „ превозмогли мы всѣ сіи мнимыя на-
 „ ми препяшствія.

„ Пишались мы между шѣмъ на-
 „ шимъ только сушенымъ мясомъ изъ
 „ раковинъ, какъ можно его сберегая.
 „ Счастіемъ почишали, находя иногда
 „ листья нѣкопорого куспарника, ко-
 „ имъ приправляли мы нашу пищу, а
 „ земныя лягушки казались намъ ла-
 „ комствомъ и часто попадались на
 „ мѣсахъ, покрытыхъ зеленью; но
 „ всего вкуснѣе намъ были большія
 „ черныя мухи, или паче жуки. Дер-
 „ жались они шамъ, гдѣ есть какая ни-
 „ будь нечисть. Много ловили на сло-
 „ новыхъ помехахъ. Ъли мы ихъ
 „ жареные. Нужно все сіе замѣнить
 „ впередъ для шѣхъ, которые будутъ
 „ когда либо въ подобномъ нашему
 „ состояніи.

„ Въ тринадцатъ первой нако-
 „ нецъ день нашего спранспивованія,

„ а въ шестой день послѣ счастливой
 „ нашей встрѣчи съ послѣдними Гопш-
 „ шеншотами, спускаясь съ неболь-
 „ шаго бугра, усмотрѣли на вершинѣ
 „ превысокой горы, чрезъ которую про-
 „ ходишь надлежало, четырехъ человѣкъ.
 „ Прежде приняли мы вдали за Гопшен-
 „ шотовъ. Не всходило намъ на мысль,
 „ чтобъ могли зайти въ пустыню сію
 „ люди инаго племени. Шли они прямо
 „ къ намъ. Сближившись къ неизречен-
 „ ному обрадованію опознали, что
 „ двое были Голландцовъ, а прочіе са-
 „ мые тѣ Гопшеншоты, которые по-
 „ шли отъ насъ напередъ. Состояніе
 „ душъ нашихъ пусть всякой себѣ
 „ вообразитъ соразмѣрно со всѣми пре-
 „ терпѣнными отъ насъ бѣдствіями.
 „ Подошедъ къ намъ, начали вопро-
 „ сомъ: Вы ли Сіамцы и гдѣ
 „ ваши послы? Указали мы ихъ. Гол-
 „ ландцы къ нимъ подступили, при-
 „ вѣщивовали и просили ихъ състѣ.
 „ Поставили предъ нихъ пищу и
 „ пишіе. Увидѣвъ мы мягкой печеной
 „ хлѣбъ, вареное мясо и вино, не
 „ знали какъ изъяснить нашу благо-
 „ дар-

„ дарность. Одни пали къ ихъ но-
 „ гамъ и обнимали колѣни, другіе
 „ навывали ихъ опцами и избавите-
 „ лями. Первой нашъ посолъ, разлу-
 „ чаясь съ нами, отдалъ намъ многіе
 „ изъ Царскихъ вѣренныхъ ему доро-
 „ гихъ вещей, съ шѣмъ, чѣтобъ наня-
 „ ли мы и выслали за нимъ повозку.
 „ Мнѣ собственно далъ онъ пять
 „ большихъ алмазовъ въ пяти пер-
 „ стняхъ. Одарилъ я шотъ же часъ
 „ каждаго Голландца по одному.

„ Удивительно, чѣто насыпившись
 „ и напившись сколько хотѣли, вдругъ
 „ спали мы такъ слабы, чѣто не толь-
 „ ко не могли итти далѣе, но и
 „ подняться съ мѣстъ нашихъ безъ
 „ несносной боли во всѣхъ членахъ.
 „ Тщешно оживители наши увѣряли,
 „ чѣто осталось только на одинъ часъ
 „ ходу до ихъ селенія, гдѣ лучше
 „ успокоиться можемъ. Ни у одного
 „ изъ насъ не было силы и духа пред-
 „ прыть споль близкой пушъ. При-
 „ нуждены они были послать Голя-
 „ щенщозовъ за повозками, которыя

„ и привезены къ намъ были часа
 „ черезъ два; приведено также и нѣ-
 „ сколько верховыхъ лошадей, но
 „ остались лишними. Всѣ мы легли по
 „ телегамъ и прибыли въ селеніе.
 „ Ночь проспавъ на соломѣ, казалось
 „ намъ, что въ жизнь нашу не имѣ-
 „ ли постели покойнѣе. Проснувшись
 „ же на другой день поздно ушромъ,
 „ сердца наши не вмѣщали радости,
 „ что кончилось уже все ужасное наше
 „ спраданіе, продолжавшееся прип-
 „ цать сушюхъ.

„ Прежде всего спали мы просить
 „ столь великодушно призрившихъ
 „ насъ Голландцовъ о посылкѣ на
 „ телегахъ всего нужнаго отспавшимъ
 „ отъ насъ семи Сіамцамъ, что было
 „ поспѣшася и исполнено. Послѣ того дали
 „ и намъ двѣ повозки, на копорыхъ
 „ пріѣхали мы въ другое селеніе, въ пяти
 „ отъ перваго миляхъ. Тамъ ожидали
 „ уже вооруженные люди, присланные
 „ отъ правителя съ верховыми ло-
 „ шадями для двухъ нашихъ пословъ.
 „ Долженствововали они насъ проводить.
 „ Верхо-

„ Верховыя лошади и на сей разъ по-
 „ шли пустыя; послы наши за край-
 „ нею слабостію силъ помѣстились
 „ съ прочими на повозкахъ. Достигли
 „ наконецъ къ мысу Доброй Надеж-
 „ ды. Начальникъ крѣпости выслалъ
 „ къ намъ на встрѣчу секретаря сво-
 „ его поздравить пословъ съ прѣз-
 „ домъ. Въ крѣпость вводили между
 „ посроившагося по обѣ стороны
 „ воинства. Самъ начальникъ крѣпости
 „ встрѣшилъ насъ на крыльцѣ; послы
 „ и Мандарины приняты имъ были
 „ почтительно и дружественно. Во-
 „ шли въ просторную комнату, про-
 „ шены сѣсть, подали закуски и на-
 „ чалась пушечная пальба въ честь
 „ Царю Сіамскому въ лицѣ его по-
 „ словъ. На усиленные наши прозбы,
 „ чтобъ поспѣшилъ онъ дать руку
 „ помощи первому нашему послу,
 „ оставшемуся на шомъ мѣстѣ, гдѣ
 „ разбился нашъ корабль, ошвѣчалъ
 „ онъ, что въ настоящее тогда го-
 „ довое время никакъ не можно ему
 „ было сдѣлать намъ сію угодность;
 „ какъ же скоро наступитъ лучшая по-

Т 5

„ го-

„ года , то онъ должностію своею
 „ почитаешь о томъ постараться. На-
 „ зывалъ насъ счастливыми , что дер-
 „ жались мы берега , инако же неизбъ-
 „ жно попали бы мы на Кафровъ , лю-
 „ дей кровожаждущихъ , которые бы
 „ всѣхъ насъ умертвили .

„ Въ приближеніе наше къ мысу ,
 „ когда мы примѣтили на взморьѣ
 „ стоявшія суда , то почувствовали
 „ надежду нѣкогда увидѣшь любез-
 „ ное опечесство наше и друзей . Обѣ-
 „ щаніе начальника крѣпости ушвер-
 „ дило лестное сіе наше чаяніе ; по-
 „ чти забыли мы все прешерпвное
 „ нами ; но и сдержалъ онъ свое слово .
 „ Секретарю его дано было повелѣніе
 „ проводить насъ въ нарочно приго-
 „ шовленной домъ , гдѣ избыточно до-
 „ вольствованы мы были всѣми нуж-
 „ дами жизни . Правда , что записываю
 „ былъ съ точностію всему расходъ и
 „ посланъ попомъ въ Сіамъ къ Ми-
 „ нистрамъ нашего Государя , которые
 „ не замедлили также возвратишь ему
 „ не только сіи его издержки , но и
 „ во

„ во что ему спала высылка къ намъ
 „ на встрѣчу нѣсколькихъ чиновни-
 „ ковъ и воинства. Послѣдніе стояли
 „ у насъ на спражѣ чрезъ всю быш-
 „ носнѣ нашу на мысѣ Доброй Надежды.

„ Португальцы наши, болѣе еще, не-
 „ жели мы прешерпѣвъ, осьмью дня-
 „ ми пришли насъ прежде. Былъ ме-
 „ жду ими Августинскаго чина мо-
 „ нахъ, коему по повелѣнію Сіамскаго
 „ Царя надлежало проводить его по-
 „ словъ до Лиссабона: онъ - то, раска-
 „ зывая намъ бѣдспвія свои на пуши,
 „ извлекъ изъ глазъ нашихъ слезы: . .
 „ . . . Звѣри бы сжалились воплемъ и
 „ рыданіемъ шѣхъ изъ насъ, кои па-
 „ дали отъ голода и болѣзни, призы-
 „ вая на помощь поварищей своихъ,
 „ но всѣ мы, подавленные собствен-
 „ нымъ нашимъ мученіемъ, не чувспво-
 „ вали сожалѣнія; не оказывали мы
 „ припомъ никакого инаго знака чело-
 „ вѣчсства, какъ только сказавъ: Бо-
 „ гу поручаемъ души ваши; попомъ
 „ закрывали глаза и зашыкали уши,
 „ чшобъ не видѣшь и не слышать па-
 „ даю-

„ дающихъ и умирающихъ между на-
 „ ми ежечасно. Разставшись съ вами
 „ лишились мы шакимъ образомъ до
 „ шестидесятии человекъ всякаго воз-
 „ раста и состоянiя, не считая тѣхъ,
 „ которые померли прежде, и одного
 „ больного и престарѣлаго Іезуита.

„ Но никто столько не спрдалъ,
 „ и даже до того, что можешь быть
 „ не было никогда примѣра шоликому
 „ собранiю золъ, кои постигнули на-
 „ шего корабельщика. Былъ онъ чело-
 „ вѣкъ знашнаго рода, богашой и добро-
 „ дѣтельной; имѣлъ случай оказашъ ва-
 „ жныя услуги Королю Португальско-
 „ му, своему Государю, которой и онъ
 „ давалъ справедливостъ вѣрности его
 „ къ нему и мужеству. Не могу вспо-
 „ мнить его имя. Въ Индiю привезъ
 „ онъ съ собою единороднаго своего
 „ сына, опрока онъ десяти до двенад-
 „ цати лѣтъ, ради ли того, чшобъ
 „ завременно приучить къ безпокой-
 „ ствамъ морской службы, или не хо-
 „ щя повѣришь никому, кромѣ себя, его
 „ воспитанiе. Сей опрокъ одаренъ
 „ былъ

„ былъ всѣми качествами , которыхъ
 „ дѣлали уже его любимымъ и чти-
 „ мымъ отъ всѣхъ. Собою былъ спа-
 „ шень и пригожъ , успѣхи его въ на-
 „ ухахъ превосходили его возрастъ.
 „ Примѣрная его была любовь и по-
 „ слушаніе къ отцу своему. Корабель-
 „ щикъ , выплывъ съ нимъ вмѣстѣ на
 „ берегъ послѣ разбиія корабля , не
 „ выпускалъ его ниже на минушу изъ
 „ глазъ. Дорогою несенъ онъ былъ не-
 „ вольниками на рукахъ , доколѣ они
 „ часнію не померли , а другою не
 „ обезсилѣли. Бѣдное сіе дитя скоро
 „ ослабѣло : легши отдохнувъ на од-
 „ номъ пригоркѣ , не могъ уже вспаться
 „ на ноги. Отецъ , коего раздиралась
 „ внутренность на шо взирая , поднялъ
 „ его и понесъ самъ ; но скоро и онъ не
 „ могъ переступить съ мѣста. Просилъ
 „ другихъ щадить себя , однако не на-
 „ шель ни одного , кто бы смогъ шо
 „ сдѣлать. Положилъ сына своего себѣ
 „ на плеча , но переступивъ нѣсколь-
 „ ко разъ , упалъ и съ нимъ. Ребенокъ
 „ больше казался пронутымъ состо-
 „ яніемъ отца своего , нежели своимъ
 „ соб-

„ собственнымъ. Пролитая источникъ
 „ слезъ, заклиналъ его оставишь уме-
 „ ренъ. . . . Слезы швои, родители
 „ мой, говорилъ ему, множайши мои
 „ страданія.

„ На самомъ дѣлѣ никто не ду-
 „ малъ, чтобъ опрокъ сей дожить
 „ могъ до вечера. Примѣшивъ же, что
 „ слова его въ пущую только вверга-
 „ ли печаль отца, принявшаго напо-
 „ слѣдокъ швердое намѣреніе умереть
 „ съ нимъ вмѣстѣ, возвелъ глаза на
 „ другихъ Португальцевъ, просилъ
 „ ихъ споль жалкими выраженіями,
 „ что единое оныхъ напоминаніе
 „ стѣсняетъ душу мою, чтобъ на-
 „ сильно опвлекли отъ него отца и
 „ поехали о сохраненіи его жизни.

„ Два Португальскихъ монаха под-
 „ спунили тогда къ послѣднему и
 „ предшавляли, что върою онъ своею
 „ во Христа одолжается сберегать
 „ жизнь свою. Всѣ прочіе попомъ
 „ Португальцы соединенно подняли его
 „ на руки и опнесли далеко отъ сына;
 „ ко-

„ кошорой шой же ноци и скончался.
 „ Такая ушраша сдѣлала ему жизнь
 „ ненавистнымъ бременемъ. Мрачная
 „ овладѣла имъ задумчивость ; началъ
 „ онъ примѣшно изчезать и напоследъ-
 „ докъ чрезъ два дни по прибытіи къ
 „ мысу отъ печали умеръ.

„ Около четырехъ мѣсяцовъ ожи-
 „ дали мы кораблей , идущихъ въ Ба-
 „ шавію. Два мѣсяца употреблены на-
 „ ми были на поправленіе нашего здо-
 „ ровья. Искусной врачъ предписалъ
 „ намъ , какъ себя содержать. Трудно
 „ намъ было не навѣдаться до сына.
 „ Пресыщеніе , по мнѣнію его , было
 „ бы намъ смертоносно. И такъ по-
 „ среди изобилія еще мучимы были
 „ голодомъ.

„ Предъ отправленіемъ нашимъ
 „ узнали , что второй кормчій разбив-
 „ шагося нашего корабля уѣхалъ на
 „ Аглинскомъ суднѣ ; что хотѣлъ ему
 „ подражать и первой нашъ кормчій ,
 „ но корабельщикъ отдалъ его подъ
 „ крѣпкую стражу , въ намѣреніи от-
 „ , везши

„везти въ Поршугаллію и за оплош-
 „ность его, причину всѣхъ нашихъ
 „золь, предашь наказанію.

„Большая часть Поршугальцевъ
 „поплыли на Голландскихъ судахъ въ
 „Амстердамъ, откуда легко имъ бы-
 „ло возвратиться въ отчину; про-
 „че же сѣли съ нами на одинъ ко-
 „рабль, принадлежавшій Голландскому
 „торговому обществу, на которомъ и
 „прибыли мы благополучно въ Баша-
 „вію въ Іюнь. Чрезъ шесть мѣся-
 „цовъ отправились въ Сіамъ, а въ
 „Сентябрѣ сподобились предстать
 „предъ нашего Государя; милостивно
 „насъ приняшаго. „

Во всемъ такомъ сказаніи Сіам-
 ца нѣтъ ничего замѣчательнаго не-
 рушимости благоговѣнія словъ къ
 грамотѣ ихъ Государя: среди ужа-
 сныхъ крайностей нищеты и отчая-
 нія хранили ее какъ нѣкоторую свя-
 щиню Рабы и невольники !
 Не уже ли и рабство дѣлаетъ героевъ?
 Безъ сомнѣнія источникомъ онаго не
 есть

есть восхищенія духа предметами славными и великими; восхищенія, имбющаго мѣсто только въ душахъ свободныхъ и просвѣщенныхъ. Нѣтъ, сіе есть непреодолимое природное повлеченіе, производимое вѣрою и привычкою, преходящее съ кровію вмѣстѣ отъ отца къ сыну и такъ далѣе чрезъ все потомство въ невольническихъ племенахъ. Такъ - то сердце чловѣческое слѣпо, правимое двумя сильными наважденіями, можетъ возвышаться чрезмѣрно и посреди чрезмѣрнаго также своего собсвеннаго униженія!

ГЛАВА VI

Сіамъ.

Царство Сіамское къ Сѣверу граничитъ съ царствомъ Лаоскимъ, къ Востоку съ царствами Камбоя и Кео, къ Югу съ великимъ морскимъ, такъ называемымъ, Сіамскимъ же заливомъ, а къ Западу съ полуостровомъ Малакою. На Сѣверѣ простирается до двадца-

Часть VI.

У

ши

Сіамъ

ти двухъ степеней широты. Взморье оканчивается помянутымъ заливомъ подъ принадлежашою съ половиною степенію, а изъ сего ясно, что пространство царства сего мало еще извѣстно Европейцамъ. Содержитъ прямою чертою сто семдесятъ миль. Отъ Востока къ Сѣверу гряда высокихъ горъ, отдѣляющихъ оное отъ Лаоскаго царства между Сѣверомъ и Западомъ. Другая гряда горъ между царствъ Сіамскаго и Пегуанскаго. Оба сіи горные хребта имѣютъ въ себѣ обширныя долины, нѣкоторыя отъ осьмидесяти до ста миль. Отъ города Шіама до моря, сирѣчь отъ Сѣвера къ Югу, течетъ прекрасная рѣка, которую зовутъ Сіамцы Менамъ; изгибами своими составляетъ главную часть сего государства.

Порубежныя горы царствъ Аванскаго, Пегуанскаго и Сіамскаго снижаются къ Югу, образуютъ полуостровъ всей Индіи за рѣкою Гангесомъ, кончащійся у города Синкапура и раздѣляющій заливы Сіамской и Бенгальской, которой съ островомъ

Су-

Сумашрою учиняетъ славной оной Малакской, или Синкапурской проливъ. Многія рѣки, низходя съ горъ въ заливъ Сіамской и Бенгальской, причиняющъ, что берега ихъ много населены. Другія горы находящяся между царствами Сіамскимъ и Лаоскимъ, просираваясь къ Югу, и помалу снижаясь, досязающъ до Камбойскаго мыса, Воспочившаго изъ всѣхъ мысовъ материка Азіи, обращеннаго къ Югу. Отъ него-то начинается Сіамской заливъ и царство сего имени; идешь довольно далеко къ полудни по обѣимъ сторонамъ залива, то естъ отъ Воспока вдоль по берегу до рѣки Шотебунъ, или края царства Камбойскаго; и насупрошивъ, или по полуострову, за рѣкою Гангесомъ, на Западъ отъ залива Сіамскаго, просираваясь до Кведы и Папана, спранъ, обитаемыхъ Малейцами, коихъ городъ Малака былъ прежде сего столицю.

И такъ считается около двухъ сотъ миль отъ берега Сіамскаго залива, а сто сорокъ миль отъ залива Бенгальскаго. Выгодное мѣстоположеніе,

открывающее жителямъ пущи во всѣхъ
Восточныхъ моряхъ. Естественность, не давшая
ни гаваней, ни взморій Коромандель-
скому берегу, прилегающему съ Запада
къ Бенгальскому проливу, щедро ода-
рило Сіамской насупрошивъ онаго на-
ходящійся берегъ. Множество остро-
вовъ служатъ надежными убѣжищами
морскимъ судамъ и обилуютъ прѣсною
водою и лѣсомъ. Острова сіи считаетъ
Сіамскій Царь между своими обла-
стями, хотя народъ его никогда на
нихъ не обиталъ, и хотя не бывалъ
онъ никогда въ состояніи запретишь
прислывать къ нимъ иностранцамъ.
Городъ Меркюй сидитъ на Сѣверо-
Западной оспрой крайности берега
великаго и многонаселеннаго острова
съ презрительною рѣкою, называющеюся
Теңасеримъ, по имени другаго города,
въ пятнадцати миляхъ отъ моря.
Рѣка сія взялась отъ Сѣвера. Про-
текши чрезъ царство Аванское, Пе-
гуанское и Сіамское, впадаетъ въ Бен-
гальской заливъ премо устьями, обхо-
дя островъ Меркюй, коего гавань наи-
лучшею разумѣется въ Индіяхъ.

По-

Понятно то, что рѣка Менамъ, проходя чрезъ царство Сіамское между горъ, оное окружающихъ, окоренила по берегамъ своимъ знаменнѣйшіе города, и что способность торговли и инныя выгоды созвали туда большую часть Сіамцовъ. Прочій оспашокъ сего царства малонароденъ, да и мало также имѣютъ сельбищъ по морскимъ берегамъ, по крайней мѣрѣ ближе однодневнаго пути. Всѣ спрансвователи соглашаются, что мѣста, нѣскольکو отдаленныя отъ береговъ рѣки Менамъ, почти незнаемы чужеспранцамъ. Французской инженеръ дела Маръ, оставленной господиномъ Шомономъ въ службѣ у Царя Сіамскаго, снялъ положеніе сей рѣки отъ столицы до моря. Да сіе только и имѣемъ мы вѣрное свѣдѣніе о внутренности Сіама, пріобщая къ тому нѣкото́рыя извѣстія, сочиненныя Лалуберомъ, и то, что чинали уже мы въ двухъ спрансвованіяхъ Іезуита Ташарда.

Городъ Банкокъ, многожды уже нами упомянутой, находится въ семи

миляхъ отъ моря. Обширные сады, занимающіе окрестности сего города на четыре мили, снабждаютъ сполучной городъ Сіамъ множествомъ плодовъ, которые составляютъ предпочтительную Сіамцами всякой иной пищу.

Въ жаркомъ семъ краю не можно иначе селиться, какъ при рѣкахъ. Сіамцы отъ рѣкъ своихъ на множествѣ мѣстѣ имѣютъ нарочно выкопанные рвы, называемые ими Клоумъ. Такіе рвы учиняютъ городъ Сіамъ среднимъ островомъ, между безчисленнаго множества другихъ острововъ. Первой замыкается въ самыхъ стѣнахъ города, которой лежитъ подъ четырнадцатою степенію, двадцать вшорою минутою, и четырьмя секундами ширины, а долгошы подъ сподвадцатою степенію и шриццатью минушами. Положеніемъ походитъ на мѣшокъ, коего верхъ къ Востоку, а низъ къ Западу. Рѣка многими водянными рвами входитъ во окружающій ее ровъ. На полуденной сподвадцатой

ронѣ печетѣ далѣе двумя рукавами. Царской Дворецѣ съ Сѣверной стороны на водяномѣ рѣѣ, окружающемѣ, какѣ уже сказано, городѣ. Выходѣ изѣ него только одинѣ чрезѣ площадку съ Восточной стороны.

Городѣ впрочемѣ пространный, разумѣя внутренность стѣнѣ; но едва ли шестая часть къ Югу пространства сѣго населена, а прочія или совсѣмѣ пусты, или одни только капищи имѣютѣ. Въ предмѣстїяхѣ живутѣ иностранцы, почему кажется онѣ еще больше. Улицы прямыя и широкія, обсаженныя по мѣстамѣ деревьями и вымощены камнемѣ. Дома низкіе деревянныя, по крайней мѣрѣ у природныхѣ жителей, шерпашѣ въ нихѣ всякія безпокойства тамошнихѣ жаровѣ. На большей части улицѣ проведены водяныя рвы, какѣ въ Венеціи. Множество малыхѣ прутьяныхѣ мостовѣ, рѣдкой не очень плохѣ; есть и каменные, безмѣрно высокіе и безпокойныя ради жесткой ихѣ настилки.

Спранствовашедь Лалуберъ замѣ-
 шилъ, что слово Сіамъ совсѣмъ не-
 извѣстно народу, называемому нами
 сѣмъ именемъ; что выдумано, какъ
 онъ думаетъ, Португальцами; что не
 легко добратъся до происхожденія се-
 го слова. Сіамцы зовутъ себя Тай,
 или Те, что значитъ свободной на ихъ
 языкѣ, подобно какъ наши предки
 именовались Франками; царство свое
 Меангъ, или Меангъ - Те, сирѣчь сво-
 боднѣе царство; а городъ Сіамъ Си-
 Ю - Ти - Я. Начало сего народа столь
 же мало извѣстно, какъ и названіе.
 Сіамцы обыкновенно шаятъ свою исторію,
 наполненную баснями и содержащуюся
 въ немногихъ у нихъ книгахъ,
 [Печатаніе у нихъ не во употребле-
 ніи.] Годъ перваго Ташардова спран-
 ствованія тысяча шесть сотъ восемде-
 сять пятой былъ по ихъ счисленію
 двѣ тысячи дватцать девятой. Лѣ-
 ша считаютъ отъ умертвія Сам-Мнок-
 годома, основателя ихъ вѣры. Вла-
 дѣніе перваго надъ ними Царя клат-
 дутъ въ тысяча трехсотомъ году сво-
 его лѣточисленія, и что было у нихъ
 послѣ

послѣ того Царей разныхъ поколѣній пятьдесятъ два. Оспается въ невѣдѣніи и шо, одинъ ли народъ составилъ потомство жителей сей страны, или въ теченіи вѣковъ примѣшались какіе либо выходцы. О послѣднемъ догадываться даетъ различіе двухъ ихъ языковъ: проспонародной, высокой, или ученой. Сами признаются, что законы ихъ взяты отъ Лаоскаго народа; Лаосцы напрошивъ шо го ушверждаютъ по своимъ преданіямъ, что ихъ Цари и законы даны имъ Сіамцами На чемъ же ушвердисья ?

Пріемлющихъ въ разсужденіе положеніе сей страны споль низкое, что можно почипашъ чудомъ, какъ не покрыло его море, ежегодныя наводненія, несмѣшное множество несѣкомыхъ, производимое поемными водами, и несносные жары заспаwiająшь согласно съ Лалуберомъ вѣрись, что не могли зайти шуда никакіе чужеспранцы, кромъ жившихъ по близости. И шакъ правдоподобно,

У 5

что

что Сіамцы, живущіе на низкихъ и равныхъ мѣстахъ, сушь выходцы съ горъ, лежащихъ къ Сѣверу и различаемыхъ даже до нынѣ названіемъ Тай - Яй, или великаго Сіама.

Примѣтно однако же, что старинные жители со временемъ перемѣшались съ чужеземцами, не считая Пегуанцевъ и Лаосцевъ, коихъ ради смѣжности можно разумѣть однимъ съ ними народомъ. Торговля и войны съ Кишайцами, Японцами, Тонкинцами, Кохинхинцами и иными народами Южной Азіи могли заводиль въ Сіамъ множество торговыхъ людей и бѣглецовъ, поселившихся тамъ на послѣдокъ. Въ одной столицѣ живуть до сорока разныхъ народовъ, каждой въ особой части города, или въ особомъ предметѣ. Такъ по меньшей мѣрѣ считаютъ сами Сіамцы, можетъ быть по обычаю прочихъ Индѣйцевъ увеличивая всякія вещи. Далуберъ пишетъ, что нарочно избранные отъ иностранцевъ, извѣстныхъ въ Сіамѣ подъ именемъ сорока народовъ, когда приходили

дили поздравить Французскаго посла съ прїѣдомъ, то сей послѣдній нашелъ дѣйствишельно, что были они двациати разныхъ народовъ. Земли Сіамскія однако же со всѣмъ шѣмъ мало населены. Повсягодно бываетъ тамъ перепись душамъ мужескимъ, женскимъ и младенческимъ. Сами они сказывали Лалуберу во время его бытности, что вадовой всѣхъ жишелей счетъ былъ одинъ миліонъ девять сотъ тысячъ душъ. Правда, что не должно сопричислять къ тому бѣглецовъ, кроющихся по лѣсамъ отъ пришествіи вельможей.

Ростомъ Сіамцы больше малы, нежели велики, но спашны пѣломъ. Лица широкія, скуласыя щеки, лбы преугольникомъ, отъ щекъ чѣмъ выше и чѣмъ ниже, пѣмъ уже, къ подбородку шиломъ. Глаза малые и посредствененно проворные, бѣлки въ нихъ желтовашы. Щеки впали, рты большіе, губы толстыя и блѣдныя, зубы черные отъ употребленія бетеля; кожа отъ жаровъ и по природѣ грубая

и

и смуглая съ красенью. Носы короткіе и широкіе на концахъ, уши долги. У кого онѣ длиннѣе, шопъ у нихъ и прекраснѣе, какъ и по другимъ мѣстамъ Азии, съ шюю шолько разностию, что одни Азіатцы опшягивають ихъ внизъ и прокалывають шолько для продѣванія серегъ; а другіе, проколовъ скважины, мало по малу разширяють, чшобъ могли входить палки, копорыя шягостию своею безпрестанно ихъ больше опшягивають. У Лаосцевъ такъ великіи сїи скважины, что проходитъ кулакъ, Сіамцы же не имѣють въ шомъ нужды: родящся они съ превеликими ушами. Волосы у нихъ черныя, жесткіе, прямые и такъ короткіе, что едва достають до ушей. Женщины ничѣмъ не мажутъ лицъ. Далуберъ видѣлъ у одного вельможи синія колѣни, такъ какъ послѣ обожженія порохомъ. Доспросился, что чѣмъ густѣе синій цвѣтъ на колѣняхъ, шѣмъ знатнѣе вельможа; у самага же Царя не колѣни, а весь онѣ синій отъ пятъ до пояса. Нѣкоторыя изъ Сіам-

Сіамцовъ увѣряли Лалубера, что наводится сія краска на шѣло не столько для означенія знатности степеней, какъ по суевѣрію.

Сіамцы ходятъ почти наги, босы и съ непокрытою головою. Изъ благоприспособленности носятъ шелковыя просныя, или шипыя золотомъ, или серебромъ, занавѣски ошъ пояса до колѣней.

Мандарины сверхъ того надѣваютъ кисейныя рубашки, копорыя имъ служатъ вмѣсто всякаго плащя. Подступая къ Мандарину вышшей предъ собою степени, скидываютъ ихъ и обвертываютъ вокругъ шѣла, означая шѣмъ, что головы принятъ ошъ него всякое повелѣніе. Рубашки сіи безъ воротовъ, поды спереди такъ, что видно брюхо. Рукава по пальцы въ два фуза шириною, не собраны ни вверху ни внизу, станъ такъ узкой, что съ нуждою надѣвается. Зимой знатные люди накидываютъ на плеча крашеную хол-

холстину, обвершывая концы объ руки.

На Царѣ обычно парчевое полукафшанье съ узкими рукавами, длинными же по запястьямъ. Сверху рубашка съ кружевами шамашными, или Европейскими. Никто не можетъ носить такое полукафшанье, кромѣ тѣхъ, кому пожалуетъ Царь. Даетъ также иногда имъ и алыя суконныя полукафшанья, въ которыхъ должны бѣдиги за нимъ на войну и на ловлю. Досязаютъ они до колѣней, напереди восемь, или десять пуговицъ, рукава широкіе безъ всякаго украшенія, длиною по локоть. По обычаю Сіамскаго Двора Царь и соупствующіе ему на войну и на ловлю одѣваются въ красное платье; даже и рубашки у солдатъ красятъ симъ цвѣтомъ. Въ торжественные дни они выходятъ въ нихъ въ строй.

Шапки бѣлыя, высокія и оспроконечныя естъ праздничной нарядъ Царя и первыхъ его чиновниковъ.

Цар-

Царская шапка отличается надвѣшымъ на нее обручемъ изъ дорогихъ камней, а на шапкахъ чиновниковъ, смотря по ихъ степени, золотые, серебряные и золоченые обручи; носятъ же ихъ только бывая предъ Царемъ, въ судищахъ, или въ торжественные дни, всякой разъ подвязывая снуркомъ подъ бороду и кланяются ихъ не снимая.

Магомешанцы внесли къ нимъ обычай носить шубы остроконечныя безъ каблучковъ и боковыхъ закраинъ. Входя въ домъ оставляютъ ихъ у дверей, чтобъ не загрязнить половъ; предъ Царемъ же и людьми первой знатности долженъ всякой быть босъ. Шляпы употребляютъ только въ дорогахъ. У Царя онѣ разныхъ цвѣтовъ. Защищаются отъ солнечнаго зноя накрывая головы лоскутомъ полотна. Двѣаютъ се только плавая по водѣ, ради того, что жары на водѣ естественно сильнѣе, нежели на землѣ.

Женщины одѣваются нѣсколько иначе. Носятъ передники, также какъ мужчины, но опускаютъ ниже, чтобъ

чтобъ доставали до икорѣ и походили на наши юбки; а мужчины подвязываютъ между ногъ, чтобъ одинъ конецъ висѣлъ назади у пояса, а другой подъ брюхомъ; не имѣя же кармановъ, ввязываютъ въ нихъ бешель, шакъ какъ мы ввязываемъ чтонибудь въ наши плашки. Опрятнѣйшіе люди носятъ по два передника для чистоты исподняго. Женщины кромѣ занавѣсокъ почти совсѣмъ наги. Не носятъ кисейныхъ шамошнихъ рубашекъ. Тѣ, кои познашибе, имѣютъ кушаки, обвертываютъ концы около рукъ, но щеголихи вскидываютъ по груди на плеча, шакъ чтобъ оба конца висѣли назади. Такимъ образомъ прикрываютъ стыдныя части тѣла своего. Мало въ свѣтѣ народовъ, кои бы столько же упорно шарались ихъ не показывать. Въ бытность Французскаго посла въ Сіамъ должно было снабдить людей его особыми занавѣсками ходить въ баню, во избѣжаніе ропота черни.

На малолѣтнихъ надѣваютъ передники не прежде пятого года отъ
рожд-

рожденія. Единожды надѣвъ, не снимающъ родилели и тогда, когда ихъ наказываютъ. Разумѣется крайнимъ безчестіемъ бить по нагимъ частямъ шва, которыя прикрываются. . . .
Правило, достойное нашего подражанія.

Сіамцы не скидываютъ одежды ложась спать и купаясь, а только переменяютъ занавѣски. Оба пола навываютъ съ младенчества плавать.

Шелковые шилые, или изъ тонкаго крашенаго полотна передники носятъ только тѣ, коихъ пожаловалъ ими Царь. Общій есть обычай носить перстни на трехъ крайнихъ извнѣ пальцахъ урукъ, числомъ сколько кто хочетъ. Объ ожерельяхъ совсѣмъ не знаютъ. Женщины и обоего пола ребята вдѣваютъ въ уши серьги грушею, золотыя, серебряныя и золоченыя. Молодые опроки и дѣвки знатныхъ домовъ носятъ зарукавья, но только до семилѣтняго возраста, золотыя же и серебряныя кольца, или обручи на рукахъ и на ногахъ.

Часть VI.

Ф

Сіамцы

Сіамцы безъ исключенія крайнѣ опряжны: обкуривають благовопіями тѣло, блѣдныя по природѣ губы мажутъ пахучею помадою, отъ чего спановяшся еще блѣднѣе; моюшся до чешырехъ разъ въ день и больше. За неучтивство вмѣняють ходишь въ гости, не обмывшись и не намазавъ мѣломъ пшпа на груди, въ знакъ того, что шолько вышли изъ воды.

Моюшся двумя образами: садяшся въ воду по шею, такъ какъ мы, и окачиваюшся много разъ. Последнее длишся болѣе часа. Не надобно имъ подогрѣвать воды, довольно тепла сама собою. Тщательно черняшъ зубы. Волосы моюшъ благовопными водами и мажутъ такими же маслами. Гребни у нихъ Кипайскіе, коихъ зубы перепутаны проволокою. Коронкія свои отъ природы бороды щиплюшъ. Не стригушъ ногшей, а моюшъ и чистятъ. Далуберъ видѣлъ плясей по ремеслу, кошорыя для щегольства прикрѣпляли къ предлиннымъ своимъ и безъ того ногшамъ еще долѣе ног-

ногти изъ красной мѣди. Извѣстно, что Китайцы, по меньшей мѣрѣ до побѣжденія своего Тапарами, не спрители ни ногшей, ни волосъ на головѣ и на бородѣ.

Украшенія домовъ и снѣди спольже просты, какъ ихъ одежды; можно ихъ называть богатыми людьми среди всеобщей нищеты; потому что умѣютъ довольствоваться мѣлочами. Дома ихъ малы, но пространны дворы. Разпластанные бамбуевы сучья, у многихъ худо сплоченные, составляютъ полы, стѣны и пошолоки. Сваи, на которыхъ споятъ дома, по всегдашнему почти разлишю водѣ изъ бамбуеваго же лѣса, толщиною въ человеческую ногу, а вышиною около принашцаши фушовъ, ради того, что вода не подымается никогда выше сей мѣры. Числомъ столбовъ или чешыре, или шесть; кладущя на нихъ бамбуевы перекладины и служащя основаніемъ домовъ. Лѣстницы спремянки, висящя извнѣ, какъ у вѣтрныхъ мѣльницъ. Конюшни и хлѣвы на такихъ

кихъ же сваяхъ. Очаги оплещены сучьями на подобіе корзины, насыпаны землею и ушверждены на шрехъ деревянныхъ ножкахъ.

Въ такихъ-то зданіяхъ помѣщаемы были Французской посоль и его подчиненные ошъ берега морскаго до столицы. Во всемъ Сіамскомъ царствѣ нѣшъ ни одного посшоялаго двора. Лалуберъ упоминаетъ о нѣкомъ Французѣ, вздумавшемъ было завести гостинницу: завелъ было ее и въ самомъ дѣлѣ, но не видааъ ни одного у себя Сіамца. Дома, нарочно построены для посла и его людей на берегу рѣки, расположены были нарочито покойно. Бамбуевы сучья на столбахъ, покрышы просшниковыми рогожами, не шолько составляли полы комнатъ, но и внутренности дворовъ. Большая пріемная и прочія комнаты обшты были крашенымъ полшномъ, а пошолоки бѣлою кшвею. Рогожи на полахъ были несравненно лучше надворныхъ, въ спальняхъ же послданы были сверхъ рогожъ ковры. Словомъ,

все

все было чисто, но не великолѣпно. Въ Банкоуѣ, Сіамѣ и Луво, гдѣ Европейцы, Кишайцы и Мавришане имѣли каменные дома, пословъ привозили всегда къ Сіамскимъ домамъ. Тамошнимъ Царемъ начаты строити два каменныхъ зданія для пословъ Французскаго и Португальскаго, но не были еще тогда ошдѣланы.

Знашныя придворныя живутъ въ такихъ сполярныхъ домикахъ, копорые всякой бы принялъ за большіе поспавцы; но и живутъ только самъ хозяинъ и старшая его жена съ дѣтьми. Прочія жены, дѣти и невольники обоихъ половъ имѣютъ особыя малыя жилища, одно отъ другаго ошдѣленные, но на одномъ дворѣ. При каменныхъ домахъ Европейцовъ, Кишайцовъ и Мавришанъ особыя кровельныя надѣлки: не допускаютъ проникать солнечнымъ лучамъ. У нѣкоторыхъ покои расположены въ два ряда; задняго ряда покои получаютъ свѣтъ изъ оконъ переднихъ покоевъ, слѣдовательно умѣряется чрезъ

по въ нихъ жаръ и духота; великии впрочемъ и довольно украшены. Первое жилье обращено окнами въ превысокую горницу, откуда входилъ въ него и свѣтъ. Сія - по называется диваномъ, или мѣспомъ совѣща и судилища. Есть инаго рода диваны, имѣющіе по три только стѣны, четвертымъ же опверстнымъ бокомъ обращенные въ ту сторону, съ которой меньше свѣтитъ солнце чрезъ весь годъ. Предъ симъ опверстіемъ строилъ опкрышыя же на столбахъ, каланчи на равнѣ съ кровлею. Внутренность многихъ дивановъ отъ верху до низу убирается фарфоровыми сосудами въ нарочно сдѣланныхъ падицахъ по стѣнамъ. Изъ подъ нѣкошорыхъ каланчей бьютъ небольшіе водомешы.

Дворцы Сіамской, Лувской и многія капища каменные въ одно жилье, такъ какъ и дома гражданъ. Впоторыя не довольно высоки по своей величинѣ. Меньше въ нихъ свѣту, нежели въ нашихъ церквахъ, расположеніемъ же

же на нихъ походяшъ, только безъ сводовъ и пошолоковъ; на стропилахъ лежишъ черепица лоснящаяся красная съ золотыми дорожками. Сіамцы ничѣмъ не украшаютъ внѣшности домовъ и капищъ, кромѣ обиванія верхушекъ плоскимъ шѣмъ оловомъ, которое у нихъ называется Калинь, или лоснящеюся желтою черепицею, какая у Кишайцовъ во употребленіи. Сіамской Дворецъ слыветъ золотымъ, ради нѣкопороу внутренной позолоты. Но крыльца онаго достройны примѣчанія: то, коимъ входяшъ въ допускную камеру, не шире двухъ фушовъ, изъ кирпича, придѣлано къ правой стѣнѣ и ничѣмъ не поддерживается съ другой стороны; да и не имѣетъ нужды: вельможи Сіамскіе не восходятъ на него, а вползаютъ на чешверенькахъ, такъ при томъ тихо, что, по словамъ Далубера, кажутся задумавшими нечаянно подкрасься къ Государю. Двери сей камеры чешвероугольны, низки, словомъ, по крыльцу. Можетъ бытъ нарочно такъ сдѣланы, чтобъ никому

не входить въ нихъ не ползкомъ. Входъ въ допускную камеру Лувскаго Дворца нѣсколько повыше, но сей Дворецъ строенъ въ новѣйшія времена и почищается загороднымъ. Царь живетъ въ немъ не съ такою пышною, какъ въ столицѣ.

Въ знатныхъ Сіамскихъ домахъ комнаты одна съ другою неравны вышиною, хотя дома въ одно жилье. Во Дворцѣ, на примѣрѣ, шѣ, гдѣ живетъ Царь и его жены, выше всѣхъ другихъ; чѣмъ ближе съ крыльца къ онымъ, тѣмъ выше комнаты одна другой. У всякихъ дверей надобно восходить по ступенькамъ, расположеннымъ въ одинъ рядъ. Такое же различіе и въ кровлѣ: кровля одной комнаты ниже другой. Да въ шомъ-то и состоитъ великолѣпіе домовъ. Надъ Сіамскимъ Дворцемъ семь кровель. Первой знатности люди живутъ подъ двумя и подъ тремя. Нѣсколько четвероугольныхъ башенъ по стѣнамъ домовъ, со многими же верьхами, такъ какъ и капители: подъ вышнюю изъ трехъ кровель

ведь стоишь идоля, а подь прочими
двумя молебщики.

Внутренность Сіамскаго Дворца
едва видѣла ли какой нибудь Евро-
пеецъ, а по свидѣтельству Далубера
шоль же мало бывалъ и въ домахъ
знатныхъ людей. Сіе точно извѣстно,
что никогда не пускали Европейцовъ
далѣе допускныхъ и судилищныхъ
камеръ, копорыя строятся всегда съ
приходу. Правда, что Ташарда води-
ли во внутреннія, особливо въ Луво;
но онъ, опасаясь нарушить обычай,
не оставилъ намъ имъ описанія.
Даетъ шолько знать, что во всемъ
Дворцѣ нѣтъ никого кромѣ женщинъ
и скопцевъ. Званые Французскіе по-
слы обѣдали у Царя въ Сіамѣ на про-
спранномъ Дворѣ подь швнюю дре-
весъ на берегу пруда; а въ Луво въ
садовой бесѣдкѣ, коей стѣны были
выбѣлены съ наведеннымъ лоскомъ:
имѣла съ чепырехъ споронъ по одной
двери, окружена была рвомъ, шириною
въ три сажени, а глубиною въ шесть
фушовъ. Изъ сего рва били малые водо-

Ф 5

мешы,

мешы, въ нѣкоторомъ одинъ отъ другаго равномъ разстояніи; вода въ нихъ разсыпалась, какъ изъ садовыхъ поливальницъ, не превышая однако же береговъ рва. По срединѣ сада и прилегающихъ къ нему дворовъ множество пусыхъ бесѣдокъ, обнесенныхъ стѣною въ полчеловѣка, кровли ушверждены на столбахъ, поставленныхъ на стѣнахъ, служащъ уединенными мѣстами для Мандариновъ первой знатности, которые въ нихъ сидя съ поджатыми ногами, упражняются исправленіемъ своихъ должностей, или ожидаютъ повелѣній своего Государя. Мандарины, не сшоль знатные, сидятъ по дворамъ, или въ садахъ. Дается имъ нѣкоторой знакъ, что Царь можетъ ихъ увидѣть, хотя имъ и не кажется; спановаяся они на колѣни, и нагнувшись головами, оццраются обѣ локти.

Лувской садъ не великъ, съ малыми также внутри оштѣвленіями кирпичными стѣнами. Въ садовыхъ дорогахъ могутъ шодько шрое ишши
ря-

рядомъ. Наполненъ впрочемъ цвѣтами и всякаго рода древесами. Разсѣянные вездѣ бесѣдки и водометы придають ему видъ пріятной простоты и содержишь воздухъ въ свѣжести и чистотѣ.

Какъ Царь занимается часто чрезъ многіе сряду дни ловлею, то построены нарочно по лѣсамъ Дворцы изъ бамбуеваго лѣсу, или, лучше сказать, неподвижные шашры, копорые прибирають предъ его прибытіями.

Сіамцы садятся на простниковыхъ рогожахъ разныхъ добротъ; на коврахъ же получившіе ихъ отъ самаго Царя. Сукно одноцвѣтное въ великой у нихъ чести. Богатые люди облакачиваются объ подушки. Все то, что у Европейцовъ шелковое, или шерстяное, у Сіамцовъ бумажное бѣлое, или крашеное.

Не употребляютъ скаптершей, салфетокъ, ложекъ, ножей и вилокъ, когда ѣдятъ. Подаютъ имъ рѣзанные
ку-

куски. Сшоловая ихъ посуда фарфоровая, или глиняная, а часшю и мѣдная. Прочія домашнїя ушвари деревянные кокосовыя и бамбуевыя, простыя и крашенныя. Когда же есть у кого золотая, или серебряная посуда, то въ самомъ маломъ числѣ, по большей части или жалованная Царемъ, или получаемая по службѣ вмѣстѣ съ чиномъ. Ведрa, коими черпающъ воду, изъ бамбуевыхъ сучьевъ, искусно сплетенныя. Простой народъ варитъ сарацинское пшено въ кокосовыхъ орѣхахъ, копорые иногда же и горятъ сами, слѣдовательно въ другой разъ стано- вятся негодны. Пшено поспѣваетъ прежде, нежели успѣютъ сгорѣшь орѣхи.

Французскїе послы, всякой разъ объ- дая во Дворцѣ, видѣли множество сере- бренной посуды, а паче большихъ круглыхъ и глубокихъ лаханей. Въ нихъ ставились круглыя чаши въ одинъ футъ поперегъ съ сарацинскимъ пше- номъ. При подачѣ плодовъ ставящъ золотыя шорелки. Нѣсколько ихъ по- дарилъ Царь господину Шомону. На
Цар-

Царской сполѣ не подають¹ никогда плоской посуды, неприличнымъ разумѣя казать его глазамъ всякую другую, кромѣ глубокихъ чашъ. Обычная столовая его посуда, по обычаю прочихъ Азіатскихъ Дворовъ, Японскаго и Китайскаго фарфора.

Сіамцы вообще ѣдятъ мало: фунта сарацинскаго пшена больше, нежели надобно въ день человѣку, естли прибавлено къ тому будеть не много соленой, или сухой рыбы: все же по не стоить больше двухъ полушекъ. Парижская бушылка арраку, или водки изъ пшена, двѣ копѣйки. Посему неудивительно, что почти не заботятся Сіамцы о пищѣ. По вечерамъ вездѣ слышны пѣсни и радостныя восклицанія въ домахъ. Мясa и рыба худо берутъ соль ради шамошнихъ великихъ жаровъ. Простые люди любятъ малосольную рыбу, сухую же предпочитаютъ всегда свѣжей. Охотники до пропущенной рыбы и до насиженныхъ яицъ. Находятъ пріятной вкусъ въ саранчѣ, мышахъ, ящери-

ящерицахъ и въ большей части иныхъ несъкомыхъ. Кажется, что сама природа вложила въ нихъ вкусъ вещей, легкихъ къ варенію желудка.

Обычайныя приправы събдей ихъ не много воды, пряныхъ кореньевъ, лукъ, чеснокъ, нѣкопорыя пахучія травы, какъ балзамины. Любятъ жидкія подливки изъ мѣлкихъ сгнившихъ раковъ, называемыхъ ими Капи. Увѣрили Лалубера, что гошовяшъ шамъ два рода соленой рыбы, сохраняемой ими въ горшкахъ, кощорая скоро претворяется отъ своего росола въ жидкое тѣсто, поднимающееся и упадающее вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ моря.

За шафранъ служилъ нѣкакой полченый корень, пріемлющій вкусъ и цвѣтъ сего растѣнія; почитаютъ его здоровымъ для малыхъ ребяшъ, и что желшбелъ отъ него лице и шло. Правда, что дѣлти Сіамцевъ кажушся намазанными желшою краскою.

Нѣтъ ни орѣховаго, ни оливнаго, а только одно кокосовое масло, вкусное

ное когда еще свѣжо. Буйволоницы даюшъ смѣшаны больше нашихъ коровъ. Сыровъ не дѣлаюшъ головою, такъ какъ и масла. Последнее трудно мѣшать, всегда оспаешся жидко.

Умѣюшъ дѣлать множество равныхъ блюдъ изъ сухой рыбы. Рѣжушъ ее тонкими и продолговатыми кусками, такъ какъ лапшу. Меньше всего дѣлашъ мяса животиныхъ, родящихся на землѣ, развѣ кишки и то, что мы всего гаже ставимъ, однако же рѣдко. На рынкахъ продаюшъ сушеныхъ, или жареныхъ несѣкомыхъ. Нѣтъ въ Сіамѣ иныхъ мясныхъ рядовъ и харчевень. Къ Французамъ опускали пищю и скотинъ живьемъ. Но и всякое тамъ мясо жестко, малосочно и тяжело для желудка. Сами Европейцы, проживъ нѣсколько въ Сіамѣ, нечувствительно теряюшъ къ нему вкусъ. Кажется, что жаркой климатъ дѣлаешь самъ собою человека воздержнымъ въ пищу. Всякая дичина не меньше тамъ щадится домашняго скота: не бьютъ ее и не лишаютъ вольности. Не-

Ненавидящъ собакъ, что помогающъ ловить дичину. Крупныя и гусныя свержъ шого правы запрудняющъ ихъ ловлю. Естли убьющъ когда либо оленя, или инаго звѣря, шо только для продажи кожъ Голландцамъ, торгующимъ ими въ Японію. Корова продается въ сполічномъ городѣ по рублю, а внутри царства по десяти копѣекъ. Бараны и молодые козляшы правда что покупающъ по три и по чешыре рубли каждой, но сіе ради шого, что служатъ обыкновеню пищею тамошнихъ Мавришанъ; а какъ не ѣдятъ они свиней, шо не продающъ никогда одну дороже семи копѣекъ. Куриць по двашцаши копѣекъ дюжину. Пшицы всякія шѣмъ паче размножаются, что довольно для нихъ теплоты воздуха къ доведенію яиць, чтобъ сами собой лупились.

Трѣвостъ и воздержаніе Сіамцовъ не даетъ имъ должайшей предъ нами жизни и не освобождаетъ паче насъ ошъ разныхъ болѣзней. Чаше всего немогушъ поносами, простыми и крова-

ва-

вавыми. Последнимъ особливо подвержены вновь прѣбжающіе Европейцы. Случаются горячки съ помѣшательствомъ разума и распаленіемъ крови, но рѣдко ими умирающъ; продолжительныя лихорадки такъ какъ и по другимъ мѣстамъ знойнаго пояса: чрездневныя приключаются мало, но продолжительны, знобятъ не долго. Такъ называемыхъ нашими врачами холодныхъ болѣзней почти нѣтъ. Кашлями, насморками и шому подобнымъ спраждущъ такъ какъ мы, по причинѣ дождливыхъ погодъ, продолжающихся болѣе половины года. Подагры, параличи, падучія болѣзни, чахопки, всякія колики и болѣзни нервъ мало тамъ извѣстны.

Напрошивъ того у многихъ дѣлаются раки, чирьи и фиссулы. Всего чаще такъ называемыя рожи: изъ двадцати человѣкъ на вѣрно девятнадцать ими болѣны, у иныхъ же покрывается большая половина тѣла. Цынгошной и водяной едва извѣстны имена. Больше тѣхъ болѣзней,

вней, копорыя опносятся суевѣрными людьми къ колдовству. Бѣдственныя плоды распустной жизни видны по селеніямъ. Сіамцы сами невѣдаютъ, навезены ли иностранцами, или возникли у нихъ въ землѣ.

Между многими прилипчивыми болѣзнями особливо смертоносна оспа, копорая причиняетъ ужасныя опустошенія. Тѣла умершихъ сею болѣзнию не сожигаются, а зарываемы бывають въ землю, кои со временемъ вынимають и опдають послѣдній имъ долгъ сожженіемъ. По свидѣтельству Далубера проходитъ иногда между шѣмъ при года и больше. Опыты научили Сіамцовъ, что скоро вырытое шѣло изъ земли производитъ язву.

Главное раздѣленіе между Сіамцами есть на людей свободныхъ и невольниковъ. Можно у нихъ родиться свободнымъ и спастъ невольникомъ за долги, бывъ полонену на войнѣ и послѣ описи имѣнія по приговору какого нибудь судилища. Невольникъ за долги

долги выплащясь становится свободной. Дѣши свободныхъ, въ невольничествѣ рожденных, не теряютъ спешеніи свободныхъ людей; дѣши же, оспающіяся всегда невольниками, суть тѣ, кошорыя родятся отъ маперей невольницъ. Дѣши невольническія дѣлятся такимъ образомъ: первой, претій, пашой, и шакъ далѣе черезъ челоѡвка, принадлежащъ господамъ ихъ маперей; а второй, чепівершой, и шакъ далѣе, принадлежащъ отцу, ещъли онъ челоѡвкъ свободной; ещъли же опецъ невольникъ, шо его господину. Безъ позволенія господина жены мужъ не можетъ съ нею сожительствоващъ; безъ шого дѣши ихъ будущъ принадлежатъ господину.

Господинъ имѣетъ неограниченную власщъ надъ своими невольниками; кромѣ лишенія жизни: заставляетъ работашъ на поляхъ, въ садахъ и въ домѣ, или оппускаетъ нанимашъ въ работу у другихъ, доправая ежегодно съ каждаго до восьми шикаленъ; шо ещъ ото ста пашидесяти до шрехъ сощъ копѣекъ.

Ж 2

Раз-

Разность между невольниками Царскими и частныхъ людей есть та, что первые работаютъ на одного его и онъ имъ даетъ пищу; свободные же подданные служатъ ему только одну половину года на своемъ содержаніи.

Невольники частныхъ людей не занимаютъ никакими здѣліями на Государя; а посему низверженіе людей свободныхъ въ рабство есть существенной уронъ для Царя; но не прошившя онъ никогда заведенному уже обычаю и законамъ.

Не лзя точно различить двухъ стѣхъ степеней Сіамцовъ, которыя разумѣются свободными. Исправленіе государственныхъ должностей приноситъ съ собою дворянское достоинство. Остаются ли сіи чины чрезъ многие годы въ одной семьѣ, то дѣлается она знатною и сильною; но сіе бываетъ рѣдко. Потерявшій чинъ смѣшивается съ простымъ народомъ.

Не меньше скоропропечна разность между духовными людьми и чернью: непрестанно переходящъ изъ одного въ

въ другое званіе. Духовные называются Талапоинами. Подъ именемъ народа должно разумѣшь цѣлой государственной сославъ чиновниковъ и просшихъ подданныхъ.

Народъ самъ по себѣ есть ничто иное, какъ земское войско, въ которое записыванъ. бываетъ каждой Сіамецъ. Свободные же Сіамцы также ратники, но должны служить Государю по шести мѣсяцовъ въ году, а Государь долженъ давать имъ оружіе, слоновъ и лошадей на войну. Но какъ не всѣ подданные на войну высылаются и не всегда воюетъ Царь съ сосѣдями, то доспальные его подданные употребляются въ работы, какія назначишь за благо ему разсудишь.

Чтобъ не осмался ни одинъ человекъ безъ дѣла а своего Государя, то ежегодно о бываетъ сама строгая подушная перепись. Всѣ Самцы дѣлятся еще на двѣ части: на людей правой руки и на людей лѣвой руки. Раздѣленіе спранные и безпримѣрное

въ цѣломъ свѣтѣ. Каждое такое отдѣленіе состоишь во многихъ артеляхъ, коихъ начальники называются Не, слово, принятое Сіамскою вѣжли-воспію въ разговорахъ одного съ другимъ, такъ какъ у насъ сударь, и есть равнозначеноемально подобному же слову Кишайцевъ хозяинъ, или учишель.

Дѣти сопрічисляются къ артели родишель, сирѣчь когда отецъ и мать изъ одной артели. Въ прошивномъ случаѣ первой, претій, и такъ далѣе, сопрічисляются къ матерней, а второй, четвертой, и такъ далѣе, къ отцовой артели. Женящя съ позволенія своего Нея, безъ того же дѣти ихъ принадлежатъ будутъ къ матерней артели. И такъ хотя женской полъ и духовные освобождены отъ всякой службы и работъ, но находящя въ числѣ народа, ради того, что послѣдніе могутъ оставишь свое званіе и смѣшались съ народомъ; а женщины ради того, что чрезъ нихъ. устанавливается званіе дѣшей. Пре-

Преимущество Нея состоитъ въ томъ, что можетъ ратнику своей артели, паче нежели постороннему, давать въ займы. По удовольствованіи же заимодавца такой ратникъ бываетъ его невольникомъ, доколѣ не выплатишся.

Царь даетъ всякому чиновнику ладью съ гребцами. Неи гребцовъ изъ своихъ артелей клеймятъ горячимъ желѣзомъ на рукахъ, намазывая сверху чернилами. Зовутся они Бао, служатъ своему Нею только по году и ни на что иное не употребляются. Чѣмъ многолюднѣе артель, тѣмъ знатнѣе Не. Чины и должности въ Сіамѣ уважаются по числу зависящихъ людей. Неевъ семь степеней: Не - Ок - Манингъ начальствуетъ надъ десятьмя тысячами, Не - Ок - Панъ надъ тысячью, Неи, Па - Я, Ок - Я, Ок - Пра, Ок - Луангъ и Ок - Кунъ надъ меньшимъ числомъ человѣкъ. Почтенное сіе прилагательное имя дается не только обласканнымъ правителямъ, но и всякимъ чиновникамъ въ государствѣ;

ствѣ; попому что они всѣ Ней. Два чина однакоже не бывають неразлучны: Баркалонъ на примѣръ, или государственнѣйшей первой Министръ, прежде назывался Па - Я, бывалъ также и Ок - Я. Всякой Сіамецъ, имѣющій два чина, можетъ писаться обоими. Множество чиновъ одного человека производило мракъ и замѣшательство во описаніяхъ о Сіамѣ.

Царь, жалуетъ кого либо новымъ чиномъ, налагаетъ ему и новое имя по обычаю Кипайцевъ и другихъ Воспочныхъ народовъ; всякое же такое названіе значить хвалу ибкоего отличнаго его достоинства. Сами чужестранцы, снискавъ Царскую милость, получаютъ такое названіе, подъ которымъ и бывають извѣстны чрезъ все пребываніе свое въ Сіамѣ.

Чины же суть наследственны, хотя и противорѣчатъ по писанному выше. Но чрезъ самое легкое преступленіе чиновника, или естли онъ чѣмъ нибудь опротивѣетъ Государю, семей-

сѣмейство лишается сего преимуще-
ства. Никакой впрочемъ чинъ не
приноситъ никакаго жалованья, или
положенныхъ доходовъ. Царь чинов-
никамъ своимъ даетъ мѣсто, гдѣ жить,
даетъ и нужные домашніе приборы:
золотыя, или серебряныя коробки для
укладки бешеля, оружіе, ладьи, сло-
новъ, лошадей и буйволловъ, служи-
телей невольниковъ и пахатныя зем-
ли. Съ лишеніемъ чина шого лишают-
ся. Но главные прибытки чиновъ
происходятъ отъ приѣвненія народа,
не только терпимаго, но какъ бы ода-
бриваемаго Дворомъ, шого не примѣ-
чающимъ. Чиновники въ государствѣ
вообще соединенными силами бога-
тятся раззореніемъ народа. Взятки
берутъ безъ зазрвнія. Судей за нихъ
не наказываютъ, естли не будущъ
уличены явнымъ преступленіемъ зако-
новъ. Нижніе чиновники принужде-
ны дарить вышшихъ чиновниковъ,
хотя и каждой изъ нихъ торжествен-
но присягаѣ исполнять должность
свою безъ нарушенія. Приводятъ же
къ присягѣ такимъ образомъ: прино-
сятъ

сятъ нѣкоторое положенное количество воды. Талапоины читаютъ надъ нею проклятіе тому, кто нарушитъ возлагаемую на него должность, и даютъ выпить. Всякой иностранецъ въ службѣ Царя Сіамскаго также точно присягаетъ.

Въ судилищахъ судятъ по одному суду, но много подчиненныхъ, съ которыми судья обязанъ совѣщавать. Главная его должность рѣшитъ дѣла гражданскія и воинскія своего вѣдомства, равно какъ и уголовныя дѣла. Сіи важныя мѣста наследственны, но и неспрудно было нѣкоторымъ изъ шаковыхъ судей, или областныхъ правителей, особливо же въ далекихъ мѣстахъ отъ столицы, выйти изъ повиновенія Царю. Такъ почто пересталъ слушаться его Юрской правитель, и начали его звать Европейцы Царемъ. Патанская область находится подъ владѣніемъ женщины, которую избираетъ всегда народъ изъ одного семейства; надобно, чтобъ она всегда была престарѣлая вдова, не имѣющая

нужды

нужды въ мужѣ. Португальцы и Голландцы зовутъ и ее Царицею. Знакъ зависимости ея отъ Царя Сіамскаго состоитъ въ посылкѣ къ нему черезъ каждые три года двухъ деревъ, одно изъ золота, а другое изъ серебра, съ цвѣтами и плодами шѣхъ же металловъ.

Наслѣдственное достоинство правителя именуется Тшау-Менангъ, значить господина города, или области. Цари Сіамскіе стараются всегда испребитъ самыхъ сильнѣйшихъ Тшау-Менанговъ, учреждая вмѣсто того прехлблннихъ правителей, подъ пышнымъ также названіемъ Пуранъ, то есть повелителей. Но остаются еще многіе Тшау-Менанги. Право ихъ и власть не много меньше Царской. Сверхъ собираемаго ими чрезъ приѣзженіе народа дѣлятся съ Царемъ произраженіемъ земель своихъ, или шакъ у нихъ называемымъ Наа. По силѣ древнихъ законовъ берутъ въ казну по четыре пикаля за сорокъ квадратныхъ сажень земли. Въ пользу свою обращаютъ всякую опись имѣнія

на

на Царя, взысканія п'вней и по десяти процентовъ съ искомъ оиъ обвиняемыхъ. Царь къ каждому Тшау-Менангу опред'ляетъ чиновниковъ для произведенія указовъ его въ д'вйствіе, которые и живутъ при немъ безоплучно. Сіамцы зовутъ ихъ Кеюле, или крашенныя руки, по той причинѣ, что руки ихъ, нарочно обожженныя порохоми, кажутся выкрашенными густою темноглубою краскою. По приморскимъ м'вспамъ Тшау-Менанги берутъ пошлину съ чужестранныхъ судовъ, въ Тенасеримѣ по осьми процентовъ; а пограничные Тшау-Менанги присвояютъ себѣ всѣ права самодержавія, даже и подушной сборъ. Торгуютъ, но подѣ именами секретарей и служившелей своихъ. Посему ясно, что сей образъ обогащенія запрещенъ закономъ.

Пуранъ, или временной правитель, пользующся равными правами и властію съ Тшау-Менангами, сп'вснены же шолько въ побочныхъ ихъ доходахъ. Пураномъ жалуетъ Царь или съ на-

намѣреніемъ вовсе опмѣнить нѣко-
торое наследственное правительство,
или когда Тшау-Менангъ на долго
въ оплучкѣ онъ своего мѣста. Въ
первомъ случаѣ жалованье Пурану
опредѣляетъ Дворъ, а во второмъ
беретъ онъ половину изъ доходовъ
Тшау-Менанга.

Нижнихъ чиновниковъ въ суди-
лицѣ по пятнадцати, или по ше-
снадцати. Должности ихъ разныя. Ла-
луберъ, тщательно разсмотрѣвъ сію
часть Сіамскаго правленія, освѣдом-
ляетъ насъ, что слово Окъ озна-
чаетъ почтеніе и прилагается ко вся-
кому чину; но вышній чиновникъ го-
воря, или переписываясь съ нижнимъ,
не дѣлаетъ ему сей чести. Царь зо-
ветъ, на примѣръ, Ок-Цаю престо-
Паія.

Общепародные Сіамскіе законы
заключаются въ трехъ книгахъ: пер-
вая Пра-Там-Ра содержишь имена,
должности и преимущества всѣхъ въ
государствѣ чиновниковъ; вторая Пра-
Там-

Там-Нонъ, или именной списокъ прежнихъ Сіамскихъ Царей; прещія Пра-Раія-Каммалотъ помѣщаетъ въ себѣ узаконеніе Царя, опца того, коңорой сидѣлъ на престола въ прибышіе Французовъ.

Приказной слогъ одинъ во всякихъ дѣлахъ. Не знаютъ раздѣленія между слогами гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Не остаются безъ пѣлеснаго наказанія обвиняемые по гражданскимъ дѣламъ.

Дѣла производятся писменно. Челомъ бьютъ предварительно давъ по себѣ порукъ. Народъ раздѣленъ, какъ выше сказано, на аршела; знатнѣйшіе Неесы суть или чиновники, или совѣшники судилищъ; челобитчикъ прежде подаетъ прошеніе Нею своей деревни, коңорой ее возноситъ къ Нею совѣшнику, а сей докладываетъ обласшному правителю, или Тшау-Менангу, коңорой долженспивоваль бы прилѣжно ее разсмотрѣшь и опредѣдишь наказаніе, ешды просилъ не право;

право, но не беретъ онъ никогда на себя сего шруда.

Принятую челобитную отсылаетъ правитель къ одному изъ своихъ совѣтниковъ, сочтя напередъ строки и приложя печать, чтобы послѣ не убавилъ, или не прибавилъ. Совѣтникъ сдаетъ челобитную своему поручику и письмоводцу. Они просмотрѣвъ докладываютъ въ камерѣ общаго засѣданія всѣхъ совѣтниковъ. Сіе засѣданіе не удостоиваетъ правитель своимъ присудствіемъ, и не пріемлетъ никакого участія въ производствѣ дѣла. Тяжущіеся призывающся, предлагаютъ имъ способы къ примиренію. Трижды убѣждаютъ согласиться. Въ случаѣ опреченія письмоводецъ выслушиваетъ свидѣтелей. Въ второе прісудствіе, гдѣ также не бываетъ правитель, читаетъ письмоводецъ показаніе свидѣтелей. Члены судилища подають мѣнія, которыя и записываются, начиная съ нижняго голоса, и оканчивается дѣло. Собираются опять члены, пріѣзжаетъ и самъ правитель.

Письмо-

Письмоводець чытаець предъ нимъ все написанное по шому дѣлу. Покажется ли ему сомнительно, шребуець выясненія, и изрекаець рѣшишельной приговоръ, что такое-шо лице обвинено по законамъ. Ок - Луангъ - Пангъ пріискиваеть шопчасъ приличной къ дѣлу законъ и приговоръ сдающъ ко исполненію.

Въ Сіамѣ, шакже какъ и въ Европѣ, не всегда поступающъ по шочной силѣ законовъ, или, лучше сказать, подъ предлогомъ перемѣны обстоятельствъ не исполняются никогда законы. Рѣшишь всякія дѣла самъ собою правитель. Рѣшеніе его объявляющъ шяжущимся и записываютъ въ судилищѣ. Естли правитель очевидно нарушитъ справедливость, шо Юк-кебашъ обяванъ доноситъ Двору, не имѣя права удержать исполненіе.

Тяжущіеся говорятъ судѣ предъ письмоводецемъ, копорой все слышимое записываетъ. Могущъ шакже говорить и чрезъ повѣренныхъ, но по-
слѣд-

свѣдѣніе должны быть ближніе родственники шѣхъ, за кого говорятъ. Письмоводець отбираетъ у нихъ письменныя доказательства, по нашему документы, предъ членами присудствія, которые считаютъ спроки, почищенные и черненныя мѣста.

По важнымъ доносамъ въ недостаткѣ доказательствъ производятъ пытки самыя мучительныя, коихъ множество родовъ. Всего чаще жгутъ огнемъ: кладутъ косеръ дровъ во рву, такъ чтобъ верхъ костра былъ на равнѣ съ берегомъ рва, длиною въ пять, а поперегъ въ одну сажень. Оговорщики и оговоренные водяшся вдоль по костру босыми ногами; коихъ подошвы вышерпятъ раскаленное желѣзо, шѣ и бываютъ оправлены.

Лалуберъ замѣчаетъ, что какъ Сіамцы ходятъ босые, то кожа у нихъ на подошвахъ такъ жѣсткая и толстая, что люди могутъ ходить по горячему уголью и не обжигаются. Два человека идутъ по сторонамъ у всякаго

Часть VI.

Ц

води-

водимого такимъ образомъ по костру и крѣпко держашъ за плеча, чтобъ шелъ не скоро; но чрезъ сіе-шо самое, можешъ быть, уменьшается дѣйствіе огня на подошвахъ.

Другой родъ огненной пышки: руки преступниковъ опускающъ въ кипящее масло, или иную воспламеняющуюся жидкость. Нѣкто Французъ доносилъ и не доказалъ, что его покрали. Долженъ былъ всунуть руку въ расплавленное олово, которую вынулъ почти совсѣмъ сгорѣвшую; а Сіамецъ, на коего доносилъ, сдѣлавъ тоже, вынулъ руку почти цѣлую и былъ оправленъ; но скоро послѣ поймали и изобличили его въ новомъ воровствѣ.

Третьяго рода пышка называется водяная: дощички и оговоренные опускаются по шесту на дно. Тотъ, кто долѣе останетсѣ подъ водою, признается правымъ. Сія можешъ быть главная причина тому, что Сіамцы отъ ребячества привыкающъ къ огню и водѣ.

Еще

Еще пышаютъ пилюлями, дѣлаемы-
ми Талапоинами съ произношеніемъ
надъ ними проклятія. Доношники и ого-
воренные глошаютъ положенной счелъ
пилюль: которыхъ не вырветъ, тѣ
правы.

Пышки сіи производятся не поль-
ко предъ судьями, но общенародно.
Естьли обѣ стороны равно прешер-
пяшь, то пытають въ другой разъ.
Самъ Царь шѣми же средствами до-
искивается правды; а иногда прика-
зываетъ выпускашь пигровъ: меньше
изуродованные сими звѣрми почиша-
ются безвинными. Будуть ли всѣ
споры соперниковъ расперзаны, об-
являются виноватыми всѣ. Твердосъ,
съ копорю перпяшь Сіамцы люпой
сей родъ смерти, невѣроязна, раз-
суждая по общей ихъ шрусоси на
войнѣ.

Окончательныя рѣшенія по уго-
ловнымъ дѣламъ предославлены Царю,
кошорой повѣряетъ разсмотрѣшь ихъ
чрезвычайнымъ судьямъ. Въ нѣкошорыхъ

особыхъ случаяхъ посылаетъ иногда нарочныхъ по обласнямъ произвести слѣдствіе надъ великими преступниками и наказашъ на мѣспѣ преступленія. Даетъ полную власть, съ примѣра Кишайскаго государства, опрѣшашъ опѣ должностей, наказывашъ на тѣлѣ и казнить смертію, по винѣ смотря. Во всякихъ другихъ порученіяхъ рѣдко позволяетъ окончевашъ дѣла безъ совѣта обласныхъ правителей.

За кражу наказываютъ взысканіемъ прошиву покраденнаго вдвое и впрое, на раздѣлѣ между судьями и челобитчиками. Владѣть неправедно чужимъ имѣніемъ почитается у нихъ воровствомъ. Лишившійся по суду наслѣдства долженъ не только опдашъ оное шому, кому приговорилъ судь, но и заплатишъ цѣну имѣнія: одну половину сопернику, а другую судь.

Предсѣдатель городского Сіамскаго судилища слыветъ Юмрашъ. Къ нему

нему вносятъ на перевершеніе дѣла изъ всего государства ; онѣ вносятъ ихъ на главное разсмотреніе вышняго надъ собою судьи Ок - Я , засѣдающаго во Дворцѣ. Сей судья остаётся въ сподвижѣ, когда выѣзжаетъ изъ ней Царь. Рѣшенія его имѣютъ силу внѣ Дворца. Вольно вносить отъ него къ Царю.

Воинское искусство шѣмъ паче намъ неизвѣстно , что природно не любятъ войны. Сно человекъ Сіамцовъ, увидѣвъ обнаженной мечъ, бѣгушъ во всѣ стороны. Лалуберъ увѣряетъ, что смѣлой голосъ Европейца , имѣющаго шпагу, или простъ въ рукахъ, заставляетъ ихъ забыть всякія повелѣнія начальниковъ. Умствованіе о преселеніи душъ вперяетъ имъ отвращеніе къ пролитію крови и дѣлаетъ еще больше робкими. Враждуя съ сосѣдями, стараются только ловить невольниковъ. Естли Пегуанцы , на примѣръ, войдутъ въ землю Сіамцовъ, то послѣдніе ходятъ также къ нимъ въ землю съ иной стороны, и берутъ жителей цѣлыми деревнями въ невольники.

Воинство, сошедшись съ непріяте-
демъ, не стрѣляетъ прямо одинъ въ
другаго, какъ бы по нѣкоторому ро-
ду условія, а пускаютъ стрѣлы и
пули вышеголовъ. Сторона, увидѣвшая
прежде у себя раненныхъ, въ минуту
предается бѣгству. Надобно ли остано-
вить насупающаго непріятеля,
но стрѣляютъ низко, чтобы сами
уже себя винули, приближась въ раз-
мѣръ оружію.

Далуберъ пишетъ за вѣроятное,
что нѣкакой Французъ изъ Праванской
провинціи, именемъ Кипріенъ, служив-
шій потомъ Французскому торгово-
му обществу въ Сураѣ, былъ въ вой-
скѣ Царя Сіамскаго гонцемъ. Услышавъ
приказъ, чтобы стрѣляя отнюдь не
мѣшались въ непріятели, принялъ за
это, что полководецъ измѣняетъ Го-
сударю. Въ другой разъ былъ онъ на
войнѣ противу Царя Сингорскаго, въ
Западной части царства Сіамскаго.
Оба войска сошлись, но ни которое
не начинало дѣла. Кипріенъ дождался
ночи, пошелъ въ непріятельской станъ,
выша-

выпалъ непріятельскаго Царя изъ шатра и привелъ къ своему полководцу. Такимъ будто образомъ окончалась двадцатилѣтняя война. Заслуга сего Француза ничѣмъ была не награждена, принужденъ онъ былъ съ досады перейти въ Сурашскую службу.

Если природа не произвела Сіамцевъ способными къ войнѣ, но ведущею оную съ успѣхомъ, имѣя сосѣдей, не уступающихъ имъ въ прусости. Нѣтъ у Царя на жалованьѣ иного войска, кромѣ чужестраннаго. Форбенъ училъ ружьемъ по Европейски чешыре сна чловѣкъ Сіамцовъ. По опѣвздѣ его одинъ Англичанинъ, служившій сержантомъ въ Мадрасѣ, на Коромандельскомъ берегу, тому же обучалъ еще восемь сотъ другихъ. Сіи тысяча двѣсти чловѣкъ вмѣсто жалованья не работали на Царя съ ихъ семействами, нишались хозяйствомъ живучи по деревнямъ своимъ, одни около Банкока, а другіе около Луво. Должность ихъ была защищать оба сіи города, въ

которыя и ходили поспѣшно на спр-
 ажу. По другимъ въ государствѣ мѣ-
 спамъ, имѣющимъ нужду въ защит-
 никахъ, охранное войско сославляюшъ
 свободные Сіамцы, ходяшъ также на
 спражу вмѣсто исправленія работъ на
 Царя, остаются положенное время и
 бываюшъ другими смѣняемы.

Царство Сіамское довольно защи-
 щается своимъ положеніемъ: окружа-
 юшъ его непроходимые лѣса, вода-
 ные рвы и непрестанныя наводненія.
 Не заводяшъ укрѣпленныхъ мѣстъ,
 чтобъ не опяли, зная сколь трудно
 имъ будетъ доставать ихъ назадъ.
 Тѣ же, которыя есть, едва ли въ со-
 стояніи выдержатъ первое нападеніе
 навычнаго войска. За нѣсколько лѣтъ
 до прибытія господина Шомона воз-
 хотѣлъ Сіамской Царь поспроить
 крѣпость на Пегуанской границѣ. По-
 ручилъ важное сіе дѣло одному слугѣ,
 принадлежавшему обществу проповѣд-
 никовъ вѣры, такъ называемыхъ Свя-
 шаго Лазаря, въ Парижѣ. Находился
 онъ тогда въ слугахъ же у проповѣд-
 никовъ

никовъ чужестранныхъ такихъ же обществъ. Ничего не зналъ и не умѣлъ кромѣ какъ пускать кровь. Долго отрицаясь принявъ на себя такое дѣло, о кошоромъ не имѣлъ понятія; но долженъ былъ повиноваться Царской волѣ. За такую его службу пожеловали его Юнсаламскимъ обласнымъ правителемъ. Исправлялъ сіе званіе съ общею похвалою. Потомъ выпросилъ позволеніе жить въ Сіамѣ. На мѣсто его сдѣланъ былъ Юнсаламскимъ правителемъ дворецкой господина Шомона, именемъ Били.

Пушекъ въ Сіамѣ крайнѣ мало. Португалецъ изъ города Макаю, умершій въ службѣ Царя Сіамскаго, вылилъ ихъ нѣсколько. Другія подарены были Царю Французами. Сіамцы лишь ихъ не умѣютъ, а куютъ изъ холоднаго желѣза.

Конницы около двухъ тысячъ чело-
вѣкъ. Главную силу славятъ въ ве-
дикомъ числѣ слоновъ. Ташардъ счи-
таетъ ихъ болѣе дваццати тысячъ,

Ц 5

на

на коихъ не надѣвающа ни узды, ни удила, слѣдовательно править ими худо. Бояща огня, къ которому не лѣзя ихъ приучишь. Получивъ рану, кидаются на свое войско. Учатъ сносить выспрѣлы изъ малыхъ фунтовыхъ пушекъ, въ при фуша длиною, поставляемыхъ къ нимъ на спины. Пѣхота Сіамская изъ людей нагихъ и худо вооруженныхъ.

Далуберъ такъ описываетъ боевой ихъ порядокъ: строясь въ три ряда, каждой изъ трехъ большихъ четвероугольниковъ. Царь, или полководецъ, помѣщается въ среднемъ четвероугольникѣ отборныхъ людей; въ срединѣ же прочихъ другіе военачальники. Бывающъ ли девять такихъ учасшковъ больше, нежели надобно велики, то дѣлающъ изъ нихъ осьмнадцать учасшковъ. У всякаго учасшка сзади по шестнадцать слоновъ безъ самокъ. На всякомъ слонѣ особое знамя и двѣ самки по сторонамъ. Ты и другія имѣющъ на себѣ по три человѣка вооруженныхъ. Множество слоновъ въ бою. Сіамцы водятъ слоновъ.

сновоныхъ самокъ, придавая почтенной видѣ Сіамцамъ; но въ самомъ дѣлѣ безъ нихъ труднѣе бы было править самцами.

Пушки, гдѣ нѣтъ рѣкъ, возятъ колесами на быкахъ и буйволахъ. О лафетахъ совсѣмъ не знаютъ. Сраженіе начинается пушечными выстрѣлами; ежели же шѣмъ не окончится, то сближаются оба войска шакъ, чшобъ доставало мѣлое ружье и стрѣлы. Никогда не устремляются на непріятеля съ жаромъ и не защищаются съ надлежащимъ мужествомъ. Сходясь и настаютъ битва. Прежде дрогнувшіе разсыпаются и бѣгутъ въ лѣса. Правда, что скоро строятся опять, но должно чиновнымъ людямъ стоять позади и бить до смерти шѣхъ, которые побѣгутъ. Макасарцы, Рагипонты, Малейцы и еще нѣкоторые народы предъ сраженіемъ пьютъ опиумъ и спановятся смѣлы. Но Сіамцы, боясь сдѣлаться смѣлыми, имъ не сѣдуютъ. Трусость не почитается у нихъ порокомъ. Она - по причиню, что не поступаютъ ни-
жог-

когда на открытое осаждение укрѣпленныхъ мѣстъ, а берутъ измѣною, или голодомъ.

На морѣ они еще того слабѣе. Едва имѣетъ ли Царь до шести военныхъ судовъ, вооруженныхъ по большей части для торговли. Морскіе служители безъ исключенія иностранцы. Точно предписывается имъ убѣгать отъ кровопролитныхъ сраженій, одними уловками и обманами братьъ непріятельскія суда въ полонъ. Имѣетъ еще сей Царь до шестидесяти галеръ съ деревянными якорями. Но галеры его можно назвать посредственной величины ладьями объ одной палубѣ, по шестидесяти человекъ на каждой и воинства и гребцовъ, наряжаемыхъ безъ разбора вмѣсто положенныхъ на Царя работъ.

Дѣти Сіамцовъ природно кротки и послушны. Съ ребячества научаютъ ихъ быть учливыми. Неограниченная надъ ними власть родителей производитъ успѣхи воспитанія;

но

но родители же и отвѣчаютъ Царю за пресупленія дѣтей своихъ. Заслуживаемое наказаніе дѣтьми должно имъ раздѣлять съ ними. Законъ обязываетъ родителей предавать дѣтей, учинившихъ пресупленіе, суду. Сынъ, достойной казни, ушедъ изъ дому, одумавшись непремѣнно является самъ, какъ скоро услышитъ, что гнѣвъ Царя, или правосудія, обращенъ на отца его, или мать, или родственниковъ.

На осьмомъ году отдають дѣтей въ монастыри Талапоиновъ, которые надѣваютъ на нихъ свои одежды. Могутъ ее снять дѣти безъ зазрѣнія, когда хошятъ. Нося одежды сіи, называются они Ненъ. Изъ домовъ приносятъ къ нимъ пищу. Дѣти знатныхъ и зажиточныхъ людей держатъ при себѣ въ монастыряхъ по одному и по два невольника.

Прежде всего учатъ ихъ читать, писать и считать, по есмь знаціямъ, необходимо нужнымъ: всякой

кой СіаецѢ живешѢ торговлею. ПопомѢ шолкуюшѢ имѢ правила вѢры и нравоченія. НаучаюшѢ Балискому языку, на кошоромѢ сочинены духовныя книги и законы. ЯзыкѢ сей нѢскольکو походитѢ на особливое нарѢчіе КоромандельцовѢ. На письмѢ извѢстенѢ шолько СіамцамѢ. Пишется сѢ лѢвой на правую сторону, такѢ какѢ пишушѢ Европейцы, и на просшонародномѢ СіамскомѢ, различно сѢ прочими Азіатскими языками. Киіпайцы же спроки свои водяшѢ не поперегѢ, а вдоль; первая спрока начинается вдоль праваго края на лѢспѢ, и такѢ далѢе. ЯзыкѢ Сіамской сходствуетѢ во многомѢ сѢ КитайскимѢ языкомѢ великимѢ числомѢ апострофовѢ, или удареній словѢ: да и весь почти состоитѢ изѢ односложныхѢ словѢ.

ВѢ языкахѢ СіамскомѢ и БалискомѢ мало буквѢ. ИзѢ нихѢ составляются слоги и слова. Балиской имѢетѢ склоненіе имянѢ, спряженія глаголовѢ и произведенія словѢ, чего не имѢетѢ языкѢ

языкъ Сіамской; одно расположеніе словъ означаетъ падежи именъ. Спряженій въ немъ шолько чепыре, или пять, времена различаются окончаніями и предвареніями глаголовъ, и значатъ число, время и наклоненія. Словарь у Сіамцовъ не великъ по скудости языка, а шого - шо ради и шрудно изъяснятъ мысли. Лалуберъ спарался изобразитъ сію шрудность примбрами. Доброе сердце значитъ я доволенъ, чшобъ сказатъ доволенъ бы былъ, ежели бы жилъ я въ Сіамъ. Сіамецъ скажетъ: „Ежели я буду го-“, „родъ Сіамъ, я сердце доброе много.“ Слово Сіи значитъ свѣтъ, а иносказательно красота. Естли прибавитъ къ тому слово Пакъ, шо будетъ значитъ уста. Сіи-Пакъ значитъ губы, какъ бы кто хотѣлъ сказатъ свѣтъ, или красота рша.

Слава лѣсовъ знаменуетъ цвѣтъ.

Сынъ воды все родящееся въ водѣ, однако же не рыба, а крокодилы и всякія иныя водяныя жившныя и

несѣкомыя. Слово СынѢ значить малость вещи; СынѢ вѣка значить нѣчто маловѣчное; напрошивѢ того слово МашѢ знаменуетѢ толстое и великое. Между всѣми Сіамскими словами два только нѣсколько походящѢ на наши слова, то есть По и Ме, отецѢ и мать.

Выучась читать и писать, остаются юношеству арифметика. ЧиселѢ, какѢ и у насѢ, десять. Ноль также оникомѢ и также ставится во умноженіе счета десятками. Значущіе счетѢ числа стоящѢ съ лѣва на право. Сіамцы пишутѢ числа перомѢ, а Китайцы не чѣмѢ особымѢ. Справедливатель Маршиній изобрѣшеніе Китайскаго пера полагаетѢ за двѢ тысячи семь сотѢ лѣтъ до рождества Христова. Торговые люди вычисляющѢ въ минушу самые трудные счета; какой же задачи не рѣшатѢ скоро, то не принимающѢ рѣшивѢ ее въ другой разѢ. Существенное свойство людей, живущихѢ на мѣстахѢ или чрезмерно жаркихѢ, или чрезмерно холодныхѢ,

ныхъ; есть лѣнность ума и тѣла, съшою разностию, что въ холодныхъ краяхъ спановится она шупностию, а въ жаркихъ напрошивъ шого оспроша и бѣглоснѣ мыслей, но ушомляющіся опѣ вниманія.

Сіамцы легко понимающѣ вещи; опѣвны ихъ рѣзки и скоры. Кажешя, что по крашкомѣ бы ученія могли имѣшѣ успѣхи въ самыхъ высокихъ наукахъ и въ самыхъ шрудныхъ художешвахъ, но мѣшаешѣ природная лѣноснѣ.

Рожденные спихопворцы. Сплешаніе спиховѣ состоишѣ, шакже какѣ у нашѣ, въ числѣ слоговѣ и риѣмѣ. Далуберѣ, засшавивѣ себѣ перешесши многія спихопворенія и пѣсни, не нашелѣ ни одного сочиненія, кошорое бы могло подвешено бышѣ подѣ нашѣ образѣ мыслей. Замыкающя однако же въ нихъ роды картинѣ, на примѣрѣ; описанѣ прекрасной садѣ, предлагаешѣ его любовникѣ убѣжищемѣ любовницѣ. Кромѣ нѣжныхъ пѣсенѣ ешѣ истори-

Часть VI

Ч

ческія

ческія и нравоучительныя. Одинъ изъ Царскихъ братьевъ сочинялъ хорошіе нравоучительныя стихи и кладъ ихъ на музыку.

Раждаясь стихотворцами, не родящся вишіями. Не могутъ ими снасть. Книги ихъ или просщаго сказательнаго слога, или слога опривчиваго по словищнаго. Сказано уже выше, что нѣтъ у нихъ шряпчихъ, или повѣренныхъ по шяжебнымъ дѣламъ. Соперники говорятъ судныя свои рѣчи писмоводцу, а онъ ихъ записываетъ. Талапоины вмѣсто сказыванія проповѣдей читаютъ по книгѣ на Балискомъ языкѣ, и читаемое переводятъ слушателямъ безъ всякаго объясненія отъ себя. Обычныя привѣщія въ обществахъ таковы же. Царь, торжественно кого нибудь къ себѣ допуская, напередъ сочтетъ, сколько выговоритъ ему словъ: однѣ и тѣ же самыя произнесены имъ были въ разныя времена Французскимъ посламъ и Епископу Геліополискому.

Всѣ

Всѣ части Философіи совершенно незнаемы Сіамцамъ, кромѣ нѣкопрыхъ нравственныхъ правилъ. Не учащя наукъ правъ. Законы земли познающъ исполненіями должностей своихъ. Законы писаны въ книгахъ, мало извѣстныхъ народу. Всякому новопожалованному въ чинъ дается списокъ съ законовъ, надлежащихъ до его должности.

Врачевство ихъ недостойно названія науки. Первые Царскіе врачи суть Кишайцы: есть Сіамцы и Пегуанцы; но по прибытіи господина Шомона взялъ къ себѣ Царь въ первые врачи Француза, проповѣдника вѣры, именемъ Помо, кошорому даже до того ввѣрился, что всѣ другіе долженствовали не предпринимать ничего для сохраненія его здоровья безъ наставленія отъ Француза. Искусство лечишь состоить въ знаніи множества старинныхъ лечебниковъ. Лѣкарства въ нихъ написанныя, дающя безъ разбору и примѣчанія качествъ болѣзненныхъ припадковъ. Слѣпое сіе сред-

Ч 2

етство

ство лечить бываетъ иногда съ успѣхомъ; общая воздержность Сіамцевъ въ пищу и питье много къ тому способствуетъ. Умреть ли же больной, относясь по наважденію злыхъ духовъ.

Всякой занемогающій прежде ложится на голую землю, чтобы отъ сырости ея плѣс посмокло, и великъ знающему человеку топтать себя ногами. Лалуберъ увѣряетъ, что пожедѣваютъ съ собою брюхатые женщины, чтобы роды были легче. Въ древность не бывало никакого инаго лѣкарства, кромѣ умеренности въ пищу и питье. Обычаю сему и до нынѣ слѣдуютъ Китайцы. Нынѣшніе Сіамцы въ болѣзняхъ своихъ пользуются кровопущаніемъ жилнымъ, рожечнымъ и пиичнымъ, принимая нѣкоторыя извѣстныя Европейцамъ слабительныя и изъ Сіамскихъ растѣній. Не знакома имъ элбора, столь употребительная въ старину у Греческихъ врачей. Принимаютъ во всякое время дня безъ разбору. Лѣкарства ихъ составляютъ

ся

ся изъ минераловъ и правъ. Европейцы научили ихъ знашь дѣйствіе и употребленіе хинхины. Но всѣ ихъ лѣкарства вообще крайнѣ горячи. Не принимаютъ внутрь ничего прохладительнаго, а купаются въ рѣкахъ во всякихъ болѣзняхъ. Кажется, что все гонящее естественной жаръ внутрь и оной умножающее имъ полезно. Больные питаются жидкою изъ сарацинскаго пшена кашею, называемою Индѣйскими Португальцами Канге. Мясныя похлебки для нихъ смертоносны, приводятъ желудокъ въ безмѣрную слабость. Выздоровливая, предпочитаютъ свинину всякимъ инымъ мясамъ.

Въ лѣкарскомъ искусствѣ великіе невѣжды. Призываютъ Европейцовъ не только свертывать разбиыя черепы на головахъ, или для иныхъ подобныхъ сему прудныхъ приемовъ, но и пускашь кровь. Объ анапоміи не имѣють понятія. Не любопытствуютъ знашь части и расположенія живошныхъ, убиваемыхъ на пищу, а

взрѣзываютъ Талапоины для того
 единого, чтобы питашь суевѣріе на-
 рода, сказывая на примѣръ, что на-
 шли въ желудкахъ мертвыхъ живот-
 ныхъ большіе куски свинаго, или дру-
 гаго мяса, въсомъ отъ оеми до де-
 сяти фуншовъ, относя те дѣйствию
 ворожбы. Такой кусокъ выдають год-
 нымъ для колдуновъ.

Не болѣе знаютъ о химіи, хотя
 къ ней приспращны. Многіе выдають
 себя имѣющими самыя рѣдкія таин-
 ства сей науки. Сіамъ, равно какъ и
 вся Азія, наполнена обманщиками и
 обманываемыми. Царь, отецъ того,
 которой былъ въ прибытіе пуда
 Французовъ, издержалъ до двухъ
 миліоновъ денегъ въ исканіи шакъ
 называемаго Философскаго камня.

Музыка въ почтеніи; безъ нотъ
 и правилъ. Сіамцы дѣлають голоса
 памяшью. Нѣтъ у нихъ шрелей и
 шакъ, какъ у Каспильцовъ; поють
 иногда безъ словъ, чтобы весьма чу-
 дно показалось Испанцу Каспиль-
 ской

ской области. Въсто словъ выговариваютъ только Ной, Ной, какъ мы та, ла, ра, ла. Царь, слушавъ изъ пайника Французскихъ скрипокъ, опозвался, что наигрываютъ не величественно. Далуберъ однако же замѣчаетъ, что напѣвы Сіамскіе не имѣютъ ничего въ себѣ важнаго, даже играютъ походъ Царю не плавно, а веселыми голосами.

Не знаютъ изгибовъ и частей голоса по приличностямъ напѣвовъ, или почтѣ не знаютъ никакихъ: поютъ и играютъ однимъ голосомъ. Если же и бываютъ нѣкоторыя переломы, то научились имъ у Европейцовъ. Главной ихъ инструменъ подобенъ скрипкѣ, съ тремя струнами, зовутъ его Тро и Пи, или сиповки, коихъ голоса непріятно рѣзки. Прилагаютъ къ нимъ стукомъ въ мѣдныя лахани, привязанныя веревками на кось на двухъ вилахъ; палки, чѣмъ стучатъ, короткія деревянныя. Тутъ же бьютъ въ два рода бубновъ, которые у нихъ слышатъ Тлуипунпанъ

и Тапанъ. Деревомъ первые походятъ на барабаны жителей Пиринейскихъ горъ, но обтянушы кожею съ двухъ сторонъ, такъ какъ правскіе барабаны. По сторонамъ висятъ на веревкахъ свинцовыя ядра, къ коимъ приделана деревянная рукоятка. Вершатъ ее, такъ какъ мушкету въ шоколадъ. Симв движеніемъ бьютъ ядра по козамъ на обвѣхъ сторонахъ. Тапаны видомъ сходны съ боченками, носятъ ихъ повѣшенные на шею, и бьютъ кулаками по козамъ съ обвѣхъ сторонъ.

Еще музыкальной ихъ инструментъ зовется Паш - Кугъ, состоятъ въ навѣшенныхъ рядомъ металлическихъ бляхахъ, каждая на короткой палкѣ, утвржденной въ деревянномъ полукружїи, подобномъ ободу передняго корешнаго колеса. Играющій на семъ инструментѣ сидитъ по срединѣ полукружїи съ поджатыми ногами, и спучитъ по бляхамъ палками правою и лѣвою рукою.

Всѣ

Всѣ такіе инструменлы вмѣствѣ, говорили Ташардѣ, не безѣ пріятности на водѣ.

Оказанія гибкости и проворство пѣда также вѣ небреженіи у Сіамцовѣ. Нѣмѣ человѣка, умѣющаго искусно владѣть лошадью. Не имѣють никакого оружія, кромѣ получаемаго отѣ Царя; послѣ же сего полученія вольно имѣ покупашь и отѣ себя. Употребляють же не могутъ инако, какѣ по его повелѣнію. На войнѣ спрѣляютъ по непріятелямѣ не стоя, а на одномѣ колѣнѣ, иногда же и садясь на карачки, пропянувѣ впередѣ одну ногу. Побѣчи не умѣють порядочно выпшупашь на походѣ и стоять на ногахѣ прямо. Трудно имѣ не сгибать колѣней прошиву своего обыкновенія. Французы научили ихѣ стоять выпшупавшись подѣ ружьемѣ. До прибытія господина Шомона стояли на часахѣ сидя. Не только не навикають бѣгать скоро, но и прогуливаться не вѣ обычаѣ. Бѣда на лодкахѣ есть одно движеніе, которымѣ занимаются. Отѣ

няши лѣтъ послѣ рожденія каждой учись гресѣ и правись лодкою, да и могутъ не выпускашь изъ рукъ весла цѣлыя прои сурки, почти не отдыхая, хотя впрочемъ всякая работа для нихъ несносна.

Плохіе ремесленники. Не думаетъ ни одинъ превзойти другаго, инако же долженъ бы былъ всю жизнь свою даромъ работашъ на Царя. А какъ каждой Сіамецъ обязанъ работашъ на него половину года, то учась всякому ремеслу понемногу, чшобъ могли дѣлашь что заславяшь и не бышь бишымъ. Никто же не стараеця доходить до совершенства въ какомъ нибудь рукодѣльѣ. Въ Сіамѣ награжденіе искусному художнику вѣчная неволя. Пять сотъ человѣкъ Сіамскихъ ремесленниковъ меньше сдѣлаюшь во многіе мѣсяцы, нежели пятьдесятъ Европейцовъ въ недѣлю.

Извѣстныя имъ ремесла сущь:

Нарочито дѣлаюшь шюлярную работу. Не зная же употребленія гвоздей, непрочно сколачиваюшь вещи.

Рѣ-

Рѣшники, но работа ихъ самая грубая. Рѣзные идолы въ капищахъ опдѣланы не число и не соразмѣрно.

Дѣлають кирпичи и для него замазку. Нарочитые каменщики, но зданія стоятъ не долго безъ поврежденія, по той причинѣ, что не рокутъ подѣ стѣнами ровъ съ прочною устилкою. Не дѣлають того же и подѣ стѣнами крѣпостнаго своего строенія.

Въ Сіамѣ не дѣлають ни стекла, ни хрусталу, хотя жилища великіе до нихъ охотники.

Плавятъ металлы и выливають изъ нихъ разныя вещи. Умѣють довольно изрядно обивать своихъ идовъ весьма тонкими бляхами золотыми, серебряными и мѣдными, какъ бы ни были велики, хотя они изъ кирпича, смазаннаго извѣстью. Лалуберъ привезъ во Францію не большей Соммоно-Кодамъ, обитой золочеными мѣдными бляхами. Множество у Царя во Дворцѣ вещей; рукоятки его саблей

и

и кинжаловъ, кошорыми даритъ иностранцевъ, обипы золошыми бляхами.

Серебренное дѣло не совсѣмъ неизвѣстно. Не умѣютъ сглаживашь дорогие камни и обдѣлывашь серебромъ.

Золошяшъ изрядно, не худо выбиваютъ золошо въ шонкіе листы. Грамоты Царя Сіамскаго къ инымъ Царямъ пишущся на такихъ листкахъ не толще бумаги. Буквы изображающя шупыми спицами, подобными шѣмъ, коими пишемъ мы по пергаменшу въ записныхъ нашихъ книжкахъ. Желѣзо плавяшъ, однако же худые кузнецы. Лошадей не подкавываютъ. У сѣделъ спремена веревочныя; самыя плохія вмѣсто уздѣ оброши.

Не знаютъ, какъ выдѣлываютъ кожу,

Ткутъ бумажныя полотна, но въ маломъ количествѣ, красяшъ не цвѣтно, не дѣлаютъ никакихъ шканей шелковыхъ, шерстяныхъ и никакихъ обоевъ. Шерсть шамъ вещь рѣдкая;
маспе-

мастера вышивать, узоры ихъ нравятся Европейцамъ.

Что есть картины рисованныя и изъ масла, мало слыжали; моляры плохїе и безъ вкуса; о изображаемомъ ими надлежитъ спрашивать что такое. Снимають списки съ картинъ кажешся имъ легкимъ дѣломъ. Картины собственнаго ихъ изображенія представляють предметы странные и нелѣпыя. Любятъ сіе, такъ какъ наши стихотворцы чудесное въ своихъ сочиненїяхъ. Вымышляютъ цвѣты, деревья, птицъ и всякихъ животныхъ, какихъ на свѣтѣ нѣтъ. Изображенїямъ человѣческимъ даютъ невозможныя положенїя.

Простой народъ больше всего занимается рыбною ловлею, а зажиточные люди торгомъ. Но всякая торговля съ иностранными въ землѣ принадлежитъ Царю, внутренняя же малую приноситъ пользу. Сїе самое невѣжество Сїамцовъ въ большей части художествахъ дѣлаетъ не нужнымъ

нымъ онымъ знаніе и лишаетъ ихъ охошы покупаешь товары, копорые необходимы Европейцамъ. Въ шорговлѣ ихъ порядочное устанавленіе. Занимая деньги, заемныя письма пишущся поспороцнею рукою, чшобъ въ случаѣ запирашельства можно было уличить должника.

Въ мѣлочныхъ шоргахъ вещьми, нужными для жизни, сохраняется добрая вѣра. Продавшій беретъ деньги за шоваръ не считаая, а купившій не размашпривая шовара. На рынкахъ шоргуютъ отъ пяти часовъ по полуночи до девятаго часа по полудни. Нѣтъ ни аршиновъ, ни локтей. Кисею и другія полотна покупають кусками. Нищіе только у нихъ покупають и продають мѣроу на локти, или, какъ шамъ называется, на Кени.

Въ обычаѣ мѣряшь саженьми. Сажень ихъ однимъ шолько дюймоу короче нашей. Мѣряють ею работы при спроеніяхъ, особливо же дороги и водяные рвы, по коимъ вѣдитъ Царь.

Между

Между городовъ Сіама и Луво чрезъ каждую Сіамскую милю сшоятъ сподбы съ надписями ихъ числа. Тоже самое во употребленіи въ Индуспанѣ. Спранствовашель Берніе освѣдомляеть насъ, что шамошнія Косы, или полумили, означаются мадыми острокопечными башнями.

Скорлупами кокосовыхъ орѣховъ и ѣряютъ Сіамцы хлѣбъ и жидкія вещи.

Серебряныя Сіамскія деньги единообразны и подѣ одинакимъ чеканомъ, разняшся только величиною. Видъ ихъ подобенъ короткому свершку, или вадику, какъ вогнувшемуся по срединѣ, что оба его концы одинъ другому приходятъ возлѣ боку. Изображенія на нихъ не могли Далуберу разполоковать Сіамцы. Ихъ пикаль въсомъ прошиву нашей полшины, ходитъ по шрипцаши по семи съ половиною копѣекъ.

Золото въ Сіамѣ продажной поварѣ. Стоитъ въ двенадцать разъ про-

проживу серебра, ежели оба металла равны доброшою.

Мѣлкія деньги состоятъ въ малыхъ раковинахъ, называемыхъ Европейцами Кори, а Сіамцами Біа. Фуанъ есть осьмая часть тикаля, спомѣтъ восемь солѣ Корисовѣ.

Дѣвки не сходящяся и не говорятъ съ холостыми людьми; нарушающія сей обычай жестоко наказываются маперями. Но не рѣдко превозмогаетъ сила природнаго къ тому повлеченія надъ спрогосшію обычая, особливо же по вечерамъ. Женщины родятъ двенащати дѣтъ и прежде. Замужъ выдають почти въ ребячествѣ, но есть и вѣчно остающіяся дѣвками. Прежде старости не посвящаютъ жизнь свою набоженству.

Родители молодого человека сватають дѣвку у ея родителей чрезъ почтенныхъ старухъ. Невѣста вопрошается, имѣтъ ли къ жениху склонность. Дають знать жениху, что со-
гла-

глашаются. ТѢ и другія взаимно со-
общаютъ другъ другу извѣстіе о
часѣ рожденія опрока и дѣвки. « Вмѣ-
стѣ идущъ къ прорицателямъ и про-
сятъ , чтобъ открыли имъ жребій
брака, удостоитъ ли онъ безъ развода
прожить до смерти кошораго либо изъ
ихъ дѣшей? Женихъ шрижды посвѣ-
щаетъ невѣсту, принося ей въ даръ
бешель и плоды. Ежели положено
свадьбѣ быть неопмѣнно, то родите-
ли съ обѣихъ сторонъ присутствуютъ
при шрешемъ посвѣщеніи, договари-
ваются о приданомъ первой и на-
вѣдывающія объ имѣніи послѣдняго.
Приданое послѣ того отпускается въ
жениховъ домъ. Брачущіеся принима-
ютъ дары отъ родни съ обѣихъ сто-
ронъ , и женихъ становится мужемъ ,
не вмѣшивая никакихъ духовныхъ и
свѣтскихъ обрядовъ. Талапоинамъ Си-
амскимъ точно запрещено быть на
свадьбахъ , а чрезъ нѣсколько уже
дней приходять кропить новобрач-
ныхъ свяшою водою и читать при-
личныя молитвы на Балискомъ языкѣ.
Свадебные пиры не бывають безъ зрѣ-

Часть VI.

III

лица :

лица: призывають общенародныхъ плясуновъ и плясѣй, но не пляшущъ съ ними ни новобрачные, ни ихъ родня. Пиршество сіе происходитъ въ домъ шестя, шещи, или кто заступаетъ ихъ мѣсто. Молодые живутъ тамъ, пока не пригошьятъ собственнаго себѣ дома.

Дочери Мандариновъ, выходя замужъ, надѣвають на головы золотыя тѣ обручи, копорые носятъ ихъ ошцы по торжественнымъ днямъ.

Самое богатое приданое въ Сіамѣ за дѣвкой не превосходитъ ста катесовъ, или трехъ тысячъ рублей на наши деньги. Всякой Сіамецъ можетъ взять женъ сколько хочетъ, но простой народъ рѣдко пользуется симъ правомъ, а богатые люди держатъ много женъ не по сладострастію, а изъ пышности. Первая жена предпочитается прочимъ, копорыя бывають всегда купленные невольницы. Называютъ ихъ меньшими женами. Покорны онѣ старшей женѣ. Дѣти послѣднихъ зовутъ ошцевъ По-Тшау,
или

или отецъ государь, а дѣши первой просио По, но естъ отецъ. Жениться не могутъ только въ первомъ колѣнѣ, а двоюроднымъ вольно. Сіамецъ можетъ взять за себя родныхъ сестръ одну за другою. Но Царю ихъ вольно жениться на комъ хочеть. Тогда сидѣвшій на престола имѣлъ женою родную свою сестру. Прижилъ съ нею одну только дочь, которая по смерти матери стала называться Царевна Царица. Далуберъ думаетъ, что сей Царь женился и на ней.

Въ частныхъ семействахъ наследуетъ всемъ имѣніемъ послѣ мужа старшая жена, и дѣлитъ дѣшей своихъ равными частями. Законные сіи наследники имѣютъ право продавать отца своего младшихъ женъ съ дѣльми. Не остается у нихъ ничего, кромѣ пожалованнаго при жизни ихъ мужей. Письменные завѣщанія, или духовныя, не извѣсны Сіамцамъ. Дочерей младшихъ женъ продаютъ въ такія же, какъ были ихъ матери, младшія жены.

Главное богатство Сіамцевъ состоишь въ домашнихъ приборахъ. Рѣдко покупають земли, для того что не могутъ имѣть никакой полной собственности. Законы земли учиняють ихъ наследниками въ семействахъ и даютъ имъ право дѣлать между собою продажи имѣнія; но вышшій надъ онымъ законъ предоставляеть Царю право отбирать на себя всякое проданное имѣние. Ничто не освобождается отъ мучительскаго сего права: частные люди ни о чемъ столько не пекутся, какъ скрывать отъ Государя движимые свои пожизки, а всего паче алмазы, какъ вещи, удобныя къ спряханью. Нѣкоторые изъ Сіамскихъ вельможей умирая отказываютъ часть имѣнія Царю, чтобъ соблюсти другую для своихъ наследниковъ.

Власть домоначальника въ семействахъ безпредѣльна: меньшихъ женъ съ дѣшми можетъ продать, а со старшею развеснись, когда ему угодно, возвращая однако же ей ея приданое.

Дѣшей

дѣшей въ семъ случаѣ такъ они дѣ-
 ляшъ: мать беретъ съ собою перва-
 го, шретьяго и такъ далѣе не чеш-
 кою; а отецъ вшораго, четвертаго
 и такъ далѣе чешкою. Естли всѣхъ
 дѣшей не чешка, то матери достаеш-
 ся одинъ лишній. Послѣ мужа вся
 домоначальническая власть преходитъ
 къ старшей женѣ, съ тою только
 разностию, что не можеть продаватъ
 шѣхъ, которыя въ чешкѣ: не допу-
 сятъ до того опцевы родственни-
 ки. Послѣ развода опцы и матери
 вольны продаватъ доставшихся имъ
 дѣшей порядкомъ, установленнымъ
 закономъ.

Прелюбодѣйство случается рѣдко,
 не сполько по тому, что мужа,
 заславъ женѣ своихъ съ чужими, воль-
 ны ихъ умершвить, или продатъ,
 ежели изобличить могутъ, какъ по
 тому, что Сіамки вообще имѣютъ
 нравы неразвращенные празностию, ро-
 скошью въ столахъ и нарядахъ, иг-
 рами въ деньги и позорищами. Ника-
 кой мущина не ходитъ къ нимъ въ

гости. Общепародныя зрѣлища бывающѣ нечасно; нѣтъ для нихъ назначенныхъ дней и мѣстъ, ниже цѣнѣ за впуски. И такъ цѣломудріе шамошнихъ женщинѣ обращено въ привычку. Но не всѣ и шамѣ супружества безпорочны!

— „Ревность, пишетъ Далуберъ, есть у нихъ чувствованіе оскорбляющей, „ся славы, увеличивается по мѣрѣ „возвышенія челоѣка въ счастіи и „знатности. „

Жены подлыхъ людей пользуются совершенною свободою, а жены вельможей живутъ уединенно, переѣзжаютъ только съ роднею, или кажутъ себя на богомольяхъ. Въ сихъ случаяхъ имѣютъ открытыя лица; ходятъ же когда пѣшкомъ, то не легко оплечить ошѣ ихъ служительницѣ.

Стариковѣ почитаютъ Сіамцы не меньше Кипайцовѣ. Изъ двухъ Мандариновѣ шотъ, кошорой моложе лѣтми,

тами, уступаетъ мѣсто, хотя бы онъ больше былъ чиномъ.

За ложь наказываютъ, но только прошиву вышнихъ предъ собою.

Согласіе и зависимость даже до того утверждены въ семействахъ, что всякой сынъ принявъ будетъ за изверга въ челоукахъ, если отважился принести на отца своего какую нибудь жалобу. А посему соспояніе супружеское не есть опвратительное состояніе. Корысть не раздѣляетъ сердець, бѣдность не предосуждается. Французы, живъ въ Сіамѣ, видѣли только трехъ просящихъ милоспину, людей престарѣлыхъ и безродныхъ. Сіамцы не перпятъ, чтобъ кто нибудъ изъ родспвенниковъ ихъ кормился подааніемъ. Призирающъ не имущихъ, какъ скоро увидятъ ихъ не въ соспояніи работать. Прошеніе милоспины не столько безчестно нищему, какъ всей его родивъ.

Воровство даже до того во омерзѣніи, что самые ближніе родспвен-

ники укравшаго что нибудь за него не вступаюцца. „Неудивительно, го-
 „, воритъ Лалуберъ, что гнусно воров-
 „, сшво въ такой землѣ, гдѣ споль
 „, дешево жить можно.„ Душевредни-
 чествомъ спавятъ поднимають поме-
 ряныя вещи, чшобъ не пользоваться
 не стоящимъ никакого шруда прі-
 обрѣшеніемъ. Но по свидѣтельству
 многихъ странствователей, рѣдко упу-
 скають Сіамцы удобность что либо
 укрась, не взирая на безчестіе сего
 промысла.

Иезуитъ Эспаньякъ, товарищъ Та-
 шардовъ, во второе его путешествованіе,
 сидя одинъ въ диванѣ своего дома,
 увидѣлъ вошедшаго къ нему Сіамца,
 которой схватилъ передъ нимъ со
 стола прекрасной Персидской коверъ.
 Иезуитъ не мѣшалъ ему, имѣя такія
 же, какъ Лалуберъ, о Сіамцахъ мысли,
 и не принялъ его за вора. Известно
 по многимъ, что Лудовикъ XIV когда
 посылалъ Сіамскихъ пословъ въ
 по Фландріи, одинъ изъ нихъ, обѣдая
 въ знатномъ домѣ, укралъ нѣсколь-
 ко

ко шелеговѣ, принявъ ихъ за деньги. На другой день далъ одинъ слугѣ на вино, чрезъ шо и открылось воровство Мандарина.

Аалуберѣ пересказываетъ другой подобной сему случай, доказывающій склонность Сіамцевъ къ кражѣ. Одинъ изъ чиновниковъ запасныхъ кладовыхъ Царя Сіамскаго покралъ нѣсколько казенныхъ денегъ. Осужденъ былъ проглотить двадцать чешыре золотника расплоеннаго серебра. Казнь произведена. Тотъ, кошорому велѣно было вынять остывшее въ горѣ серебро, не могъ удержаться, чшобъ не укрась нѣкошорой часпи. Залили горло и другому вору. Вынимая у него серебро шрешій Сіамецъ, не могъ не сдѣлать того же; но Царь его простилъ, сказавъ: „Довольно, инако же переморилъ бы я всѣхъ моихъ, подданныхъ одного за другимъ.“

Добрая вѣра хранится, какъ говорятъ, въ торговлѣ, но ростовщичество безпредѣльно: молчашъ о томъ

законъ. Скупость и сребролюбіе есть общіе пороки Сіамцовъ, тѣмъ паче гнусныя, что собирая богатство, не пользуются имъ, а прячутъ. Впрочемъ крошки, учтивы, малозаботящіеся что съ ними впередъ случится. Долго не вдаются гнѣву; когда же напослѣдокъ ими овладѣешь, то труднѣе ихъ укрощаешь, нежели Европейцовъ. Клевета у нихъ есть производительскрѣпной ненависти и мщенія. Имѣютъ отвращеніе ко всякому кроволитію; но въ смертельныхъ враждахъ владѣйски лишаютъ непріятелей своихъ жизни, или отправляютъ ядомъ.

Робкость, скупость, прищворство, угрюмость и ложь суть врожденные имъ пороки. Упрямы въ своихъ обычаяхъ сполько же по лѣности ихъ премѣнить, какъ изъ почтенія къ преданіямъ предковъ. Споль мало любовыпны, что не удивляются ничему. Горды съ тѣми, кому до нихъ нужда, а подлы съ презирающими ихъ. Коварны, непостоянны, какъ обычно всѣ люди, чувствующие свое безсиліе.

Въч-

Вѣчная сводится у нихъ дружба
пишьемъ аррака изъ одной чашки.
Хопяшъ ли ушвердишъ ее торжесшвен-
ною кляпвою, шо глошаюшъ нѣсколь-
ко одинъ другаго капель крови, шакъ
какъ дѣлывали вѣ старину Скиѣы, и
какъ дѣлаюшъ нынѣ Кишайцы и дру-
гіе народы. Однако же клятва сія не
удерживаетъ отъ предашельства друзь-
ямъ.

Ешъли изключитъ быковъ и буйво-
ловъ, шо домашній скотъ составляюшъ
слоны, которыхъ всякому позволено ло-
вишъ. Самцевъ никогда не холоспяшъ.
Возяшъ и вѣдяшъ обычайно на самкахъ.
Самцевъ упошребляюшъ на войнѣ. Зе-
мля ихъ неспособна къ содержанію
лошадей. Травы у нихъ болотныя и
жесшкія. Нѣмъ нужды холосшитъ
жеребцовъ, которые и безъ того очень
смирны. Не знаютъ, что такое ослы и
лошаки. Живущіе вѣ Сіамѣ Мавриша-
не покупаюшъ для себя верблюдовъ у
иностранцевъ.

Сказали мы уже выше, что Сіам-
ской Царь не держитъ у себя никогда
боль-

больше двухъ тысячъ лошадей, по-
 купая въ Батавіи: роспомъ малы и
 сполько же лѣннывы, сколько Яванскія
 лошади горячи. Бѣдитъ на слонахъ
 спавяшъ приличнѣ величію Царя, и
 способнѣйшими разумѣюшъ для войнъ.
 Слонъ защищаешъ своихъ сѣдоковъ:
 падающихъ съ себя, опять сажаетъ
 хобомъ на спину, непріятелей же
 топчетъ ногами. Ташардъ видѣлъ спо-
 явшаго на спражѣ у Дворца совсѣмъ
 вооруженнаго слона; лошадей же, по-
 добно вооруженныхъ, шамъ не бываетъ.
 Спойло для сего слона имѣетъ высо-
 кой отъ земли полъ и прилегаетъ ко
 внутреннимъ Царскимъ черпогамъ. Есть
 нарочная дверь, копорую отворя, спу-
 скаетъ Царь на спину сего живошнаго
 и садится. Бѣдя въ носилкахъ, по-
 добно же садится въ нихъ изъ другихъ
 нарочно сдѣланныхъ дверей, или дер-
 новыхъ уступовъ. Подданные не ви-
 дятъ никогда его выхода, кромѣ Двор-
 цовыхъ женщинъ.

Носилки Сіамскія ни мало не по-
 ходятъ на наши: четвероугольные и
 пло-

плоскіе спулья на шестахъ. Четыре, или восемь человекъ, смотря по достоинству несомого,носящъ на голыхъ плечахъ. Сполько же еще человекъ ходящъ съ первыми и смѣняющся. Есть такіе спулья съ ручками и спинками, какъ наши кресла; есть съ перильцами въ половину фута вышиною съ трехъ сторонъ, кромѣ передней, съ которой садятся. Сидящъ же на всякихъ такихъ спульяхъ съ поджашыми наперекрестъ ногами. Безъ кровель и съ кровлями. Французы, бывъ въ Сіамѣ, видали всегда Царя на слонѣ въ открытыхъ спереди носилакахъ, по сторонамъ же и сзади придѣланы были къ спулу его подобія большихъ древесныхъ листовъ, вызолоченныя, коихъ закраины выгнулись назадъ. Когда останавливался, то закрывааъ его отъ солнца нарочной пѣшій служитель высокимъ щипкомъ на шестѣ такомъ, какъ у копей: зубцы на немъ къ верху въ четыре дюйма поперегъ. Надобно быть самому сильному человеку, чтобъ сдерживать щипокъ въ рукахъ при вѣтрѣ. Сей родъ щип-

щипковъ не употребляется никѣмъ кромѣ Царя, зовущъ же его Пап-Букъ.

Видѣли чашатели въ первомъ спранспіи Ташарда, какъ садятся Сіамцы на слоновъ. Тѣ, которые хопящъ ими править сами, садятся на шею верхомъ, какъ мы на лошадей, безъ всякой подспилки. Бьютъ по головѣ желѣзнымъ, или серебрянымъ чеканомъ, по ближе къ правому, по къ лѣвому уху, по по срединѣ лба, поворачивающъ куда хопящъ и осанавливающъ. Слононь есть самое послушное животное гозосу челоуѣка: Естли же кто править имъ не хопетъ самъ, по, помѣщаясь на спинѣ; сажаетъ на шею служителя, которой кормитъ слона. Сажаяющъ иногда и по другому служителю на кресцѣ.

Въ далекіе пути вьдять больше водою въ лодкахъ, называемыхъ ими Балонами. Балонъ выдалбливается изъ одного дерева, длиною ошъ шестнашцаши до дватцаши сажень. Два челоуѣка на сидѣлкѣ поперегъ только что

что могутъ умѣспитъся съ поджашы-
 ми наперекрестъ ногами : "одинъ
 гребетъ и шаванитъ съ одной, а
 другой съ противной стороны. Весла
 у нихъ зовутся Пагаими, коропки,
 держатъ одною рукою за середку, а
 другою за конецъ. Не привязаны къ
 Балону. Гребущіе глядятъ напередъ,
 не шакъ какъ наши гребцы сидятъ
 всегда спиною къ той споронѣ, куда
 плывутъ. На одномъ Балонѣ бы-
 ваетъ иногда по сту по дваццати
 гребцовъ, на шестидесяти сидѣлакъ,
 въ шакомъ же положеніи, какъ упо-
 мянуто выше. У нижнихъ степеней
 чиновниковъ Балоны короче, слѣдова-
 тельно и меньше на ней гребцовъ,
 обычно отъ шестнаццати до двац-
 цати. Гребцы, работая веслами, поютъ,
 или лучше кричатъ въ шакту. Вся-
 кой разъ, опуская въ воду весла, дѣ-
 лаютъ размашки руками и плечами,
 сильныя, скорыя и не непріятныя
 глазамъ. Тягость гребцовъ вдавляетъ
 Балоны шакъ, что почти на равнѣ съ
 водою его закраины. Сила гребли про-
 изводитъ не прошивное колыханіе на
 кормѣ

кормѢ и на носу, кошорыя выше дѢлаюся середки: тогда изображающѢ Балоны шею и хвостѢ движущагося какого нибудь, большаго водянаго звѢря, а весла кажущя прѣями. За весломѢ на носу сидищѢ одинѢ, не можешѢ имѢшь другаго челоувѢка рядомѢ съ собою, не можешѢ и сидѢшь наперекрестѢ ногами, пошому чшо нужно ему, положи одну ногу на палку, высунушѢ вѢ одну спорону изѢ Балона. ОнѢ - то устанавляешѢ движеніе, дѢлаемое всѢми другими веслами. Весло его долѢе, нежели тѢ, ради того, чшо сидишѢ выше ихѢ опѢ воды. КормовымѢ весломѢ правишѢ одинѢ, споя на мѢстѢ, больше всѢхѢ возвышенномѢ. Весло его предлинное, неукрѢпленное ничѢмѢ къ кормѢ. ДержишѢ его прямою чершою надѢ водою и поворачиваешѢ то на право, то на лѢво.

Невольницы гребущѢ веслами на БалонахѢ у знатныхѢ женщинѢ. На обыкновенныхѢ БалонахѢ по срединѢ каюпа деревянная некрашенная. Во всякой такой каюшѢ можешѢ усѢспѢся

ся цѣлое семейство. Нѣкоторыя дѣлаютъ по малому еще подѣ нею чулану напередѣ. Многіе Сіамцы не имѣютъ иныхъ домовъ. Нарядные же Балоны, или Царскіе, кои называютъ Порпугальцы государственнымъ Балонами, не имѣютъ на срединѣ ничего, кромѣ стула поперегъ всего судна; сидѣть на нихъ могутъ по одному человекъ съ копьемъ и саблею. Мандарины нижней степени имѣютъ надѣ собою простой щипокъ отъ солнца. У Мандариновъ знаменіе шѣхъ сидѣлки выше и съ надѣлками по бокамъ, переплетенныя бамбуевою дранью и выкрашенныя чернымъ, или краснымъ. Красной цвѣтъ принадлежатъ Мандаринамъ правой, а черной лѣвой руки. Закраины надѣлокъ вызолочены на три, или на чепыре дюйма. Различіе сихъ позолотъ различаетъ степени знатности Мандариновъ. Есть сидѣлки съ надѣлками, покрываемыя разными тканьями; но вѣдятъ только на нихъ въ дождь. Управляющій Балономъ садится предѣ Мандарина, поджавъ наперекрестъ ноги. Когда

Часть VI.

Щ

пре-

проѣзжаетъ Царь мимо Балона, тогда Мандаринъ вскакиваетъ съ мѣста и повергается предъ своею сидѣлкою ничкомъ. Балонъ его долженъ стоять неподвижно, доколѣ Царь не уйдетъ изъ глазъ.

Сидѣлки и весла такъ называемыхъ государственныхъ Балоновъ золоченыя съ рѣзбою; надъ сидѣлками шпалбы, сходящіяся верьхами. У нѣкоторыхъ есть кровли отъ солнца. На Царскомъ Балонѣ четыре челоуѣка чиновниковъ: одни напереди его спула, а другіе позади. Суда сіи безмѣрно узки, легки на водѣ, гребцовъ на нихъ множество; а посему трудно изобразить, съ какою скоростью ходятъ противъ теченія, и сколь великолѣпное составляетъ зрѣлище порядкомъ великаго числа Балоновъ.

Носилками свойственно зовется въ Сіамѣ родъ кроватей, висящихъ почти до земли. Люди носятъ ихъ на плечахъ. Мало разнятся отъ шѣхъ Африкан-

риканскихъ носилокъ, которыя слы-
вуть шамъ Гомаками. Въ такихъ
повозкахъ позволяешся Вздить толь-
ко больнымъ, преспарблымъ и Евро-
пейцамъ.

Употребленіемъ солнечныхъ щип-
ковъ, называющихся Сіамцами Руэнь,
жалуетъ Царь не всякаго; Европейцы
же всѣ безъ исключенія пользуются
сею честію. Походятъ на наши. Кру-
глые почтеннѣе прочихъ щипковъ.
Со многими одна надъ другою покрыв-
шками не имѣетъ никую кромѣ Царя.
Круглыми съ одною накрышкою, но
у которыхъ по сторонамъ висятъ по
два и по три крашенныхъ лоскута,
одинъ другаго ниже, жалуетъ Царь
Санкрасовъ, или верховныхъ началь-
никовъ надъ Талапоинами. Такіе же
даны отъ него были Французскимъ
носламъ. Прямые не выгнувшіеся къ
верху щипки носятъ въ рукахъ ни-
жней степени Талапоины: дѣлаются
изъ одного пальмоваго лиспа, скру-
женнаго и собраннаго складками. Зо-
вуть ихъ Талапотами. Делуберъ ду-
Щ 2 маетъ,

маешъ , что отъ сего самаго произо-
шло названіе Талапоиновъ, подъ кото-
рымъ чужестранцы разумѣютъ Сіам-
скихъ духовныхъ; сами же Сіамцы
зовутъ ихъ Тшау - Ку.

На нашей памяти было въ Пари-
жѣ, что нѣкоторой человекъ привя-
зывалъ къ себѣ крылья, и отпѣды-
валъ, не можешъ ли лешать; но под-
нявшись на воздухъ упалъ въ рѣку.
Естли вѣрить Лалуберу, то лучшій
полученъ былъ успѣхъ въ Сіамѣ. Ви-
дѣлъ онъ одного Сальшинбанка, бро-
сившагося съ бамбуеваго дерева на
двухъ солнечныхъ щипкахъ, ко-
ихъ рукоятки привязаны были къ
его поясу. Носило его въпромѣ, по
спуская на землю, по подымая на
деревья и кровли домовъ, то зано-
сило въ рѣку. Царь столько былъ
упѣшенъ симъ зрѣлищемъ, что по-
жаловалъ лешуна Мандариномъ.

Бумажныя спускныя змѣи, или
Сіамскіе Вао, служатъ зимнею заба-
вою при всѣхъ Индѣйскихъ Дворахъ.
ВЪ

Въ Сіамѣ привязываютъ къ нимъ зажженные фонари, и кажутся на небѣ звѣздами. Кладутъ въ фонари по золотой монетѣ въ даръ тому, кто същещъ эмѣя, когда оторвется нить. Царскаго эмѣя спускаютъ на всякую ночь чрезъ два зимніе мѣсяца. Многіе Мандарины опредѣляются посмѣнно держать нитку.

Отъ Лалубера мы знаемъ, что на общенародныхъ Сіамскихъ позорищахъ предсавляютъ при рода игрищъ: Конь есть многокрасныя одно за другимъ явленія плясуновъ по музыкѣ. Пляшутъ же со оружіемъ въ рукахъ и въ маскахъ. Меньше походятъ на пляску, нежели уподобляюща сраженію. Тѣлодвиженіе плясуновъ тяжкое и спранные; выговариваютъ между шѣмъ нѣсколько словъ. Маски надѣваютъ опвращишельныя, изображающія или уродливыхъ живошныхъ, или чершей.

Другое игрище зовется Лаконъ и состоитъ въ выкрикиваніи стиховъ

эпическихъ и драматическихъ. Забава сія продолжается по три дни сряду, отъ осьми часовъ послѣ полуночи до семи по полудни. Содержаніемъ стиховъ бывають какія нибудь повѣсти, по большей части важныя. Послѣ прочтенія повторяются на распѣвъ особыми для того пѣвчими. Одинъ представляетъ лице сочинителя повѣсти, а другіе пѣхъ людей, о которыхъ въ ней упоминается.

Рабамъ, пляска мужчинъ съ женщинами, означающая дѣйствіе любовной спраси. У плясуновъ и у плясесей надѣшны на пальцы ногги изъ красной мѣди. Пляшущіе и припѣвающіе, не упоминаются никогда, потому что пляска ихъ состоитъ въ тихой ходьбѣ кругомъ безъ всякаго напрягательнаго движенія, нѣсколько коверкаясь пѣломъ и размахивая руками. Въ продолженіе пляски два особыя дѣйствующія лица забавляють зрителей смѣшными шутками и сказками: одинъ мужчинъ, а другой женщинъ.

Схо-

Сходятся Сіамцы смотрѣшь борь-
бы, кулачнаго и локошнаго бою.
Удальцы послѣдняго рода обвивають
у себя руки въ три и четыре ряда
веревками, вмѣсто шѣхъ извѣстныхъ
шолсныхъ и долгихъ перчашокъ, ко-
порыя надѣвали на себя древніе наши
единоборцы; сверхъ веревокъ надѣ-
вають также, подобно Лаосцамъ,
мѣдныя кольца.

Ристаніе быковъ забава стран-
ная. Очерчивають мѣсто чешверо-
угольное, въ длину около пяти сотъ,
а поперегъ въ двѣсти сажень. Че-
тыре столба врывають по угламъ
мѣста; около сихъ столбовъ бѣгають
быки. На срединѣ мѣста возвышен-
ное крыльцо со ступенями со всѣхъ
сторонъ, гдѣ глядяшь на шакой бѣгъ
и судяшь. А чтобъ точно вѣдать,
откуда начинашь бѣгъ, ставяшь пре-
высокой столбъ. Пускають двухъ
быковъ, у каждаго по сторонамъ бѣ-
гутъ по два человека, держа въ ру-
кахъ веревки, коихъ концы проша-
нушы сквозь ноздри быковъ. Дорогою,

въ нѣкоторомъ извѣстномъ разспо-
яніи, стояшъ свѣжіе люди, и смѣ-
няюшъ уставшихъ бѣжашъ. Но чаще
бѣгаются на двухъ плугахъ, въ ко-
шорыхъ запряжены по два быка,
правимыхъ каждая пара своимъ воз-
ницею, шакъ чшобъ сошникомъ не
допускалъ никогда коснуться къ зем-
дѣ. Особо бѣгушій у плуга человѣкъ
смѣняенся по вышеписанному.

Хотя съ обоими плугами бѣгушъ
быки въ одну спорону кругомъ стол-
бовъ по угламъ ристалища, но не съ
одного мѣста начинаюшъ бѣгъ. Одинъ
плугъ начинаетъ оной съ спороны, а
другой съ другой, чшобъ одному за
другимъ послѣдовашъ. Между ими
тогда цѣлая половина дороги, по ко-
шорой имъ бѣжашъ. Бѣгаюшъ до-
шолъ, пока одинъ другаго не до-
гонитъ. По обѣимъ споронамъ до-
роги спояшъ зришели; многіе бѣюшя
объ закладѣ, особливо же знашные
люди, содержашіе у себя шакихъ
бѣгуновъ.

Бѣга-

Бѣгаются и на буйволахъ.

Сіамцы любящъ играть въ деньги, Случается, что проигрываютъ не только все имѣніе, но вольность свою и дѣшей своихъ. Всякой иной игрѣ предпочитающъ шавлеи; играющъ какъ мы, можетъ быть научась у Португальцовъ; въ шашки же какъ Кишайцы и какъ Европейцы. Да и мы сами оспдаемъ изобрѣшеніе сей игры Восточнымъ народамъ. Отважныхъ игоръ много, но картъ не видывалъ Далуберъ.

Куришь табакъ въ обычаѣ не только у мужчинъ, но и у знатныхъ женщинъ. Мало нюхаютъ. Хотя много родится шамъ табаку, но выписываютъ его изъ Манильскаго острова и Китая. Курятъ не вываривая; Кишайцы же и Мавришане чрезъ воду, уменьшая шѣмъ силу табаку. Подобное упражненіе праздныхъ людей пошому наипаче нужно Сіамцамъ, что оспслуживъ Царю, каждой свои полгода, не знаютъ что дѣлать оиъ скущи: мало упражняются въ какомъ ни-

Щ 5

будь

Будь ремеслѣ. Пищу гоповяшѣ и по-
даюшѣ имѣ мапери, жены и дочери ;
онѣ же пашушѣ землю, покупаюшѣ и
продаюшѣ, словомѣ, исправляюшѣ всѣ
домашнія работы. Жена, по свидѣ-
тельствспву Далубера, будитѣ мужа сво-
его отѣ сна вѣ семь часовѣ по полу-
ночи, поставивѣ предѣ него рыбу и
сарацинское ишено. Онѣ позавтракавѣ,
переворачивается на другой бокѣ и
опяшѣ засыпаетѣ. Обѣдаетѣ вѣ пол-
день, ужинаетѣ вѣ сумерки. Чѣмѣ
же проводитѣ онѣ время между обѣ-
да и ужина? Сномѣ. Не можешѣ
ли уже больше спать, шо занимаешѣ
разговорами со знакомыми, игрою,
или куреніемѣ табаку.

Дворцы Царя Сіамскаго окружены
тройнымѣ заборомѣ. Сіамскіе дворы
пространнѣе прочихѣ. На внутрен-
номѣ дворѣ находяшся Царскіе черто-
ги, нѣскольکو малыхѣ дворовѣ и сады.
Сей внутренній дворѣ зовется Вангѣ, а
весь Дворецѣ со своими принадлеж-
ношьями Прасатѣ. Никакой Сіамецѣ
не входитѣ и не выходитѣ изѣ Ван-
га не ползкомѣ.

Врата

Врата Дворца всегда заперты, у каждахъ приврашникъ со оружіемъ, но лежащимъ въ его спорожкѣ. Если кто дослучится, потчасъ докладываетъ онъ начальствующему надъ первымъ дворомъ, и безъ его позволенія не впускаетъ ни шуда, ни сюда. Никогда же не пропускаются люди вооруженные, ни пившіе арракъ. Чиновникъ осматриваетъ, нѣтъ ли у кого оружія и не пахнетъ ли изъ рта хмѣльнымъ. Сей чиновникъ днюетъ суши, смѣнившись же можетъ оплутаться въ домъ свой. Зовутъ его Ок-Менингъ - Тшіу и Пра - Менинг - Тшіу, по естъ главной надзирашель, или правешель Ванга. Въ вѣдомствѣ Ок - Я - Ванга всякія починки Дворца, наблюденіе внушренняго порядка и расходы стола Царскаго, его женъ, скопцевъ и всѣхъ живущихъ въ Вангѣ.

Между первыми двумя дворами, подъ особымъ родомъ навѣса, сидятъ военные люди безъ оружія, изъ числа шѣхъ, кошорыхъ называютъ Кенле, или крашенныя руки. Писали уже мы
объ

объ нихъ выше. Ихъ начальникъ съ крашеными же руками зовелся Онкаракъ. Онъ и его подчиненные суть Царскіе палачи, подобно чиновникамъ и воинамъ Преторіанскаго когорта прежнихъ Римскихъ Императоровъ. Близъ того мѣста, гдѣ они сядяшъ, есть нарочная камера, наполненная мучительскою сброею на всякой случай. Они же и Царскіе гребцы; не имѣетъ Царь кромѣ ихъ другой пѣшей стражи. Служба ихъ переходитъ наслѣдственно къ ихъ дѣтямъ, такъ какъ и прочія службы царства сего. По древнему закону положено имъ число шести сотъ человекъ.

Далуберъ позабылъ, какъ зовутъ чиновника, которой одинъ имѣетъ право не повергаться предъ Царемъ. Должность его, не спуская глазъ, глядѣть на Царя и исполнять его повѣдѣнія, даемыя знаками, чрезъ знаки же своимъ подчиненнымъ.

Женщины суть истинные коммашные Царскіе служители. Предпо-
чши-

чпшшешельно предѣ скопцами позволено имѣ входишь къ Царю, когда хошашь. Спешюшь ему поспешю, варяшъ кушанье, служашъ ва споломѣ , одѣвающъ и раздѣвающъ , но не прикасаясь однако же къ головѣ его. Поставщикиносяшъ припасы къ скопцамъ, а скопцы сдаютъ дворцовымъ женщинамъ. Поварихи кладушъ соль и всякія приправы вѣсомѣ, чшобѣ не переложить, или не положить мало.

Женщины выѣзжаютъ изъ Дворца только за Царемъ; да и скопцы безъ особливаго Царскаго повелѣнія не могутъ оплучаться. Скопцевъ бѣлыхъ и черныхъ, по счету Далубера, не больше десяти.

Сіамская Царица сверхъ сего свдего названія, опличающаго ее отъ прочихъ Царскихъ женъ, имѣетъ какъ надъ ними, такъ и надъ скопцами самодержавную власть. Судитъ ихъ распри и наказываетъ, но любимица Царская остается всегда безопасною отъ ревности ея и зависти.

Наби-

Набирають въ Сіамѣ двѣвокъ служить въ Вангѣ и для Царской поспѣли. Родители не охотно соглашаются отдавать, ради того, что не увидяшъ уже ихъ никогда. Большая часть опкупаются деньгами. Чиновники, на коихъ возложенъ сей наборъ, записываютъ нарочно богатыхъ двѣвокъ, чтобы обогатиться скунами.

Женъ у Царя, кромѣ Царицы, не больше десяти. Беретъ не столько для сожитія, какъ изъ чванства, чтобы было ихъ много. Сіамцы крайнѣ удивились, услышавъ, что Король Французской, Государь, столько могущественной, не имѣетъ больше одной жены, и что нѣтъ у него слоновъ.

У Царицы свои слоны, свои Балонны, или лодки. Видима только своими служишельницами и скопцами. Пробъжаясь на лодкѣ, или на слонѣ, садится на закрытомъ со всѣхъ сторонъ занавѣсками спулѣ. Видны ей всѣ, а она никому. Встрѣчающіеся должны ложиться на землю ничкомъ.

Свои

Свои у ней кладовыя, свои морекія суда, свои доходы, свои шорги.

Царевны не наслѣдуютъ царствомъ. Едва соприсчисляюща къ степени свободныхъ людей. Наслѣдникомъ престола по закону долженъ быть старшій сынъ Царицы, однако же часто воцаряется старшій изъ всѣхъ Царевичей. Сильная сторона одерживаетъ верхъ. Сами Цари учиняютъ невѣрнымъ наслѣдство, избирая преемникомъ своимъ сына той изъ своихъ женъ, копорую больше любящъ.

Въ Сіамѣ нѣтъ Канцлера. Всякой чиновникъ, имѣющій право давать письменныя повелѣнія подъ общимъ названіемъ Таво, имѣетъ Царскую у себя печать. Самъ же Царь собственную свою печать не ввѣряетъ никому и закрѣпляетъ ею указы, непосредственно отъ него исходящіе. Печати Сіамскія высоки: намазываютъ бумагу густыми красными чернилами и писнятъ изображенія. Подчиненной чиновникъ намазываетъ, а начальствующій чиновникъ писнитъ.

у

У Пра-Кланга, или, по поврежденію Португальцами сего слова, у Баркалона въ вѣдомствѣ внутреннихъ и вѣншихъ государственныхъ торговля, всякія Царскія кладовыя. Слово Пра-Клангъ есть сложное: Пра, значить властителя, а Клангъ кладовую, вообще же властителя кладовой. Вѣдаетъ онъ двѣ чужестранныя ради того, что смѣшаны съ торговлею. Всякой въ Сіамѣ пришлецъ ему подаетъ прошеніе о своихъ нуждахъ. Къ нему въ руки приходятъ всѣ государственные доходы.

Торги Царя съ подданными его и чужестранными приносятъ главную часть доходовъ. Торгуетъ онъ не только оптомъ, но и въ розницу, въ лавкахъ и на рынкахъ.

Между шоварами первое занимаютъ мѣсто бумажныя полотна. Наполнено у него ими множество кладовыхъ внутри государства. Прежде сего Цари Сіамскіе дѣлали опшунки бумажныхъ полотенъ въ свои
кла-

кладовыя чрезъ каждыя десять лѣтъ, а при томъ и такъ умѣряя ихъ количество, чтобъ доставалось торговать ими и частнымъ людямъ, послѣ того, какъ раскупяшся изъ его кладовыхъ; нынѣ же непрестанно ихъ подвозятъ и больше, нежели можетъ разойтись въ продажу. Случается и то, что Цари для большаго расхода бумажныхъ положенъ принуждаютъ подданныхъ надѣвать на дѣшею плашья прежде положеннаго законами возраста. Доколѣ Голландцы не завели своей торговли въ царствѣ Лаоскомъ и другихъ смѣжныхъ областяхъ, дошолъ одни Сіамскіе Цари торговали симъ товаромъ съ великимъ барышемъ.

Торгъ родомъ мѣталла, называемаго Калинъ, принадлежитъ также одному Царю, кромѣ доставаемаго на Юн-саламскихъ рудникахъ, что близъ Бенгальскаго залива. Тамошніе береговые жители пользуются спаринными своими правилами, плашя небольшую пошлину въ Царскую казну.

Часть VI.

Ъ

То-

Тоже самое и съ слоновою костью: подданные обязаны продавать ему все оспающееся за ихъ расходомъ. Чужеземцы не могутъ нигдѣ достать купить слоновой кости, кромѣ Царскихъ кладовыхъ, Селипрою, свинцемъ и сапаномъ Царь также торгуешь.

Арреку, коей сподъ много отпускается изъ Сіама, всю у подданныхъ своихъ скупаешь онъ и продаешь иностранцамъ.

Запрещеннымъ товаромъ почитается сбра, огнеспрѣльной порохъ и всякое оружіе. Не продаютъ и не покупаютъ иначе, какъ изъ Царскихъ кладовыхъ. По силѣ заключеннаго съ Голландцами договора продаются имъ однимъ эвбриныя кожи; но частные люди продаютъ ихъ шайкомъ гораздо дешевле.

Кромѣ описанныхъ теперь вещей прочими торговать вольно всякому Сіамцу: продаютъ они сарадинское пшено, рыбу, соль, нечистой сахаръ

и

и сахаръ также леденецъ, янтарь, желѣзо, красную мѣдь, воскъ, смолу, жемчужныя раковины, пшичьи гнѣзды, коими приправляютъ пищу и кои достаютъ изъ Тонкина и Кохингина; гумигушъ, ладанъ, деревянное масло, кокосовые орѣхи, корицу, Ненюфаръ, Касю, шамаринъ и иныя произрашенія свои и чужестранныя. Всякому вольно варить и продаванъ соль, ловить звѣрей, птицъ и рыбу. Общенародное благочиніе наблюдаетъ только, чтобъ на такія ловли не исходило раззорительныхъ издержекъ.

Талапоинки, или женщины, вступившія въ Сіамское иночество, ведутъ ^{Тала-} ^{поинк-} споль же спрогую жизнь, какъ и Талапоины, живутъ вмѣстѣ съ послѣд- ^{Тала-} ^{поин-} ними. Состояніе сіе избираютъ въ старости, слѣдовательно и не происходитъ безпорядковъ отъ общежительства двухъ половъ.

Нены, или ученики Талапоиновъ, живутъ по кельямъ, избраннымъ ихъ родителями. Одинъ Талапоинъ не мо-

жешъ братель кѣ себѣ больше шрехъ учениковъ. Многіе Нены спарвѣются въ семъ званіи, и тогда называютъ ихъ Ташенъ. Между прочимъ обязаны вырывать праву, распушую на монашырскомъ дворѣ: Талапоины дѣлать по вмѣняющъ въ грѣхъ. Нены служатъ каждой тому Талапоину, у кого живешъ подѣ надзираніемъ. Уподобить ихъ можно нашимъ монахамъ въ искуствѣ. Учишься сходятся въ превеликую бамбуевую камеру. Въ каждомъ монашырѣ есть другая камера не меньше той; въ нее приносятъ народъ милостину, въ ней же держатъ Талапоины свои совѣшны.

У монашырей деревянныя колокольни, зовутъ ихъ Горакангъ, всякая съ однимъ желѣзнымъ колоколомъ; спущатъ въ него деревяннымъ молотомъ.

Монашырь имѣетъ своего Тшау-Вашъ, или настоятеля. Настоятели монашырей не въ равной степени. Верховные Тшау-Вашы зовутся Санкра-

крашами; надъ ними же и надъ всемъ духовенствомъ начальствуетъ придворной Санкрашъ. По духовнымъ дѣламъ одинъ другому не подчинены. Безъ того бы споль великое множество духовныхъ, имѣя надъ собою власнишеля, были опасны государству. Проповѣдники Христіанской вѣры Санкрашовъ уподобляютъ нашимъ Епископамъ, а настоятелей Игумнамъ.

Знапнѣйшимъ Санкрапамъ даетъ Царь особое имя, щипокъ отъ солнца, носилки и носильщиковъ, съ тѣмъ однако же, чтобъ всемъ тѣмъ пользовались вѣдя шолько во Дворецѣ.

Смыслъ ихъ уславовъ состоитъ въ томъ, чтобъ молились за грѣхи вѣрныхъ, приносящихъ къ нимъ милостину. Талапоины не вѣдятъ за общею прапезою. Наблюдаютъ госшепримство въ разсужденіи свѣтскихъ людей, не исключая и Христіянъ. У каждаго монастыря построены двѣ клѣшки для успокоенія прохожихъ.

Въ Сіамѣ, такъ какъ и по инымъ мѣстамъ Индіи, два рода Талапоиновъ: живущіе въ лѣсахъ и по селеніямъ. Первые ведутъ жизнь споль трудную, что была бы несносна во всякомъ не такъ жаркомъ климатѣ челоѣку, Тѣ и другіе обяваны не покидать состоянія безженства, доколѣ не покинутъ званія Талапоиновъ. Нарушающихъ сіе сожигаютъ. Царь не прощаетъ никогда имъ сей вины; безъ того бы всѣ его подданные сдѣлались Талапоинами, слѣдовательно и освобожденными полугодовыхъ на него работъ и всякихъ общежительныхъ тягостей. На такой же точнo конецъ приказываетъ онъ ихъ свидѣтельствовать въ знаніи Балискаго языка и писанныхъ на немъ книгъ. Въ прибытіе Французовъ многіе тысячи Талапоиновъ учинены свѣтскими людьми по сей послѣдней причинѣ. Свидѣтельствовавъ тогда ихъ по Царскому указу Ок - Луанг - Суракакъ, припцашилѣтній Мандаринъ; но лѣсные Талапоины опрелись отвѣчать и подчиниться свѣтскому челоѣку.

Тала-

Талапоины толкують народу учене, замыкающееся въ ихъ книгахъ. Дни проповѣдей ихъ суть впорыя по новолуніи и полнолуніи; ежедневно же отъ шести часовъ утра до полудни, и отъ другаго часу до шестаго по полудни чрезъ всякое наводненіе рѣки отъ дождей. Сказывающіе поученіе сидящѣ въ высокихъ креслахъ, поджавъ наперекрестъ ноги. Многіе одинъ другаго смѣняють. Народъ прибѣженъ къ молебницамъ. Всякой разъ, какъ кончился поученіе, каждой слушатель, сказавъ на Балискомъ языкѣ два слова, значущія: такъ милосливой государь, вручаетъ проповѣднику милосшину. Талапоинъ, часщю толкующій народу книги, обогащается скоро. Время наводненія рѣки прозвали Европейцы посщомъ Талапоинскимъ. Не ѣдятъ они погда отъ одного до другаго полудни, кромѣ что жуютъ щолько бешель и по вечерамъ ѣдятъ плоды. Индѣйцы вообще воздержны въ пищѣ, Могутъ постщипься долго съ помощію самаго малаго количества пищья, всыпая въ не-

го порошокъ изъ нѣкопорога горькаго дерева.

По снятіи жашвы сарацинскаго пшена, Талапоины живутъ по три сряду недѣли на поляхъ въ чешверобочномъ селеніи изъ шалашей, нарочно ими спроекты. Настоятельскій выше всѣхъ прочихъ шалашъ спавится по срединѣ. Днемъ ходятъ въ свое обычайное мольбище и спятъ въ свои кельи. Для чего же сіе бываетъ, не имѣемъ мы до сего времени объясненія отъ странствователей, ниже о томъ, что знаменуютъ сто и восемь зеренъ на ихъ чепкахъ, по которымъ они молятся на Балискомъ языкѣ. Ночи проводятъ въ шалашахъ на полѣ безъ сна; не раскладываютъ огня въ прогнаніе дикихъ звѣрей, безъ чего не ночуютъ никогда Сіамцы въ сельбищѣ; да и принимаютъ народъ чудомъ, что остаются они безвредны. Дѣсныя Талапоины въ равной же живутъ отъ нихъ безосторожности: нѣтъ у нихъ ни оградъ, на капищѣ. Черны вѣрять, что шигры, слоны, едине-

единороги и львы приходящѣ къ нимъ соннымъ лизашъ руки и ноги. По мнѣнію Лалубера заходящѣ сіи опшельники ночевашъ въ самыя непроходимѣйшія мѣста лѣсовъ и шѣмъ шолько оснаюшся цѣлы отъ звѣрей, „ а къ тому же, продолжаетъ сей спран- „ ствовашель, найдеть ли кто въ лѣсу „ остатки сѣвденнаго человѣческаго „ шѣла, то никакъ не вѣрятъ, что бы- „ ло шѣло Талапоина; опознавъ же „ оное такимъ, не сомнѣвается, что „ былъ недостоинъ святаго сего за- „ нія. „

Ходящѣ, также какъ чернь, босы, съ непокрытыми головами и въ ша- кихъ же передникахъ, шолько жел- тыхъ. Запрещено имъ носить кисѣй- ныя шамошнія рубашки и полукаф- танья. Милоспину собираютъ въ же- лѣзныя лахани, попомъ складываютъ въ холщинныя сумы, копорыя висятъ у нихъ на лѣвомъ плечѣ на веревкѣ, завязанной на правомъ плечѣ.

Брѣютъ головы, брови и бороды. Родъ щипковъ отъ солнца, называе-
 ь 5 мыхъ

мыхъ Талапатъ, не выпускають изъ рукъ. Вышніе Талапоины брѣются сами. За грѣхъ поспавляютъ касаться руками къ начальническимъ головамъ. Того же ради брѣють не молодые старыхъ Талапоиновъ, а послѣдніе первыхъ. Бришвы у Сіамцевъ мѣдныя.

Брѣются въ дни наводненія и полнолунія. Духовные и свѣтскіе проводятъ ихъ въ постѣ, сирѣчь не ѣдятъ послѣ полудни, не ловятъ рыбы, не по тому чѣтобъ не работашъ: всякая работа позволена въ сіи дни; но думаютъ, что упражненіе сіе не совсѣмъ безгрѣшно, или безвинно. Въ щѣ же самые дни носятъ къ Талапоинамъ въ ихъ монастыри разное подаеніе: деньги, плоды, передники, и пригоняютъ къ нимъ скотъ. Талапоины ѣдятъ мертвую скотину, но только шакую, копорая бы умерла у нихъ въ монастырѣ. Такую же ѣдятъ и рыбу. Принесенную живую рыбу сажаютъ въ нарочные свои пруды и снующую вышаскивая употребляютъ въ пищу.

Причѣ

Приносимое въ жертву идолу должно отдавашь въ руки Талапоиновъ. Они уже кладутъ на жертвенникъ, оставляющъ лежатъ сколько хотящъ, и употребляютъ по своему же разсужденію. Восковыя зажженные свѣчи молебниками приблпляютъ къ идоловымъ колбнамъ. Всякія кровавыя жертвы запрещены тѣмъ же закономъ, которой запрещаетъ умерщвлять животнохъ.

Въ пятое новолуніе года Талапоины моютъ идола благовонными водами [кромѣ головы изъ почщенія]. Потомъ моютъ своего Санкраша, а просиой народъ собирается мыть другихъ Санкрашовъ и всѣхъ Талапоиновъ. Въ семействахъ дѣши дѣлаютъ тоже съ родителями, сыновья и дочери безъ разбора ошцевъ и маперей. Обычаю сему слѣдуютъ Лаосцы, съ тою только разностию, что моетъ народъ и Царя своего въ рѣкѣ.

Нѣтъ у Талапоиновъ боевыхъ и никакихъ часовъ. Мыть начинаютъ, какъ

какъ разсвѣнетъ, столько, что можно видѣть на рукахъ жилы, дабы инако не умершвить въ темношѣ какого нибудь несѣкомаго. Колокола будятъ ихъ до свѣта, однако же вспають не рано. Первая молитва длинися два часа; ходитъ къ ней и ихъ настоятель. Поютъ, читаютъ на Балискомъ языкѣ, сидя, наперекрестъ ноги и размахивая Талапашами, или чешками, какъ опахалами въ жары. Каждой слогъ пѣнія и чтенія произносятся съ разстановкой и въ одинъ голосъ. Входя въ капище, повергаются трижды предъ идоломъ.

Послѣ сей молитвы разсѣвающа по селенію для милоспины и черезъ часъ приходятъ назадъ. Шедъ изъ монастыря и возвратившись, дѣлаютъ настоятелю земной поклонъ, а онъ сидя беретъ обѣими руками одну изъ ногъ своихъ и кладетъ поклонившемуся на голову. Проситъ милоспины подходящъ къ врачамъ дома, не говоря ни слова, и отходящъ также хотя бы не подали ничего, что однако же
слу

случается рѣдко. Собственная ихъ родня довольно снабжаетъ ихъ нужнымъ для пропитанія. За монастыри ихъ имѣютъ сады, пашенныя земли и работниковъ. Недвижимыя ихъ имѣнія свободны отъ всякихъ податей. Царь не можетъ съ нихъ ничего взять, доколѣ письменнo не опшиметъ себѣ.

Обходивъ по селенію за милостивою, завпракаютъ, упражняются въ ученіи и занимаются кшо чѣмъ хочешъ по своей склонности, или вкусу, до полудни, то есть до обѣда. Послѣ полудни учашъ юныхъ своихъ Талапоиновъ и спятъ. Подъ вечеръ мешутъ капище, на послѣдокъ также по уграмъ два часа молятся, поя и читая. Ежели ужинаютъ, то только одни плоды. Хотя весь день заняты у нихъ такимъ образомъ положенными упражненіями, однако же находятъ время прогуливаться: не бываетъ того, чшобъ на всякой улицѣ не попадались Талапоины.

Сверхъ

Сверхъ работниковъ земледѣльствующихъ каждой монастырь имѣють многихъ слугъ, называемыхъ Тапаку. Носятъ одежды однимъ покроемъ съ Талапойнами, но бѣлаго цвѣща. Должность ихъ принимать деньги, даемыя Талапойнамъ, которыя они брають въ руки спавятъ за великой грѣхъ, и хозяйствовать во всемъ помъ, въ чемъ запрещено законами Талапойнамъ.

Сіамецъ, желающій вступить въ духовное сіе званіе, приходитъ къ настоятелю котораго нибудь монастыря. Надѣтъ духовную одежду имѣють власть только Санкрапы. Назначаютъ они день принятія желающаго.

Состояніе Талапойновъ есть состояніе завидное. Обязываетъ пробывать въ немъ сколько кто захочетъ. Нѣтъ родиселей, которые бы не съ радостію отдавали въ оное дѣтей своихъ, коихъ отводятъ въ монастыри съ музыкою и плясками. Вспупаютъ въ храмы, куда возбраненъ входъ женщинамъ и музыкантамъ. Брѣютъ имъ головы и брови;

брови; Санкрапъ подаютъ имъ духовныя одежды, въ копорыя сами они облакаются по верхъ прежнихъ своихъ передниковъ; Санкрапъ между тѣмъ читаетъ приличныя молишвы. Новой Талапоинъ провождается до назначенной ему кельи. Родственники его дають въ ней пиръ всѣмъ Талапоинамъ того монастыря. Опъ сего самаго дня не долженъ онъ слушать никакой музыки и не быть на общенародныхъ зрѣлищахъ.

Талапоинки по Сіамски зовуся Нанг - Тши. Духовную свою одежду бѣлую, какъ у Тапакуевъ; не принимаютъ опъ рукъ Санкраповъ, а для того и не совѣмъ монахинями разумѣются. Настоятель какого нибудь монастыря предсѣдаетъ при посвященіи ихъ и при принятіи молодыхъ дѣвокъ по примѣру опроковъ. Дѣвки должны отказаться на весь свой вѣкъ отъ замужства. Поползновеніе ихъ меньше наказывается, нежели Талапоиновъ мужеска пола: сихъ жгуть живыхъ; а тѣхъ отсылають къ родинѣ.

дителямъ, чшобъ. побили ихъ палкою. Обоихъ половъ Сіамскіе Талапоины не могутъ никого бить сами.

Санкраты и Тшау - Вапы избираются въ монастыряхъ по большинству голосовъ. Избраніе упадаешъ всегда или на самага спараго, или на самага ученаго Талапоина. Сіамецъ, построивъ капище своимъ иждивеніемъ, назначаетъ самъ кого нибудь изъ престарѣлыхъ Талапоиновъ въ настоятели, кошорой созываетъ попомъ въ общежительство другихъ Талапоиновъ и соспавляется монастырь. Для каждаго новаго брата спроятъ новую келью.

Не легко изъяснить богослуженіе Талапоиновъ и вообще вѣру Сіамцевъ. Ташардъ называетъ ее чудною, и что не зная Балискаго языка, совершенно знать ее не можно. Языкъ же сей извѣстенъ малому числу искусныхъ Талапоиновъ, провождающихъ вѣкъ свой учась оному. Но ревность Христіанскихъ проповѣдниковъ превоз-

возмогла сіе препяшслвіе. Вошѣ что они нашли, по свидѣшельству Ташарда, посреди шоликаго мрака.

Сіамцы вѣрятѣ единому Богу, разумѣя подѣ великимѣ симѣ именемѣ сліяніе двухѣ существѣ души и шѣла; что свойственнее Богу дѣло помогашѣ человѣкамѣ; что помощь сія соспоишѣ вѣ поданіи имѣ закона, вѣ предписаніи правилѣ, какѣ веспи благоую жизнь, вѣ насшавленіи ихѣ вѣ истиной вѣрѣ и наукахѣ, имѣ нужныхѣ; что совершенства Божіи сущѣ собраніе всѣхѣ нравственныхѣ добродѣтелей вѣ самой высочайшей степени, изощряемые непрестаннымѣ его и несмѣшнымѣ воплощеніемѣ изѣ одного вѣ другое шѣло; что непричасненѣ спрастямѣ; что чуждѣ чувствованій, могущихѣ поколебашѣ его спокойство; что прежде нежели достигнулѣ до сего вышесшественнаго состоянія, неослабно прилѣжалѣ побѣждашѣ спрасти свои, и опѣ шого кровь вѣ немѣ, время опѣ времени спановясѣ бѣдѣ, сдѣлаласѣ наконецѣ бѣдая, какѣ моло-

Часть VI.

Ы

ко;

ко; что можетъ по благоизволенію являться глазамъ людей и быть невидимъ; что дѣятельность его превосходитъ понятіе: съ одного на другой край вселенной можемъ пренестись во мгновение; знаемъ все, знаемъ же не помощію сличенія вещей и выводимыхъ изъ того заключеній, какъ какъ мы нѣчто знаемъ можемъ, но обзрѣваемъ вдругъ и съ полною ясностію правила закона, пороки, добродѣтели, самыя сокровеннѣйшія таинства естества, прошедшее, настоящее и грядущее, рай, адъ, всѣ части сложения міра, зримаго нами, и всѣхъ міровъ, намъ невѣдомыхъ; число помнишь все случившееся съ нимъ отъ перваго по самое послѣднее его воплощеніе; умираешь наконецъ, заступаетъ его мѣсто новой Богъ. Владычествованіе каждаго продолжается нѣкопоре извѣстное число лѣтъ, доколѣ между лѣтъ наполнится число избранныхъ его. Но смерть его не есть уничтоженіе его существа, а успокоеніе вѣчное. Новой Богъ наследуетъ ему во всѣхъ его правахъ, и начинается подоб-

подобно ему владычествовать міромъ:

Что человеки могутъ быть богами; но доказавшіе долговременными и непрерывными опытами совершенно добродѣтельной жизни. Не довольно того, что душа такого человека во всѣхъ тѣхъ тѣлесахъ, кои ею были оживляемы; множество понадѣлала благихъ дѣлъ; но чтобы во всякомъ своемъ дѣяніи имѣла цѣлью удостоиться спастись Богомъ; пріемля во свидѣтелей Ангеловъ; начальствующихъ надъ четырьмя народами вселенной; чтобы лили они воду, призывая въ помощь Ангела, спасающаго всю землю, именемъ Наанг - Орапо - Рани. [Ангелы по ихъ мнѣнію суть двухъ половъ.] Каждой; спарающійся спастись Богомъ; тщательно наблюдаетъ исправленіе сего обряда:

Подъ Богомъ, существомъ всевысочайшимъ и всесовершеннымъ; полагаютъ состоянія блаженныхъ. Чтобы достигнуть до сего состоянія; довольно, если душа человека чрезъ

всѣ прехожденія изъ тѣла въ тѣло держалась добродѣтели, и каждое изъ нея дѣяній имѣло метою своею свяшосць; что свойства соснояннїа блаженныхъ сущь тѣ же, какъ и Божескія, съ равносшїю: Богъ имѣетъ ихъ самъ по себѣ, а они получаютъ его наспавленїями. Свяшосць блаженныхъ тогда шолько естъ полная, когда умирають они и уже не возраждаются. Души ихъ тогда помѣщаемы бывають въ раю вкушашь безконечное блаженство.

Сїамцы ввряшъ наказанїю за пороки, а за добродѣтели наградамъ. Рай поспавляютъ на превысиреннемъ небѣ, адъ же въ средопочїи земли. Тотъ и другой по мнѣнїю ихъ не вѣчны. Адъ раздѣляютъ на девять жилищъ съ разными въ каждомъ муками; рай на восемь жилищъ, или степеней блаженствъ. Умспвуютъ, что небо также управляетъ, какъ и земля; что естъ на немъ спраны, народы и Цари, независимые одни отъ другихъ; ведутъ между собою войну и сража-

сражаются; что совершаются браки, по крайней мѣрѣ въ степеняхъ первой, второй и третьей; что могутъ святыя приживатьъ дѣтей. Въ четвертомъ небѣ люди выше всякихъ плотскихъ похотѣній, и чѣмъ еще выше степень, тѣмъ превосходиве ихъ существо; въ послѣдней же на послѣдокъ степени блаженства, или на превыспреннемъ небѣ, есть рай, называемой Сіамцами Нирюпанъ, гдѣ живутъ души боговъ и святыхъ, наслаждаясь нецарушаемымъ благодѣшвіемъ.

Утверждаютъ, что всякое счастье и всякое несчастье, случающееся съ людьми въ здѣшней жизни, есть слѣдствіе добрыхъ, или худыхъ нашихъ дѣлъ, и что не заслуживъ, ни-кто не бываетъ злополученъ. Богатство, честь, здоровье и иныя блага, суть награды жизни добродѣтельной или въ сей, или въ минувшей предъ нею жизни. Безчестіе, нищета, болѣзни и тому подобное, суть какія же наказанія. Душа человека

преселяется ли паки въ челоѵческое , или какого нибудь живошнаго тѵла , бываетъ счастлива , или несчастлива по качеству дѵла минувшей жизни.

Души входятъ въ тѵла челоѵческія или изъ ада , или изъ тѵлесъ живошныхъ. Первыя приносятъ съ собою нѵкоторыя отличашія ихъ преизящеслива: добродѵтели, крѵпость здоровья, красоту, разумъ, богатство; вселяются въ тѵла великихъ Государей и мужей рѵдкихъ достоинствъ. Отъ сего - то происходитъ почтеніе къ людямъ высокой породы и знаменитымъ; попому - то пріемлются они предуставленными со временемъ къ состоянію Божескому, или святымъ, которое уже начали они заслуживать своими добродѵтелями.

Души, переищающіяся изъ тѵлесъ живошныхъ, суть меньшаго совершенства, но лучше вышедшихъ изъ адъ. Послѣднія входятъ въ тѵла злодѵевъ, достойныхъ пороками своими всякихъ въ жизни сей злоключеній. „ По той же

„ же самой причинѣ, пишеть Ташардѣ,
 „ поносящѣ Сіамцы крестную смерть
 „ Христа Спасителя. Когда бы былъ
 „ онѣ, говорящѣ, праведникѣ, добрыя
 „ его дѣла спасли бы его отъ позор-
 „ ной смерти. „

Мыслящѣ Сіамцы, что нѣтъ добро-
 дѣтели, которая бы не награжда-
 лась небесами, ни порока, не наказуе-
 маго во адѣ. Человѣкъ, умерши на
 землѣ, получаетъ новую жизнь въ не-
 бѣ и пользуется тамъ плодами добро-
 дѣтельной жизни своей, умираетъ
 паки и оживаетъ во адѣ, естли по-
 надѣлаетъ между тѣмъ не малые грѣ-
 хи. Прегрѣшившій же легко возвра-
 щается на землю въ тѣло какого ни-
 будь животнаго, и удовлетворивъ
 чрезъ оное Божеское правосудіе, спа-
 новится опять человѣкомъ.

Вотъ объясненія Талапоиновъ о пре-
 селеніи душъ, главнаго основанія вѣ-
 ры ихъ.

Не отмещушъ быпія духовъ, но
 разумѣюшъ ихъ имѣющими плоть. Ан-
 ы 4 геловъ

геловъ дѣлать на мужеской и женской полѣ; что могутъ они раждають дѣшей, не такихъ однако же Ангеловъ, какъ сами, не святыхъ, или Божественныхъ. Должность Ангеловъ есть вѣчное бдѣніе о сохраненіи рода человеческого и объ управленіи всего міра. Раздѣляются на семь чиновъ, одинъ другаго превосходитъ; каждой чинъ обихаетъ на особливомъ своемъ небѣ. Каждую частію міра, звѣздами, землею, городами, горами, лѣсами, вѣтрами, дождями, правятъ и начальствуютъ особы Ангелы. Какъ небожители сіи непрерывно примѣчаютъ поведенія человекъ, чтобъ каждому воздасть по мѣрѣ добрыхъ его дѣлъ, то Сіамцы возсылають къ нимъ молитвы о нуждахъ своихъ.

Не знаютъ впрочемъ никакихъ иныхъ чертей, или злыхъ духовъ, кромѣ душъ порочныхъ людей, выходящихъ изъ ада, гдѣ онѣ были по дѣламъ своимъ испязываны. По выходѣ изъ ада блудятъ нѣсколько лѣтъ по землѣ, утѣшаясь злѣтвореніемъ человекъ.

камб. Въ число ихъ кладутъ Сіамцы души младенцовъ, которые родятся мертвыми, матерей, умирающихъ въ родинахъ и убиваемыхъ на единоборствѣ.

Рассказываютъ чудеса о своихъ пустынныхъ, коихъ зовутъ Пра-Рази. Ведутъ самую спрогую жизнь по мѣстамъ, далекимъ отъ селеній. Чуждаются всякаго обхожденія съ людьми. Священные книги Сіамцевъ присвоятъ имъ совершенное знаніе таинствъ природы; умѣютъ дѣлать золото и иные драгоценныя металлы; нѣтъ ничего преестественнаго выше ихъ силъ; принимаютъ на себя образы всякіе, какіе хотятъ: подѣмлются на воздухъ, въ минуту очущаются въ не маломъ разстояніи отсюда; гдѣ находились прежде; могутъ быть безсмертны; но самопроизвольно жертвуютъ Богу жизнью чрезъ всякую тысячу лѣтъ: строятъ тогда сами для себя костры и сожигаются, оставляя только одного изъ собратій своихъ живымъ для того, чтобы онъ ихъ воскресилъ. Трудно и крайне опас-

нѣ ;

сно

сно находишь скипы сихъ могуще-
 ственныхъ опшельниковъ, однако же
 книги Талапоиновъ научають нахо-
 дить и пуши и способы, какъ до нихъ
 достигать.

Сіамцы даютъ небесамъ и землѣ
 вѣчность. Удивляются, что естъ лю-
 ди, спавящіе ихъ имѣющими начало и
 конецъ. Земля по ихъ разумнію не
 шаровидна, а плоска; дѣлятъ ее на
 чешыре четверобочныя части, между
 коими находяся моря, препяпспвую-
 щія взаимному ихъ сообщенію; что
 тѣ и другія обнесены стѣною, столь
 же выше всякой мѣры крѣпкою, сколь-
 ко и высокою; что на стѣнѣ сей на-
 писаны превеликими буквами всѣ таин-
 ства естества, чишаемыя одними
 только упомянутыми опшельниками,
 по дарованной имъ легкости въ мгно-
 веніе переноситься изъ одного на вся-
 кое другое мѣсто; что люди прочихъ
 трехъ частей земли не такія, какія
 мы, имѣють лица: въ первой четверо-
 угольныя, во второй круглыя, въ третъ-
 ей шреугольникомъ; что избыпоче-
 ству:

ешвуютъ сіи при часи всякими благами безъ наимаѣйшаго примѣсу золъ; что снѣди пріемлютъ вкусъ по изволенію жипелей, слѣдовашельно лишены шамъ люди возможности помогашъ ближнему и иными украшашъя добродѣтельми; слѣдовашельно же, за недоспащкомъ случаевъ заслуживашъ святость, не могутъ спашъ святыми, ниже ожидашъ наградъ и наказаній въ свое время. По шой причинѣ крайне желаютъ смерти, чтобъ возродишъся въ нашей части земли, гдѣ безпрерывныя находишъя человѣкъ удобства дѣлашъ добро. Милость сію получаютъ, прося оной ради цѣны достпоинствъ шого Бога, копорой спранствоваѣ нѣкогда по землѣ, хошя для нихъ онѣ неприсшупенѣ.

Что весь составъ, или шѣло земли, плаваешъ какъ корабль на неизмѣримомъ пространствѣ воды; что сильной вѣтрѣ поддерживаешъ воды; что сей же вѣтрѣ, шакже будучи вѣченѣ, какъ міръ, непрешанно гонитъ воды подѣ земное шѣло, не допуская ему упасть;

упастъ ; что наступитъ время , предсказанное Богомъ Сіамцевъ , въ которое сойдетъ съ небесъ огонь , превратитъ землю въ пепелъ , и она ставъ шѣмъ очищена , возвратится въ перво-бытное свое состояніе.

Такое умствование о мѣрѣ зависитъ отъ другаго еще о томъ объясненія.

Сіамцы мыслятъ , что человекѣ въ старину имѣли ростъ исполиновъ , жили многія сполнѣніа въ совершенной цѣлостѣ здоровья , не было ничего для нихъ неизвѣстнаго , дни ихъ текли въ незлобіи и невинности. Время отъ времени всѣ сіи дарованія начали уменьшаться ; люди спали годъ отъ года меньше ростомъ , на послѣдокъ же будутъ они въ поларшина ; жизнь ихъ сократится. Напрошивъ того злота и пороки будутъ возрастать по мѣрѣ упадка прежнихъ ихъ дарованій. Предъ преставленіемъ же свѣта впадуть люди въ самыя гнуснѣйшія влодѣйства , презрятся законъ , науки и всякія знанія отъ нихъ

нихъ сокроюшся. Сіамцы вѣрятъ, что приближается уже кончина міра, потому что настало уже всеобщее развращеніе нравовъ.

Потомъ подобной же чаюшъ перемѣны и въ живописныхъ, копорыя будшо бы въ древности имѣли даръ слова, но со временемъ онаго лишились. Сіамцы пускаюшъ живописныхъ на волю. Думаюшъ, что могушъ дѣлать добро и зло, слѣдовательно будушъ и для нихъ награды и казни.

Земля, покрывая золою и прахомъ, будетъ очищена дыханіемъ пресильнаго вѣтра, копорымъ разсѣюшся осматки всеобщаго сего пожара. Послѣ испустишъ столь благовонныя пары, что приманишъ къ себѣ съ небесъ одного Ангела женскаго пола, копорой спанешъ вѣсть очищенную землю, зачнешъ во чревѣ двенадцать сыновей и двенадцать дочерей. Ими и ихъ попомками земля паки населится. Сначала спанушъ, раждашся люди грубые и невѣжды, сами себя неважущіе; послѣ

послѣ начнутъ познавать себя и другіхъ, на долгое однако же время оставшя въ неизвѣсности законовъ. Наконецъ одинъ Богъ разгонитъ ихъ мракъ, откроетъ имъ истинную вѣру и всѣ науки. Святой его законъ, споль давно поперянной; возродится въ ихъ умахъ. Дѣйствіе, единое достойное Бога, владычествовавъ и править вселенною, пещися о родѣ человѣческомъ и родахъ живопныхъ; Сіамцы почишають дѣйствіемъ ниже его.

Такъ всегда сгарать и возобновляться будетъ земля чрезъ времена въ теченіи вѣчности.

Имя Бога Сіамскаго есть Саммонд Кгодомъ. Сказаніе объ немъ спрванное имѣетъ сходство съ Христіанскимъ ученіемъ. Начинается тѣмъ, что Саммоно - Кгодомъ родился Богомъ по еспешству; скоро по рожденіи безъ всякаго посторонняго наспавленія, единою прозорливостію своею, возымѣлъ совершенное познаніе обо всемъ, надлежащемъ до неба, земли, рая,
ада

ада и всѣхъ таинствъ природы; помнилъ все дѣланное имъ въ разныхъ мѣстахъ, въ которыхъ была душа его; училъ народы самой глубокой премудрости, и оставилъ правила въ книгахъ своихъ для наученія потомства.

Самъ онъ, по увѣдомленію Ташарда, повѣствуетъ о себѣ въ своихъ книгахъ: „Славъ Богомъ, воз-
 „желалъ я чрезвычайнымъ чудотворе-
 „ніемъ доказатьъ людямъ мое боже-
 „ство. Сидѣлъ я тогда подъ дере-
 „вомъ, называемымъ Тонипо. [Сіам-
 „цы дерево сіе ради того имѣютъ въ
 „особомъ почтеніи.] Вдругъ увидѣлъ
 „меня народъ носимаго по воздуху въ
 „золотыхъ креслахъ, украшенныхъ
 „драгоценными камнями. Ангели, сле-
 „дѣвъ нарочно съ небесъ, служили и
 „поклонялись мнѣ. Тевашашъ, братъ
 „мой, и его послѣдователи, не могли
 „взирать безъ зависти на славу мою
 „и величіе. Составили злоумышленіе,
 „чтобъ меня погубить. Всѣ живош-
 „ныя къ нимъ присоединидься, но я
 „ ГРОМ-

„ громкую одержалъ побѣду. Тевашашъ,
 „ пылая желаніемъ сдѣлаться также
 „ Богомъ, мнѣ не покорился и издалъ
 „ новую свою вѣру: многіе Цари и
 „ народы ее приняли. Вотъ испоч-
 „ никъ раскола, раздѣлившаго родъ
 „ человѣческой на двѣ части. „

Таковыми раскольниками спавяшъ
 Сіамцы и насъ Европейцовъ. „ Неуди-
 „ вительно, говоряшъ, что вы, будучи
 „ учениками Тевашаша, не знаете по-
 „ го, чему мы научены Саммоно - Кго-
 „ домомъ, и что ваши книги наполнены
 „ мракомъ и сомнительными вещьми. „

Тевашаша хотя не члшшъ Богомъ,
 но разумѣющъ его искуснымъ во мно-
 гихъ наукахъ, паче же въ магема-
 тикѣ; по и сказывающъ намъ:
 „ Не мудрено, что превосходите насъ
 „ въ сей наукѣ: вы ученики Тевашаша. „

Наконецъ злочестивой братъ Бо-
 жій сверженъ былъ даже до дна ада
 Послушаемъ самаго Саммоно - Кгодома:
 „ Снизшедъ я во адъ, былъ на
 „ всѣхъ

„ всѣхъ осьми разныхъ мѣстахъ му-
 „ ченія. На послѣднемъ, гдѣ спраж-
 „ дилъ самые лютейшіе злодѣи, уви-
 „ дѣлъ я брата моего, распятаго и
 „ пригвожденнаго по рукамъ и по но-
 „ гамъ на крестѣ. На головѣ его пер-
 „ новой вѣнецъ, все шло изранено,
 „ обьяшъ пламенемъ огненнымъ, ста-
 „ радъ, но не сожигался. Почувство-
 „ валъ я сожалеіе, забылъ мною
 „ онъ него претерпѣнное, вѣщалъ
 „ ему: обожай при сіи шайнственныя
 „ и священныя слова: Ппушеангъ,
 „ Тгамангъ, Санггангъ. „ [Сіамцы съ
 „ благоговѣіемъ ихъ выговаривающъ.
 „ Первое значитъ Богъ, второе слово
 „ Божіе, третіе подражаніе Богу, или
 „ священникъ Божій.] „ Братъ мой воз-
 „ далъ довлеющую честь двумъ пер-
 „ вымъ, но отрелся воздашь третъ-
 „ ему Недоспѣиы того, воз-
 „ гласилъ онъ, священники, люди
 „ причастные грѣху, чшобъ ихъ обо-
 „ жали Принужденъ я былъ его
 „ оставить во адѣ, мученіе его про-
 „ должается и до днесь. „

Ташардъ замѣчаетъ, что между многими обращеніями Сіамцевъ отъ Христіанства главное производится находимымъ ими сходствомъ въ вѣрахъ ихъ и нашей, по которому Тевашапа и Господа Іисуса пріемлютъ они за единое лице. Крестъ кажется имъ такое изображеніе мученій Тевашапа. Проповѣдникамъ нашимъ, прерывая рѣчь при самомъ началѣ, одно всегда отвѣчаютъ:
 „ Знаемъ уже напередъ, что вы говорите, рите хошите. „

Въ книгахъ Соммоно - Кгодома пишется, что прежде нежели пожелалъ онъ стать Богомъ, жилъ на землѣ пять сотъ пятьдесятъ разъ въ тысячахъ человѣческихъ и животныхъ; что во всякомъ тысячѣ былъ первымъ, или лучше, Княземъ того рода животныхъ; часто жертвовалъ жизнию за своихъ подданныхъ; населяя нѣкогда тѣло обезьяны, спасъ цѣлой городъ отъ ужаснаго чудовища, которое оной опустошало; былъ могущественнымъ Царемъ; предъ полученіемъ

нѣмъ верховнаго своего владычества надъ свѣтомъ, удалился съ женою и дѣтьми въ далекую пустыню, гдѣ и умеръ свѣту и спрасямъ своимъ, снесши равнодушно похищеніе у себя сына и дочери однимъ Браминоу, восхотѣвшимъ испытать его терпѣніе; жену свою опдалъ нищему вмѣсто милосердія; напослѣдокъ, выколупавъ самъ у себя глаза, рѣзалъ куски плѣа своего, и одѣливъ ими звѣрей, избавилъ ихъ отъ голодной смерти.

И въ семъ - то состоятъ Божественныя свойства Соммонг - Кгодома; Талапоины учалъ народъ онымъ подражать.

По пресуществленіи Соммоно - Кгодома изъ человѣка въ боги, душа его вознеслась на осьмое небо, дабы не была болѣе подверженной бѣдствіямъ человѣчества, и наслаждалась совершеннѣйшимъ и нескончаемымъ блаженствомъ. Къ тому уже она не возродится, или не уничтожится, какъ говорятъ Сіамцы, не конечное

разумѣя разрушеніе ея существа, но только не будетъ ее на всей земной поверхности, а преселился она жить на небесахъ. Тѣло Соммона - Кгодома сожжено, кости его и до нынѣ сохраняютъ его ученики, коихъ часть находится въ царствѣ Сіамскомъ, другая въ царствѣ Пегуанскомъ. Присвояютъ имъ твореніе чудесъ. Передъ смертію приказалъ списать лице свое, поклонялись бы оному и воздавали честь, довлеющую его божеству.

Божественной его законъ состоитъ, подобно нашему, въ десяти заповѣдяхъ, но несравненно нашихъ строже: обстоятельство и необходимость не извиняютъ грѣха. То, что у насъ преданія, завѣщанія и совѣты святыхъ отцевъ, у Сіамцевъ равносильно заповѣдямъ закона.

Запрещено имъ употребленіе всякаго напитка, отъ котораго можно быть пьяну. Въ самыхъ крайнихъ нуждахъ не позволяется пропустить ниже одной капли вина. Не могутъ

оп-

опннмать жизнь ни у какого живописнаго. Предписанія, надлежащія до опрядности и благоприспосойности не меньше уважають предписаній, надлежащихъ до добродѣтелей.

Талапоины; не дѣлая обѣщаній и не обязываясь ничѣмъ, свято хранящъ послушаніе къ вышнимъ надъ собою, шѣлесную чистоту, или цѣломудріе, и по свидѣтельству Лалубера, самопроизвольную нищету. Возбранено имъ имѣть больше одной плохой одежды, сберегать къ завтрему пищу, брать въ руки золото и серебро, и желать ихъ у себя имѣть. Всякой Талапоинъ воленъ оставить свое званіе; завременно умѣренною своею жизнію накаплиють чѣмъ бы имъ жить можно было въ свѣтскомъ состояніи.

Присупимъ къ Сіамскимъ похоронамъ. Больной едва испуститъ послѣднее дыханіе, то и кладутъ его въ деревянной гробъ смоляной, иногда и золоченой извнѣ. Какъ Сіамская

смола хуже Кипайской, но, чтобы не пахло отъ пѣла въ щели, вливаютъ мерпѣвому въ горло рпуши, которая сѣждаетъ внутренность его пѣла. Богатыхъ кладутъ въ свинцовые золоченые же гробы. Спавяли гробы съ почтеніемъ на возвышенныхъ мѣстахъ, какъ на примѣръ на деревянныя кровати, и ожидающъ старшаго въ родѣ, ежели онъ отсутствовалъ, приговорясь между тѣмъ къ похоронамъ. У гроба зажигаютъ свѣчи и окуриваютъ оной благовоніями. Нѣсколько Талапоиновъ чрезъ всякую ночь, прислонясь къ спѣнамъ покоя, гдѣ стоитъ гробъ, поютъ стихи на Балискомъ языкѣ. Кормятъ ихъ и плащатъ за труды. Содержаніе пѣсней ихъ нравоучительное, или напутствующее душу умершаго къ небесамъ.

Семейство умершаго выбираетъ на полѣ приспойное мѣсто, гдѣ сожигатъ тѣло наряднымъ дѣломъ, по большей части близъ капища, построеннаго покойникомъ, или его предками.

ками. Обносятъ мѣсто заборомъ изъ бамбуеваго лѣса; около строятъ подобныя нашимъ садовымъ бесѣдкамъ, въ нѣкошоромъ одна опъ другой распоянїи; убираютъ ихъ вырѣзанными изъ крашеной и золоченой бумаги домиками, живошными, дикими и ручными. На срединѣ огражденнаго сего мѣста костеръ изъ бѣлаго, или желтаго сандалу и орлинаго дерева. Чѣмъ выше костеръ, тѣмъ больше почтенїя мершвецу, возвышаютъ же его не деревянною надѣлкою, а земляною насыпью съ исподн. Далуберъ видѣлъ костеръ, сдѣланной для Сїамской Царицы, на которой поднимали гробъ на блокахъ.

Выносъ тѣла происходилъ при звукѣ множества музыкальныхъ инструментовъ. Музыканшы идутъ напередн погребашельнаго хода, составляемаго роднею и друзьями умершаго въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ. Бѣдятъ охотнѣе водою, ежели гдѣ можно миновать сухой путь. При знашныхъ погребенїяхъ носятъ пре-

великіе щипы изъ бамбуевыхъ досокъ,
 на которыхъ налѣплены крашеною, или
 золоченою бумагою изображенія не
 только большихъ домовъ, со всѣми
 внутренними ихъ приборами, слоновъ
 и иныхъ живописныхъ, но налѣпныя
 чудовища, частію въ подобіи человѣ-
 ческомъ. Гробъ не сожигается. Вы-
 нимаюшъ шѣло, кладушъ, раздѣвъ
 до нага, на костеръ. Талапоины
 ближняго монастыря поюшъ съ че-
 твершъ часа времени, отходяшъ
 и уже не показываются. Но и при-
 зываютъ ихъ не по долгу вѣры, а
 для того, чтобы больше придать
 великолѣпія погребенію, которое паче
 походитъ на шоржество, нежели на
 печальную обрядъ, хотя и плачешъ
 нѣсколько припомъ родня. Не на-
 нимаюшъ Сіамцы, ешъли вѣришъ Ла-
 дуберу, плакшъ. По отшествіи Тала-
 поиновъ начинаюшя позорища и дяш-
 ся чрезъ весь день на разныхъ шеат-
 рахъ. Около половины дня одинъ
 Талапоинской монастырской служи-
 тель подкладываетъ подъ костеръ
 огонь, который горитъ часа два. Костеръ
 Царскя:

Царскаго свойственника . и вельможи . первой значности зажигаетъ самъ Царь изъ Дворца своего по веревкѣ , какъ у насъ зажигаютъ наши Государи пошшныя огни . Тѣло никогда не сгараетъ до пла , а только жаривается по большей части не совсѣмъ . Остатки кладутъ опять въ гробъ и спавялся подъ копорю нибудь каланчею , что спроялся вокругъ капищей . Иногда кладутъ же съ тѣломъ золото и драгоценныя камни . Не богатые люди , у коихъ нѣтъ семейныхъ капищей , хоронятъ плохо изжаренныя остатки тѣла своей родни у себя въ домахъ . Мало такихъ Сіамцевъ , копорые бы были въ состояніи спроить капищи , однако же самыя неимущіе заказываютъ сдѣлать по крайней мѣрѣ хотя одного идола и спавятъ его въ чужее чье нибудь . Естли бѣдность такъ велика , что не въ силахъ кто либо построить костеръ , то съ помощію Талапоиновъ зарываетъ онъ тѣло семьянина своего въ землю . Но какъ Талапоины не дѣлаютъ ничего даромъ ,

в с _

шо

то тѣлеса нищихъ людей повергаются на вершинахъ горъ въ снѣдь птицамъ и звѣрямъ.

Сіамецъ, родившійся въ бѣдности, еспли со временемъ разбогатѣеть, или сдѣлается знашнымъ человѣкомъ, то вырываетъ кости отца своего, какъ бы ни умеръ давно, и учреждаетъ нарядныя похороны вновь. Писано уже было, что скончавшихся какою нибудь прилипчивою болѣзнью хоронящъ безъ сожженія. Какъ минуетъ повѣтріе, то ихъ выкапываютъ и дѣлаютъ нарядныя похороны. Закономъ запрещено сжигать тѣла казенныхъ, младенцевъ, мертворождающихся, женщинъ, умирающихъ въ родинахъ, утопшихъ, убитыхъ громомъ, или замѣвшихъ иной какой либо насильствен- ной жизни конецъ.

Ношеніе печальныхъ одеждъ отдается всякому на волю. Чаше носятъ оную опцы и матери по дѣтяхъ, нежели дѣти по родителехъ. Не находимъ ни въ одномъ сочиненіи

стран-

спрансповашелей, чшобѢ Сіамцы при-
 зывали на помощь души умершихъ
 родспвенниковъ. Паче спрахъ, а не
 благоговѣніе заспавляетъ ихъ класъ
 около могилъ варенія мяса, сбѣдае-
 мыя попомъ звѣрми, или пшциами,
 и даватъ милосшину Талапоинамъ,
 кошорые проповѣдываютъ имъ, что
 милосшиною очищаются грѣхи жи-
 выхъ и мершвыхъ.

Хошя всѢ спрансповашели едино-Сіам-
 гласно называютъ Сіамскую спрану ^{склад} ^{нату.}
 почти совсѣмъ бесплодную, но по ^{рааь-}
 мѣсшамъ, далекимъ отъ рѣкъ, великіе ^{ная} ^{исто-}
 лѣса. Тамъ, гдѣ бываетъ разлішіе ^{рѣя.}
 водъ, въ извѣстныя всегда времена
 родятъ земли въ нарочишомъ изобилии
 сбемое жшщелями. Далуберъ плодо-
 носію сему спспавляетъ причину въ
 тучномъ илѣ, смываемомъ дождями
 съ горъ.

Сіамцы дѣлятъ годы на три го-
 довыя времена: зиму, малое и боль-
 шее лѣшо. Первая имѣетъ два мѣ-
 сшца: Декабрь и Январь; второе Фе-
 враль,

враль, Мартъ, Апрѣль; претіе же составляетъ семь прочихъ мѣсяцовъ. Зима Сіамцевъ съ нами въ одни бываетъ числа, попому что мы, и они находимся къ Сѣверу отъ равноденственной черты. Но зима ихъ жарче нашего лѣта. Во всякое иное время, когда не настопишь наводненіе, покрывающъ они расшвія садовъ своихъ, какъ мы кроемъ ихъ отъ ночной спужи. Всякое умаленіе солнечнаго зноя кажется имъ шагосшною спужею. Малое лѣто почишающъ весною своею. Нѣтъ у нихъ осени. Въсто одного большаго лѣта могутъ считатьъ два, попому что два раза на году бываетъ солнце прямо у нихъ надъ головою.

Зима сухая, а лѣто дождливое. Знойные поясы земные были бы конечно не обипаемы, когда бы не завлекало шуда солнце облаковъ и дождей, и когда бы не дулъ шамъ всегда въспрѣ отъ прошивнаго краешочія земли тому, ближе къ кошорому находишся солнце. Въ Сіамѣ солнце зимою къ полудню отъ

отъ равноденственной черты. Въспрѣ тогда настоитѣ Сѣверной, умбрюющій воздухъ даже до прохлажденія. Лѣтомъ солнце отъ сей черты къ Сѣверу прямо надъ головами Сіамцевъ, а въспрѣ непрерывно Южной: производитѣ или непрерывные же дожди, или по крайней мѣрѣ сырую погоду. Единовременные сіи въспры прозваны Португальцами Монкаосъ, мореходцами же вообще Мусонъ. Сѣверные въспры чрезъ шесть сряду мѣсяцовъ мѣшаютѣ судамъ приблизиться къ Сіамскому Барру, а въспры Южные мѣшаютѣ изъ за него выходить.

Нѣтъ на Сіамскомъ языкѣ слова, значущаго недѣлю, а зовущся седмицы, какъ у насъ. Начало ихъ года въ первой день Декабрскаго новолунія. Лѣпочисленіе не годами, но по ихъ именамъ, на примѣрѣ свиной годъ, змѣиной годъ и тому подобные. Мѣсяцы по шришцаши дней. Зовутъ же ихъ первой, второй, третій и такъ далѣе по порядку даже до послѣдняго шришцашаго дня.

Сарацин-

Сарацинское пшено есть главной и здоровѣйшей ихъ земной плодъ. На мѣстахъ некоемъ родится пшеница. Нивы поливають или поливальницами, какія у насъ въ садахъ, или прокопами изъ прудовъ, въ которыхъ накапливается дождевая вода. По увѣренію Лалубера вся пшеница отбирается на Царя. Французы, тамъ живущіе, выписываютъ изъ Сураша пшеничную муку.

Пашутъ Сіамцы на быкахъ и буйволахъ, правя ими веревкою, продѣтою въ хрищъ между ноздрями и привязанною къ концу дышла у плуга. Плуги безъ колесъ. Состоятъ въ шрехъ деревянныхъ брусьяхъ : одинъ вмѣсто дышла, другой ободомъ рукоятки, третій короче шѣхъ внизъ отъ рукоятки, къ которой прикрѣпленъ на концѣ сошникъ; всѣ же связаны ремнями.

Родится и Турецкая пшеница, только въ садахъ. Сіамцы варятъ и жарятъ ее цѣлыми колосьями, не вынимая зеренъ. Есть горохъ и иные овощи.

овощи. Спранствовашили не объясняютьъ лучше, какъ только шѣмъ, что не походятъ на наши овощи. Далуберъ однако же находилъ вкусныя паташы, крупныя луковицы. Чесноку же не видалъ, а видѣлъ крупную рѣпу, мѣлкіе огурцы, мѣлкія шакже шыквы, красныя внушри, арбузы, пепрушку, балзамины и щавель. Коренье и шравы, изъ коихъ мы дѣлаемъ салашу, имъ неизвѣстны, хошя роспешъ все то около Батавіи, слѣдовашельно можешъ родишься и въ Сіамѣ.

Въ разсужденіи цвѣшовъ шуберовъ во изобиліи. Довольно гвоздики, но мало розъ, но и шѣ не шакъ пахучи, какъ Европейскія. Ямины рѣдки, нѣмъ ихъ кромѣ Царскихъ садовъ, а еще того меньше амараншовъ и шриколорисовъ. Множештво родовъ намъ невѣдомыхъ цвѣшовъ, пріяшныхъ глазу и опмѣнно благовоныхъ. Нѣкоторыя пахнутъ шолько по ночамъ.

Обширные лѣса, наполняющіе Сіамское царштво, имѣющъ великое различіе

чіе древесныхъ родовъ. Умалчивая о бамбуяхъ, ниже другихъ споль же употребительныхъ для жипелей, какъ и по всѣмъ инымъ спранамъ Индіи, между родами кокосовника дають первое мѣспѣ называющемуся Капокъ, на которомъ родинся споль тонкой пухъ, чпо прясъ не можно. Есть особья деревья, дающія смолу, вѣ смазкѣ прочнѣ всякой другой. Стѣна, ею вымазанная, не уступаетъ мрамору вѣ бѣлизнѣ. Вѣ сосудѣ изъ сей смолы держится лучше вода, нежели вѣ глиняномѣ. Игопи изъ ней же крѣпче нашихъ. Дерево почти вездѣ шамъ распущее. Смола его служитъ главною вещью вѣ составленіи Кипайскаго и Японскаго лака. Но Сіамцы не умбють ею пользоваться.

Дѣлають бумагу не только изъ старыхъ пряпиць хлопчатой бумаги, полошенѣ, но и изъ коры дерева Тонкое. Бумага ихъ не такъ бѣла, какъ у насъ. Пишуть на ней Кипайскими чернилами. Не рѣдко ее чернятъ, чшобъ можно было писатъ особымъ родомъ

родомъ мѣла изъ глины, высушеннаго на солнцѣ. Пишущѣ также спицами по листьямъ дерева Танъ, похожаго на пальмовникъ.

Лѣса, годнаго къ строенію домовъ, кораблей, на столярную и рѣзную работу, множество и различныхъ родовъ: легкой, тяжелой; есть шакой, которой скоро раскалывается; есть, котораго расколоть не можно, какими бы то ни было клиньями; называемой Европейцами Маринъ лѣсъ всѣхъ удобнѣе къ постройкѣ морскихъ судовъ; а прозванной Португальцами де Раицъ, Сіамцами же Копай, имѣетъ свойство Африканскаго Пелешювіероваго лѣса. Концы сучья висятъ по землѣ, приживаются, пускаютъ мочки, спановятся корнями и производятъ новыя деревья.

Деревья въ Сіамѣ находятъ такъ высокія и прямыя, что изъ одного бревна дѣлаютъ Балонъ, или Сіамскую ладью, отъ шестнадцати до двадцати сажень. Выдалбливаютъ и вы-

Часть VI.

Б.

жигатъ

жигаютъ внутренность и придбываютъ по одной доскѣ по бокамъ во все судно. На концахъ строятъ высокую корму и носъ, чтобъ верхнія ихъ закраины погнулись на воду; нѣкоторыя украшаютъ рѣзьбою, позолотою и жемчужными раковинами.

Лалуберъ удивляется, что между шликаго множества разныхъ родовъ древесъ нѣтъ въ Сіамѣ ниже одного изъ нашихъ Европейскихъ. Шелковичнаго дерева не могли тамъ развести, следовательно земля сія не имѣетъ своего шелку; не имѣетъ также и шерсти, да и не знаютъ Индѣйцы пользы ея. Хлопчатая бумага, обильно тамъ родящаяся, кажется имъ лучше и здоровѣе носить, потому что намокнувшая бумажная одежда не такъ спудитъ, какъ шерстяная.

Орлиное дерево, или алое, не рѣдко; въ большемъ уваженіи, нежели во всѣхъ иныхъ странахъ; предпочитается ему только Кохинхинская
Ка-

Каламба. Сіе дерево, по увѣдомленію Далубера, находишь можно кусками, загнившими въ древесяхъ особаго нѣкопорога рода. Не всякая Каламба можетъ припни въ драгоцѣнную сію гнилость, и не всякая дерева часпъ. Находишь такіе загнившіе куски по Сіамскимъ лѣсамъ споишъ не малаго труда.

Чай въ великомъ употребленіи. Вывозится изъ Кипая, кофе изъ Аравіи, шоколадъ изъ Манили, сполчнаго города Филиппинскихъ острововъ, туда же Испанцами привозится изъ Америки. Какъ бешель и аррека каждому Индѣйцу необходимы, шо садяшъ и ходяшъ за ними со всевозможнымъ прилѣжаніемъ.

Всякія Индѣйскія дерева растутъ въ Сіамѣ. Жители не имѣютъ недостатка ни въ какихъ съ оныхъ плодахъ, которые по большей части вкуснѣе и благовоннѣе привыкшимъ ихъ бсть. „Сіамцамъ, пишеть „Далуберъ, не извѣстны наши плоды,

„кромѣ померанцовѣ, цитроновѣ и
 „гранатныхъ яблокъ. Винныя ихъ
 „ягоды и дыни не походятъ на на-
 „ши. „Тотъ же сочинитель находилъ
 недоспашокъ сахару Сіамскаго поль-
 ко въ томъ, что не умѣютъ тамъ
 его бѣлизить. У всѣхъ Восточныхъ на-
 родовъ нѣтъ иного чистаго сахару,
 кромѣ леденца. Въ садахъ Царя Сі-
 амскаго насажены виноградныя лозы,
 но производящъ мало гроздовъ: яго-
 ды мѣлки и горьковаты.

Нѣтъ страны въ Индіи, кото-
 рая бы богаче была рудниками Сі-
 ама. Несмѣтное количество идоловъ
 и иныхъ вещей, вылитыхъ изъ метал-
 ла, подаетъ поводъ думать, что въ
 прежнія времена съ большимъ прилѣ-
 жаніемъ на рудникахъ работали. До-
 знаются нѣкоторые наши странство-
 ватели, что Сіамцы, доставая поли-
 кое множество золота на украшеніе
 ложныхъ своихъ боговъ и капищъ,
 нападаютъ на старинныя рудокоп-
 ныя ямы и остатки плавильныхъ пе-
 чей, которыя можетъ быть брошены
 были со временъ Пегуанскихъ войнъ.
 Но-

Новѣйшіе однако же Цари Сіамскіе не находили у себя нигдѣ ни золотого, ни серебрянаго рудника, копорой бы стоилъ труда, чшобъ его разрабашать. Сидѣвшій на престолѣ въ бытность Французскихъ посланниковъ для поиска сего употреблялъ Европейцовъ, особо же одного Испанца, прибывшаго изъ Мексики. Послѣдній сыскалъ свой счетъ, маня его равно чрезъ двашцашъ лѣтъ пуспыми обѣщаніями, копорья кончились только шѣмъ, что нашлись весьма не богатыя мѣдныя руды съ малыми изрѣдка жилками золота и серебра. Изъ пяти сотъ фунтовъ первой другихъ едва ли выходило по шести золотникововъ, а къ тому не только Сіамцы, но ниже самъ сей Испанецъ не умѣлъ раздѣлять металловъ. Къ такой невыдѣланной смѣси по Царскому повелѣнію приложено было чистое золото, и составилось то, что всѣ наши странствовашели зовутъ помпакомъ. Думающъ, что рудники на островѣ Борнео сами собою даютъ лучшій помпакъ; но причина тому та, что естественно много въ нихъ золотыхъ частицъ.

Далуберъ привезъ съ собою изъ Сіама лѣкаря, именемъ Венсана, коюрой на пути своемъ изъ Франціи въ Персію, услышавъ о первомъ отправленіи Французскихъ пословъ въ Сіамъ, перемѣнилъ намѣреніе и прибылъ въ сіе царство. Зналъ онъ нѣсколько математики и химіи. Опредѣлили его къ рудникамъ. Сіамцы научились у него не много лучше опредѣлять мешаллы. Нашелъ онъ на вершинѣ одной горы добротную сталь. На сей горѣ видно еще было, что работано въ спарину. Послѣ того нашелъ горной хрусталь, антимонію, камни, которыми рѣжутъ оконничники стекла, и бѣлой мраморъ. Скрылъ однако же о золотой рудѣ, которую нашелъ пребогатую, но только по однимъ его догадкамъ, а не по опытамъ. Многіе Сіамцы, паче же Талапоины, приходили къ нему наставляясь, какъ раздѣлять и очищать мешаллы; приносили къ нему опытки рудъ, изъ коихъ наплавилъ онъ довольное количество самаго чистаго серебра и иныхъ мешалловъ.

Олово

Олово и свинецъ дѣлають Сіамцы мѣспари. Руды преобильныя. Царь великіе ошь нихъ имѣеть доходы. Ихъ олово, называемое Калинъ, раскумается по всей Индіи: мягко и нечисто. Въ Европу вывозятъ изъ него коробки съ дешевымъ часмъ. Дѣлають же его чистымъ и швердымъ, какъ видимъ въ такихъ же коробкахъ дорогого чаю, примѣшивая кадмію, родъ мешалловаго камня, легко превращаемаго въ порошокъ. Кадми, сплавленной съ мѣдью, становится желтъ; но ломокъ и жесткъ. Олово, бѣленое кадмією, слыветъ въ Сіамѣ Тушенагъ.

Въ горахъ ихъ есть самой чистой агатъ. Талапоины казали Венсану сапфиры и алмазы. Сказывали Лалуберу, что разнаго званія люди, поднесши Царю нѣсколько алмазовъ, съ досады, что ничѣмъ не были награждены, оставили опчизну и уѣхали жить въ Пегуанское царство.

Городъ Компенг - Пешъ, славной спальными своими рудами, оппускаетъ

довольное число ножей, оружія и земледѣльственной збруи. У Сіамскихъ ножей, копорые въ нуждѣ могутъ служить и за оружіе, лезвѣи длиною въ футъ, шириною же спѣтрехъ до чепырехъ пальцевъ. Желѣзныхъ рудниковъ мало. Сіамцы плохіе кузнецы. По сей причинѣ у галерѣ ихъ деревянные якори, съ навязанными большими камнями. Не имѣютъ головою иголъ, булавокъ, гвоздей, ножницъ и замковъ. Дома хотя деревянные, но нѣтъ въ нихъ ниже одного желѣзнаго гвоздя. вмѣсто булавокъ служатъ спицы бамбуеваго дерева, какъ у нашихъ предковъ перновыя спицы. Замки привозятъ изъ Японіи желѣзные и мѣдные: первые хороши, а послѣдніе почти негодны.

Дѣлаютъ огнеспрѣльной порошокъ, но плохой; много однако же раскупаютъ иноспранцы. Худобы его причиною спавяшъ качество селистры, производимой помешомъ лепучихъ мышей въ ямахъ каменныхъ горъ, гдѣ держаш-

держатся сіи пшицы, коихъ по всей Индіи безчисленное множество.

Разлишіе водѣ, умерщвляющее большую часть несѣкомыхъ, производитъ ихъ въ количествѣ несравненно большемъ, какъ начнутъ сливать воды. Тамошнія мошки кусаютъ сквозь коженныя чулки. Природные жители, ко удивленію Европейцовъ, меньше отъ нихъ терпятъ. Нѣкто изъ странствователей примѣшилъ, что животныя въ Сіамѣ умѣютъ спасать себя отъ наводненія. Пшицамъ, не садящимся у насъ на деревьяхъ, на примѣръ куропащкамъ и голубямъ, вмѣсто обычныхъ пашъ насѣстей служатъ сушья древесъ. На деревьяхъ же муравьи дѣлаютъ свои ворохи.

Между животными предпочтительнѣе вездѣ прочими упомянемъ о слонахъ. Естество даетъ имъ сіе право, давъ чудесныя качества и превосходной ростъ. Нѣтъ иной на свѣтѣ страны, гдѣ бы было ихъ такъ много и гдѣ бы шодикія отъ нихъ получали

пользы, какъ въ Сіамѣ. Сіамцы разумѣютъ слона пварью разумною, подобною человѣку, коему не доспаетъ только слова. Лѣса наполнены дикими слонами. Трудность ихъ ловить состоитъ въ избраніи къ тому мѣста. Лалуберъ, видѣвъ ловли, такъ ихъ описываетъ:

Прорывающъ два земляные вала, почти утѣсной крупизны. Зрители могутъ стоять на нихъ безопасно. Въ промежуткѣ врывающъ два ряда столбовъ, вышиною въ десять футовъ, такъ толстыхъ, чѣмобъ дикіе слоны не могли ни переломить, ни вышащить; такъ сплѣснено, чѣмобъ лѣзть только было пройти человѣку. Нарочно приученныя слонихи пускаются въ праву около сего мѣста. Сидящіе на нихъ люди прикрываются древесными листьями, дабы не испугать дикихъ слоновъ. Слонихи призываютъ ихъ своимъ крикомъ. Какъ скоро появится дикой слонъ, то и заманиваютъ его за собою между валовъ. Промежутокъ кончится узкимъ мѣстомъ, имѣющимъ такіе же, какъ
вы-

выше сказано, столбы по обѣимъ
 сторонамъ. Дикой слонъ не можетъ
 за узкостію мѣста поворотиться на-
 задъ. Опшакливаеиъ хоботомъ на-
 рочно сдѣланныя врага, которыя пош-
 часъ за нимъ сами собою зашворяюш-
 ся; запираюиъ тогда же другія вра-
 га, коими выдупъ слоники. Труд-
 ность ловаи состоишъ полько въ томъ,
 чшобъ заманишъ дикихъ слоновъ меж-
 ду валовъ. Множество охотниковъ,
 стоящихъ за столбами, кидаюиъ опро-
 мешью и дразнишъ звѣря. Тѣ, на ко-
 торыхъ онъ кинешся, забѣгаюиъ за
 столбы, о которыя иногда въ ярости
 своей ударяя, ломаетъ слонъ клыки.
 Въ самое то время другіе охотники
 бросаюиъ подъ заднія ему ноги арка-
 ны съ пешлями на концахъ, и почти
 всегда безъ ошибки задѣваюиъ. Та-
 кимъ образомъ тянеиъ за звѣремъ
 множество толстыхъ веревокъ. Впу-
 скаюиъ между валовъ еще самку съ
 сѣдокомъ, которая многожды про-
 ходишъ насквозъ промежутки взадъ и
 впередъ, начнешъ случашъ хоботомъ
 объ землю, по знаку сему пойдешъ за
 нею

нею всѣ другія самки, перестаютъ сердить дикаго слона, которой, появивъ не долго, укрощается самъ собою и идетъ за самками, приближается къ вратамъ, отпалкиваетъ ихъ отъ себя, видѣвъ какъ толкали самки, входитъ во впору ограду; но уже не находить самокъ, которыхъ между шѣмъ отпуда выводятъ. Начнувши ему лишь на спину воду вдругъ изъ многихъ ведеръ, чѣмъ его прохладить, и тогда же съ невѣроятнымъ проворствомъ прикрѣпляютъ къ столбамъ веревками, коихъ концы съ петлями попали ему на ноги. Послѣ приводятъ назадъ пятыми ручнаго слона и опускаютъ его шею съ шею дикаго слона, отвязываютъ отъ столбовъ веревки. Ручной слонъ тащитъ дикаго за собою. При выходѣ изъ промежутка другіе два ручные слона бываютъ подобно же опущаны съ дикимъ. Три сіи ручные слона тащатъ его подъ нарочно сдѣланной навѣсѣ, гдѣ и привязываютъ его за шею на коронкомъ канатѣ къ толстому столбу. Въ такомъ поло-
же-

женіи держатъ сушки, до двухъ, или до трехъ разъ подводя къ нему ручныхъ слонихъ, и безъ упорства уже даетъ онъ себя вести въ приготовленное стойло. Увѣряли Далубера, что самой неукротимѣйшій слонъ не долге какъ въ недѣлю привыкаетъ къ своей неволѣ.

Сіамцы думаютъ, что слоны любятъ, чтобъ ихъ украшали и придавали имъ величественной видъ; любятъ видѣть, чтобъ было около ихъ множество людей, имъ прислуживающихъ, и самокъ, хотя за послѣдними не волочатся никогда въ невольническомъ своемъ состояніи; что безъ того спановятся унылы; что за вины ничѣмъ другимъ ихъ не наказываютъ, кромѣ перемѣщенія въ стойла хуже прежнихъ, кромѣ разлученія съ самками и снятія попонъ и иныхъ украшеній. Далуберъ пишетъ, что наказанной такимъ образомъ слонъ, вбѣжавъ въ прежнее стойло, убилъ до смерти слона, пославденнаго на его мѣсто.

Надобно,

Надобно, чтобъ много было въ Сіамѣ единороговъ, когда спранствовашель Гервезъ свидѣтельствуетъ, что жили сего царства ведущими знашой торгъ съ сосѣдственными народами.

Такъ онъ объ томъ повѣствуетъ:
 „ Единорогъ есть звѣрь самой дикой
 „ и самой лютой, ростомъ съ большаго
 „ шаго осла, на лбу у него рогъ въ
 „ четверть аршина, на ногахъ по пяти
 „ пальцевъ, шерсть гадкая, темно-
 „ бурая цвѣтомъ, кожа такъ толста,
 „ что не пробиваетъ пуля, опвислая
 „ почти до земли, но надувающаяся,
 „ когда разсердился: становится тогда
 „ сей звѣрь не тонѣе дикаго быка.
 „ Трудно убишь его до смерти.
 „ Задираешь его крайнѣе опасно. Лю-
 „ бимъ держаться въ болошахъ. Лов-
 „ цы сперегущъ, какъ онъ на нихъ
 „ войдетъ, прячущся за кустьями опъ
 „ него подъ вѣтромъ, ждущъ, какъ ля-
 „ жетъ спать, или спанетъ кашатся
 „ по грязи. Тогда-то стрѣляютъ, мѣ-
 „ шая близъ ушей, для того что ни
 „ по

„ по какому иному мѣсту заспрѣлишь
 „ его не можно. Имѣетъ онъ самое
 „ острое обоняніе. Помощію сего чув-
 „ ства узнаетъ все къ нему прибли-
 „ жающееся. Впрочемъ всѣ часпи шѣ-
 „ ла его цѣлительны, особливо рогѣ
 „ уничтожаетъ силу всякаго яда.
 „ Одинъ рогъ покупается по сту ру-
 „ блей. Кровь его тщательно собира-
 „ ютъ въ сосуды. Дѣлается изъ ней
 „ лѣкарство отъ грудной и иныхъ
 „ болѣзней. „

Между всѣми Сіамскими живопис-
 ными чудесѣ Гервезу показались
 пипицы больше спросовѣ. Носы у
 нихъ въ два фуша длиною. Испыта-
 тели естества зовутъ ихъ больши-
 ми горлами, а Сіамцы Нокшео.

Жары и сырость земли произво-
 дятъ змѣй, невѣроятно длинныхъ.
 Не дивятся тамъ, увидѣвъ змѣю въ
 дватцать пять фушовѣ, толщиною же
 болѣе, нежели въ полфуша; но неболь-
 шія тамошнія змѣи ядовитѣе. Гер-
 везъ упоминаетъ о родѣ змѣй, длиною
 только

только въ полфута, не толще чело-
вѣческаго пальца; жало ихъ всякой
разъ смертоносно. По малости своей,
бывъ непримѣтны, вползаютъ всюду.
Онѣ же пишутъ, что есть тамъ змѣи
всякія цвѣтомъ. Множество различ-
ныхъ скорпіоновъ. Нѣкоторые вели-
чиною съ большихъ раковъ съ щели-
ною темносѣрою, поднимающеюся въ
приближеніи человѣка. Что есть два
рода опасныхъ гадовъ, у однихъ по
спу ногъ, жалятъ также смертно,
какъ и скорпіоны, собою черны, дли-
ною въ одинъ футъ. Другаго рода
гады еще опаснѣе, зовущся Токке,
попому что ночью выкрикиваютъ
сіе слово. Походятъ на ящерицъ,
голова плоскія и широкія, кожа разно-
цвѣтная, днемъ и ночью видятъ
ихъ на кровляхъ домовъ, ловятъ мы-
шей и ими питаются. Къ счастью
не разсерженныя на человѣка не на-
падаютъ.

Изъ рыбъ великой рѣки Сіама
больше прозванныхъ Европейцами Ка-
бошъ, кою идетъ тамъ не малой
торгъ

торгъ съ сосѣдственными народами. Голландцы множество опвозяшъ въ Батавію, гдѣ сушатъ ее на солнце и употребляютъ, по свидѣтельству Гервеза, вмѣсто Маянской вепчины. Рыбы сіи длиною въ полшара фута, шириною же до двенадцати дюймовъ, головы плоскія, почти четвероугольныя. Два ихъ рода: зольнаго цвѣта и черныя. Последнія лучше. Нѣшъ рыбы въ рѣкѣ Сіамѣ, похожей на которую нибудь изъ нашихъ рыбъ, но всѣ очень вкусны. Водятся въ сей рѣкѣ живощныя, вредныя человѣку, кромѣ крокодиловъ, страшныхъ для всего имѣющаго жизнь. Мрутъ тамъ люди отъ самыхъ мѣлкихъ гадовъ, называемыхъ Менамъ. Другіе тамошніе гады видомъ подобны жабамъ. Еслии кто пронешъ ихъ въ брюхо, то раздуваются и спановяются жестки какъ камень. Защищаютъ себя упорно. Перьями, коими плаваютъ въ водѣ, все, что бы ни попало, рѣжутъ по поламъ.

ГЛАВА VIII.

Натуральная Индйская исторія.

На- Дѣло и зима суть главныя годо-
 шу- выя времена нашего климата: время
 раль- сухое и время сырое. Они-то самыя
 ная и извѣсны шолько въ знойномъ по-
 Ин- ясѣ земнаго круга и въ прилегающихъ
 дѣй- къ оному странахъ. Европейцы, слѣ-
 екая дуя своему обычаю, зовущъ ихъ зимою
 мѣсто- и дѣломъ, порядочно всегда шамъ на-
 рія. спающъ и оканчивающся. Подобно
 какъ всякой разъ бываетъ дѣло въ
 близкихъ къ одному, когда бываетъ
 зима въ близкихъ же къ другому крае-
 шочию земнаго круга странахъ, шакъ
 шочно въ близости равноденственной
 черты чередуется сухое съ влажнымъ
 годовымъ временемъ. Тогда къ Сѣве-
 ру ошъ сей черты стоишъ сухая и
 ведремая погода, когда къ Югу ошъ
 ней свирѣпствуютъ вѣтры и льютъ
 дожди, выключая извѣснаго числа
 степеней ошъ шой же черты въ нѣ-
 кошорыхъ особыхъ мѣстахъ. Разность
 между обоими знойными и умѣренны-
 ми поясами есть та, что когда въ
 первыхъ

первыхъ насшоншъ ведро и сухая по-
года, тогда въ другихъ зима. Солнце,
миновавъ надъ равноденственной чер-
тою, подходитъ къ тому, или друго-
му троническому кругу, и начинаешъ
нагрѣвашъ умѣренной поясъ, обращен-
ной къ тому краешчюю земли, къ
которому близится солнце. Чѣмъ бли-
же становишся, тѣмъ больше дѣлаешъ
воздухъ чистъ, сухъ и теплъ и
извнѣ троническихъ круговъ. Напро-
тивъ того въ знойномъ поясѣ, хотя
на ближней же сторонѣ къ солнцу,
чѣмъ оно далѣе, тѣмъ суше погода.
Поелику близится солнце, по столь-
ку поршишся погода, густѣютъ обла-
ка и льютъ дожди, которые слѣду-
ютъ всегда за солнцемъ, и начинаюшъ
на каждой сторонѣ равноденствен-
ной черты скоро послѣ того, какъ
минуетъ солнце сію черту, и продол-
жающся обычно до его повороту.

Мокрой погодѣ къ Сѣверу отъ
равноденственной черты знойнаго по-
яса начало въ Апрѣлѣ, или Маѣ, ко-
нецъ въ Сентябрѣ, или Октябрѣ. Су-
хой

хой погодѣ начало въ Ноябрь, или Декабрѣ, конецъ въ Маѣ, или Апрельѣ.

Въ одни также мѣсяцы премѣняются погоды и по другимъ мѣсяцамъ земнаго края, съ тою разносїю, что когда въ Южной ширинѣ погода сухая, то сырая въ Сѣверной. Примѣчено однако же, что сіи перемѣны погодѣ не всегда начинающся въ одно время, что не у всѣхъ народовъ дѣлится годѣ на равныя часпи ведра и ненастья. У однихъ въ отчизнѣ сильнѣе льютъ дожди, нежели у другихъ. По областямъ, лежащимъ подъ равноденственной черпою и по близости, самое дождливое время бываешь въ Мартѣ и Сентябрьѣ.

Мысы и берега, обращенные противъ главныхъ вѣтровъ, пользуются долговременнѣйшимъ ведромъ предъ прочими мѣсяцами. Обширныя же морскія пазухи и излучистые берега, паще же подъ равноденственной черпою, подвержены должайшему ненастью. Но правило сіе не безъ исключенія.

По-

Погоды, подобно въспрамъ, правяшся побочными причинами, кошорья и сами можешъ бышь подвержены шакже премѣнчивостямъ.

Начнемъ морскимъ берегомъ, гдѣ долѣ прочихъ настоишь сухая погода. На берегахъ Африканскихъ безмѣрныя бывають засухи отъ Марша по Октябрь. Сырая шамъ, или дождливая погода продолжается доспальныя мѣсяцы, но дожди умѣреннѣе прочихъ мѣсць, равно отстоящихъ отъ экватора. Случаются и шакъ называемые Торнадосы, о коихъ уже мы писали, но не столь часпо, какъ въ Индіяхъ Восточныхъ. На Перувианскихъ берегахъ, отъ шрешей степени до шридешапой Сѣверной ширины, нѣтъ никогда дождей ни на морѣ на двѣсти, или на шриспа миль отъ земли, ниже на землѣ на нѣкоторое неизсѣдованное еще число миль отъ моря. По ушрамъ дѣлаются малые шуманы, стояшь два и шри часа, никогда не даяѣ десяти часовъ по полуночи. Ночью бывають росы.

Берега сіи тянутся отъ Сѣвера къ Югу, къ морю обращены Западною своею стороною, на кошорой вдоль находится гряда превысокихъ горъ. Вѣтры всегда дуютъ Южные, съ разностию, что единовременные вѣтры съ берега къ Америкѣ дуютъ далѣе съ земли, нежели шѣ, которые дуютъ въ Африканскую сторону. Причина тому можетъ быть положеніе горъ въ обѣихъ сихъ частяхъ свѣта. Необычайная вышина Андскихъ, или Кордемерскихъ горъ безъ сомнѣнія то производитъ, что Восточной вѣтрѣ дуетъ на шихомъ морѣ не ближе двухъ сотъ миль отъ берега, а главной вѣтрѣ свирѣпствуетъ вѣсто того только въ сорокъ миляхъ отъ Африканскаго берега, не имѣющаго столь же большихъ горъ. И такъ естли горы Американскія удерживаютъ вѣтры въ ихъ бѣгѣ, то легко можно думать, что всякія горы могутъ оснанавливать собою облака на ходу и не допускають ихъ донестись до береговъ. Отъ сего - то происходятъ засухи. Берега при одинакихъ всегда вѣтрахъ подвержены

ны переменчивости погодъ. Чему же по опнеси, говорилъ Даміеръ, ежели не горамъ. Извѣстно, что Восточной ихъ край не терпитъ недостатка въ дождяхъ. Нѣтъ нужды ни на что иное ссылаться, кромѣ великихъ пѣхъ рѣкъ, копорыхъ истоки въ сихъ горахъ, и копорыя впадаютъ въ Атлантической Океанъ. На Южныхъ же берегахъ рѣкъ мало; самыя не большія и часлію высыхаютъ по цѣлому полугоду. Правда, что съ Февральскими дождями опять наполняются и текутъ. Обычайное появленіе на мѣстахъ, лежащихъ къ Западу отъ горъ.

Собираютъ плоды въ Индіи въ сухое годовое время, особливо сахарныя шрости бывають въ лучшемъ своемъ зракѣ; хотя меньше тогда въ нихъ соку, но несравненно пріятнѣе, нежели въ сырое годовое время. Сахару вываривается меньше, но много добротнѣе и легче для работниковъ. Въ жаркихъ климатахъ, по Сѣверную широту равноденственной черты,

начинаютъ дѣлать сахаръ около свя-
шопкѣ: проспи тогда послѣ засухѣ
приходящѣ въ зрѣлость; по Южную
же сторону сей черпы, какъ на при-
мѣрѣ въ Бразиліи, дѣлаютъ сахаръ
въ Іюль. Есть нѣсколько пакихъ
мѣстѣ, ближихъ къ равноденственной
черпѣ по обѣимъ сторонамъ, гдѣ
одинакія стоящѣ годовыя времена,
на примѣрѣ въ Суринамѣ. Хотя засухи
есть обычайное время уборки сахар-
ныхъ проспей, а влажная часть го-
да обычайное же время ихъ садить,
но сему правилу не вездѣ послѣду-
ютъ, имѣя паче, что садку сію мо-
жно съ успѣхомъ производить во вся-
кое время, особливо послѣ умѣренныхъ
дождей, упадающихъ иногда и въ
засухи.

Примѣчено вообще, что Запад-
ныя страны маперыхъ земель больше
подвержены дождямъ, нежели Воспоч-
ныя, кромѣ береговъ Африканскихъ и
Дерувіанскихъ. О засухахъ, на нихъ
бываемыхъ, мы уже сказывали, что
причиняюща безмѣрною высокою Анд-
скихъ

скихъ горъ, удерживающихъ собою
 бѣгъ облаковъ. Правда, что на мѣ-
 спахъ, наполненныхъ не чрезвычайно
 высокими горами, больше случается
 дождей, нежели на равныхъ, но сіе
 разумвещя о поморскихъ только мѣ-
 спахъ. Англичане могутъ засвидѣ-
 шельствовать, что къ Югу отъ
 Ямайки, начиная отъ Леганца на
 Западъ, до такъ называемой Черной
 рѣки мѣста непрерывно равныя,
 что на морѣ къ Югу, а отъ горъ къ
 Сѣверу, шремя недѣлями прежде на-
 чинаются дожди на горахъ, нежели
 на морѣ и на равнинахъ; что еже-
 дневно видны шамъ мрачныя и гу-
 стыя облака; что слышны бывающъ
 громы; что помянутыя облака, кои
 кажутся несущимися къ морю, удержи-
 вающя въ своемъ ходѣ; что поворачи-
 ваются назадъ къ горахъ къ вели-
 кому сѣщованію жипелей, имѣющихъ
 нужду въ дождѣ для своихъ засѣвовъ
 и скоша. Словомъ, засухи въ сіе го-
 довое время причиняютъ наибольшую
 трудность жипѣ на сей половинѣ
 еспрова: правы выжигаетъ солнечной

Э 5

эней,

эной, мрешъ скотъ отъ недоспалка
пищи. Въ Сѣверной же напрошивъ
того половинѣ, гдѣ горы близки къ
морю, довольно напаяется земля въ
самыя засухи. Идутъ дожди около
всякаго полнолунія и новолунія. Прав-
да, что въ сырое годовое время чрез-
мѣрные дожди крайнѣ беспокоятъ. На
небольшомъ оспровѣ, названномъ Ли-
сшвичнымъ, не далеко отъ Кубы, по
словамъ Испанцовъ, не проходилъ ни-
же одного въ году дня, въ которой
бы не шелъ дождь. Не находимъ иной
тому причины, какъ превысокую
осроверъхую гору, находящуюся по
средиѣ сего оспровка: собираются
вокругъ ея вершины облака, коими
она всегда и покрыва.

Странствовашели, согласно описуя
малой оспровъ Горгону, лежащій въ
Южномъ Океанѣ, выводящъ заключе-
ніе, что чѣмъ выше мѣстоположенія,
тѣмъ чаще случаются дожди; что моря
меньше земли оныхъ имѣютъ. Въ
энойномъ поясѣ въ приближеніи къ бе-
регамъ чаще видятъ на нихъ или
дожди,

дожди, или ирачную погоду, хотя на морѣ погда ведро. Вѣтры дуютъ съ земли и облака кажутся несущимися къ морю, но по большей части обращаются назадъ по неизсѣдованной донынѣ причинѣ. Во всѣхъ описаніяхъ спранствій читаемъ, что не беспокоялся мореходцы, держась береговъ, когда усмотрятъ несущіяся къ нимъ съ земли облака, и говорятъ: „Земля же ихъ и пожретъ.“

Все, пишемое здѣсь, надлежитъ до мѣстъ на моряхъ, близкихъ къ берегамъ, слѣдовательно и не опровергаемъ того, чтобъ въ дальности отъ нихъ не могли быть сильныя дожди.

Всегдашніе доказываютъ опыты, что въ сырое годовое время больше бываютъ дожди по ночамъ. Послѣ пролѣтнаго вѣтра рѣдко не видають многіе, или по крайней мѣрѣ одинъ ливной дождь. Такіе дожди длятся отъ трехъ до четырехъ часовъ. Извѣстно также и то, что близъ береговъ облака гуще, чаще сверкають

мол-

молніи, спрашнѣе гремятъ громы и
сильнѣе льютъ дожди.

Спрансповователь, коего повѣспво-
ванія совоспслѣдуемы всякой разѣ по-
лезными разсужденіями, бывъ въ Ин-
діи пысяча шесть сошѣ восемдесапѣ
осьмаго года, подѣ девяпюнадесапѣ
спепеню Сѣверныа ширины, особен-
но прилѣжаа къ разспаприванію го-
довыхъ временѣ. Прежде всего, какѣ
и прочіе спрансповователи, примѣ-
шилѣ, что въ спранахѣ свѣша ме-
жду двухъ пропическихъ круговѣ раз-
дѣляюща сїа времена на сухїа и
дождливыа, наспающїа сѣ шолікою же
точностїю, какѣ у насѣ зима и лѣ-
що; но у насѣ, продолжасѣ онѣ, не
вдругѣ спановишса лѣшо, не вдругѣ
зима, а бывающѣ предваряемы совсѣмѣ
инными годовыми временами, весною и
осеню, помалу превращающихъ лѣшо
въ зиму, и сїю въ оное. Подобно же
въ Индіи предѣ концемѣ засухѣ по-
являюща легкіе и крапкіе дожди,
предшесствуа мѣсяцу, чрезѣ которой
дрюшѣ они сѣ вреамѣрнымѣ усиленѣмѣ, а
предѣ

предъ концемъ ненаспливаго годоваго
 времени проскакиваюшъ красные дни,
 какъ бы приугошворяющіе челоѵка къ
 несноснымъ жарамъ. Въ знойныхъ поя-
 сахъ почти одинакія всегда погоды по
 мѣстамъ, лежащимъ на одной споро-
 нѣ равноденственной черпы. Далѣе же
 двумя, или тремя степенями, погоды
 больше премѣнчивыя, больше непо-
 споянныя, не рѣдко же и совсѣмъ
 противныя погодамъ мѣстъ другой
 стороны сей черпы; въ равномъ же
 отъ ней отдаленіи когда идутъ
 дожди на Сѣверной споронѣ знойна-
 го пояса, тогда въ двухъ, или трехъ
 степеняхъ Южной ширины могутъ
 споятъ жары и засухи. Тожъ рав-
 умѣется о ширинахъ и временахъ года,
 противныхъ между собою. Выводи-
 мое здѣсь въ разсужденіи засухъ и сы-
 россти воздуха въ знойномъ поясѣ
 служишь также и въ разсужденіи жа-
 ровъ и спужь. Разность тѣхъ съ
 другими на мѣстахъ безъ сомнѣнія про-
 исходитъ отъ положенія мѣстъ, или
 случайныхъ причинъ, кромѣ зависи-
 мыхъ отъ разности между ими ши-
 рины,

рины, на примѣрѣ Кампошской заливѣ въ Америкѣ и морскою же заливѣ Бенгальской въ Индіяхъ Восточныхъ, находящаяся почти подъ одною шириною мѣста. На обоихъ сихъ заливахъ бывающъ вдругъ и несносныя жары и крайняя сырость воздуха. Трудно познашь, ошъ положенія ли шо ихъ мѣстѣ, или ошъ малосилія и рѣдкости Сѣверныхъ шамъ въшровъ. Ширина мѣста сихъ заливовъ дѣлаешъ ихъ близкими къ тропическимъ кругамъ; сіе шо самое подвергаетъ ихъ жарамъ паче мѣстѣ, ближайшихъ предъ нимъ къ экватору.

Точно шоже примѣчаютъ во многихъ мѣстахъ обѣихъ Индій подъ одинакою шириною. Ближніе ихъ края къ тропикамъ жарчае, паче же въ шрехъ, или чепырехъ степеняхъ внѣ сихъ круговъ. Жары шамъ сильнѣе, нежели на самой равноденственной чертѣ. Можно сыскашь еще тому доводы, независимые ошъ мѣстоположенія и въшровъ, на примѣрѣ: подъ экваторомъ, или равноденственной

ною чертою, всѣ дни и всѣ ночи года не долѣе и не короче двенадцати часовъ; подѣ пропиками же должайшіе дни и ночи шринадцати часовъ съ половиною. Слѣдовательно экваторныя съ пропическими сутками имѣютъ разности три часа. Сія разность должна производить примѣтную переменѣну въ погодахъ. Сверхъ того на мѣсцахъ, положимъ въ трехъ степеняхъ внѣ пропиковъ, или въ двадцати степеняхъ Сѣверной ширины, солнце въ началѣ мѣсяца Мая не доходитъ до зениша, или надглавной почки, отъ двухъ до трехъ степеней; прошедъ оно чрезъ зенишъ, не снижается на другой онаго сторонѣ больше двухъ, или трехъ степеней, и поворачивается назадъ. Жители сихъ мѣспѣ имѣютъ солнце почти надъ головою отъ первыхъ чиселъ Мая до послѣднихъ Іюля. Напрошивъ того подѣ экваторомъ солнце, проходя чрезъ него въ Мартѣ и Сенсѣбрѣ, не бываетъ внѣ онаго долѣе двадцати дней, уклоняясь то къ Сѣверу, то къ Югу до трехъ степеней,

слѣдо-

слѣдовательно въ короткое споль время не могутъ такъ усиливаться жары, какъ на смежныхъ мѣстахъ къ пропикамъ, гдѣ солнце въ полдень бываетъ споль много сряду дней надъ головами жителей, и гдѣ оно видно надъ горизонтомъ чрезъ споль много дней, послѣдуемыхъ крапчайшими предъ ними ночами.

Изъ опытовъ известно, что въ Индіяхъ Восточныхъ, около двадцати степеней Сѣверной ширины, въ сырое годовое время споятъ безмѣрные жары, особливо когда солнце покажется изъ за облаковъ. Жившіе по нѣскольку лѣтъ въ Тонкинѣ свидѣтельствуютъ, что область сія есть изъ самыхъ жаркихъ на поверхности земной. Пресильные льютъ тамъ дожди, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знойнаго пояса и того больше, хотя въ одинакой съ Тонкиномъ лежатъ ширинѣ и на одной сторонѣ отъ экватора. Влажное тамъ годовое время начинается въ концѣ Апрѣля, или въ началѣ Мая. Длится до послѣднихъ чиселъ

чиселъ Августа, оканчивается пре-
великими ливными дождями, но съ
промежушками красныхъ дней.

Не было спрассивовашеля, кото-
рой бы опровергалъ, что различіе въ
годовыхъ временахъ не съ точностію
настаеиъ въ однѣ числа, но прежде и
послѣ: иногда мѣсяцомъ и шестью не-
дѣлями не сходствуетъ между собою
въ своихъ продолженіяхъ. Иногда дож-
ди бываюиъ сильнѣе и льюиъ долѣе,
а иногда бываюиъ умѣреннѣе и ко-
роче. Выдаюиъ годы, въ которыя
ихъ не достаеиъ къ произведенію и
посредственной жатвы; въ иные го-
ды льюиъ дожди, но не тогда, ко-
гда они нужны; а отъ того вре-
дился на корню сарацинское пше-
но и шупо растеиъ. Не единожды
упоминаемо уже нами было, что въ
областяхъ знойнаго земнаго пояса
успѣхи земледѣльства зависаиъ отъ
ежегодныхъ наводненій, смягчающихъ
и утучняющихъ пашни.

Испыли сырое годовое время су-
ше обычнаго, то нивы со пше-
Часть VI. Ю номъ,

номъ, не довольно смоченныя разлитіемъ рѣкъ, дають меньше плода. Въ неурожаѣ сего пшена, общей пищи подико населенныхъ странъ, жители не могутъ обойтись безъ помощи иныхъ странъ. Вотъ причина, заставляющая иногда родителей продавать дѣшей своихъ; безъ того же многіе бы померли голодною смертію. Обычай удерживать жизнь цѣною вещей, драгоценнѣйшихъ человѣкамъ, есть общій всѣмъ краямъ Восточныхъ Индій, а паче на берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ. Нѣтъ тамъ большихъ рѣкъ, копорыя бы своимъ разлитіемъ ушучняли землю. Урожай ихъ зависяетъ отъ дождей. Мало ли ихъ когда бываетъ, что случается иногда чрезъ многіе годы сряду, то настаютъ невѣроятное опустошеніе въ жителяхъ. Чистая описанія странствователей, очевидныхъ свидѣтелей общественныхъ шаковыхъ бѣдствій, содрогаетъ сердце. Видѣли они тысячами трупы умершихъ съ голоду, лежавшіе развѣянно по полямъ. Счастливы тѣ, копорыя могли

до

допашитесь до приморскихъ городовъ, обитаемыхъ Европейцами, и продать имъ себя, женъ и дѣтей своихъ, въ-дая, что увезутъ ихъ изъ опчизны, и что никогда уже въ нее не возвращаются.

Въ Воспчныхъ Индіяхъ единовременные, или, какъ мореходцы зовутъ, пасашные вѣтры, слывуть Мусонами Воспчными и Западными. Воспчные Мусоны начинаются въ Сеншябрѣ и сшоятъ до Апрѣля; въ Апрѣлѣ же начинаеть дуть Западной Мусонъ и продолжается до Сеншября. Черты шого и другаго не вдоль, а поперегъ береговъ. Воспчной Мусонъ приноситъ съ собою ведро, Западной же дожди и вихри. Большая часть шорговыхъ мѣспъ, особливо лежащія на материкѣ между экваторомъ и шропиками, подвержены сей премѣнчивости вѣтровъ и годовыхъ временъ. Острова подъ экваторомъ и подъ шропическою чертою козерога хотя имѣютъ совсѣмъ шропивныя годовыя времена, но и шамъ подобная же бываетъ оныхъ премѣнчивость.

Разность, примѣчаемая между Мусономъ отъ экватора къ Сѣверу и Югу, есть та, что въ Апрѣлѣ, когда начинается на Сѣверной сторонѣ экватора Западной Мусонъ, по на полуденной экватора сторонѣ сшоятъ вѣтры Юго - Юго - Западные, прозванные Юго - Юго - Западнымъ Мусономъ. Когда же въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Восточной Мусонъ спанетъ склоняясь отъ экватора къ Сѣверу, тогда дуетъ вѣтръ Сѣверо - Сѣверо - Восточной на Южной сторонѣ экватора и слыветъ Сѣверо - Сѣверо - Восточнымъ Мусономъ. Мусону Западному въ Сѣверной ширинѣ совозпослѣдуютъ Торнадосы (*) и дожди. Мусону Юго - Юго - Западному, въ поже самое время дующему въ Южной сторонѣ, совозпослѣдуетъ чистая и ясная погода. Мусоны не всегда насшаютъ и кончатся точно въ одно время; но Апрѣль и Сентябръ мѣсяцы почищаются временами премѣнъ. Мореходцы разполагаютъ по симъ временамъ свои плаванія.

Везъ

(*) Торнадосы что значатъ, писано выше.

Безъ толико чудеснаго успава еспешива непревозмогаемая бы были трудности производить торговлю на Индѣйскихъ моряхъ. Правда, что изъ одной гавани въ недалекую другую ходящъ на парусахъ и прошивъ Мусоновъ, съ помощію крапковременныхъ шамошнихъ поперечныхъ вѣтровъ, случающихся въ близости береговъ, но далекія плаванія не въ нихъ имѣютъ нужду.

Самыя худыя погоды на моряхъ Восочно - Индѣйскихъ настоятъ въ Іюль и Августъ. Западной тогда Мусонъ безпрестанно свирѣпствуетъ съ сильнымъ напряженіемъ. Небо всегда покрыто густыми мрачными облаками, производящими великіе дожди. Кончяся сей Мусонъ всегда спрашною бурей, прозванною Першугальцами слониною, послѣ которой мореходцы благонадежно начинаютъ свои плаванія, не опасаясь уже бурь въ сіе годовое время.

Подъ названіемъ простионароднымъ, прибыль и убыль воды, разумется

морской приливъ и опливъ по морскимъ берегамъ и внѣ сихъ береговъ, Качество, или лучше свойство общее Океановъ, не равно порядочное по всѣмъ берегамъ, ни временами, ни возвышеніями воды. Второе движеніе морей называется теченіемъ: съ приливами и опливами различна своею продолжительностію и черпою стремленія.

Приливы и опливы морскіе могутъ быть уподоблены вѣтрамъ съ моря и земли, потому что не удаляются отъ береговъ, хотя моря обычайно текутъ къ берегу и потомъ обратно, въ каждыя сутки попеременно; вѣтры же съ моря дуютъ днемъ, а вѣтры съ земли по ночамъ, но въ такомъ же порядкѣ своего движенія, какъ приливы и опливы, никогда не удаляясь отъ береговъ.

Теченія морей сходствуютъ также съ единовременными береговыми вѣтрами. Тѣ и другіе бывають отъ нихъ поодаль. Вѣроятно, что вѣтры сіи содѣйствуютъ теченіямъ.

Первое

Первоначальное знаніе морскаго дѣла соспоитѣ въ знаніи временѣ морскаго прилива, на Европейскихѣ моряхѣ шѣмѣ паче необходимо нужное, что тамошніе приливы наспаютѣ съ большею точностію временѣ, нежели въ иныхѣ моряхѣ. Но останемся при Восточно-Индѣйскихѣ моряхѣ.

Примѣчаніе почти общее: чѣмѣ проспраннѣе успья рѣкѣ, шѣмѣ сильнѣе морскіе приливы; напрошивѣ того на берегахѣ, гдѣ меньше рѣкѣ, или озерѣ, шамѣ оныя слабѣе. Еще примѣчено, что въ успьяхѣ великихѣ рѣкѣ спремленіе прилива хотя сильнѣе, но не сполько воздымаешѣ поверхность рѣки, какѣ въ узкихѣ успьяхѣ рѣкѣ; подобно же не споль они высоки и сильны около оспрововѣ, дадекихѣ ошѣ маперой земли, какѣ около шѣхѣ, кои къ ней близки.

По всей Америкѣ морскіе приливы не выше бываемыхѣ въ проливѣ между Англійи и Франціи. Въ Восточ-
Ю 4 цыхѣ

ныхъ Индіяхъ подымающся не высоко и не шакъ порядочно приходящъ, какъ въ Европѣ. Самые же безпорядочные приливы суть у береговъ Тонкинскихъ, около двадцати степеней Сѣверныя ширины, и у береговъ новой Голландіи около семнадцати степеней ширины Южной. Едва шамъ примѣшны приливы: шоль бывающъ они малы.

Теченія моря во многомъ разнятся съ приливами моря. Въ первомъ случаѣ воды подступаютъ и уходятъ назадъ въ продолженіе однихъ сутокъ; а въ послѣднемъ воды текутъ въ одну сторону не только сутки, но недѣлю и больше, и потомъ поворачиваются въ иную сторону. Есть мѣста, гдѣ текутъ воды полгода въ одну и другіе полгода въ другую сторону. Иногда около полнолунія текутъ онѣ въ одну сторону день и два, послѣ стремительно поворачиваются назадъ, и пріемлютъ первое свое теченіе. Приливы морскіе во всей своей силѣ бывающъ въ близости бере-

реговъ, а печенія моря отъ нихъ одалъ. Дѣйствія печенія моря непримѣшны, приливы же очевидно поднимающъ и опускающъ поверхность воды.

Въ якому мореходцу извѣстно, что шамъ, гдѣ насоящъ всегда въ одно время бываемые вѣтры, печенія моря имъ соотвѣтствуютъ въ своихъ чертахъ, не съ равною только вездѣ силою, и не такъ примѣшны на открытомъ морѣ, сколько у береговъ, особливо же у мысовъ. Вокругъ острова печеніе моря больше и меньше примѣтно, разсуждая по единовременнымъ вѣтрамъ. Впрочемъ то вѣрно, что въ продолженіи года всякое печеніе моря премѣняетъ свою черту. Сила вѣтровъ взволнуетъ море и потонитъ волны въ сторону; но море подъ поверхностію своею печетъ въ другую, а часомъ и въ прошивную сторону. Словомъ, не дивятся мореходцы, набѣжая два прошивныя печенія въ одно время, на одномъ мѣстѣ, одно сверхъ другаго.

Ю 1

Въ

Въ Восточныхъ Индіяхъ ежегодно мѣняются черпы печенія моря, и бывають или на Западъ, или на Востокъ. Присупимъ къ земнымъ произращеніямъ.

Дерево Агукла, названное Португальцами по поврежденію слова Аквидла, а Французами орлиное, есть великое и походитъ на дерево масличное. Твердо и жестко, цвѣтомъ сѣровавшее съ чернью, смольно, испускаетъ благовоніе не только когда горитъ, но и когда близко поднесутъ къ нему огонь; соприсчисляютъ его къ роду алоевъ. Надобно долго его жевать, чтобъ почувствовать не большую въ немъ кислоту. Расчетъ больше иныхъ мѣстъ въ Кохинхинѣ. Жители сего царства множество отпускаютъ его во все части Индіи, съдовашельно и вездѣ тамъ не дорого. Служитъ лѣкарствомъ отъ заразительныхъ болѣзней и исправляетъ желудокъ. Знапные и богашые люди имъ курятъ жилища свои и курятся сами, находя по освѣжающимъ швао.

Дѣла-

Дѣлаютъ изъ сего дерева рукоятки къ саблямъ и иныя вещи.

Алафейра, дерево нѣсколько больше сливника, на коемъ рождается Индѣйской шафранъ. У цвѣшовъ сребри желтые, а листки бѣлые. Шафранъ сей хуже Европейскаго, но употребляется также. Алафейра цвѣтеть по ночамъ непрерывно чрезъ весь годъ.

Индѣйское алое есть лучшее предъ всѣми для лѣкарствъ. Листья подобны морскому луку, шолько шире и выпучились внутрь, закраины тупыя и какъ бы перетрескавшіяся. Среблемъ походитъ на Антерикъ. Раствѣніе сіе испускаетъ острый, или пряной запахъ. Вкусомъ очень горько, имѣетъ одинъ прямой въ землю корень, какъ свая. Множество его рождается въ Индіи.

Ананансейра, раствѣніе, дающее плоды, называемые Восточными ананасами, мало разнящіеся съ Африканскими

скими и Американскими ананасами; видомъ шакіе же. Острые края листовъ уподобляющъ ихъ арпишокамъ. Обычайно въ четверть аршина долги, съ полчетверти поперегъ, лѣво ихъ пахнетъ мускашомъ, жестки, цвѣтомъ желтые съ бѣлымъ, вкусомъ сладки и пріятны, а еще больше когда облупивъ лежатъ въ сахарной сытѣ Индѣйцы, по безмѣрной своей до нихъ охотѣ, не всегда дающъ имъ дозрѣвать, помогая кислотою отъ того посыпаніемъ сахара. Плоды сіи горячатъ, но крайнѣ въ здорovy. Ножикъ, забытой въ ананасъ, чрезъ суши сдѣлается шупъ.

Анголамъ, дерево красивое, до ста футовъ вышиною, до двенадцати футовъ шлестю, расщепъ по торамъ и между каменистыхъ холмовъ, всегда зелено, плоды его походятъ на вишни; долго не портятся. Малабарскіе Индѣйцы зовутъ его Царскимъ, ради цвѣтовъ на сучьяхъ, образующихъ Царской вѣнецъ. Сокомъ корня его морятъ червей; онъ же
очнѣ

очищаетъ желудокъ отъ сырыхъ и
 клейкихъ мокротъ, выгоняетъ воду
 обдержимыхъ водяною болванью. Ко-
 рень, исполченной въ порошокъ, почи-
 щается сильнымъ лѣкарствомъ отъ
 укуски всякихъ ядовитыхъ животи-
 нныхъ.

Арека есть плодъ дерева превысо-
 каго, прямого и гладкаго. Мѣша-
 ютъ его съ бешелемъ. Дерево само по
 себѣ не годится ни къ чему, кромѣ
 какъ на мачты и райны ладей по-
 средственной величины. Плодъ сей съ
 проспой орѣхъ, въ зеленой шелухѣ, но
 безъ пячки. Облупленной ходитъ на
 орѣхъ мускатной. Пока не завянетъ, по-
 лонъ бѣлой и клейкой жидкости. Вку-
 сомъ и запахомъ непріятенъ. Не привык-
 шіе люди къ бешелю жуютъ Ареку, не
 выдавливая клейкой жидкости, и дѣ-
 лаются мертво пьяни, но освѣжающся
 скоро. Чѣмъ долѣе лежитъ Арека,
 тѣмъ меньше спановится въ ней сей
 жидкости, а на послѣдокъ, когда со-
 всѣмъ высохнетъ плодъ, то бываетъ
 не пьянъ. Употребляющіе бешель не
 хмѣлѣютъ отъ Ареки.

Безъ

Бешелю кладушъ по два и по три
листка, положивъ на одинъ мореной
извѣспи съ горошину, свертываюшъ
все вмѣспѣ, и прибавивъ къ тому чеш-
вершую часшъ Арековаго орѣха, жу-
юшъ, но сокъ не глошаюшъ. Сей со-
ставъ вообще зовелся бешелемъ же;
красивѣшъ опѣ него слюна, языкъ
и губы. Нѣ такой свершокъ кладушъ
иногда для лучшаго вкуса кардамоно-
вое зерно, гвоздичку и очень мало янша-
рю. Но шо не умножаетъ и не умень-
шаетъ сказаннаго крашенья во рту,
производимаго бешелемъ съ Арекою и
извѣспью. Опѣ недоспапка одной
изъ сихъ вещей слюна бываетъ зелена.

Сверхъ алости на губахъ и при-
ятнаго запаха, оставляемаго во рту,
укрѣпляетъ желудокъ, способствуетъ
варенію пищи. Упопреляющіе смѣсь
сію непрестанно могутъ обойтись
безъ помощи вина. Увѣряюшъ, что
тоже самое служитъ предохраненіемъ
опѣ каменной болѣзни, опѣ зарож-
денія въ пузырь крупнаго песку; а
обдержимыхъ сими болѣзнями вылечи-
ва-

ваешъ. Да и подлинно неизвѣстныя
сіи болѣзни на мѣстахъ, гдѣ жу-
ютъ бешель. Европейцы, по малу
привыкая, спановятся великіе до него
охотники.

Дерево Апейра съ яблоню, мѣлкіе
листья. Плоды его прозвали Порту-
гальцы корицею, видомъ походятъ
на пихтовые и на еловые шишки,
внутри зелены, извнѣ бѣлы съ зерныш-
ками, или съмечками черными, такъ
мокрыми, что ѣдятъ ихъ ложкою,
вкусомъ пріятнѣе ананасовъ, пах-
нутъ такъ какъ янтарной куритель-
ной порошокъ, смоченной розовою во-
дою. Плодъ сей созрѣваетъ въ Ноябрь
и Декабрь.

Бамбу, или Манебу, есть прославляе-
мой шопъ всѣми странствователями
толстой простникъ, подобной крупно-
му лѣсу, что вырастаетъ съ дерево
топольное; сучья торчатъ прямо
вверхъ, листья подлиннѣе масляныхъ,
шебель, или бревно, съ человѣческое
стегно. Колѣнца на шеблѣ одно отъ
другаго

другаго на полшоры чешверти. На берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ въ колѣнцахъ находящъ веще-ство бѣлое, ссѣвшееся, называемое Индѣйцами Сюкаръ - Мамбу, сирѣчь Мамбуевой сахаръ. Аравляне же, Персы и Мавришане зовушъ Табаксиръ, что значилъ на ихъ языкѣ бѣлой сокъ. Цѣлительную его силу высоко славяшъ Персы и Аравляне; продаюшъ на всѣ прошиву чистаго серебра. Даютъ Табаксиръ въ горячкахъ, коликахъ, кровопеченіи и во ушаеваемыхъ болѣзняхъ. Почти во всѣхъ иныхъ краяхъ Индіи Бамбу не имѣетъ драгоцѣннаго сего вещества; но спелли и толстые Бамбуевые сучья вездѣ идушъ на многія сдѣла, о кошорыхъ не нужно уже повшорять.

Дерево, на кошоромъ родинся шакъ именуемой Бенцоинъ, высоко, густовѣшвно, лисшя подобны лимоннымъ. Течешъ изъ него самъ собою родъ смолы, кошорой налагаетъ ему упомянутое имя. Аравляне же зовушъ сію смолу Лу. Подсвкакюшъ еще свержъ

сверхъ того сіе дерево и сучья онаго, чтобъ больше доспашь смолы. Помѣщается между самыми драгоцѣнными Воспочными шоварами ради превосходнаго своего запаха въ курительныхъ порошкахъ и цѣлебной силы. Чѣмъ моложе дерево, тѣмъ черноватѣе и лучше Бенцоинъ. Бѣлой же, почашійся изъ старыхъ деревьевъ, не столь доброшенъ. Торгующіе Бенцоиномъ продають смѣшивая одинъ съ другимъ.

Бешель, такъ часто нами упомянутой, по различному употребленію жителями Индѣйскихъ областей могъ бы составить длинное объясненіе своихъ качествъ. Славные сіи листья распушъ на кустарникѣ, спелющемся по землѣ, подобно перцу; такіе же и видомъ. Благовонны, свѣтлозелены. Бешелевые листья бѣлвюншъ, ешъли полежатъ закрышы въ малыхъ ящикахъ изъ банановаго дерева, недавно срубленнаго, и будутъ на всякой день поливаемы по одному разу. Переменная цвѣта не только не перемѣняется,

Часть VI. / Я няетъ,

няешъ, но дѣлаешъ ихъ еще лучше вкусомъ. У знатныхъ людей не подаюшъ кромѣ бѣлаго бешеля.

Каламба есть дерево высокой цѣны, ради опмѣннаго своего благовои́я, полезныхъ своихъ качествъ и годности для обклеиванія разныхъ вещей. Сопричисляюшъ его къ роду алоевъ. Странствовашель Пирардъ находилъ въ Индiи двойное алое.

Каламба и Гароа продается дорого, особливо на мѣстахъ, гдѣ не родится. Имущественные и чиновные тамъ люди приемлюшъ честию окуривашься симъ деревомъ. Цвѣтомъ оно зеленовато.

Каламъ, или благовои́нной проспникъ, внутри имѣетъ шѣло рыхлое и желтоватое. Даюшъ его для укрѣпленія ослабшихъ нервъ, а женщины принимаюшъ въ истерическихъ припадкахъ. Послѣ большихъ жаровъ даюшъ и лошадямъ съ чеснокомъ, солью, сахаромъ и скошскимъ масломъ.

Смѣсь

Смѣсь сія зовется Араша. Хвалящъ получаемую ошъ ней пользу.

Камфріе, весьма не рѣдкое дерево въ Восточныхъ Индіяхъ, но не вездѣ точитъ смолу, ешоль доброшную, какъ на ошровѣ Борнео.

Растѣніе Дюпроа родится въ Индіи по мѣстамъ, неудобнымъ къ земледѣльству, какъ кустарникъ. Листья на немъ оспроконечные зубчатые бѣлые; когда свалятся, или обленятся, то выходятъ круглой кочень, полной сѣмянъ. Сія сѣмечки, разведенныя въ винѣ и водѣ, или положенныя въ кушанье, или одни, данныя въ извѣстномъ количествѣ челѣвку, дѣлаютъ то, что онъ умретъ ошъ смѣху, или закричится до смерти. Въ меньшемъ же количествѣ ошалѣетъ ошъ двенадцати до пятнадцати часовъ, не понимая, что при немъ говорятъ, или дѣлаютъ. Еще въ меньшемъ количествѣ производятъ самой крѣпкой сонъ на цѣлыя сутки. Служитъ помощію свое-

Я 2

вола

вольнымъ женщинамъ , имѣющимъ мужу усыплять мужей , или присмотрщиковъ .

Фигюейра , или Индѣйской бананикъ , есть паче мягкое растѣніе , нежели дерево . Толщиною въ чело-вѣческое спегно , вышиною отъ пш-напцапи до двапцапи чепвертей , съ листьями въ чепыре чепверти аршина . Въ Индіи и Африкѣ вѣ-рятъ , что первые праопцы рода чело-вѣческаго прикрывали ими нагошу свою . Индѣйцамъ служатъ они вмѣ-сто блюдъ и морелокъ ; нѣмѣ ихъ нуж-ды чиспиль : ежедневно ѣдятъ изъ но-вой посуды . Ее же употребляютъ и за пищую бумагу . Стебли можно уподобить шростямъ . Даютъ плоды по однажды на году . Дастъ ли ко-торое растѣніе отъ шестидесяти до ста банановъ , то срубаютъ стебель у самага корня , и вырастаютъ отъ оппрысковъ новыя растѣнія . Сіи пло-ды бываютъ двухъ родовъ : въ чеп-верть аршина , плоскы и круглы , какъ яйцо , годны жариль , вкусъ какъ

какъ дикихъ смоквей. Жареные бананы съ корицею и сахаромъ пріятны и пишательны; шелуха, или кожа на нихъ бѣлая съ желтью. Полны мѣлкихъ сѣмянъ, кошерыя также вѣдять. Щиплютъ съ растѣнія, когда еще зелены, даютъ пожелтѣвъ и поспѣвъ по домамъ, какъ зимнія дыни. Вшораго рода Бананы зовущя садовыми бананами, слаще годныхъ и въ жареню, пріятнѣе вкусомъ, прохладительны, но не такъ велики; вѣдять ихъ сырые. Тѣ и другіе созрѣвають въ одно время.

Инбирь растетъ на снѣгѣ отъ двухъ до прехъ четвертей аршина, не толще мѣлкаго нашего простнику. Индѣйцы вѣдять корни сего быдія сырые, какъ мы вѣдимъ салатъ, и полагаютъ въ укусъ съ солью. Слово Женжамбръ, или инбирь, кажется что Аравское. Жинжибель на семъ языкѣ значить корень.

Икара - Мули есть корень, крайнѣ горячій желудокъ. Лечатся
Я 3 имѣ

имъ когда худо варится пища. Производишь иногда рвоту, служишь также предохраненіемъ отъ яда. Змѣя, увидѣвъ свѣжій сей корень у чelовѣка въ рукахъ, бѣжишь прочь.

Индиго рождается по многимъ мѣстамъ Индіи. Лучшимъ почитается Бранской, Индуаской, Корсаской и Индустанской, въ разстояніи двухъ-дневнаго пути отъ Агры. Не мало вывозятъ его изъ Сурама, паче же изъ Саркеса, что въ двухъ миляхъ отъ Амандабата. Изъ послѣдняго мѣста достаютъ плоской индиго, но почти такой же рождается въ царствѣ Голькондскомъ, и на шой же продаютъ его цѣнѣ.

Въ Индіяхъ сѣютъ индиго по прошедшви ненаспливаго годоваго времени. Листья много походятъ на листья желтаго пуспарнаку, только нѣжнѣе. Выпускаетъ не большіе сучки нѣвердые, точно какъ дерево. Растетъ вышиною въ чelовѣка. Листья зелены пока еще малы, да въ же становяныя
Фіоло-

фіолетовые съ синью. Цвѣты на немъ
такіе, какъ на репейникѣ, а сѣмечки
какъ у козьей справы.

Рѣжушъ его шамъ по трижды въ
году. Какъ выбѣжитъ на два, или
на три фуза, то оставляютъ спеш-
ли только на полфуза отъ земли.
Первая сія жатва несравненно прибы-
льнѣе двухъ послѣдующихъ. Цѣна
на индиго второю жатвою упадаетъ
отъ десяти до двенадцати, а треть-
ей жатвы до двадцати проценговъ.
Узнаютъ же такое различіе, ломая его:
внутренность перваго яркаго фіоле-
товаго цвѣта съ синью, а второю по-
ярчае цвѣтомъ того, копорой треть-
ей жатвы; но Индѣйцы поддѣлыва-
ютъ всѣ сіи три рода, чшобъ тяже-
ле были въ вѣсу.

Срѣзавъ такимъ образомъ сіе ра-
стѣніе, отдѣляютъ листья отъ ма-
лыхъ ихъ мочекъ и сушатъ на солн-
цѣ, потомъ кладутъ въ чаны, сдѣ-
ланные изъ особаго рода извѣстки, ко-
торая такъ швердѣетъ, какъ мраморъ.

Чаны сіи обычайно имѣютъ во окруженіи отъ осьмидесяти до ста шаговъ. Наливъ ихъ до половины соленою водою, наполняютъ сухими листьями, мѣшаютъ веслами, пока не разойдуться и не спанутъ какъ глина. Даютъ споятъ нѣсколько дней. Когда вода на верху сдѣлается чиста, вынимаютъ у чана запячки и спускаютъ воду. Иломъ, или шѣпсомъ изъ чана, наполняютъ корзины. Всякую корзину особой ремесленникъ ставитъ на равномъ мѣстѣ въ полѣ, беретъ пальцами илъ, и жметъ въ комы, похожіе на половину разбѣаннаго куринаго яйца, плоско на одномъ, а остро на другомъ концѣ. Амадабанской индиго сучатъ на подобіе малыхъ блиновъ. Торговые люди, чѣмобъ въ провозѣ не плашится пошлины за лишній вѣсъ, возя индиго изъ Азіи въ Европу, подсѣваютъ пылъ решешомъ, а пылъ сію продаютъ жителямъ на краску. Подсѣвая индиго, завѣшивающъ лице подошомъ, переводятъ дыханіе, не отворяя ротъ. На полотнѣ прорѣзаны двѣ скважины прошиву глазъ. Занимающіеся сею рабо-

рабашою пьють чрезъ каждыя пол-
 часа молоко. Со всѣми однако же шѣ-
 ми предоспорожностями, прорабо-
 шавъ съ недѣлю, или дней съ де-
 сять, слюна спановишся синяя на
 нѣскольکو времени. Положенное под-
 лѣ работниковъ сырое яйцо поушру-
 къ вечеру посинѣетъ въ немъ и жел-
 токъ и бѣлокъ.

Вынувъ пальцами, обмакнутыми въ
 деревянное масло, илѣ изъ чана, ежавъ
 изъ него комъ, потѣ же часъ кладушъ
 на солнце сохнушъ. Берушъ также
 илу на другой комъ, и такъ далѣе. Куп-
 цы, шоргуя индигомъ, жгушъ на
 огнѣ, и пошому узнаюшъ, не при-
 мѣшено ли песку: индиго превращается
 въ золу, а песокъ остается пескомъ.
 Кому надобно индиговья сѣмена, потѣ
 запускаетъ въ другой годъ его засох-
 нушъ на шебляхъ, пошомъ жнешъ
 и вымолачиваетъ сѣмена. Землѣ чрезъ
 шри года даюшъ одинъ годъ лежать
 впусшъ чтошъ ошдохнула.

Прекрасное вышиною и длиною
 сучей дерево Макареко досшойно за-

Я 5

мѣча-

мѣчанія ради своей полезности. Коренья его концами только своими достигающъ до земли и ими только за нее держатся; следовательно кажутся стоящимъ на опуклыхъ сваяхъ, видныхъ насквозь. Коренья же сіи долги, толсты и гладки. Индѣйцы, особливо Малдивскіе, естля имѣющъ нужду въ гладкомъ деревѣ, опрубающъ ихъ, оставая не больше чешырехъ, чѣобъ дерево не повалялось; отъ чего на новой годъ больше его прибудетъ прошиву шѣхъ, у которыхъ цѣлы коренья. Цѣвны на немъ длиною въ одинъ футъ, бѣлы, двойные и благоуханны; плоды же съ шыкву, круглы, жесткокожіе, раздѣлены слоями сверху до сердца, цѣвномъ густокрасные. Самые крупныя плоды не вдящъ, а только сѣмена, опмѣнно вкусныя. Листья длиною въ полторы чешверши аршина, шириною же въ одну чешверть. Сдирающъ съ нихъ кожу и пишущъ чернилами на шомъ и на другомъ, какъ на пергаментѣ. Дерево само по себѣ сыро, недревачо, наполнено сѣруями, или
жилка-

жилками, ради чего и мало годно ко всякой выдѣлкѣ.

Мангостанъ превкусной плодъ того же имени дерева; нигдѣ такъ не хорошъ, какъ на островѣ Явѣ. Дампьеръ почищаетъ его лучшимъ изъ всякихъ плодовъ. Походитъ на гранатное яблоко, щолько очень меньше.

Мангюера деревьевъ плодъ его зовется Мангъ и Мангус. Идетъ у Индѣйцовъ и нашихъ спранствовашелей въ прѣпыхъ послѣ кокосовнику и Беплейры. Росшомъ съ большую грушу, но длиннѣе и тоннѣе дичья. Плоды на немъ родящяся тяжеловѣсныя; стебельки, на коихъ виснутъ, на сучьяхъ не меньше фута длинны; облупленной бѣлѣ съ желтью. Не одинъ родъ Мангюеровъ: Карреирасъ, Малаясъ, Николасъ, Сатиасъ и еще нѣкошорые. Плоды вкусомъ прѣятнѣе самыхъ лучшихъ Европейскихъ. Спранствовашель Делонъ признавался, что ничего онъ не вдалъ вкуснѣе во всю свою жизнь. Послѣваютъ въ Апрѣлѣ, Маѣ

МаѢ и ІюнѢ, хошя находятъ уже
вѣдые плоды за два и за три мѣся-
ца прежде. Безмѣрно горячатъ кровь.
Рвутъ ихъ какъ и иные въ Индіи
плоды, когда еще зелены. Созрѣва-
ютъ по домамъ въ два и три
дни; варятъ ихъ въ сахарѣ и кладутъ
въ уксусъ; изъ нихъ дѣлаютъ Индѣй-
цы свой Ашарѣ, или салатъ. Порту-
гальцы не меньше охотники до Аша-
ру. Мангюеровѣ лѣсѣ употребляется
на сполярную работу.

Мангорейра кустарникъ. Порту-
гальцы прозвали его Аравитскимъ
ясиномъ. Можетъ быть вывезенъ
изъ Аравіи и насажденъ въ Индусша-
нѣ, пошому что нѣтъ его ни въ
какомъ другомъ мѣстѣ Индіи. Пре-
красные бѣлые родятся на немъ цвѣ-
ты, называемые Мангорины, пахнутъ
какъ ясины, но лучше. На ясминахъ
только по шести листковъ, на Ман-
горейрахъ же больше пятидесяти.

Молуканъ распѣніе, отъ трехъ
до семи фушовъ вышиною. Назва-
но

но по имени острововъ Молукскихъ. Индѣ вездѣ не столь полезно для человека. Яркого зеленого цвѣща, себель тонкой, мягкой, со внутреннею пухлою и слабой. Пускаетъ множество вѣтокъ, которыя спелются по землѣ безъ подшавокъ. Одно шакое расшѣніе занимаетъ великое мѣсто.

Листья подобны самбуковымъ, но мягче, тонѣ, зубчатые вокругъ. Цвѣтитъ какъ шыковникъ, но цвѣты побольше, желтые. Родится на сырыхъ мѣстахъ, зелено во весь годъ. Листья и перепонки подъ верхнею корою цѣлятъ раны и самые опасныя чирьи, упишашъ ломъ, унимаютъ кровопеченіе. Индѣйцы расшѣніе сіе зовутъ на своемъ языкѣ лѣкарствомъ людей, раззориледемъ врачей.

Олоторіонъ родъ кропивы, столь ѣдкой и ядовитой, что допронувшись только рукою обжигается человекъ, какъ кипяткомъ, и пошчасъ за-немогаетъ жестокою лихорадкою, ештли не ускоряшъ приложитъ къ об-
жогѣ

жогъ полченаго чесноку. Вредное та-
кое свойство Олопуриона не мѣшаетъ
Индѣйцамъ по многимъ, мѣспамъ класъ
его въ Арракъ, или тамошнюю водку,
чтобъ придашь еще больше крѣпости,
хотя отваживаясь чрезъ то получить
харкошину съ кровью и самую ча-
хожку. Другіе Индѣйцы варятъ Оло-
пурионъ въ морской водѣ, льютъ ли-
монной сокъ, рубятъ намѣло его ко-
жу, и все то смѣшавъ, наполняютъ
проси, въ кошорыхъ и хранятъ въ
запасъ для приправы мясныхъ своихъ
снѣдей. Есть люди, сопрічисляющіе
Олопурионъ къ растѣніямъ Цоофисамъ,
или имѣющимъ чувство.

У такъ называемыхъ обезьянь-
ихъ пальмовъ сучья походятъ на
превеликія плети со многими хво-
спцами. Изъ распушихъ на нихъ пло-
довъ дѣлаютъ четки.

Дерево Панома, или Молукское,
какъ называютъ Европейцы, походитъ
на дикую пигву. Листья какъ у дерева
мопеля, плоды какъ дѣнные орѣхи,
щоль-

только ниже орѣшнику, и кора на немъ чернѣе и мягче. Великія пользы, получаемыя Индѣйцами отъ сего дерева, вставляющъ садить его въ садахъ. Не легко упрашивать ихъ Европейцамъ, чшобъ дали на него посмотришь. Дерево само по себѣ есть наилучшее очистительное лѣкарство. Если слабиль чрезмѣрно, то должно выпить спаканъ яшной, или пшенной сарацинской воды; оно же отнимаетъ силу яда, лечитъ всякія ядовитыя раны и укуски животныхъ. Не меньше врачующимъ разумѣютъ его лихорадки, колики, водяную и каменную болѣзни, ломъ въ соснавахъ, боль въ нѣкоторой только части головы, жесткіе вереды, зобы на шеяхъ. Выгоняетъ глисты и производитъ позывъ на нищу. Одинъ пріемъ сего лѣкарства есть отъ чепырехъ грановъ до полускрупеля, въ жидкой похлебкѣ. Паному вывозятъ въ Европу, но мало, слѣдовательно и продается очень дорого.

Перейра, или Гваява, въ Восточныхъ Индіяхъ не большее дерево, но
многочисленно.

многовѣшное и густое. Плоды видома зеленые и желтые, какъ груши, шло ихъ бѣловато и мягко, вкусъ пересѣблыхъ грушъ. Хорошія изъ нихъ дѣлають вакуски, сухія и жидкія. На деревѣ во всякое время года.

Деревья Планшины много походятъ на бананы, различаются же только своими плодами: крупнѣе банановыхъ и въ половину длиннѣе. Нѣкоторые зовуть ихъ Царями плодовъ, не исключая и кокосовыхъ орѣховъ. Дампьеръ такъ описываетъ Планшины: „Дерево, дающее сіи плоды, отъ десяти до двенадцати футовъ высоко, отъ трехъ до четырехъ футовъ въ обхватъ. Не зараждается отъ сѣменъ, коихъ и не видно въ плодахъ, но оппрыскиваетъ отъ старыхъ корней. Опдѣливъ оппрыски, еспли посадишь на иномъ мѣстѣ, не дають оппрысковъ прежде пятнадцати мѣсяцовъ, а на прежнемъ своемъ мѣстѣ пускають ихъ чрезъ годъ. Какъ скоро созрѣють плоды, де-
„ рево

„ рево начинаетъ увядать ; вмѣсто
 „ же того даетъ многіе побѣги отъ
 „ корня , копорые , показавшись изъ
 „ земли , выпускаютъ потчасъ два
 „ листка ; ставъ въ одинъ футъ , вы-
 „ пускаютъ еще два между первыхъ ,
 „ и такъ далѣе чрезъ мѣсяць . Тогда
 „ появляется наростъ , толщиною въ
 „ человѣческую руку , окруженной
 „ осьмью и десятыми листьями въ
 „ чешыре и пять футовъ . Первые
 „ листья сначала не больше какъ
 „ въ одинъ футъ длиною , поперегъ
 „ же въ половину , стебель тогда не
 „ толще пальца . Вмѣстѣ съ прибав-
 „ кою росла дерева разширяются
 „ листья . По скольку новые прибавля-
 „ ются , по стольку разпростираютъ
 „ ся старыя ; опускаютъ острые свои
 „ концы къ землѣ , и чѣмъ ближе къ
 „ корню , тѣмъ долѣе они и шире .
 „ На послѣдокъ сваливаются и гнива-
 „ ютъ ; непрестанно вырастаютъ од-
 „ ни за другими листья новые , такъ
 „ что дерево всегда зелено . Листья
 „ въ совершенствѣ своемъ отъ семи
 „ до осьми футовъ долги и въ под-

Часть VI.

⊙

„ Фута

„ фуша полсты. Къ верху ошча-
 „ су короче и меньше, на маковѣ
 „ дерева кончашся густымъ и круг-
 „ лымъ помеломъ. Стебли большихъ
 „ листьевъ въ человѣческую руку, по-
 „ чти круглы въ обхватѣ, длиною
 „ въ одинъ футъ. Бревно, или дерево
 „ само по себѣ, такъ какъ и бана-
 „ новое, кажется ссавленнымъ изъ
 „ множества слоевъ коры, нарастаю-
 „ щихъ одинъ на другомъ. Приспѣвъ
 „ дерево въ послѣдней свой возрастъ,
 „ пускаетъ изъ маковки сибель жест-
 „ чѣе, нежели всѣ прочія его части.
 „ Изницаетъ же изъ самаго сердца де-
 „ рева, длиною и полштошою въ ру-
 „ ку чловѣка. Прежде покажутся око-
 „ ло его цвѣты, а послѣ и плоды
 „ кучками на шесть, или на семь
 „ дюймовъ, въ шелухѣ мягкой и жел-
 „ кой, видомъ подобной полстой
 „ колбасѣ. Плоды лежатъ внутри
 „ оной, кои мягки и рыхлы, какъ скош-
 „ ское масло, опмѣнно пріятнаго
 „ вкуса, шаютъ во рту, какъ лучшій
 „ ягодникъ; не имѣютъ сѣменъ. „

Планши-

Планшины Ъдятъ жареные и вареные въ водѣ, когда совершенно выраспушѣ; прежде однако же, нежели совсѣмъ со-врѣютъ, въ изгошовленные безъ мяса и рыбы кладутъ лимонной сокъ, соль и зернистой перецъ. Ъдятъ такъ же ихъ жареные съ сырыми спѣлыми: первое служишъ за хлѣбъ, а другое за масло. Агличане, пишетъ Дампьеръ, шакіе же великіе до нихъ охошники, какъ Индѣйцы: берутъ пяшь, или шестъ спѣлыхъ Планшиновъ, рубяшъ мѣлко, дѣлаютъ тѣсто и варяшъ свои пуддинги, прозванные ими панцырями, по той причинѣ, что Планшины въ Индіи ешъ общая пища въ голодные годы. Пекутъ шакже изъ нихъ преизрядные пироги. Зеленые, нарѣзанные ломпиками и высушенные на солнцѣ, долго не порчяшся. Употребляюшъ тогда ихъ вмѣсто смоквей. Многіе Индѣйцы, нарвавъ спѣлыхъ Планшиновъ, жаряшъ, рѣжушъ въ куски, выжимаюшъ сокъ, мѣшаюшъ съ водою, составляюшъ питье и вкусное и питательное. Походитъ на Аглинское питье лембевадъ, дѣлаемое изъ яблокъ и бѣлаго пива.

Въ Америкѣ, по свидѣтельству того же спранствователя, дѣлають совсѣмъ иначе напитокъ изъ Планшиновъ: взявъ десять, или двенадцать спѣлыхъ, кладуть въ сосудъ, и черезъ десять часовъ не вдругъ наливають около осьми бутылокъ воды. Разжиженное такимъ образомъ начнетъ бродить и пѣниться. Черезъ четыре часа поспѣваетъ, по прошествіи сутокъ закисаетъ. Любящіе сей напитокъ дѣлають его ежедневно. Пріятенъ и прохладителенъ, но пучитъ. Окислой спановится лучшимъ уксусомъ.

На островѣ Минданао жители умѣють дѣлать для себя одежды изъ дерева, служащаго пищею другимъ Индѣйцамъ. Дампіеръ, повѣствуя о томъ, молчитъ, для чего симъ изобрѣшеніемъ не всѣ Индѣйцы пользуются. Простой народъ на семъ островѣ не имѣетъ никакихъ иныхъ одеждъ, кромѣ какъ изъ Планшиннаго дерева. Когда поспѣють на немъ плоды, рубятъ подъ корень и дѣлають изъ него

него сукно. Довольно къ тому одного длиннаго ножа. Попомъ отрѣзываютъ маковку, чтобъ бревно было въ восемь, или десять футовъ. Сдираютъ внѣшнія коры, подстыя близко корня. Облупленное бревно спановишься бѣловато во всѣхъ своихъ частяхъ, равной подстыи. Колютъ прежде по поламъ, потомъ на четверо, спараясь сколько можно, чтобъ колоть на равныя половины. Плахи сіи лежатъ на солнцѣ до трехъ дней, высыхаетъ въ нихъ вся сырость. На концахъ окажутся множеству тонкихъ жилокъ. Женщины выпягиваютъ безъ пруда сіи жилки отъ одного конца до другаго, не шоще худо выбѣленныхъ нитокъ, и послѣ шкутъ сукна до осьми локтей кусокъ, которыхъ и основа и утокъ тѣ же самыя жилки. Носится не долго; но работатъ его легко. Новое жестко и лицо какъ взмокнетъ.

Кустарникъ, на которомъ родится перецъ, плошенъ и тяжель на подъемъ. Листья походятъ на праву повилицу.

Садятъ его или у какой нибудь стѣны, или подлѣ деревьевъ, чѣшобъ было ему около чего вѣтѣся. Сильной запахъ отъ листьевъ. Также оспры на языкѣ, какъ и его плоды. Когда опцувѣтеть, то показываються зародыши перца малыми кишми, или гроздами, какъ смородина. Зернышки прежде зелены, послѣ день отъ дня нечувствительнѣо краснѣютъ. Совсѣмъ поспѣлой рвутъ, сушатъ на солнцѣ и зерны сами собою гыплются, морщатся и дѣлаються такимъ, какимъ видимъ мы перецъ въ Европѣ. Хуже всѣхъ перецъ Малабарской. Нигдѣ нѣтъ природно бѣлаго, какъ многіе писали, а всякой сухой перецъ черенъ, или самага темнаго цвѣта. Бѣлымъ дѣлають его молотьбой, когда сохнутъ, сбивая черную его и морщливую шелуху. Индѣйцы бѣлятъ инако: мочатъ въ водѣ и труть, пока не свалился шелуха, но чрезъ то уменьшається его пряность.

Спранствовашель Боліе, живѣ долго на оспровѣ Боттонѣ, тщательнѣо присматривалъ какъ собирають и го-
жо

повяты перецъ. Распешъ, пишешъ онъ на просвянной жирной землѣ. Садятъ его подлѣ всякихъ деревьевъ, около которыхъ онъ вьется, какъ хмѣль. Желаящіе сдѣлать себѣ отъ него доходъ, выбираютъ лучшіе черешки и садятъ подлѣ кустарниками. Прилѣжно полютъ не только внутри сего распшнія, но и вокругъ. Черешки даютъ плодъ въ шрестій годъ, а въ четвертой даютъ въ превеликомъ изобиліи, даже иногда съ одного стебля снимаютъ до семи фунтовъ. Первые три года крупень, а послѣ что далѣе, то мѣлче. Въ другіе три года, сирѣчь четвертой, пятой и шестой, приходитъ одною шрестью меньше и шрестью также мѣлче; въ седьмой же, осьмой и девятой изрѣдка самыя малыя зерна; а въ десятой годъ не рождается головою: надобно опять его разводить. „Какое заблужденіе, продолжаетъ Боліе, писавшихъ, что перецъ собирается почти безъ всякой работы. Я самъ видѣлъ бросенные такіе сады въ лѣсахъ, которые не давали уже болѣе плода. „

О 4.

Первое

Первые три года потребуешь премножество ходьбы, чтобы въ сыромъ тамошнемъ климатѣ не ослабла шрава не только отъ дождей, но и отъ сильныхъ росъ, бываемыхъ по всякую ночь. За одну ночь вырастаетъ такъ велика, что человекъ, прошедъ ею, съ головы до ногъ обмочится. Какъ спанеть поспѣвать перецъ, надобно обсѣкать сучья у деревьевъ, около которыхъ онъ вѣтается, чтобы незаслоняли солнце, нужное ему паче всякихъ иныхъ растѣній. Надобно зацѣпить каждую кисть за конецъ въшви, чтобы шягостию своею не опорвалась и не упала не созрѣвъ; не допускай приближаться скопу, особливо же буйволамъ и быкамъ, коиорые, запушавшись въ сцѣпленныхъ листьяхъ, перецъ вырываютъ съ корнемъ; чтобы между растѣниемъ симъ было мѣсто ходить человеку. По собраніи плода не можно деревья инако очистить отъ плесей перца, какъ подставляя лѣспницы; безъ того же на другой годъ пойдетъ перецъ въ шраву, вырастетъ безмѣрно высоко и дастъ меньше плода. Въ

Въ Апрѣлѣ показывающа на немъ мѣлкіе бѣлыя цвѣты, въ Іюнѣ спануць свертывающа въ плоды, будущъ зелены и шакъ велики, какъ имъ бытъ въ Августѣ. Приносъ и горечь и тогда уже въ немъ не малы. Зеленой перець бдящъ Индѣйцы вмѣсто сала-та, или дѣлающъ свой Ашаръ, смѣшавъ съ другими плодами въ уксусъ, для запасу на весь годъ. Въ Октябрѣ онъ красенъ, чернѣетъ въ Ноябрь, въ Декабрѣ, ставъ совсѣмъ черенъ, поспѣваетъ къ уборкѣ. На однихъ мѣстахъ поспѣваетъ нѣсколько ранѣе, на другихъ позже.

Срѣзываютъ кисти, сушатъ на солнцѣ, безмѣрно шамъ жаркомъ въ сіе годовое время. Зерна сами собою сыплются. Сохнутъ же двѣ недѣли, чрезъ кошорыя должно очень часто ихъ мѣшать и закрывать на ночь. Ошдѣленіе сору кончится въ одинъ шолько, или конечно не долѣе двухъ дней. Есть въ немъ зерна, которыя никогда не покраснѣютъ и не почернѣютъ, а сдѣлаются бѣлы. Индѣйцы

прилѣжно выбираютъ такой перецъ, которой идетъ у нихъ на лѣкарство, продающъ и покупающъ вдвое дороже, по крайней мѣрѣ между собою, иностранцамъ же не нуженъ. Умѣютъ они бѣлишь всякой перецъ. Выбираютъ также Индѣйцы и красныя зерна, моютъ съ пескомъ во многихъ водахъ, чтобъ опала красная перепонка и остались зерна бѣлы.

Лучшій перецъ есть шопъ, которой продается мѣрою, а не вѣсомъ, для того что не моченой и не можно подмѣшати хрящу и песку. Купцы принимаютъ его въ мѣру, навываемую Нали; въ ней шестнацать Гантовъ, въ каждомъ Гантѣ четыре Шюпа. Пятнацать Наліевъ составляютъ одинъ Багаръ, или четырехста пятьдесятъ нашихъ фунтовъ. Въ земляхъ Царя Ахемскаго мѣры цѣлою четвертью меньше. Цѣна перцу за одинъ Багаръ, когда шамъ былъ Боліе, стояла по шестнацати піасровъ; никогда же, естли повѣришь сему странствователю,

лю, не превосходитъ двашцати пшаспровъ.

Перецъ дѣлится на двѣ руки: крупной и мѣлкой. Крупной большею частію идетъ съ Малабарскаго берега, продается въ городахъ Келекутѣ и Тютокоринѣ. Вывозятъ также его изъ царства Висапурскаго, покупая въ маломъ городѣ того же царства Реапурѣ. Отъ нѣкоторыхъ странствователей знаемъ мы, что Голландцы на Малабарскомъ берегу не покупаютъ перецъ на деньги, а мѣняютъ на хлопчатую бумагу, опиумъ, алую краску, ршущь и иные товары. И сей - то крупной перецъ доставляется въ Европу; мѣлкой же, вывозимой изъ Баншама, Ахема и другихъ Восточныхъ мѣстъ, почти весь издерживается въ Азіи, особливо Магометанами. Въ мѣрѣ зеренъ вдвое прошиву крупнаго. Мавришане щеголяютъ тѣмъ въ своихъ столахъ, чтобъ много было наложено въ кушанье зеренъ мѣлкаго перцу, отъ крупнаго же сильно жжеть во ршущу. Сказываютъ, что

что Голландцамъ на Малабарскомъ берегу приходитъ пшшь сошъ фуншовъ перцу не свыше шришцаши осьми пшспровъ. Сверхъ того, плашя за него шовараму, получають, какъ говоршся, копъйку на копъйку. Сказывають и то, что на наличныя деньги можно купшь шоже количество за шришцашъ и за двашцашъ восемь пшспровъ. Долгой перецъ, коего много въ Инди, паче же въ обласяхъ великаго Могола, вездъ шамъ дешевъ.

Корень Киль, или Кирпель, по Португальски Пао де Кобра, Голландцами же названной эмбиное дерево, бвлъ не много съ желшью; жестокъ и горекъ. Индъйцы его толкушъ, и разводя въ водъ съ пальмовымъ виномъ, лечашся отъ горячекъ, отъ укуски эмбй, и отъ всего ядовшаго. На Индъйскомъ языкъ названъ сей корень по имени звърка, ростомъ съ нашихъ звърковъ же ласточекъ, непршателя эмбй, нападающаго на нихъ, гдъ бы ни увидълъ. Ешшли ужалишъ его эмбя, то побъжишъ искашъ и вшшь сего корня.

Рима, совсѣмъ иное съ такъ называемымъ Сагю, есть дерево, дающее хлѣбъ, кромѣ острововъ Маріанскихъ нигдѣ неизвѣстное. Маковица широкая и густая, листья черноваты, плоды виснушъ на сучьяхъ, какъ яблоки, круглые, величиною съ хлѣбъ, кора толстая, крѣпкая, желтая и гладкая. Жители сихъ острововъ не имѣютъ другаго хлѣба. Рвутъ, когда созрѣютъ, и пекутъ въ печахъ, пока корка не почернѣетъ: тогда вынимаютъ изъ печей, слупаютъ верхнюю корку; останутся плоды въ тонкой и мягкой перепонкѣ, вкусные и бѣлые, какъ мякишь лучшаго бѣлаго хлѣба. Въ Римахъ нѣтъ ни зернышекъ, ни косточекъ. Надобно встѣпной хлѣбъ пока мягокъ, черствой же безмѣрно сухъ и пропивенъ.

Сарацинское пшено, составляющее коренную пищу Восточныхъ народовъ, распелъ оны прехъ до чешырехъ фушовъ высоко, стеблемъ толще пшеницы. По два на немъ колоса, шире также пшеничныхъ, со многими же-
луд-

лубками, въ коихъ лежатъ зерна продолговатыя и плоскія. На колосьяхъ усы въ два и шири дюйма; усы вмѣстѣ образуютъ бороду, раздвоившуюся къ верху, а внизу колосевъ курчавую. Зерна бѣлыя въ темноцвѣтной шелухѣ. Думаютъ, что сіе пшено взято изъ Индіи и развезено по другимъ странамъ, гдѣ его нынѣ съюють. Производитъ всегда обильную жажву. Любитъ землю сырую, родится и изъ подъ воды. Въ Индіи жнутъ его, стоя по колѣни въ водѣ. Ошъ лѣшняго зноя созрѣваетъ. Снимаютъ его около осенняго равноденствія. Употребляютъ хотя больше на пищу, нежели на лѣкарства, однако же пользуетъ ошъ поврежденія въ печенкѣ, кровохарканія и ошъ многихъ иныхъ болѣзней; но должно, чтобъ вода, или молоко, въ чемъ его варили, была подогрѣта, или бы предъ пищемъ опущено въ нихъ было раскаленное камень. Индѣйцы пьютъ жижу сарацинскаго пшена въ разныхъ припадкахъ. Пекутъ хлѣбы. Ошъ всегдашняго употребленія онаго, по общему увѣренію,

люди

люди шолствуютъ, въ пропивность мнѣ-
нію древнихъ врачей, будто бы такой
хлѣбъ былъ мало питателенъ и тя-
желъ для желудка. Сидятъ изъ сего
пшена горячее вино, называемое Арракъ,
такъ какъ и изъ пальмы. Арракомъ
же вовутъ Индѣйцы и всякой иной
пьяной напишокъ. Индѣйцы весьма
различаютъ разныя породы сарацин-
скаго пшена по мѣстамъ, гдѣ которое
родится.

Соамуна дерево красивое, но стран-
ное на видѣ. Верхъ, и низъ его
бревна, или стебля, равной толщины,
по срединѣ же вдвое толще; по
корѣ иглы. Тѣло его снаружи сѣ-
рое, а внутри бѣлое, рыхлое, нозд-
реватое, какъ пробковое дерево. Листья
продолговаты; множество на нихъ
жилокъ, съ зубцами по пяти вмѣстѣ,
коихъ по концамъ торчатъ долгія
мочки. Плоды въ продолговатыхъ
спручьяхъ, красные, походятъ на го-
рохъ. Срѣзываютъ съ сего дерева
иглы, когда еще онѣ зелены, и пече-
тѣть сокъ, весьма полезной для глазъ:
выни-

вынимаетъ жаръ, укрѣпляетъ зрѣніе и помогаетъ тому, у кого бьетъ слеза. . . . Но родятся ли гдѣ либо плоды, осушающіе слезы, извлекаемыя горещію и бѣдами?

Дерево, дающее плодъ Сагю, Индѣйцами зовется Сагюманда. Изъ пня его дѣлаютъ хлѣбъ. Трощь на перку, мѣсятъ на водѣ лепешки и сушатъ на солнцѣ, пока не сдѣлаются сухарями. Варятъ похлебки изъ самого мѣлко испершаго Сагю. Служитъ пищею для всѣхъ плѣмъ Индѣйцовъ, у коихъ не родится сарацинское пшено, пшеница и рожь.

Сагюманда дерево не высокое, но толсто бревномъ. Листья схожи съ кокосовыми. У молодыхъ деревьевъ опрубаютъ самой толстой сукъ, подставляющъ кусокъ самой толстой сахарной тростки вмѣсто корыны, которое тогда наполняется жидкостію, называемою Индѣйцами Сагюаръ, сладчайшею меда, которая нездорова, пока не положатъ въ нее другой горькой Индѣйской

дѣйской жидкости, по Индѣйски Губанѣ, копорую дѣлають изъ разныхъ шравѣ съ сахаромѣ. Голландцы не пьютъ ничего инаго на островахъ Молукскихъ и на островѣ Амбоинѣ. Надобно употреблять умѣренно, слишкомъ же напившійся спановишся пьянѣ, получаетъ въ лицѣ блѣдность и пухнетъ шло. Пріятнѣе пить Сагюарѣ съ сахаромѣ и Арракомѣ.

Сандалѣ съ орѣховое дерево, плоды подобны вишнямѣ, прежде зеленые, послѣ чернѣють, безъ всякаго вкуса. Сандалѣ въ великомѣ почтеніи у Индѣйцовѣ. Раздѣляется на красной, желтой и бѣлой. Послѣдніе два рода, обильно распуще на островахъ Тиморѣ и Салорѣ, покупаются дороже всѣхъ. Толкутъ его, или скоблютъ, мѣшаютъ съ водою, варятъ и мажутъ шло; изрѣзавъ въ мѣлкіе куски, курятъ въ домахъ, почитая дымъ сей весьма здоровымѣ. Красной сандалѣ почли у Индѣйцовѣ не въ употребленіи: опускають его за мѣря на дѣкарства.

Часть VI.

У

Про-

Прозванное дерево мыльнымъ ростомъ превысокое, оголяется отъ всѣхъ своихъ листьевъ. Въспло плодовъ рождаются на немъ малые шарики, желшбующіе созрѣвая, распираемые въ рукахъ становящся бѣлымъ мыломъ, которымъ моютъ Индѣйцы шелкъ, и на иныя идеи у нихъ употребленія.

По многимъ мѣстамъ Индіи расшетъ дерево чувствующее, коего плодъ, какъ скоро кто либо къ нему коснется, начинается прыгашъ Гошіе-Шушенъ повѣснуетъ, что сидѣль онъ нѣкогда съ нѣкопорыми изъ своихъ товарищей подъ такимъ деревомъ. Вдругъ всѣ они удивились и испугались, увидѣвъ, что плодъ на деревѣ, показавшійся прежде имъ листомъ, началъ увеличиваться, колыхаться и прыгашъ.

Сіонанна, кустарникъ, пріятной вѣвнїю; листья подобны щиткамъ отъ солнца. Плоды тогда поспѣвають на нижнихъ сучьяхъ, когда верхніе только еще цвѣтуть. Сила Сіонанна состоитъ

оплоишь въ его корняхъ, коими лечашь
ужалъ самыхъ ядовитыхъ змѣй.

Тагера, нарочито высокое растѣнiе,
коего листья исполченные привязы-
ваюшь на то мѣсто, гдѣ ужалашь
пчелы, мошки и иныя несѣкомыя,
отъ коихъ нарываешь плѣло. Топчасъ
унимается боль; а сѣмена растѣнiя,
также исполченные, пользующь вере-
ды и раны.

Таласа, растѣнiе, не дающее ни
цвѣтовъ, ни плодовъ; листьями его
приправляющь кушанье. Свѣжiе его
листья вѣдашь для возбужденiя похоти.

Тамарины, или Тамаринды, ро-
дятся почти во всѣхъ частяхъ Ин-
дiи, особливо въ Бенгалѣ. Деревья, при-
мѣчательныя по величинѣ своей и
красотѣ: бревномъ прямы и гладки,
вѣтви покрыты опшѣнно прiясны-
ми зрѣнiю листьями, высоко къ верь-
ху. Молодые Тамарины вырываютъ
на мѣстахъ дикихъ и садятъ тамъ,
гдѣ не обробашивается никогда зем-
ля,

ля, какъ - то: на перекресткахъ до-
рогъ, на площадяхъ и улицахъ для
украшенія мѣстѣ. Дають прегустую
тѣнь, подъ кою Индѣйцы укрываются
отъ солнца. Цвѣты сего дерева по-
добны цвѣтамъ на персикахъ и миг-
дальникѣ; предъ тѣмъ, какъ мы вян-
нуть, спановятся горьки. Изъ цвѣт-
ковъ выходятъ плоды долгіе, не мно-
го кривые, въ спручьяхъ, какіе на
нашихъ бобахъ, прежде зеленыхъ, по-
томъ сѣрыхъ, въ палецъ длиною. При
захожденіи солнца плоды прячутся
подъ листья, а при восхожденіи вы-
совываются. Въ каждомъ спручѣ
три, или чешыре малыя бобинки тем-
наго цвѣта, въ клейкой сверху склизн.
Сія - то самая склизъ свойственна зо-
вется Тамариномъ: вкусомъ остра и
кисла. Индѣйцы и Португальцы при-
правляютъ ею мясныя ѣства. Солятъ
ее, варятъ въ сахарѣ и отпускаютъ
въ чужія земли. Послѣдніе первыхъ
лучше: вынявъ изъ спручей, распы-
раютъ, посыпаютъ сахаромъ и кла-
дутъ въ банки. Кисловашой вкусъ,
всегда оспающійся, дѣлаетъ ее пріят-
ною.

ною. Предпочтительное же свойство есть то, что чиститъ кровь.

Тека, или Индѣйской дубъ, дерево большее. Цѣлые лѣса наполнены Теками. Индѣйскіе идолопоклонники не строятъ и не починиваютъ капищъ своихъ инымъ лѣсомъ. Изъ листьевъ достаютъ краску пурпуровую, коею красятъ шелкъ и хлопчатую бумагу. Они же служатъ имъ и пищею. Врачи дѣлаютъ изъ нихъ сахарной сиропъ отъ молошницы. Цвѣтки, вареные въ молокъ, помогаютъ въ водяной бѣдѣзни.

Дерево Святаго Өомы не носитъ никакого плода. Листья на немъ удивительной красоты: благовонные фиолетовые.

Вененъ дерево, распушее въ Восточной части Индіи. На корѣ иглы, или щетины; цвѣтки бываютъ на немъ бѣлые, пріятные запахомъ, плоды крупны, подъ кожей, какъ у пигвы, шло красноватое, вкусомъ какъ

неспѣлой виноградъ. Изъ цвѣтковъ настаиваютъ благовонную воду, а изъ плодовъ выжимаютъ напитокъ,

Церюмбетъ шочно подобенъ инбирю, только листые долѣе и шире. Коренья, разрѣзанные ломтями, сушатъ на солнцѣ и варятъ въ сахарѣ: пряные и вкусны инбирю.

Между разными родами померанцевъ лучше Камшены и Кампкишы, паче же въ Кохинхинѣ и Тонкинѣ. Камшены желтоваты, кожа толстая и жесткая. Ничто не можетъ сравниться со вкусомъ и благовоніемъ ихъ шѣла, желтаго и прозрачнаго какъ янтарь. Позволяютъ ихъ ѣсть во всякой болѣзни. Кампкишы круглы, въ половину меньше Камшеновъ, цвѣтомъ малиновые, кожа мягкая и некрѣпкая, вкусъ пріятной, но нездоровы, особенно для слабыхъ желудковъ. Производятъ поносъ съ великимъ рѣзомъ въ животѣ. Годовое время сихъ плодовъ отъ Октябръ до Февраля.

Упомя-

Упоминали уже мы, что корица
 нейдетъ нынѣ ни откуда больше,
 кромѣ острова Цейлана. Описывая
 сей островъ, сказывали уже, что де-
 рево, ее дающее, походило на ракиш-
 никъ; что при на немъ коры, и что
 сдираютъ съ него только двѣ верх-
 ния. Прибавимъ еще къ тому, что
 вторая кора самая лучшая. Третью
 кору для того не снимаютъ, чтобы
 дерево не засохло. Умѣть снимать ко-
 ры есть ремесло, коему учатся и на-
 выкаютъ съ ребячества. Новѣйшіе на-
 ши странствователи думаютъ, что
 вывозъ корицы стоить больше, неже-
 ли мы себѣ представляемъ. Царь
 острова Цейлана, называющійся Царемъ
 Кандискимъ, по имени своей столи-
 цы, почти во всегдашней за нее вой-
 нѣ. Времена собиранія Голландцами
 корицы суть удобныя для него вре-
 мена на нихъ нападать въ располхъ,
 или ихъ шревожить. Принуждены
 они содержатъ всегда у себя на жало-
 ванъ болѣе полушоры тысячъ воин-
 ства, для защищенія шолкаго же чи-
 сла работныхъ своихъ людей, сдира-
 ющихъ

ющихъ съ деревьевъ кору, которыхъ также должно имъ кормить чрезъ весь попомъ ошпатокъ года, уличивая о содержаніи охраннаго войска, неисходно пребывающаго въ Коломбъ, Пуан - де - Галъ, Манааръ, Яфананпанъ и другихъ селеніяхъ Голландскаго торговаго общества. Толикіе расходы необходимо поднимаютъ на корицу ибну. На деревьяхъ сихъ родится родъ сливъ. Ихъ хотя не ѣдятъ, но Португальцы нашли имъ употребленіе: кладутъ въ кошелъ, наливаютъ простою водою и самыми кончиками ибшвей, варятъ, пока не выкипитъ вся вода. Даютъ остыть и вынимаютъ ибчно подобное бѣлому воску, а со дна кошла родъ канфары. Изъ перваго случая свѣчи для своихъ церквей, которыя старая испускаютъ коришневой запахъ. Ихъ же отсылаютъ и ко Двору своего Государя. Неизвѣстно, научилися ли подражать имъ въ томъ Голландцы.

Португальцы доставляли корицу ибъ окрестностей Кохинскихъ, не шакъ хоро-

хорошую, какъ Цейланская, слѣдовательно и продавали ее дешевле. Голландцы, выгнавъ ихъ, перевели шамошнія коришневья деревья. Минданаоская и нѣкопорохъ другихъ острововъ корица такъ плоха, что не заслуживаетъ никакого уваженія.

Шіампинъ, бѣлой цвѣтъ, первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ изъ Китая, пахнетъ отменно приятно, варятъ его въ сахарѣ. Дерево, на которомъ растетъ, рода Планшановъ.

Странствователи согласно утверждаютъ, что деревья, дающія мускатъ, не можно пересаживать съ мѣста. Причиною великаго размноженія ихъ находятъ птиць, слетающихся изъ Южныхъ острововъ всѣхъ мускатные орѣхи, какъ они посѣваютъ, и отлепающихъ опять на тѣ острова. Орѣхи не варятъ ихъ желудокъ, слѣдовательно выбрасываютъ изъ себя цѣлкомъ. Выброшенные какъ орѣхи клейкою своею склизью прилипаютъ къ землѣ, приживаются, пускаютъ

мочки, а далѣе и коренья, отъ коихъ вырастаютъ деревья мускатныя. Большая часть сказанныхъ птицъ суть рода шакъ называемыхъ райскихъ, или Манукодіапасовъ. Прилетаютъ стадами, какъ у насъ дрозды, во время обирания винограда, дѣлаются пьяны отъ орѣховъ и засыпаютъ. Нѣкоторыя мрутъ, а у другихъ муравьи, коими наполнены сіи острова, объѣдаютъ ноги. Вотъ можетъ быть отъ чего взято, что райскія птицы не имѣютъ ногъ, хотя опровергають по самовидцу, наши спрансповашели. Читаемъ въ ихъ сочиненіяхъ, что нѣкто Французской купецъ, именованъ Конгуръ, прислалъ одну такую птицу изъ города Алепа къ Людовику XIII. Была она со всѣми обычными птичьими членами. Мускатъ родился свойственно на шести малыхъ Бандскихъ островахъ и на островѣ Даммъ; шакъ какъ гвоздика, о которой было уже у насъ слово, на островѣ Амбоинѣ обильнѣе всякаго инаго мѣста. Послѣ того, какъ Голландцы умышленно перевели гвоздичныя

ныя деревья на большей части острововъ Молукскихъ.

Лаковая смола, по Мавритански Лакъ, по Пегуански же Тиккъ, составляетъ значную часть Пегуанской торговли. Ею превосходно красятъ и расписываютъ Индѣйцы свои колошна. Дознаются, что меньше участвуетъ въ произведеніи ея естество, нежели нѣкоторой особой родъ лепучихъ муравьевъ. Сосутъ они изъ деревьевъ смолу и сносятъ ее на листья нѣхъ же деревьевъ, такъ какъ пчелы сносятъ медъ въ ульи. Когда всѣ сучья покроятся, то ихъ ломаютъ и сушатъ. Какъ засохнетъ, то лаковая смола сама собою отдѣляется и повиснетъ на сучьяхъ въ видѣ камыша, или мѣлкаго простирика; цвѣтомъ шемная съ желтью. Сей странствователь не совѣмъ того же мнѣнія: онъ пишетъ, что въ Пегуанскомъ царствѣ лаковую смолу сносятъ крылатые муравьи и кладутъ по землѣ кучками, иногда величиною съ бочку; а въ Бенгалѣ обдепдываютъ ея концы вѣтвей на кустар-

нустарникъ, и попому-ть, онъ про-
должаетъ: послѣдняя доброшнѣ первой;
первая, спаскиванная по землѣ, не мо-
жетъ быть безъ сору и всякой нечисто-
ты. Но признается Таверниѣ, что въ
Пегу ее больше, и что Голландцы опшу-
да множесиво вывозятъ въ Персію на
краски; что остающееся за краскою
идетъ на крашенье также дешевыхъ
шканей и на сургучь. Почти всѣ под-
дья Индіянки не имѣютъ инаго упр-
женія, кромѣ чищенія сей смолы,
оставшейся въ красильняхъ. Даютъ
ей другой цвѣтъ, сучатъ въ палки,
какъ Шпанской сургучь. Торговля
общества ежегодно покупаютъ ящи-
ками, ста по полтора.

Баронъ, отъ коего мы заимсво-
вали писанное о Тонкинѣ, увѣряетъ,
что дѣлаютъ тамъ лакъ не хуже
всѣхъ другихъ мѣстъ, кромѣ Япон-
скаго, лучшаго въ свѣтѣ, по прево-
сходной добротѣ растущихъ въ Япо-
ніи деревьевъ, копорыя даютъ сію
смолу. Послѣдней есмь клейкая и гу-
стая жидкость, почаящаяся изъ дере-
ва

на и сучей. Жишели сельскіе ежедневно привозятъ ее на рынки полными бочками, особливо въ одно годовое время. Природно она бѣла, подобна смѣшанѣ, простоявъ на воздухѣ чернѣетъ; всякую сподярную работу для покрытія ею дѣлаютъ изъ сосноваго лѣса, называемаго тамъ Понкъ. Японскіе сподяры много уступаютъ нашимъ въ совершенствѣ ремесла: лакируя вещи, часто опламываютъ куски закраинѣ, смычекѣ и угловѣ. Видимъ мы по по симъ самымъ вещамъ, которыя вывозятся въ Европу. Во времена Дампировы Агличане, отправясь въ Тонкинѣ, взяли съ собою искуснаго Европейскаго сподяра, взяли и сосновыя Европейскія же доски, несравненно лучше Японскихъ Понковыхъ, и пондѣлавъ тамъ, что имъ было надобно, вылакировали и вывели въ Англію. Дома, гдѣ происходитъ лакированная работа, крайнѣ нездоровы: думаютъ, что въ смолѣ есть острья ядовитыя частицы. Бросаясь онѣ въ носъ, доспаютъ до мозга работныхъ людей. Тѣло у нихъ отъ того покрыто вередями

дами и мокнущими пятнами, хотя смола сама по себѣ не имѣетъ никакой пряности и пахнетъ сносно. Не могутъ работать не въ засухи, или безъ Сѣвернаго вѣтра, которой шамъ сильно сушитъ. Смолу лакируютъ многими слоями; надобно, чтобъ всегда пошъ слой высохъ, на которой класъ другой слой. Отъ воздуха почернѣвшей смолѣ даютъ прежній цвѣтъ, мѣшая въ нее деревянное масло и еще нѣчто иное. Какъ скоро высохнетъ слой лаку, тотчасъ наводятъ лоскъ, напирая ладоньми, и спановишя какъ стекло. Изъ лаку дѣлаютъ клей, самой наилучшій во всемъ свѣтѣ.

Табакъ растетъ въ разныхъ мѣстахъ Восточной Индіи, и въ шакомъ обилии, что цѣлая половина осмаетя на поляхъ. Разные роды шамъ табаку.

Лучшій опиумъ вывозятъ съ Целебескихъ острововъ, дѣлаютъ и по инымъ мѣстамъ, больше же въ окрестно-

ешностяхъ города Брампура въ Индустанѣ. Голландцы мвняють его шамъ на перецъ.

Селистры очень много идетъ изъ Бенгала. Вычищенная покупается вшрое дороже. У Голландцовъ есть для того кладовая въ Шупарѣ, въ чепыр-нашцали миляхъ отъ Пашны. Изъ сего мѣста возятъ вычищенную рѣ-кою до Углиской своей таможни. Выписывали изъ Голландіи кошлы и мастеровыхъ людей, однако же не получили желаннаго успѣха: Индѣйцы не спали давать имъ сыворотки, безъ которой не дѣя бвлишь селистру.

Коралей не находили еще по сіе время въ Индѣйскихъ моряхъ, равно какъ и по всѣмъ инымъ мѣстамъ Океана. Еспество производитъ ихъ полько въ одномъ Средиземномъ морѣ. Не находятъ также и желшаго янтарю, какъ бы подобно же предоставленнаго природою одному полько Прусскому берегу моря Балтійскаго. Сѣрой янтарь достаютъ въ Азіи. Во-сто-

спочно - Индѣйскіе намѣстники Португальскіе, возвращаясь въ опчизну, навезли изъ Гои и Мозамбиква множество кусковъ сего яншаря, величины невѣроятной. Извѣстно, что въ Кишаѣ во время большихъ пировъ между прочими курительными порошками сожигаютъ на превеликую суму сѣраго яншаря.

Видѣлъ читатель, что лучшей мускусъ и въ наибольшемъ количествѣ идетъ изъ царства Бутанскаго.

Голькондской Безуй, или Безоаръ, предпочиняется предъ всѣми прочими. Нѣкоторыя вынимаютъ шамъ изъ козъ, питающихся кустарникомъ, коего концы сучей производятъ въ нихъ сіи камни. Жители ощупью у живой козы узнаютъ, естли въ ней и много ли Безуевъ, и пошому просятъ за нее цѣну: глядящъ прежде обѣими ладонями по брюху и послѣ тискаютъ ими вдоль съ обѣихъ сторонъ. Камни отъ того сдвигаются всѣ на середку брюха, такъ что можно становится

новится ихъ перечесшь. Большіе камни рѣдки, хопя и малые равную имѣющъ цѣлебную силу. Индѣйцы, обманывая купцевъ, дѣлающъ изъ малыхъ большіе, съ помощію смолы и другихъ веществъ. Надобно бытъ знашоку, чшобъ не принящъ такимъ образомъ поддѣланные за правскіе Безуи; надобно вѣснть и опускащъ въ шеплую воду. Омъ правскаго рода не перемѣнищъ цѣвша, а камень не будетъ омъшого легче. Другой способъ разпознавашъ поддѣльные Безуи есть шакой: раскали оспроконечное желѣзо, естли войдетъ въ камень и начнетъ онъ зажаривашся, шо не покупай. Безуи, также какъ Голькондскіе алмазы, дешевле и дороже, смощра по величинѣ ихъ.

Пять, или шесть Безуевъ въ шесть золошниковъ, всѣ стоятъ омъ шрехъ до шрехъ съ половиною рублей. Одинъ камень во сполько же золошниковъ стоитъ дващцащъ рублей; омъ дващцаши чешырехъ до трищцаши золошниковъ, какіе иногда попадающся изъ

Часть VI.

А а

рѣд-

рѣдка, не можно дешевле купить
ста рублей.

Таверніе, бывъ въ Голькондѣ до-
го, не могъ почно навѣдаться какъ
о всемъ надлежащемъ до сихъ камней,
такъ и въ копоромъ мѣспѣ они ле-
жатъ у козъ. Накупивъ на послѣдкахъ
ихъ на шестьдесятъ тысячъ рупіевъ
у старшинъ таможенъ Голландской и
Аглинской, просилъ ихъ продать себѣ
живую козу съ Безуемъ. Дали ему
знать, что подъ смертною казнію
запрещено выпускать изъ царства
живыхъ козъ. „Однако же, продол-
„ жаетъ Таверніе, чрезъ двѣ послѣ
„ недѣли пришедъ ко мнѣ спросили,
„ что слуги мои всѣ ли чужестранцы?
„ Узнавъ же, что не было у меня ни
„ какихъ другихъ, кромѣ Персіанъ,
„ не сказавъ ни слова вышли вонъ.
„ Прошло съ полчаса, увидѣлъ я ихъ
„ идущихъ ко мнѣ съ шестью козами,
„ кои были несравненно лучше обы-
„ чайныхъ и выше, шерсть такъ
„ мягкая, какъ шелкъ. Не могъ я ош-
„ говориться и не принялъ ихъ въ
„ даръ.

„ дарѣ. На вопросѣ мой, чего бы онѣ
 „ снюили, отвѣчали, что одна ста
 „ рупіевѣ, двѣ другія по чешыреста
 „ каждая, а достальныя по чешыре
 „ шодько рупіи съ шремя четвертьми,
 „ ради того, что первая имѣетѣ въ
 „ себѣ шодько одинѣ камень, другія
 „ отѣ двухѣ до чешырехѣ, у послѣд-
 „ нихѣ хошя есть, но очень мѣлкіе.
 „ Научили меня, какѣ шо узнавать,
 „ шискаая по брюху ладонью. Изѣ
 „ одной выняѣ я нарочито не малой
 „ камень; у прочихѣ же всѣхѣ сем-
 „ нащатѣ съ половину не больше
 „ лѣсныхѣ орѣховѣ. Но какѣ они еще
 „ не созрѣли, шо внутренность ихѣ
 „ подобна была мягкому козьему
 „ помешу. „

Находятѣ Безуи въ коровахѣ и
 въ иномѣ домашнемѣ скошѣ, въсомѣ
 иногда болѣе ста золотниковѣ, про-
 шиву козьихѣ однако же ставятся за
 ничто. Шестѣ на примѣрѣ грановѣ
 сеѣо больше дѣйствуютѣ, нежели
 того шришцаѣ грановѣ. Вынимаемые
 маѣ обезьянѣ лучше и козьихѣ, но

крайнѣ рѣдки, да и родящся только въ однихъ Целебескихъ обезьянахъ. Безуи круглыя, вмѣсто же того прочихъ родовъ разнообразны. За обезьяней Безуй, величиною съ проспой орѣхъ, даютъ Португальцы рублей по сту. Покупаютъ они охотнѣе всѣхъ иныхъ Европейцовъ, какъ самое сильное предохраненіе отъ яда, коимъ шавяютъ себя угрожаемыми безпрестанно.

Свиной камень, зарождающійся въ головѣ у сего имени скопа, цѣнятъ еще дороже. Продаютъ одинъ такой камень по чепыре и по пяши сопъ рублей. Положенной только на четверть часа въ воду даетъ ей безподобно горькой вкусъ. Находятъ у свиней камни и въ брюхѣ, почти столь же сильные, съ тою разностию, что послѣдніе въ водѣ убываютъ, а первые нѣтъ.

Камни въ змѣяхъ такъ называемыхъ Шаятъ, по которымъ и называются змѣями въ шляпахъ; подобно же идутъ за предохранительное лекарство.

карство. Увѣряють, что самой изъ нихъ малой съ куриное яйцо. Находясь сіи камни только въ большихъ эмбахъ, не меньше двухъ футовъ длинныхъ; мягкъ. Въ шреніи съ просымымъ камнемъ пускаетъ склизъ, которую разводять въ водѣ, дають пить и выгоняють изъ шѣла человеческого всякой гадъ. Эмби въ шляпахъ больше въ Африкѣ, нежели въ Азіи.

Такъ прозванное сѣмя отъ червей искомымъ ищутъ купить Англичане и Голландцы, и дѣлають изъ него, съ примѣру Персовъ, малые кашышки. Родится по лугамъ на особой шравѣ. Дорого паче для того, что собирать его трудно. Дѣйствительно только самое зрѣлое, но въшпромъ его обиваетъ, поднятое же съ земли уже не годится отъ прикосновенія руки. Индѣйцы такъ собирають сіе сѣмя: ходять нагіе по двое, держа въ рукахъ по начовкамъ за придѣланныя нарочно рукояшки, и бьютъ ими по верхушкамъ шравы, одинъ съ одной,

А а з

дру-

другой съ другой стороны, такъ размахивая, какъ когда праву косятъ. Отъ прошивныхъ ударовъ падаютъ сѣмена на начовки. Чшобъ ошнюдь до нихъ не допронуться, кажушь желяющимъ его у нихъ купишь, зачерпывая малыми ложечками. Съ лучшимъ успѣхомъ собирають сѣ сѣмя въ двухъ областяхъ: Бушанской и Керманской.

Драгоценные камни вывозятся почти всѣ или съ острова Цейлана, или изъ Пегуанскаго царства. Въ послѣднемъ есть гора, именовъ Капеланъ, на двенадцать дней пути отъ столичнаго города Сирена къ Сѣверо-Востоку. Находятъ въ ней множество яхонтовъ, эпиневъ, или яхонцовыхъ машокъ, желтыхъ попазовъ, синихъ и бѣлыхъ сапфировъ и гіацинтовъ, амелистовъ и иныхъ родовъ разнообразныхъ дорогихъ камней. Есть такъ называемые Индѣйцами Баканами разныхъ цвѣтовъ, но ради мягкости своей не въ великой цѣнѣ. По грядъ горъ отъ царства Пегуанскаго

до

до Кишая достають яхонты, но больше синіе; не мало эпинелевъ, сапфировъ и попазовъ. Есть въ сихъ горахъ и золотыя руды; распешъ на нихъ ремень, предпочитаемой всѣмъ другимъ въ свѣтѣ, ради того, что долге не поршился. Таверніе особенно спарался узнать торговлю дорогими камнями. Онъ увбряешъ, что изъ Пегуанскаго царства вывозятъ яхонтовъ не болге, какъ на сто тыеячъ рублей; что едва ли опбискивается всякой разъ между ими одинъ первой воды камень, въ три, или чешыре крапы, по той причинѣ, что шамошній Царь самъ осматриваетъ выпускаемые за границы и лучшіе оставляетъ у себя. Яхонты продають Индѣйцы на всѣ Раписами, каждой Раписъ содержитъ три грана и одну вторую, или семнадцатую часть крапы. Яхонту, дороже шести Раписовъ, нѣтъ положенной цѣны. Тотъ же странствовашель даетъ вѣдать, что всякой цѣшной камень зовутъ Пегуанцы яхонтомъ, различая цѣшнами: сапфиръ яхонтъ синій, аметистъ

яхонть фіолетовой, топазъ яхонть желшой, и такъ далѣе.

Съ острова Цейлана доставляютъ яхонты и иные цвѣтныя камни, особливо въ рѣкѣ, вытекающей изъ посреди превысокихъ горъ. Отъ дождей она наполняется, три, или четыре мѣсяца послѣ бывающаго мѣла. Тогда - по жителямъ находятъ по краямъ ея въ пескѣ яхонты, сапфиры и топазы. Всякіе отсюда камни чище и лучше водою Пегуанскихъ. Камней Туркуазовъ нѣтъ нигдѣ кромѣ Персіи. Вырываютъ ихъ въ двухъ мѣстахъ: одно зовется старой каменной холмъ, на три дни пути къ Сѣверо-Западу отъ Мехеда, не подалеку отъ Нихабурга; другое на пять дней пути и называется новой каменной холмъ. Камни послѣдняго мѣста не яркостіе, нѣсколько блѣвалы и дешевле камней стараго холма. Въ концѣ послѣдняго предъ симъ столѣтіемъ послѣдовало отъ Персидскаго Шаха запрещеніе искать камней на старомъ холмѣ, кромѣ какъ только

для

для него собственно. Осыпаютъ сими камнями сабли съ ножами, кинжалы и инныя вещи.

Ловля жемчужныхъ раковинъ происходитъ съ лучшимъ успѣхомъ: первая около острова Багарема въ Персидскомъ заливѣ, принадлежитъ самому Шаху, которой для охраненія оной содержитъ тамъ приспа челоувѣкъ воинства. Вторая около Кашифы, противъ Багарема, на Аравскомъ берегу. Большая часть ловимаго въ сихъ двухъ мѣстахъ жемчугу продается въ Индіи. Жемчужины, совершенно круглыя и не круглыя, имѣютъ всякая положенную свою цѣну. Возящъ ихъ по нѣскольку на продажу въ Балзору, Жемчугъ, отпускаемой въ Россію и Персію, продается въ городѣ Бендер-Абаси. Всѣ Азіатцы любятъ такой, которой больше желтъ, нежели бѣлъ, поставляя, что желтой долѣе неперяетъ своей доброшы; а бѣлой напротивъ того лѣтъ черезъ прищипать, отъ тамошнихъ жаровъ и отъ поту носящихъ его на себѣ, получаетъ дурную

А а 5

ную тусклую желть. Аравийской владѣлецъ, опнявшій у Португальцовъ городъ Маскатъ, имѣетъ въ своихъ сокровищницахъ самой наилучшей во всемъ свѣтѣ жемчугъ, не столько по величинѣ, ибо каждая жемчужина не многимъ тяжеле двенадцати крапъ, но ради совершенной ихъ округлости и почти прозрачно чистой воды. Великой Моголъ тщетно предлагалъ ему за нихъ до двадцати чепырехъ тысячъ рублей на наши деньги. Третья Манарская жемчужная ловля на островѣ Цейланѣ. Жемчугъ лучше всякаго иного, до нынѣ извѣснаго. Совершенно чистъ и круглъ, но рѣдкая жемчужина тяжелѣе шрехъ, или чепырехъ крапъ. Четвертая у мыса Коморина. Нынѣ не такъ славна, какъ Персидская и Цейланская. Пятая Японская ловля: жемчугъ довольно крупной и чистой, но не круглой.

Удивляющемуся, для чего везуть въ Азію продавать жемчугъ, гдѣ такъ много его достаютъ изъ воды, скажемъ, что Восточной жемчугъ

чугъ много не такъ крупень, какъ жемчугъ Западной. Къ шому же Государи и вельможи Азіатскіе щедрѣ насъ Европейцовъ плащяшъ, не только за жемчугъ, но и за всякія драгоценности, кромѣ только однихъ алмазовъ,

Багаремской и Кашифской жемчугъ хощя нѣсколько желтъ, но не спавишся хуже Манарскаго, ради того, что не линючь. Желчь въ жемчугъ, по мнѣнію знащюковъ, дѣлаеця отъ того, когда дощы продающъ его кучками въ раковинахъ; купившіе ихъ должны иногда бывающъ ждащъ недѣли двѣ, пока раковины сами собой не раскроющся. Между тѣмъ порщящя даже до того, что дурно запахнушъ. Отъ преждевременнаго вскрыванья, какъ мы вскрываемъ усщеры, колющя зерна. Манарскія раковины отворяющя сами, пящью и шестью днями прежде раковинъ Персидскаго залива. Сіе отнощшъ можно, что въ первомъ мѣсщѣ бываешъ жарчае, нежели въ послѣднемъ: лежишъ оное подъ десящю степенью Сѣверной ширины, а сіе почши подъ
дващ-

двадцать седьмою той же ширины степеню; да и мало желтыхъ зеренъ въ Манарскомъ жемчугѣ. Восточные народы, по свидѣтельству всѣхъ нашихъ странствователей, также какъ мы Европейцы, охотники до самыхъ бѣлыхъ жемчужинъ, бѣлыхъ алмазовъ, бѣлыхъ хавбовъ и бѣлыхъ женщинъ.

Къ описанію, предъ симъ положенному о ловляхъ жемчугу въ Персидскомъ заливѣ и у мыса Коморина, надлежитъ прибавить, что на Восточныхъ моряхъ ловахъ его дважды въ годъ: въ Мартѣ и Апрельѣ, Августѣ и Сентябрѣ. Жемчугъ тамъ продается отъ Іюня до Ноября мѣсяца. Но проходятъ иногда цѣлые годы, въ которые не бываетъ ловлей. Инако не приступаютъ къ тому, не увѣривъ напередъ въ успѣхъ. Отпрягаютъ нѣсколько ладей на тѣ мѣли, гдѣ достають раковины. Каждая ладья привозитъ по тысячѣ раковинъ. Раскрывъ ихъ, ежели найдутъ на пяшь только фановъ жемчугу.

чугу, по не начинають того года ловли, какъ шакой, кошорая не заплашишь за шруды.

Торговые люди покупають у ловцевъ раковины на удачу. Большія жемчужины рѣдко попадаются у оспрова Цейлана, по большей же части около шрехъ золошниковъ зерно. Случаются въ одинъ грань и въ полграна. Жемчужину шрехкрашную спавяшь необыкновенною находкою. Въ хорошіе годы тысяча раковинъ спояшь до семи фановъ. Манарская ловля приносишь болѣе ста тысячъ піаспровъ. Когда еще власпировали шамъ Поршугальцы, по брали они пошлину со всякой ладьи. Голландцы, опнявшіе у нихъ сіи мѣста, взыскивають съ каждаго нырятьщика по осьми и по девяти піаспровъ, и спавляетъ по доходу до семнашцаши тысячъ двухъ сошь піаспровъ. Сборъ сей по шому не лзя назвать прилѣсеніемъ, что Голландцы писменно обязались защищать ловцевъ ошь непріятелей ихъ Малабарцовъ,

кошо-

которыя дѣлають на нихъ набѣги вооруженною рукою, ловящъ и увозящъ въ невольники. Голландцы на сіе время содержатъ нарочныя легкія суда для охраненія ловлей. Чѣмъ дождливѣе годъ, тѣмъ удачнѣе ловишя жемчугъ.

Не продается, какъ въ Европѣ, кратами, подобно алмазамъ: въ Азіи есть особыя для того вѣсы. Въ Индіи, а паче въ Индустанѣ, въ царствахъ Голькондскомъ и Висапурскомъ продають его на Каписы. Каписъ осьмою частію меньше крата. Въ Персіи на Абасы. Абасъ разнится съ Каписомъ, или Раписомъ, только именемъ. Прежде сего лучшая торговля алмазами, яхонтами, сапфирами, топазами и жемчугомъ была въ Говъ. Добывальщики сихъ драгоценныхъ вещей и купцы свозили туда опшвсюду, поштому что вольная тамъ была для всякаго продажа. Торгующіе же сими вещьми въ опчизнахъ напрошивъ того не могли никому казашъ своего шовару: любоспяжаніе
влад.

владѣльцовъ всякой разѣ оное у нихъ вымучивало. Индѣйскіе Португальцы имѣютъ особой вѣсѣ для жемчугу, называемой Шегосѣ. Не употребляетъ его никакой иной народъ въ Азіи, Америкѣ и Европѣ. Правда, что продаютъ жемчугъ на сей свой вѣсѣ, но покупаютъ крапами, Раписами и Абасами, гдѣ какой вѣсѣ въ обычаѣ.

Въ пространныхъ владѣніяхъ вешелкъ
 ликаго Могола дѣлаютъ лучшія шел- ^н ^{шка-}
 ковыя и бумажныя шкани и выпу- ^{ни.}
 скаются подѣ именемъ Индѣйскихъ
 шканей. Хотя шелкъ и хлопчатая бу-
 мага родится почти во всѣхъ частяхъ
 Азіи, но нигдѣ такъ число не ра-
 ботаютъ. Изъ одной деревни Касим-
 базара въ Бенгальской области еже-
 годно выпускаютъ до двацати двухъ
 тысячъ кипъ шелку, каждая во сто
 фунтовъ. Европейцы раскупаютъ шелкъ
 отъ шести до семи тысячъ фунтовъ.
 Брали бы и больше, естли бы не мѣ-
 шали имъ торговые Могольцы и Та-
 шара, столько же покупающіе; а
 доспальное расходится въ землѣ на
 фабри-

фабрики. Шелку сырцу нѣтъ нигдѣ природно бѣлаго, кромѣ Палестины, или обѣшванной земли. Алепскіе и Трипольскіе купцы съ трудомъ достаютъ его, да и въ самомъ мадомъ количествѣ. Шелкъ Касимбазарской желтоватъ, какъ и всякой сырецъ Персидской и Сицилійской. Жители сказанной деревни умѣютъ его бѣлить щелокомъ изъ золы дерева, называемаго Адамовою смоковницею: становится такъ бѣлъ, какъ Палестинской.

Нигдѣ съ такою неутомленно-стію и искусствомъ не работаютъ изъ шелка, какъ въ царствѣ Гузарашскомъ, а паче въ двухъ округахъ, Сурапской и Амадабашской. Не только дѣлаются тамъ всякія шкани, но разныхъ родовъ богатыя ковры изъ однихъ шелковъ и шелковые съ золотомъ и серебромъ. Тамошнія Шипы, или крашенныя бумажныя полошна, кошорыя слывутъ Калмандаръ, сирѣчь рисованныя кистью, шкутъ въ царствѣ Голькондскомъ, больше же по

окре-

окрестностямъ Масюлипшана. Между
писанными , или набивными шипы-
ми, есть великая разность по добротѣ
положенъ и по превосходству набойки.
Большая часть бѣлыхъ положенъ вы-
возится прямо со становъ въ Ренонзари
и Барошъ , гдѣ лучше ихъ бѣлятъ
ради гладкихъ шамошнихъ луговъ и
множества годнаго на то ила. Сей
родъ положенъ не можно безъ ила бѣ-
дить въ совершенствѣ. Еслии въ-
ришь Таверниеру, то иѣкакой Персид-
ской посоль, возвращаясь изъ Индіи, под-
несъ своему Государю кохосовой орѣхъ
съ сприсуво яйцо, изъ котораго вы-
няли обвершку на челму самага шон-
жаго, какое только можетъ быть ,
положна шестьдесятъ локтей. Повѣ-
ствующій сіе спранспователь привезъ
съ собою въ Парижъ шесть волошниковъ
нишокъ, коихъ фунтъ стоилъ шесть
сотъ Мамудіевъ (*), и что всѣ при-
дворные Короля Французскаго удиви-
лись

Часть VI. Б 6 дись

(*) Одинъ Мамудіи содержитъ двенадцать
Французскихъ копѣекъ.

лись ихъ тонкости. Одна отдѣлен-
ная отъ прочихъ нитка почти была
невидна глазамъ. Пряденую и непря-
деную хлопчатую бумагу выпускаютъ
изъ всѣхъ мѣстъ Индіи. Непряденной
не берутъ Европейцы. Товаръ дешевой,
но неспоручной грузить на суда. Во-
зятъ ее только Краснымъ моремъ въ
Ормуцъ и Балзору, а иногда въ Зонд-
скіе и Филиппинскіе острова. Пряде-
нной хлопчатой бумаги Англинское и
Голландское торговое общество много
отпускаетъ въ Европу въ ниткахъ,
не самыхъ тонкихъ. Изъ того дѣла-
ютъ у насъ свѣильны, вязутъ чул-
ки, шкутъ полуселковые и шелковыя
шкани. Самыя тонкія бумажныя нит-
ки не годятся ни на что въ нашемъ
климатѣ.

Вьюч-
ной
скотъ
и по-
возки. Въ Индіяхъ не вѣзятъ на лоша-
дяхъ, ослахъ и ишакахъ. Всякіе гру-
зы возятъ на быкахъ и верблюдахъ,
или на шелѣгахъ, запряженныхъ бы-
ками. На одного быка вьючатъ обы-
чайно отъ трехъ сотъ до трехъ сотъ
пяти-

пядидесяти фунтовъ. Всѣ наши стран-
 ствователи съ удивленіемъ упомина-
 ютъ о встрѣчахъ по дорогамъ иног-
 да десяти и двенадцати тысячъ
 быковъ, навьюченныхъ сарацнскимъ
 пшеномъ, разнымъ хлѣбомъ и солью.
 Сарацнское пшено возятъ въ такія
 мѣста, гдѣ родится только хлѣбъ;
 хлѣбъ туда, гдѣ даетъ земля толь-
 ко сарацнское пшено; соль туда, гдѣ
 не произвела ее природа. На верблю-
 дахъ возятъ пожипки вельможескіе.
 Въ земляхъ великаго Могола, прилѣжно
 всегда обрабатываемыхъ, поля окопа-
 ны рвами. Каждое поле имѣетъ свой
 прудъ для поливанія посѣвовъ. Сіе при-
 чиняетъ великое безпокойствіе путе-
 шественникамъ. Премножество наѣз-
 жающихъ на такія мѣста, коихъ за край-
 нюю узкостію должно бываетъ пере-
 жидать два и три дни, пока прой-
 детъ встрѣтившійся караванъ. У
 извозчиковъ свои наемные быки, кои
 кормятся извозомъ и не имѣютъ ни-
 гдѣ коренныхъ жилищъ. По доро-
 гамъ берутъ съ собою женъ и дѣ-
 шей.

шей. У одного извозчика сто быковъ у другихъ больше, или меньше. Надъ всѣми ими особой власшитель; кошорой носитъ на шеѣ жемчужную цѣпь и сшавитъ себя не меньше Индѣйскихъ Князей. Два каравана, одинъ съ хлѣбомъ, а другой съ сарацинскимъ пшеномъ, когда повстрѣчаются, по рѣдко проходятъ безъ кровопролитной драки. Великой Моголь, принявъ въ разсужденіе причиняемой чрезъ по вредъ торговлѣ и вывозу сѣвспныхъ вещей въ его земли, призывалъ къ себѣ караванныхъ начальниковъ и увѣщавалъ ихъ довольно, чтобъ мирно между собою жили; одарилъ каждого по одному лаку рупіевъ и по жемчужной цѣпи, сравнивъ ихъ такимъ образомъ въ сшепеняхъ знатности при Дворѣ своемъ.

Къ лучшему понятію объ Индѣйскихъ повозкахъ надлежитъ припомнить, что между идолопоклонниками есть четыре особыя поколѣнія, модъ названіемъ Мурисъ. Въ каждомъ

около

около ста тысячъ душъ. Народы ко-
чующіе. Не знаютъ инаго ремесла,
кромѣ извозничества. Одни нани-
маются подѣ хлѣбъ, другіе подѣ
сарацинское пшено, прешьи подѣ
овощи, четвертые подѣ соль изъ Су-
раша до мыса Коморина. Четыре
сѣи поколѣнія такъ различаются: попы
пящнаютъ первыхъ по срединѣ лба
красною смолою въ рубль, проводятъ
вдоль по носу поюже смолою полосу
и вшыкаютъ въ нее концами по нѣ-
скольку веренъ хлѣба; попы вторыхъ
пящнаютъ на шѣхъ же мѣстахъ лица
желпою смолою съ зернами сарацин-
скаго пшена; попы прешьихъ сѣрою
смолою съ просяными зернами; у из-
вощиковъ четвертаго поколѣнія ви-
ситъ на шеѣ мѣшокъ съ солью отъ
осьми до десяти фуншовъ. Чѣмъ пя-
желѣе мѣшокъ, тѣмъ славнѣе. Мо-
дяся Богу, бьютъ сими мѣшками себя
по брюху. Всѣ четыре поколѣнія на-
дѣвають веревочную перевязъ съ од-
ного плеча, на которой виситъ се-
ребренная корбочка, величиною въ про-

стой орѣхъ, а въ ней малой лоскутъ бумаги, на которой попы пишутъ слова, имѣющія, по ихъ мнѣнію, шайнственную силу. Такія же коробочки навѣшиваютъ на быковъ, особливо на тѣхъ, которыхъ больше любятъ. У женъ и дочерей ихъ нѣтъ никакой одежды, кромѣ лоскута холстины бѣлой, или крашеной, обвернутой около пояса, такъ что кажутся въ шрехъ, или чепырехъ юбкахъ, одна на другой. Отъ пояса къ верху на кожѣ наколоты цвѣты, раскрашенные разноцвѣтно сокомъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ корней; издали кажутся въ вышитомъ платьѣ.

Между тѣмъ, какъ извошки вьютъ скошъ, жены ихъ снимаютъ съ мѣстъ шапры, свертываютъ и подаютъ мужьямъ. Каждой попъ ѣдитъ ва своимъ караваномъ, и какъ скоро оспановится, то втыкаетъ шесть аршинъ въ пять, обвиняетъ около онаго идола во образѣ змѣи. Быку, на которомъ возитъ идола, почитая его священнымъ, поклоняются.

Телѣж-

Телѣжные караваны состоятъ не больше, какъ въ двухъ стахъ повозкахъ. Всякая телѣга запряжена десятишми, или двенадцати быками, возлѣ кошой идушъ по чешыре человѣка вооруженныхъ, нанимаемыхъ купцами шоваровъ, по два на споронъ; телѣги держатъ за концы продѣшой сквозь телѣгу веревки, не допуская ее упасть на косогорахъ.

Но и всѣ путешественники ѣздятъ тамъ на быкахъ вмѣсто лошадей. Спуть ихъ покойна. Покупая верхового быка, надобно смолрѣшь чтобъ рога его не были длиннѣ фуша, иначе всякой разъ бывая дорогою кушаемъ сабнями, опмахиваясь отъ нихъ, достаетъ сѣдока. Править быками шакже легко, какъ и лошадьми, хотя вмѣсто узды продѣша только между ноздрей веревка. По дорогамъ гладкимъ и некаменистымъ, ихъ не подкавываютъ. Природно имѣютъ на спинахъ горбы, за кошыре задѣваютъ кожаные ошейники, или хомушины, въ чешыре пальца шириною.

Индѣйцы пушешествуютъ въ ма-
 лыхъ и легкихъ коляскахъ, помѣщаю-
 щихъ по два человека. Больше вьдять
 по одинакѣ, чтобъ покойнѣ сидѣть
 и уложиться. Есть особое мѣсто для
 столоваго запаса. Запрягаютъ по два
 быка. Въ коляскахъ сихъ подушки и за-
 навѣски, только не на ремняхъ. Запряж-
 ной быкъ стоить до сна рупіевъ. Выно-
 сить шестидесятидневной путь, бѣ-
 жить рысью по спу верстъ въ сущи.
 Около половины дня даютъ ему по
 два, или по три кома пшеничнаго пѣ-
 сна съ масломъ и чернымъ сахаромъ,
 а ввечеру толченой горохъ, моченой
 въ водѣ. Найму за коляску даютъ
 по одному рупію на день.

Желающіе вьдять покойнѣ нани-
 мають носилки, кояторыя походять на
 кровать, около пяти аршинъ длиною,
 въ три аршина поперегъ съ мѣки-
 ми вокругъ балясами. Бамбуевой шестъ,
 завременно согнутой въ дугу, под-
 держиваетъ кровлю носилокъ, обитую
 или ашгасемъ, или парчею. Пѣшій
 служи-

служитель опускаетъ занавѣску отъ солнца. Другой несетъ на концѣ длинной палки прутьяной щитъ, покрытой не дешевою тканью, закрывая также и имъ сѣдока отъ солнечнаго зноя. Концы бамбуеваго шеста укрѣплены по краямъ носилокъ между двухъ другихъ гибкихъ шестовъ, служащихъ вмѣсто дрогъ. Три человека напередѣ и шелькоже назади несутъ ихъ на своихъ плечахъ; ходятъ скорѣе нашихъ поршшезныхъ носильщиковъ. Если кто хочетъ послѣшить, тоитъ нанимаетъ до двенадцати человекъ. Сбѣгаясь они между собою, ходятъ на день верстъ по спу и больше. Платежъ каждому по чешыре рупія на мѣсяцъ.

Знашной Индѣецъ въ чемъ бы ни ѣздитъ по дорогамъ, ходятъ за нимъ отъ дванадцати до шриццати человекъ, имѣющихъ при себѣ ружье, или луки со стрѣлами. Наемъ ихъ тоитъ же, что и наемъ носильщиковъ. Обязаны, не щадя живота, защищать вдушаго

Б б 5

шаго

щаго въ случаѣ нападенія. Особой родъ людей. Есть надъ ними начальникъ, отвѣтствующій за вѣрность ихъ къ тому, кто ихъ найметъ.

Въ Магометанскихъ деревняхъ множество куръ, голубей и крупнаго скота. Въ селеніяхъ Бананскихъ нѣтъ ничего, кромѣ муки, поваренныхъ правъ, сарацинскаго пшена и молочнаго. По великимъ въ Индіи жарамъ дорожные ѣздящъ по ночамъ, а днемъ опдыхаютъ. Изъ селеній, обнесенныхъ заборами, должны выѣзжать при захожденіи солнца, поздне же не опираютъ воротъ. Правители сихъ мѣстъ обязаны отвѣтствовать за всякое, какое бы ни сдѣлалось, воровство во окрестностяхъ. Накупя, что кому надобно, выѣзжаютъ засвѣло, ночуютъ подъ тѣнью густыхъ деревьевъ, и дождавшись способнаго времени, продолжаютъ путь.

Въ Индіи самыя мѣлкія только деревни не имѣютъ мѣновщиковъ, или шакъ

такъ называемыхъ Шарафовъ; дающихъ за вексели деньги. Они же переводящъ ихъ изъ одного мѣста въ другое. Процентны берутъ превеликіе, да и могутъ пропасть пересыльные деньги, ежели на дорогѣ ихъ украдутъ. Сверхъ того заведенъ сими людьми скучной образъ плашежа. Держатся того правила, что старинныя золотыя и серебряныя деньги ниже цѣною новыхъ денегъ. Старыя, переходя изъ рукъ въ руки, дѣлаются легче въсомъ. Еслии кто прежде не условится, чтобъ за вексели его взять новыя деньги, тому даются всегда старыя. Теряетъ онъ по три и по четыре процента. Воровскихъ денегъ мало; еслии же изрѣдка попадутся, то переломя топчасъ бросаютъ, опнюдь о томъ не донося, инако же не прошло бы безъ бѣды доносителю. У избличеннаго въ поддѣльваніи денегъ опсѣкаютъ руку. Самое меньшее наказаніе для пѣхъ, кто давалъ и принималъ такія деньги, есть немалая пѣня. Спрогость, великими доставляющая пожив-

живками Шарафовъ. Никто не беретъ и не даетъ шамъ денегъ, не осмопрѣвъ каждую монету; осмопривашъ же должны Шарафы. Даетсяъ имъ за шо шестнашцашая дѣля одной монеты на сто. Сребролюбіе ихъ даже до шого безпредѣльно, что остающееся на оселкахъ золото снимають, неизвѣстнымъ для насъ Европейцевъ образомъ, малымъ шарикомъ, составленнымъ изъ чернаго сапожнаго вара съ мягкимъ воскомъ. Накопивъ чрезъ нѣсколько лѣтъ множество такихъ шариковъ, сожигаютъ на огнѣ, а золото осмается.

Деньги золотыя и серебряныя выпускаются изъ сокровищницъ владѣльцевъ съ полицкими предосторожностями, что никакъ не могутъ быть повреждены. Спранствователи Рое и Таверниеръ, тщательна навѣдывающіеся о сей части Индѣйскихъ управленій, утверждаютъ, что всякія деньги, вносимыя въ Саркетъ, или казну великаго Могола, прежде бросаютъ на

на раскаленные уголья и даюшъ также раскалишья и имъ. Заливаюшъ огонь водою. Пересмаприваюшъ каждую монету одну за другою: ежели найдется въ кошорой нибудъ хопя малой порокъ, то ее ломаюшъ. Сколько разъ каждая монета побываешъ въ казнѣ, сполько проколошо на ней малыхъ скважинъ, однако же не насквозь. Кладушъ деньги въ казнѣ въ тысячные мѣшки. Государшвенной казначей печашаешъ своею печашью съ надписью, кошорого году чеканены положенныя въ мѣшоу деньги.

Конецъ шестой части.

ОГЛАВЛЕНИЕ VI ЧАСТИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВОСТОЧНОЙ КРАЙ ИНДИИ.

	Стран.
Глава I. Царства : Арраканское , Пегуанское , Ацемское и Кохинхинское. - - -	5
— II. Тонкинъ. - - -	51
— III. Странствіе Каполицкаго монаха Ташарда въ Сіамъ. 116	116
— IV. Примѣчаніе на царство Сіамское , взяшее изъ за- писокъ рыцаря Форбена. 199	199
— V. Странствіе Окюмъ-Шам- нама , Мандарина Сіам- скаго. - - -	257
— VI. Сіамъ. - - -	305
— VII. Натуральная Индѣйская исторія. - - -	482

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ.

*Дандкарты и рисунки, въ VI. части
находящіяся, должны быть въ
слѣдующихъ мѣстахъ:*

	Стран.
Карта Индіи. - - - -	- I
Рисунокъ No 36 - - -	- 70
— No 27 - - -	- 307
